

ООО «Наука и образование»

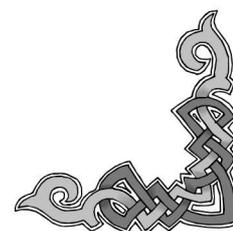
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

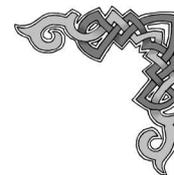

**№ 9
2018**

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2018, № 9

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 2

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

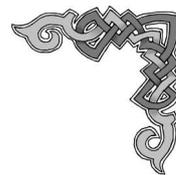
Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

Карпова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН по науке;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

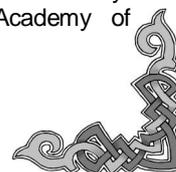
Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Karepova S. Gennadyevna, candidate of sociological sciences, the deputy director of Institute socially-political researches of the Russian Academy of Sciences on science;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

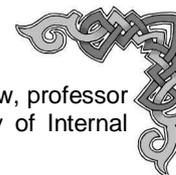
Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Kleshchina E. Nikolaevna, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Konovalev S. Ivanovich, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Ph.D, Professor, Dean of the Faculty of Law in the Kuban State Agricultural University, Head of International Private and Business Law Department at the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Markova-Murasheva S. Aleksandrovna, the doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, chief researcher of the Ministry of Internal Affairs All-Russian research institute of Russia;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGТУ of N.E. Bauman;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, Doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, Doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, the editor-in-chief «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

**Волков Юрий Григорьевич,
Касьянов Валерий Васильевич,
Бугаенко Юлия Юрьевна,
Кумжиева Светлана Александровна,
Харитонов Евгений Михайлович.**

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Анфиногенов В.А. Сущность наказания в виде лишения свободы	15
Барсукова Т.И., Нихаева Я.М. Анализ моделей отношения родителей к явлению подросткового буллинга в школьной среде	18
Зейналов Г.Г., Стародубцева Л.В., Немыкина О.И. Понятие «профессиональное выгорание» в научном измерении	24
Исакова Ю.И. Перспективы развития медиации в России	27
Касьянов В.В., Мерзаканов С.А., Самыгин С.И. Специфика современных миграционных процессов в России: анализ рисков социальной миграции	31
Кареева С.Г., Пинчук А.Н., Некрасов С.В. Национальная безопасность: тенденции, перспективы, научно-практическая основа для укрепления – система показателей и индикаторов	35
Волнистая М.Г., Оркия Э.Д., Мамедов Агамали К. Актуализация экологических проблем в общественном мнении россиян	44
Овчинников Д.Е. Основные показатели качества образовательных услуг как элемент рейтинговых оценок	55
Шахбанова М.М., Верещагина А.В., Самыгин С.И. Жизненный мир молодой семьи и проблемы его формирования в условиях парадоксальной российской реальности	59
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Анфиногенов В.А. К вопросу о содержании наказания в виде лишения свободы	67
Булгакова Л.С. Международное сотрудничество таможенных органов в области обеспечения экологической безопасности государства	70
Вишневецкий К.В. Криминологическая характеристика и определение понятий «жертва преступления взаимоотношений» и «личность преступника»	73
Гаспарян Д.О., Мартынова Т.В. Проблемы квалификации мошеннических действий, связанных с регистрацией права собственности на недвижимое имущество	77
Газалова А.Б. Перспективы развития прокурорского надзора за исполнением законодательства, направленного на выявление и пресечение нелегальной деятельности по предоставлению потребительских займов	81
Григорьева А.Г., Леус М.В. История развития законодательства о возмещении вреда за незаконное уголовное преследование	86
Жуков А.А., Мартынова Т.В. Взаимоотношения российского государства и религиозных объединений в контексте становления правового государства	90
Зацепин М.Н., Филиппова О.В. Основные проблемы функционирования организационно-правового механизма исполнения законодательства	94

Зиятдинова Ю.Е., Полякова Я.Н. Гендерные проблемы исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных женщин	97
Лапин А.А. Стратегия безопасности как приоритетный ориентир деятельности органов внутренних дел	102
Канунник А.И., Анфиногенов В.А. К вопросу о достижимости одной из целей уголовного наказания	106
Карлеба В.А. Особенности, формы и способы легализации доходов от преступной деятельности в СССР (1961–1991 гг.)	110
Карпушкин С.М. Возникновение института возражений (эксцепций) в римском праве	117
Кустова Н.К. К вопросу о криминализации несообщения о преступлении в УКРФ	119
Мартынова Т.В. Мотивы ненависти или вражды в российском уголовном праве: исторические контуры	123
Новикова О.В. Свобода договора и необходимое содействие	127
Петровский А.В. Общественные отношения, регулируемые криминологическим законодательством	129
Половинкин В.А., Дворжицкая М.А. Нравственные аспекты уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению	132
Прохоров Л.А., Бондарь Е.В. Уголовная ответственность за фальсификацию исторических сведений и искажение фактов о роли СССР в Победе над германским фашизмом в Великой Отечественной войне	135
Пятова С.С. Ответственность контролирующих лиц несостоятельного должника	140
Рыков Д.А. Подозрительные сделки в рамках дела о банкротстве: обычный рыночный дисконт	143
Тамазов Э.И. К вопросу о понятии «коррупция» как социально-правового явления	148
Тарасенко Д.В. Опыт зарубежных стран в сфере защиты несовершеннолетних от половых преступлений	155
Шихшабекова З.М. Анализ судебной практики в сфере защиты прав работников-авторов служебных изобретений	159
Якименко Г.Ю. Криминалистический аспект информации	161
Яловая О.С. Специальная виктимологическая профилактика семейно-бытового насилия в отношении женщин	166
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Алексеева П.А., Чайка Н.К. Разработка оценки эффективности труда персонала банка	173
Дик Е.В. Особенности финансово-правового регулирования страхового контроля и надзора, осуществляемого саморегулируемой организацией на финансовом рынке	176
Остапчук Т.В., Шилова Т.Н., Мырксина Ю.А. Ведение бухгалтерского учета в организации посредством инсорсинга	178

Прошина Н.А., Ливанова Р.В., Коржавина Т.Ю. Совершенствование формирования первоначальной стоимости импортных основных средств	181
Пугачева Н.П., Самойлова И.В., Мавлюдов И.Н. Социально-экономическая деятельность Пензенского земства (по материалам «Вестника Пензенского земства»)	184

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Vasily A. Anfinogenov Essence of punishment as a deprivation of freedom	15
Tatyana I. Barsukova, Yana M. Nikhaeva Representations of little citizens of stavropol region on the determinants of their poverty and the ways of its overcoming	18
Guseyn G. Zeynalov, Luybov V. Starodubceva, Olga I. Nemykina The concept of «Professional burnout» in the scientific dimension	24
Yuliyal. Isakova Prospects of development of mediation in Russia	27
Valery V. Kasyanov, Sergey A. Merzakanov, Sergey I. Samygin Specificity of modern migration processes in Russia: analysis of social risks	31
Svetlana G. Karepova, Antonina N. Pinchu, Sergey V. Nekrassov National security: tendencies, prospects, scientific and practical basis for the enhancement – indicator system	35
Marina G. Wolnistaya, Eka D. Korkiya, Agamali K. Mamedov Actualization of environmental problems in the social opinion of russians	44
Dmitry E. Ovchinnikov The main indicators of the quality of educational services as an element of rating assessments	55
Madina M. Shahbanova, Anna V. Vereshchagina, Sergei I. Samygin The life world of young family and the problems of its formation under the conditions of the paradoxical russian reality	59
JURISPRUDENCE	
Vasily A. Anfinogenov To the question of the content of the punishment as a deprivation of freedom	67
Luiza S. Bulgakova International cooperation of customs authorities in the field of environmental safety of the state	70
Kirill V. Vishnevetskiy Criminological characteristics and definitions of «Victim of crime of relationship» and «Personality of the offender»	73
Gemma O. Gasparyan, Tatyana V. Martynova Problems of qualification of fraudulent actions related to registration of ownership of real estate	77
Alina B. Gazalova Perspectives of the prosecutor's supervision of compliance with legislation aimed at suppression of illegal consumer lending activities	81
Anna G. Grigorieva, Marianna V. Leus History of development of legislation on compensation of harmful for illegal criminal prosecution	86
Andrey A. Zhukov, Tatyana V. Martynova Relations between the Russian state and religious associations in the context of the rule of law	90

Mikhail N. Zatsepin, Olga V. Filippova The main problems of functioning of the organizational and legal mechanism of law enforcement	94
Julia E. Ziyatdinova, Yanina N. Polyakova Gender problems of implementation of criminal penalties for convicts women	97
Alexey A. Lapin Strategy of safety as priority reference point of activity of law-enforcement bodies	102
Alexander I. Kanunnik, Vasily A. Anfinogenov To the question on the achievement of one of the objectives criminal punishment	106
Vladimir A. Karleba Features, forms and methods of money laundering in the USSR (1961–1991)	110
Sergei M. Karpushki Genesis of the institution of objections (exceptions) in Roman law	117
Nadezhda K. Kustova On the issue of criminalization of non-reporting of a crime in the Criminal Code of Russia	119
Tatyana V. Martynova Motives of hatred or enmity in Russian criminal law: historical contours	123
Olga V. Novikova Freedom of the agreement and necessary assistance	127
Anton V. Petrovskiy Social Interactions which Govern by Criminological Legislation	129
Valery A. Polovinkin, Marina A. Dvorzhitskaya Moral aspects of criminal responsibility for implication to a crime	132
Leonid A. Prokhorov, Elizabeta V. Bondar Criminal liability for falsification of historical data and misrepresentation about a role of the USSR in the Victory over the German fascism in the Great Patriotic War	135
Sofiiia S. Piatova Responsibility of the controlling faces of the poor debtor	140
Dmitry A. Rykov Suspicious transactions in the framework of the bankruptcy case: the usual market discount	143
Eldarl. Tamazov On the issue of the concept of corruption as a social and legal phenomenon	148
Denis V. Tarasenko Some experience of foreign countries in the field of protection of minors from sexual crimes	155
Zaira M. Shikhshabekova Analysis of judicial practice in the sphere of protection of the rights of employees-authors of employee inventions	159
Grigoriy Yu. Yakimenko Forensic aspect of information	161
Olga S. Yalova Special victimological prevention of domestic violence against women	166
ECONOMIC SCIENCES	
Polina A. Alekseeva, Nadeжда K. Chaika The development of bank personnel work efficiency evaluation	173
Elena V. Dick Features of financial regulation insurance supervision and supervision of self-regulatory organization in the financial market	176
Tatyana V. Ostapchuk, Tatyana N. Shilova, Yulia A. Myrksina Accounting in the organization through insourcing	178

Nina A. Proshina, Rimma V. Livanova, Tatyana Yu. Korzhavina Improving the formation of the initial cost of imported fixed assets	181
Natalya P. Pugachev, Irina V. Samoylova, Ildar N. Mavludov Socio-economic activities of Penza Zemstvo (on materials «the Bulletin of the Penza Zemstvo»)	184

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Анфиногенов Василий Анатольевич

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
01vaang@mail.ru

Vasily A. Anfinogenov

Candidate of Law Sciences,
Senior Research Associate of NITs-2,
FKU Scientific Research Institute
FSIN of Russia
01vaang@mail.ru

**СУЩНОСТЬ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

**ESSENCE OF PUNISHMENT
AS A DEPRIVATION
OF FREEDOM**

Аннотация. В статье рассматривается сущность уголовного наказания в виде лишения свободы. Отмечается, что именно воздействие государства на осужденного является системообразующим фактором, определяющим сущность лишения свободы.

Ключевые слова: наказание, сущность, кара, осужденный.

Наказание в виде лишения свободы на определенный срок, как и иное наказание, должно иметь свои особенности. Именно их правильное уяснение, дает возможность определить место лишения свободы в системе других видов наказания, его предупредительные и воспитательные возможности. В этой связи неизбежно возникает необходимость научного определения сущности наказания как обязательной составляющей любого явления.

С позиций философии в выявлении сущности наказания в виде лишения свободы, прежде всего, нужно исходить из того, что к сущности будет относиться все то, без чего не будет данного вида наказания как такового. Большинство ученых усматривают ее в наличии кары.

Так, по мнению Н.А. Стручкова: «Сущность – это главное качество наказания вообще, проявляющееся в любом наказании, т.е. кара, не конкретизированная в виде содержания того или иного наказания. Следовательно, спор, который ведется о содержании наказания, по сути дела спор о сущности наказания» [1, с. 63].

П.И. Самошин полагает, что сущность наказания – кара, однако его содержание образуют и кара, и меры воспитания [2, с. 53–55].

Так или иначе, из приведенных точек зрения видно, что особенности и свойства лишения свободы определяются его сущностью, которая является основным определяющим признаком в содержании наказания.

Приведенные точки зрения, на наш взгляд, во многом уязвимы, ибо определение сущности

Annotation. In the article the essence of criminal punishment in the form of imprisonment is considered. It is noted that it is the state's influence on the convicted person that is the backbone factor that determines the essence of deprivation of liberty.

Keywords: punishment, essence, punishment, condemned.

наказания авторами непременно связывается с обязательным наличием тех или иных правоограничений. Вместе с тем известно, что в обществе для тех или иных граждан существует весьма много самых различных ограничений. Например, в приеме на работу, участии в выборах и т.д. В этом нет ничего сенсационного. Люди в обществе не могут располагать полной свободой действий, и конечно, никогда таковой располагать не будут по вполне объективным причинам. Поэтому многие категории граждан в обществе в зависимости от условий жизнедеятельности и специфики работы, правового положения в нем неизбежно всегда будут ограничиваться в потреблении многих благ и ценностей. Это объективная реальность бытия.

При вышеприведенном подходе к определению сущности наказания, в основе которого положены ограничения, мы, исходя из этого, также вынуждены будем признавать как бы наказанными лиц, находящихся и работающих в экстремальных условиях, например, в экспедиции, в космическом корабле, на подводных лодках, при прохождении воинской службы и т.п. Ведь, находясь в таких условиях, они также во многом ограничиваются, например, в общении с родственниками, друзьями, в проведении досуга, в питании по желанию, в коммунально-бытовых условиях и т.д. Правда, сопоставляя данные обстоятельства, необходимо помнить и о том, что в условиях лишения свободы ограничения осужденных имеют исключительно правовую основу, а именно, реализация их прав носит строго определенный процессуальный порядок, и, более того, их ограничения имеют строго специфический и принудительный характер.

Так или иначе, но из изложенного можно сделать вывод о том, что в обществе в условиях жизнедеятельности людей имеются многие виды человеческой деятельности, которые хотя и не являются наказанием со стороны государства, но по ряду признаков имеют определенное сходство в содержании, а именно им, как и наказанию, также присущи многие ограничения в различных благах, а отдельным из них даже и принуждение, но, тем не менее, они не являются таковым, ибо в них отсутствует весьма важный признак – обязательное, специфическое и целенаправленное воздействие, обусловленное приговором или иным решением суда, основанное на законе, которое осуществляется в отношении осужденного в процессе реализации наказания. Следовательно, говоря о сущности наказания, или сущности наказания в виде лишения свободы в частности, мы должны исходить, прежде всего, из того обстоятельства, что в любом наказании именно специальное воздействие должно быть обязательным элементом и неизбежной сущностной категорией.

Что касается качественных и количественных показателей наказания, то вполне естественно, они могут и должны быть разными, и, соответственно, изменяться. Причем не только в виде уменьшения или увеличения количества правоограничений, но и обусловленные изменением способов и видов воздействия на осужденных в зависимости от особенностей их личности и других признаков. Изменение правоограничений может носить как условный, так и безусловный характер.

Более того, на осужденного к лишению свободы суд в отдельных случаях может возложить обязанность выплатить потерпевшему определенную сумму в виде иска, которая по своей сути хотя и является мерой государственного принуждения, но не является уголовным наказанием.

В этой связи, видимо, трудно будет согласиться с некоторыми авторами, утверждающими, что кара является сущностью наказания и выступает в основном в виде правоограничений. При таком подходе являются непонятными и труднообъяснимыми такие виды наказания как обязательные работы или принудительные работы. Сложно найти существенные правоограничения и в таком виде уголовного наказания, как содержание в дисциплинарной воинской части.

Изложенное подводит нас к выводу, что сами по себе те или иные ограничения не способны оказывать необходимого положительного или иного воздействия на сознание человека и, следовательно, изменить его поведение в желаемую сторону. Они объективно в наказании должны находиться в тесной взаимосвязи с другими формами и способами воздействия, особенно связанные с познавательно-педагогической направленностью.

В этой связи, ограничения как по объему (количественный признак), так и по способу воздействия (качественный признак) на осужденных не могут в полной мере сами по себе отражать

сущность наказания. Такой подход в принципе обнаруживает подтверждение при анализе воздействия на заключенных в различные исторические эпохи. Так, в более ранние времена широко практиковался труд заключенных на тяжелых физических работах: в каменоломнях, в шахтах, на рудниках и т.д. В данном случае, набор осужденных не только не ограничивали, но и принуждали трудиться без учета их физических человеческих возможностей.

Итак, в одних видах наказания ограничения являются весьма существенным компонентом наказания, в других же они сведены к минимуму или даже отсутствуют вообще. Более того, эти обстоятельства также указывают на то, что в различных наказаниях имеются свойственные каждому виду наказания свои особенности, включая и особенности воздействия с учетом особенностей категории осужденных.

Однако в любом случае общим является то, что независимо от специфики форм и приемов осуществляемого воздействия, такое воздействие ориентировано на достижение определенных целей наказания. Общим является лишь то, что специфика воздействия на осужденных в светском, демократическом государстве осуществляется исключительно на правовой основе.

Для более глубокого анализа и выяснения воздействия, в деятельности специально уполномоченных государством органов, лишение свободы можно рассматривать как своеобразную систему, включающую в себя цепочку: субъект – воздействие – объект – реакция. При таком подходе к рассмотрению анализируемой проблемы ограничения выступают одним из элементов воздействия на осужденных, причем дополнительным и зависимым от тяжести содеянного, личностных особенностей осужденных и других факторов. Кстати, это подтверждается и содержанием многих видов наказания, существовавших в истории в различное время. В частности, мы знаем, что в разных государствах, и в разные времена, применялись самые различные способы воздействия на преступника, а точнее на его психику, в том числе посредством причинения физической боли. Прав был профессор Н.С. Таганцев, когда указывал, что « ... всякое наказание, начиная от смертной казни и кончая денежной пенею, по своему содержанию является известным ограничением, или стеснением преступника в его благах и интересах, поэтому осуществление карательного права неминуемо является причинением страдания, физического или нравственного, лицу, посягнувшему на запреты или не исполншему требования авторитетной власти закона» [3, с. 46].

Из приведенного высказывания видно, что назначение любого наказания, что назначение любого наказания – это стремление государства, причинить преступнику определенные страдания и тем самым вынудить его переосмыслить свое неприемлемое для общества поведение. Осужденный, посредством применения к нему наказания, ограничивается, прежде всего, в социальных благах, причем зачастую весьма существен-

но. Естественно, он должен осознавать их значимость и ценность, как для человека, так и для личности в обществе. Только на этой основе можно вызвать у него обратную реакцию в виде переживания, дискомфорта.

Такой подход, в определенной мере, способен привести к изменению поведения осужденного в сторону, одобряемую обществом. В данном случае вполне оправданным является то, что в отношении отдельных категорий преступников государство хотя и стремится к гуманизации системы обращения с ними, однако вынуждено при этом прибегать к весьма суровым мерам воздействия, что находит свое выражение не только в необходимости применения к ним лишения сво-

Литература:

1. *Стручков Н.А.* Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 288 с.
2. *Самошин П.И.* Система мер уголовной ответственности по законодательству ГДР. – М. : НИИРИО МВД СССР, 1972. – 62 с.
3. *Таганцев Н.С.* Смертная казнь : сборник статей. – СПб., 1913. – 184 с.

боды связанного с ограничением ряда существенных благ, но и так же в организации и осуществлении в условиях изоляции определенного воздействия на их сознание.

Итак, по нашему мнению, под сущностью наказания в виде лишения свободы необходимо понимать определенное специфическое воздействие уполномоченных на то органов на психику осужденного, осуществляемая способами и в формах, установленных законом, с целью вызвать у него те или иные переживания, как необходимые условия для переоценки имеющихся у него негативных взглядов и установок, и, соответственно, изменения его поведения в дальнейшем в сторону, одобряемую обществом.

Literature:

1. *Struchkov N.A.* Criminal liability and its realization in fight against crime. – Saratov : Sarat publishing house. un., 1978. – 288 p.
2. *Samoshin P.I.* The system of measures of criminal liability by the legislation of the GDR. – M. : NIIRIO of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1972. – 62 p.
3. *Tagantsev N.S.* Death penalty : collection of articles. – SPb., 1913. – 184 p.

Барсукова Татьяна Ивановна

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры социологии,
Северо-Кавказский
федеральный университет
soc.ncfu@yandex.ru

Нихаева Яна Михайловна

соискатель кафедры социологии,
Северо-Кавказский
федеральный университет
nikhaeva777@mail.ru

АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ОТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ К ЯВЛЕНИЮ ПОДРОСТКОВОГО БУЛЛИНГА В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье описаны результаты социологического исследования, проведенного в Ставропольском крае и направленного на выявление преобладающих моделей отношения родителей подростков к подростковому буллингу в школе. Представлены разработанные и операционализованные модели отношения респондентов (родителей подростков) к подростковому буллингу в школьной среде. Выявлено преобладание родительской модели преодоления подросткового буллинга в школьной среде.

Ключевые слова: подростки, буллинг, насилие, подростковая школьная среда, межличностные отношения, жертва буллинга, предупреждение и преодоление буллинга.

Подростки как наиболее проблемная социально-демографическая группа среди всех возрастных групп молодежи всегда выступают объектом пристального внимания ученых различных специальностей, в том числе и социологов. Проблемы подросткового возраста, имеющие как традиционный характер – возрастные и психологические особенности, выбор собственных форм поведения и общения, нормативная и ценностная неопределенность подросткового мировоззрения, так и новые, порожденные особенностями общества потребления и тотальной компьютеризацией, расширяют круг исследовательских вопросов. Вопросы межличностных отношений со сверстниками в подростковом возрасте становятся приоритетными, определяя контекст и направленность исследований, методы и средства анализа позитивных и негативных явлений в подростковой среде. Объектами особого внимания становятся современные девиантные формы поведения подростков, среди которых и такие формы деформации межличностных отношений, как буллинг и троллинг,

Tatyana I. Barsukova

Doctor of Sociology, Professor,
Professor of the Department of Sociology,
North-Caucasian Federal University
soc.ncfu@yandex.ru

Yana M. Nikhaeva

Candidate of Sociology,
North-Caucasian
Federal University
nikhaeva777@mail.ru

REPRESENTATIONS OF LITTLE CITIZENS OF STAVROPOL REGION ON THE DETERMINANTS OF THEIR POVERTY AND THE WAYS OF ITS OVERCOMING

Annotation. The article describes the results of a sociological survey conducted in the Stavropol Territory aimed at revealing the prevailing models of the attitude of teenage parents towards teenage bullying in school. The developed and operationalized models of the attitude of the respondents (parents of adolescents) to teenage bullying in the school environment are presented. The prevalence of the parental model of overcoming teenage bullying in the school environment has been revealed.

Keywords: teenagers, bullying, violence, teenage school environment, interpersonal relations, victim of bullying, prevention and overcoming bullying.

влияющие на социальное самочувствие подростка в школьном коллективе, выступают на первый план. В этой связи интерес к исследованию такого социального явления, как школьная травля (schoolbullying), представляется своевременным и практикоориентированным. Многообразие подросткового буллинга в школьной среде и разнообразие порождающих его факторов придают исследованиям междисциплинарный характер, обращая к данному явлению внимание психологов, педагогов, правоведов, социологов. Вместе с тем, можно отметить недостаточное количество исследований буллинга в школьной подростковой среде средствами социологии. В определенной мере восполняя этот пробел, мы обратились к теме подросткового буллинга в школьной среде, сделав акцент на отношении к данному явлению родителей подростков, обучающихся в сельских школах.

Анализ научной литературы по теме исследования позволил нам разработать и операционализировать три модели отношения респондентов

(родителей подростков) к подростковому буллингу в школьной среде.

1. Модель индифферентного отношения к подростковому буллингу в школьной среде.
2. Модель пассивного осуждения подросткового буллинга в школьной среде.
3. Модель преодоления подросткового буллинга в школьной среде.

Выбор такого направления исследования школьного подросткового буллинга был обусловлен практическим отсутствием социологических работ, отражающих отношение родителей к этой проблеме. Преобладающим являются исследования форм поведения и отношения самих подростков к насилию в школе.

Каждая из моделей характеризуется тремя показателями:

– степень знания о подростковом буллинге в школьной среде образовательного учреждения, где обучается ученик-подросток – ребенок респондента;

– оценка подросткового буллинга в школьной среде образовательного учреждения, где обучается ученик-подросток – ребенок респондента;

– виды действий по предупреждению и преодолению буллинга образовательного учреждения, где обучается ученик-подросток – ребенок респондента.

Нами был проведен анкетный опрос 163 родителей (100 женщин и 63 мужчины) 4 школ Кочубевского района Ставропольского края. Возраст подростков, чьи родители приняли участие в опросе, распределился следующим образом: 13 лет – 56 человек; 14 лет – 56 человек; 15 лет – 51 человек. Среди них – родители 80 мальчиков и 83 девочек.

Подросток, по мнению респондентов, обладает следующими чертами (можно было выбрать несколько вариантов ответов) – мы выстроили от-

веты по рангу: возрастными и психологическими особенностями – ответили 125 респондентов, в том числе 82 женщины и 43 мужчины; выбором собственных форм поведения и общения – 110 чел., в том числе 50 женщин и 60 мужчин; подверженностью влиянию норм и ценностей подростковой референтной группы – 96 чел., в том числе 54 женщины и 42 мужчины; отказом от некоторых требований родителей, учителей – 83 чел., в том числе 40 женщин и 43 мужчины; нормативной и ценностной неопределенностью подросткового мировоззрения – 45 чел., в том числе 35 женщин и 10 мужчин; затруднились ответить – 8 чел., в том числе 5 женщин и 3 мужчины. Среди других ответов, которые дали респонденты, были: «неустойчивостью жизненной позиции»; «легко поддается влиянию информации из Интернета».

Более 2/3 опрошенных интересуются учебой своего ребенка. Менее, чем у половины опрошенных сложились доверительные отношения с их детьми (ответы «да» и «скорее, да»). Социально-психологическим климатом в школьном коллективе учеников – одноклассников своего ребенка интересуется лишь третья часть респондентов.

Первый блок вопросов, согласно показателям, представленным в операционализации наших моделей, касался степени знания о подростковом буллинге в школьной среде образовательного учреждения, где обучается ученик-подросток – ребенок респондента. Ответы на вопрос, отражающий уровень владения респондентами информацией о фактах буллинга (насилия) в школе, где учится ребенок, распределилась следующим образом: знают об этих фактах – 120 чел.; слышали – 12 чел.; не знают – 31 чел.

Далее, респондентам предлагалось ответить на вопрос: «О каких наиболее распространенных актах буллинга, происходящих в школе, где учится Ваш ребенок, Вы знаете? Отметить можно было все возможные варианты ответов. В таблице 1 представлены ответы, расположенные по порядку числа ответов – от самого большого к меньшему.

Таблица 1

Информированность родителей подростков о наиболее распространенных актах буллинга, происходящих в школе, где обучается их ребенок

Ранг	Варианты ответов	Баллы
6	распространение слухов и лживых сведений	47
1	обзывание и придумывание обидных прозвищ	115
7	выставление в смешном виде	35
2	передразнивание	108
3	объявление глупым («дураком»)	73
–	непозволение сказать свое слово, ответить	–
8	изоляция от остального классного сообщества (бойкот)	10
9	отбирание, прятание, повреждение школьных принадлежностей ребенка и/или других вещей, одежды	8
10	необоснованные обвинения	6
4	пинки, удары	62
–	шантаж, вымогательство	5
–	сексуальные домогательства	–
5	кибербуллинг (жертва получает оскорбления на свой электронный адрес или через другие электронные устройства)	55

В каждой их школ, в которой учится ребенок респондента, были случаи и особо жестоких проявлений буллинга – были отмечены: физическое насилие, заставляющее жертву страдать – 12 ответов респондентов; деяния, граничащие с уголовно наказуемыми, – 2 ответа.

Источниками информации о буллинге в школьной среде образовательного учреждения для респондентов являются следующие (рис. 1).

Рисунок 1 – Источники информации для родителей подростков о буллинге в школьной среде образовательного учреждения

Полностью доверяют

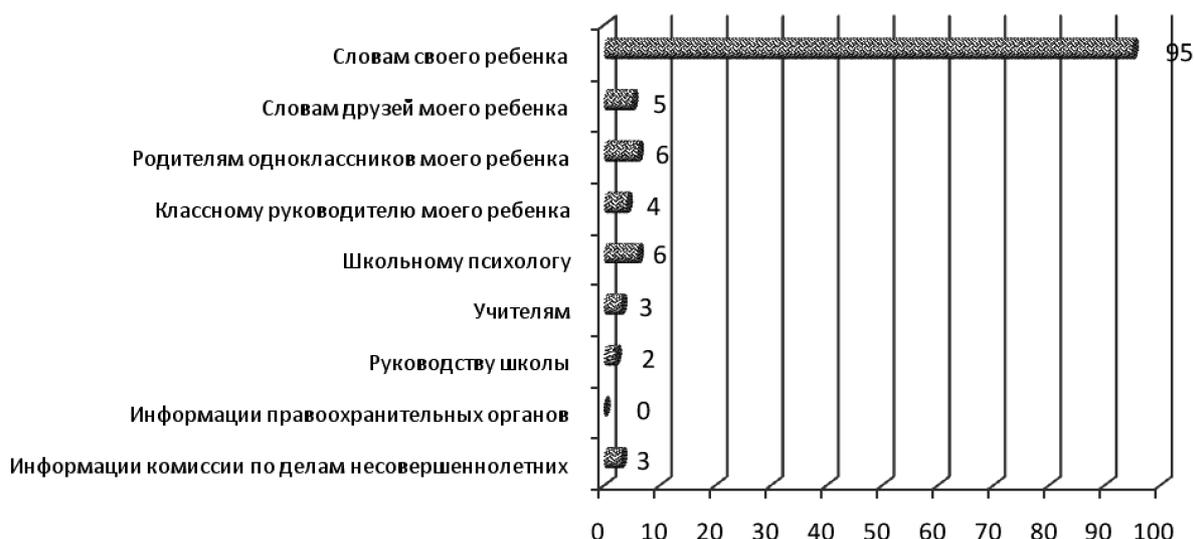

Рисунок 2 – Насколько Вы доверяете информации о буллинге в школе, получаемой от разных людей?

Таким образом, можно констатировать следующее.

1. Подросток, по мнению респондентов, обладает возрастными и психологическими особенностями – так ответили 125 респондентов, в том числе 82 женщины и 43 мужчины.

2. В ответах на вопрос, отражающий уровень владения респондентами информацией о фактах буллинга (насилия) в школе, где учится ребенок,

Среди ответов «другое» – «соседи», «знакомые, родственники, у которых дети учатся в нашей школе, но они слышали об этих событиях»; «из местных газет».

Ответы респондентов на вопрос «Насколько Вы доверяете информации, получаемой от разных людей?», представлены ниже (рис. 2).

сообщено, что знают об этих фактах – 120 чел.; слышали – 12 чел.

3. Родители подростков информированы о наиболее распространенных актах буллинга, происходящих в школе, это – «обзывание и придумывание обидных прозвищ» (115 чел.).

4. Источником информации о буллинге в школьной среде образовательного учреждения для респондентов, в основном, является ребенок респондента – так ответили 110 чел.

5. Полностью доверяют словам своего ребенка – 95 чел.

Жертвой буллинга становились дети; всего 16 человек

Второй блок вопросов анкеты, согласно показателям, представленным в операционализации наших моделей, касался *оценки* подросткового буллинга в школьной среде образовательного учреждения, где обучается ученик-подросток – ребенок респондента. На вопрос «Как Вы оцениваете проявления буллинга в подростковой школьной среде?» были получены следующие ответы: - «позитивно» – 14 человек; «негативно» – 108 человек; «мне безразлично» – 7 человек; затруднились ответить – 6 человек.

Респонденты, относящиеся к буллингу положительно, отметили в качестве причин своего позитивного отношения к буллингу следующее: 5 человек считают это нормальной формой выяснения отношений среди подростков; «пусть каждый умеет постоять за себя» – таков был ответ 3 человек; «если старшие (родители, учителя и др.) будут вмешиваться, подросток так и не повзрослеет» – ответили 3 человека. Среди других вариантов ответов: «сам был таким, был в их возрасте хулиганом, вырос нормальным человеком»; «не будешь проявлять свою силу – затопчут». Ответы были даны родителями – мужчинами, которых в данной категории ответивших – 3 человека.

Респонденты, относящиеся к буллингу отрицательно, отметили в качестве причин своего негативного отношения к буллингу следующее: - любое насилие противоестественно – 62 человек; боюсь, что мой ребенок станет жертвой буллинга – 28 человек; в школе не должно быть агрессивной социальной среды – 10 человек. В качестве других вариантов ответа назвали: «слабых надо защищать, а не бить»; «обижать слабых – это подло!»; «не по-христиански»; «в селе всегда защищали слабых».

Респонденты, относящиеся к буллингу безразлично, отметили в качестве причин своего индифферентного отношения к буллингу следующее: не считаю это предметом особого беспокойства – 4 человек; не считаю нужным вмешиваться в жизнь подростков, тем более не являющихся моими детьми – 1 человек; не интересуюсь школьными делами моего ребенка в принципе – 1 человек. Среди других вариантов ответов: «это дело учителей»; пусть этим занимается полиция»; «разберутся без нас» – все ответы принадлежат респондентам – мужчинам.

Анализ ответов респондентов по данному блоку анкеты позволяет отметить следующее.

1. На вопрос «Как Вы оцениваете проявления буллинга в подростковой школьной среде?» были получены следующие ответы: «позитивно» – 14 человек; «негативно» – 108 человек.

2. Респонденты, относящиеся к буллингу положительно, отметили в качестве причин своего позитивного отношения к буллингу следующее:

большинство считает это нормальной формой выяснения отношений среди подростков; «пусть каждый умеет постоять за себя» – таков был ответ.

3. Респонденты, относящиеся к буллингу отрицательно, отметили в качестве причин своего негативного отношения к буллингу следующее: любое насилие противоестественно – 62 человек; боюсь, что мой ребенок станет жертвой буллинга – 28 человек;

Третий блок вопросов анкеты, согласно показателям, представленным в операционализации наших моделей, касался степени видов действий по предупреждению и преодолению буллинга в образовательном учреждении, где обучается ученик-подросток – ребенок респондента. Анализ результатов опроса по данному блоку показал, что в случае владения информацией о буллинге в школе, где обучается ребенок респондента, он обращался/обратился бы за разъяснением ситуации и ее преодолением: к классному руководителю – 71 человек; школьному психологу – 15 человек; представителю руководства школой – 1 человек; в правоохранительные органы – 5 человек; в комиссию по делам несовершеннолетних – 6 человек. Другие варианты ответов: «к родителям подростка, совершавшего буллинг»; «в местные органы власти».

При получении информации о буллинге в школе, респонденты беседуют: со своим ребенком – 75 человек; с булли – 5 человек; с родителями или иными представителями булли – 12 человек. На родительских собраниях по поводу буллинга в школе выступили (готовы выступать) – 35 человек; не выступали и не будут выступать – 69 человек.

После выступления на родительском собрании последовали меры со стороны школьного коллектива, согласно ответам всех респондентов, утвердительно ответивших на предыдущий вопрос.

На вопрос «Какие меры преодоления подросткового буллинга в школьной среде Вы еще предлагаете?» ответов дано не было. Вопрос: «Почему Вы не выступили с этой информацией на родительских собраниях?» был адресован тем, кто не выступал и не будет выступать на родительском собрании. Ответы были получены такие: «не хочу, чтобы над моим ребенком тоже издевались»; «этим занимаются сынки влиятельных родителей»; «учу ребенка самого справляться с проблемами».

Примером преодоления ситуации буллинга может служить история семьи Цымбаленко из Москвы. Москвич Петя Цымбаленко в пятом классе перешел в другую школу и попал под град насмешек сверстников. Его мама Наталья вспоминает: как такового повода для травли никогда не было, просто в классе сформировался костяк из «крутых», которые цеплялись к «некрутым». К Пете приставали меньше всего, куда больше страдали другие мальчишки. По словам матери Пети Натальи, им портили личные вещи, подкладывали бутылки с мочой в портфели, стяги-

вали штаны в раздевалке. Все это снимали на камеру телефона и потом выкладывали в соцсетях. Обращение к классному руководителю не дало результатов.

Наталья отправила свое заявление на электронную почту школы, а еще – председателю управляющего совета школы, отнесла в администрацию своего района и в комиссию по делам несовершеннолетних, которую глава управы же и возглавляет. Написала она и маме ученика, рисовавшего «фотожабы», попросив о встрече до того, как подаст на них в суд». Была послана куда подальше со словами: «Встретимся в суде!» Тем не менее я решила идти до конца: если уж уходить из школы, то с победой, а не с чувством жертвы. Это мы проговорили с сыном. Он не хотел уходить, в том числе из-за друга Миши», – объясняет Наталья. В классе провели встречу с инспектором по делам несовершеннолетних, отдельно переговорили с родителями учеников, которых Цымбаленко указала в коллективном заявлении. Деньги обманутому Мише вернули, принесли извинения. А ученика, торговавшего вейпами, поставили на учет. В конце концов в классе среди учителей, школьников и родителей воцарилось согласие. «В этой ситуации во многом есть моя вина: я долго не вмешивалась, слушала классную руководительницу и родителей, что «дети сами должны разобраться», – подытоживает Наталья. Сейчас она уверена: даже если бы явных улик травли ее сына и его друга не было, она бы все равно ходила к директору школы и в инспекцию по делам несовершеннолетних, писала бы в департамент образования, не дожидаясь «увесистых» фактов» [5].

Представляется, что надо доводить до сведения учительских коллективов и родителей рекомендации специалистов по подростковым проблемам. «Нам кажется, – пишет С.В. Матвиенко, – что для предотвращения буллинга нужно предпринять ряд мер, в том числе.

1. Повышать культуру населения. Сейчас недостаточное внимание уделяется нравственному

Литература:

1. *Бутенко В.Н.* Буллинг в школьной образовательной среде: опыт исследования психологических особенностей «обидчиков» и «жертв» / В.Н. Бутенко, О.А. Сидоренко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 3 (33). С. 138–143.
2. *Дахин А.Н.* Буллинг в школе и не только // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 208–213.
3. *Иванюшина В.А.* Подростковая агрессия: групповые нормы и социальный статус среди сверстников / В.А. Иванюшина, В.В. Титкова, Д.А. Александров // Социологический журнал. 2016. № 1. С. 54–71.
4. *Матвиенко С.В.* Буллинг как социально-педагогическая проблема // Вестник науки и образования. 2018. Т. 1. № 3(39). С. 61–64.

воспитанию подрастающего поколения. Например, в школе обязательно надо говорить, как низко и подло издеваться над другими, более слабыми членами общества, и больше уделять внимания своим ученикам и общению с ними на актуальные темы. Дети нуждаются в простом внимании. Им необходимо иногда просто поговорить и рассказать о наболевшем. Учителя должны знать, что происходит в семье ребенка. Ведь многие из детей переносят негатив из семьи на учебу и коллектив.

2. Повышать профессиональную подготовку учителей, чтобы преподаватель мог сделать процесс образования интересным для детей и завоевать у них авторитет.

3. Организовывать внешкольную работу с детьми. Ведь если ребенок занимается спортом и каким-нибудь хобби, то он имеет возможность «выпустить» весь накопленный негатив в процессе занятий. При этом, такие занятия необходимо сочетать с нравственным воспитанием» [4, с. 62].

Итак, исследование показало, что преобладающей является родительская модель преодоления подросткового буллинга в школьной среде.

По показателям:

– степень знания о подростковом буллинге в школьной среде образовательного учреждения, где обучается ученик-подросток – ребенок респондента, исчерпывающая, основанная на многих источниках информации;

– присутствует явно выраженная и обоснованная собственной позицией негативная оценка буллинга в школьной среде;

– предпринимаются активные действия, направленные на преодоление и профилактику буллинга в школьной среде, среди которых – обращение к руководству школы, к классному руководителю; беседы с детьми и др.

Literature:

1. *Butenko V.N.* Bullying in the school educational environment: the experience of studying the psychological characteristics of «offenders» and «victims» / V.N. Butenko, O.A. Sidorenko // Vestnik Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astaf'eva. 2015. № 3(33). P. 138–143.
2. *Dakhin A.N.* Bulling in school and not only // Siberian Pedagogical Journal. 2015. № 6. P. 208–213.
3. *Ivanyushina V.A.* Teenage aggression: group norms and social status among peers / V.A. Ivanyushina, V.V. Titkova // Sociological Journal. 2016. № 1. P. 54–71.
4. *Matvienko S.V.* Bullying as a social and pedagogical problem // Bulletin of Science and Education. 2018. Т. 1. № 3(39). P. 61–64.

5. «Ничего не докажешь». Родители в одиночку спасают детей от травли в школе // РИА Новости 08.02.2018. URL : <https://ria.ru/>

6. Сизова И.Л. Насилие в школе и проблемы семьи / И.Л. Сизова, Н.Ю. Егорова // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 128–131.

7. Смирнов А.М. Самосудные расправы в подростковой и молодежной среде // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 108–116.

8. Ядова М.А. Буллинг в подростковой среде: причины и последствия. (сводный реферат) // Социологический ежегодник. 2016. № 2015–2016. С. 308–316.

5. «You will not prove anything.» Parents alone save children from baiting at school // RIA Novosti 08.02.2018. URL : <https://ria.ru/>

6. Sizova I.L. Violence in school and family problems / I.L. Sizova, N.Yu. Egorova // Sociological research. 2016. № 3. P. 128–131.

7. Smirnov A.M. Massacres in teenage and youth environment // Sociological research. 2017. № 6. P. 108–116.

8. Yadova M.A. Bullying in a teenage environment: causes and consequences. (summaryessay) // Sociological Yearbook. 2016. № 2015–2016. P. 308–316.

Зейналов Гусейн Гардаш Оглы
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии,
Мордовский государственный
педагогический институт
имени М.Е. Евсевьева
zggo@mail.ru

Стародубцева Любовь Викторовна
кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента
и экономики образования,
Мордовский государственный
педагогический институт
имени М.Е. Евсевьева
malis5@yandex.ru

Немыкина Ольга Ивановна
кандидат философских наук,
доцент кафедры информационных
технологий и математики,
Саранский кооперативный институт
(филиал) автономной некоммерческой
образовательной организации
высшего образования Центросоюза
Российской Федерации
«Российский университет кооперации»
Nemykina_Olga@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ» В НАУЧНОМ ИЗМЕРЕНИИ¹

■ ■ ■

Аннотация. Анализ понятия «профессиональное выгорание» получает особую актуальность в рамках современной социологии. В задачи статьи входит выявление существенных особенностей феномена профессионального выгорания в рамках теоретического социологического знания. Авторы считают, что данное сложное психофизиологическое явление возникает в системе «человек – человек» под влиянием внешних и внутренних факторов в результате интенсификации труда и ухудшения его условий. Оно проявляется с одной стороны, как профессиональная деформация и профессиональный кризис в сфере профессиональной деятельности. С другой стороны, оно выступает в качестве психофизиологической защитной реакции организма субъекта на нарастающую психоэмоциональную нагрузку со стороны объекта профессиональной деятельности.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет и Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева) по теме «Ресурсы противодействия профессиональному выгоранию в социокультурном пространстве инновационного вуза».

Guseyn G. Zeynalov
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Department of philosophy,
Mordovian State Pedagogical Institute
named after M.E. Evseviev
zggo@mail.ru

Luybov V. Starodubceva
Candidate of Sociodlogy, Docent,
Docent of the Department
of management and economy of education,
Mordovian State Pedagogical Institute
named after M.E. Evseviev
malis5@yandex.ru

Olga I. Nemykina
Candidate of Philosophical Sciences,
Saransk Cooperative Institute (branch)
of Russian University of Cooperation
Nemykina_Olga@mail.ru

THE CONCEPT OF «PROFESSIONAL BURNOUT» IN THE SCIENTIFIC DIMENSION

■ ■ ■

Annotation. The analysis of the concept of «professional burnout» is of particular relevance in the framework of modern sociology. The tasks of the article include the identification of the essential features of the phenomenon of professional burnout within the framework of theoretical sociological knowledge. The authors believe that this complex psychophysiological phenomenon occurs in the «person-person» system under the influence of external and internal factors as a result of the intensification of labor and the deterioration of its conditions. It manifests itself on the one hand, as a professional deformation and professional crisis in the sphere of professional activity. On the other hand, it acts as a psychophysiological protective reaction of the subject's body to the growing psychoemotional burden on the part of the object of professional activity.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, интенсификация труда, профессиональная деятельность, профессиональная деформация, эмоциональная нагрузка, эмоциональное истощение.

Keywords: professional burnout, labor intensification, professional activity, professional deformation, emotional stress, emotional exhaustion.

Для современного человека выгорание имеет относительно устойчивый характер и превращается в одну из наиболее распространенных преград на пути к профессиональному росту, творчеству и самореализации. Такая ситуация вызвана интенсификацией труда и ухудшением его условий и способно повлечь за собой как профессиональные деформации, так и профессиональные заболевания. Чаще всего, человек, подверженный синдрому профессионального выгорания не осознает это. Однако на это явление обратили внимание еще в ранние периоды развития цивилизации. В трактатах древнегреческого врача Гиппократ «О воздухе, воде и почве» и «О здоровом образе жизни» мы встречаем мысль о влиянии на здоровье и физическое состояние человека помимо окружающей среды, и трудовой деятельности. Древнегреческий философ Платон отмечал влияние профессиональной деятельности (философы, войны, работники на социальную структуру общества и на качество социального управления. Аристотель в своих трудах («Политика» и др.) писал о возможных влияниях профессии или даже обычной деятельности на физическое и духовное состояние человека. По этой причине он выделял профессии для свободных граждан и профессии рабов.

Естественно научное изучение феномена профессионального выгорания происходит после становления социологии. Первые описания данного социального явления мы встречаем у теоретиков социологии. Они обратили внимание на тот факт, что когда собственное «Я» работника растворяется в содержании «мы», то исчезают такие его качества как эмоциональная отзывчивость, вовлеченность в совместную деятельность, сопереживание. Именно эти качества раскрывают его как личности. Потеря этих личностных качеств нивелирует разнообразие общества и превращает его в массу. Американский социолог российского происхождения Питирим Сорокин в начале XX века ввел в социологию такое понятие как «профессиональная деформация».

В начале XX века параллельно с социологией феномен выгорания исследуется в рамках психологии, педагогики. Новые исследования выявляют трансформацию качества и свойства личности, изменения стереотипов восприятия внешней реальности, ценностных ориентаций личности, способов межличностных общений, характера поведений и т.д. Все эти изменения личности специалиста происходят под влиянием изменений в сфере профессиональной деятельности. [6].

Впервые термин «эмоциональное выгорание» в работе «Staff burnout» (выгорание персонала, сотрудников) в 1974 году в качестве научного

термина применил Х.Дж. Фрейденберг. Он описывал данное состояние как деморализацию, усталость, раздраженность и обосновывал это наблюдениями работников психиатрических учреждений. Автор выявлял разницу между начальным состоянием «эмоционального горения» работника, который готов выполнять свою работу самоотдачей и последним – «эмоционально выгоревшим», когда он сам нуждается в эмоциональной поддержке. Через некоторое время для многих работников наступает эмоциональное истощение, возникает раздражительность, циничное отношение к работе и т.д. И ученый назвал такое состояние – «эмоциональное выгорание» [8].

Зарубежная англоязычная литература синдром выгорания определяет термином burnout, что вытекает из слов сгорать, выгорать, затухать, гореть [7]. Часто со стороны определенных социологов выгорание рассматривается как продолжительная стрессовая реакция в сфере профессиональной деятельности. Синдром включает в себя три основные составляющие: эмоциональную истощенность, деперсонализацию (цинизм) и редукцию профессиональных достижений.

Под эмоциональным истощением понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное тяжестью или интенсивностью собственной работы и неспособностью адаптироваться к новым условиям.

Деперсонализация предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда и часто проявляется в бесчувственном, негуманном отношении к объекту деятельности. Контакты субъекта с объектом деятельности становятся формальными, обезличенными. Редукция профессиональных достижений означает упрощение структуры своей профессиональной деятельности и снижение результатов в профессиональной сфере, возникновение у специалистов чувства некомпетентности, осознание неуспеха в профессиональной сфере ней.

Специалисты к таким деструктивным профессиям относят сотрудников благотворительных организаций и медицинских учреждений, политиков и юристов, менеджеров и социальных работников, учителей и педагогов, полицейских и сотрудников тюремно-исправительных организаций [4, с. 16].

Как видно из вышеперечисленного списка профессий, профессиональное выгорание возникает в межличностных отношениях в системе «человек – человек», когда одна сторона должна постоянно поддерживать другую сторону. В результате субъект (специалист) теряет контроль

над своим эмоциональным состоянием и возникает состояние недооценки своей личности, своей профессиональной важности, значимости результатов своей профессиональной деятельности.

Если анализировать определения Н.Е. Водопьяновой [2, с. 19], Г.А. Пономаревой [5, с. 48], Г.М. Коджаспировой [3, с. 228] и других, то можно выделить:

1. В структуре профессионального выгорания психологические, психофизиологические и поведенческие компоненты.

2. Психофизиологическую сущность феномена выгорания, которая проявляется как эмоциональное, умственное и физическое истощение личности субъекта из-за продолжительного эмоционального давления со стороны объекта.

Литература:

1. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М. : Филин, 1996. 157 с.

2. *Водопьянова Н.Е.* Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов «субъект-субъектных» профессий) : автореф. дис. ... д-р. психол. наук. СПб., 2014. 49 с.

3. *Коджаспирова Г.М.* Словарь по педагогике. М.; Ростов н/Д. : Март, 2005. 448 с.

4. *Маслач К.* Профессиональное выгорание: как люди справляются // Школьный психолог. 1998. № 7 С. 16–18.

5. *Пономарева Г.А.* Синдром «Эмоционального выгорания» у педагогов, работающих с «особыми детьми», и способы его профилактики в условиях образовательного учреждения // Специальная психология. 2006. № 1. С. 48–57.

6. Психология профессионального здоровья : учеб. пособие / Под ред. проф. Г.С. Никифорова. СПб. : Речь, 2006. 480 с.

7. Burnout // Словари и энциклопедии на Академике. URL : <https://translate.academic.ru/burnout/en/ru/>

8. *Freudenberger H.J.* Staff burnout // J. of Social Issues. 1994. Vol. 30. P. 159–165.

3. Причину синдрома, которая складывается из противоречия между нарастающим эмоциональным давлением объекта и неспособностью субъекта (специалиста) их преодолеть.

4. Выгорание как внутренний механизм психологической защиты личности от психотравмирующих воздействий внешней среды путем полного или частичного исключения эмоций. [1, с. 37].

Итак, профессиональное выгорание – это синдром психического характера, возникающее под влиянием сложных процессов профессиональной деятельности в результате накопления отрицательных эмоций без соответствующей «разрядки», или освобождения от них и развивается на фоне процессов хронического стресса. Оно вырабатывается личностью в качестве механизма психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций.

Literature:

1. *Boyko V.V.* Energy of emotions in communication: a view of oneself and others. M. : Filin, 1996. 157 p.

2. *Vodopyanova N.Ye.* Resource provision of counteraction to professional burnout of labor subjects (on the example of specialists of «subject-subject» occupations) : autoref. dis. ... Psychol. Sciences / N.E. Vodopyanova. SPb., 2014. 49 p.

3. *Kozhaspirova G.M.* Dictionary on Pedagogy. M.; Rostov n/D. : March, 2005. 448 p.

4. *Maslach K.* Professional burnout: how people manage // School psychologist. 1998. № 7. P. 16–18.

5. *Ponomareva G.A.* Syndrome of «emotional burnout» among educators working with «special children», and methods of its prevention in the conditions of an educational institution // Special psychology. 2006. № 1. P. 48–57.

6. The psychology of professional health : textbook / ed. prof. G.S. Nikiforova. SPb. : Speech, 2006. 480 p.

7. Burnout // Словари и энциклопедии на Академике. URL : <https://translate.academic.ru/burnout/en/ru/>

8. *Freudenberger H.J.* Staff burnout // J. of Social Issues. 1994. Vol. 30. P. 159–165

Исакова Юлия Игоревна

доктор социологических наук, профессор,
декан юридического факультета,
Донской государственной
технической университет
Milena.555@mail.ru

Yuliya I. Isakova

Doctor of Sociology, Professor,
Dean of the Law Faculty,
Don State
Technical University
Milena.555@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИИ

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF MEDIATION IN RUSSIA

Аннотация. В данной статье автором рассматривается актуальность, содержание и потенциал, которые заложены в медиативных технологиях. Приводятся примеры отраслей, в которых медиация получила свое развитие в России. Указаны основные принципы медиации. Осуществляется сравнение медиативных практик от других институциональных способов разрешения конфликтов, в том числе и судебного разбирательства, показаны социальные и психологические преимущества медиации в ходе минимизации конфликтного противостояния сторон и роль медиации в гармонизации общественных отношений. Осуществлен анализ социальных тенденций и сценариев развития медиации в России и ее значимого влияния на общественные отношения и социальные институты гражданского общества.

Ключевые слова: медиация, принципы медиации, становление медиации, медиация в России, социальные тенденции, социальные институты.

Annotation. In this article the author considers the relevance, content and potential, which are incorporated in mediative technologies. Examples are given of industries in which mediation has developed in Russia. The main principles of mediation are presented in the article. Carries out compare of mediatory practices from other institutional methods of conflict resolution, including trial, compares the social and psychological benefits of mediation in the course of minimizing the conflict between the parties and the role of mediation in harmonizing public relations. Carries out the analysis of social trends and scenarios of the development of mediation in Russia and its significant impact on social relations and social institutions of civil society.

Keywords: mediation, principles of mediation, formation of mediation, mediation in Russia, social trends, social institutions.

Сегодня все большую актуальность приобретает вопрос развития медиации в России. При этом если ранее медиация, по большей части, входила в круг научных интересов, в первую очередь, юристов и конфликтологов, то теперь повышенный интерес примирительные технологии и процедуры стали вызывать у социологов, психологов, философов и представителей других отраслей научного познания.

Медиация представляет собой совокупность специфических технологий разрешения конфликтов посредством привлечения независимого профессионала-медиатора в целях выработки решения, в равной степени приемлемого для обеих сторон.

В большинстве случаев, участники научных дискуссий исходят из определения, которое используется в Федеральном законе о медиации. Он гласит, что «процедура медиации – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [1].

Различные исследователи проблематики отмечают достижения инициаторов процесса внедрения и развития медиации во множестве иногда совершенно разных направлений.

Сейчас медиация в России применяется в трудовых, межличностных, семейных, экономических и множестве других конфликтов [2]. При этом диапазон конфликтов, разрешение которых осуществляется посредством обращения к медиатору, постоянно растет. Так, одним из наиболее прогрессирующих направлений развития медиации на сегодняшний день выступает так называемая школьная медиация, которая подразумевает специфическую форму применения медиативных технологий и принципов в образовательной среде, в частности в школах [3].

Медиативные технологии внедряются в крупных организациях с большим персоналом и множеством клиентов. В первом случае – для профилактики и регулирования конфликтов и напряженности внутри организации, а во втором – для досудебного разрешения конфликтов, возникающих с клиентами, что позволяет сократить количество судебных тяжб для организации, уменьшая за-

траты и сохраняя ее позитивную деловую репутацию.

Семейные медиации пользуются успехом и популярностью в виду того, что стороны конфликта, которых объединяют длительные, устойчивые родственные связи часто избегают судопроизводства, а если все же прибегают к нему, то попадают в ситуацию обострения взаимоотношений и эскалации противостояния, на длительное время сохраняя неприязнь и обиду друг на друга. Переместив процесс развития конфликта в юридическую плоскость, которая подразумевает формализацию отношений, отстранение сторон, включение посторонних лиц и публичность, стороны выводят конфликт на новый уровень и масштаб, что во многих случаях в долгосрочной перспективе ведет к бесповоротному ухудшению отношений. Фактором, обуславливающим такую тенденцию, выступает та особенность судебного процесса, что он базируется на принципе состязательности сторон [4] и принудительности судебного решения. К тому же, при обращении к судебным инстанциям истинные интересы сторон оказываются значительно шире заявленных требований, так что даже вынесенное судебное решение не может удовлетворить стороны конфликта, и они оказываются недовольными принятым решением, ибо, по сути требовалось бы рассмотрение нескольких исковых заявлений [5, с. 13].

Это лишь отдельные обобщенные примеры тех направлений и форм развития медиации, которые получили распространение в России, наряду с другими иными.

Возрастающая популярность медиации во многом обусловлена ее универсальностью. Некоторые исследователи проблематики отмечают, что такой широкий диапазон применения потенциала медиации связан с основными принципами, на которых строится концепция современной медиативной технологии. В разных странах мира наблюдаются некоторые отличия в реализации медиативных практик, которые связаны с различными социальными, экономическими, социокультурными и другими особенностями, которыми обладает каждая из этих стран. При всем этом разнообразии форм реализации медиации сегодня существует единая общепринятая концепция, которая базируется на принципах, применяющихся во всем мире, независимо от специфических отличий каждой отдельной страны.

Основными принципами современной медиации принято считать принцип добровольности, принцип равноправия сторон, принцип нейтральности медиатора и принцип конфиденциальности [6].

Принцип добровольности подразумевает максимальное соблюдение интересов и мнений сторон на протяжении всей процедуры медиации. Стороны добровольно прибегают к помощи медиатора, в любой момент имеют право прервать процесс медиации, а все условия процедуры предварительно оговариваются с обеими сторонами и утверждаются ими. Благодаря реализации данного принципа обеспечивается диспози-

тивность медиативных технологий, их отличие от других методов разрешения конфликтов.

Принцип равноправия сторон подразумевает, что стороны находятся в равном статусе во время процедуры медиации. В отличие от судопроизводства, в медиации нет истца и ответчика. Здесь сторонам уделяется равное внимание со стороны медиатора, они имеют равные права и возможности.

Нейтральность медиатора является важнейшим требованием к процедуре медиации наряду с другими профессиональными и личностными качествами медиатора. Именно нейтральность медиатора обуславливает кардинальное отличие медиации от конвенционального разрешения конфликта при посредничестве посторонних личностей: авторитетных для обеих сторон конфликта друзей, знакомых или, как правило, родственников. Лишь при максимальной нейтральности медиатора возможна выработка решения, в наибольшей степени отвечающего интересам обеих сторон. И лишь соблюдение интересов обеих сторон способно сохранить их долгосрочные отношения.

Принцип конфиденциальности предоставляет сторонам конфликта ту защиту персональной информации, репутации и личного пространства, которую не может дать ни одна другая более формализованная инстанция. Информацией относительно медиации владеют лишь стороны конфликта и медиатор, если предварительно сторонами не оговорено иное.

Именно обеспечение данных принципов в рамках осуществления медиативной практики и является наиболее значимым фактором распространяющего применения медиации в России. Изучение медиации со временем позволило выявить потенциал, который способен при правильном его раскрытии, оказать сильное позитивное влияние не только на судебную систему, как это предполагалось ранее в среде юристов, практикующих технологии примирения. Также влияние сказывается на ряд долгосрочных, масштабных тенденций, которые имеют значение для общества в целом, а не только для отдельных его элементов или отрасли.

Так, медиация считается одним из наиболее потенциально эффективных методов повышения индивидуальной гражданской ответственности, направлений развития гражданского общества и снижения общего уровня социальной напряженности в России [7].

Повышение индивидуальной гражданской ответственности может осуществляться в том числе и в значительной мере за счет развития медиации в связи с тем, что данные технологии разрешения конфликтов подразумевают максимальное вовлечение в данный процесс всех сторон конфликта. Это одно из основных отличий от других институциональных способов разрешения конфликтов, таких, например, как судебное разрешение. В рамках судопроизводства стороны конфликта помещены в высшей степени форма-

лизованные условия, в которых их личный контакт сводится к минимуму, а разрешение конфликта происходит силами адвокатов, судей и других лиц, которым априори делегированы полномочия по выработке решений и стратегии разрешения конфликта. Таким образом, во-первых: появляется сильное дистанцирование сторон, происходит эскалация конфликта между ними в виду того, что сознательно, подсознательно и формально их конфликт приобрел новую, более острую форму противостояния. Во-вторых, не участвуя лично в выработке решения по урегулированию конфликта, стороны как личности не развиваются с точки зрения приобретения ими компетенций бесконфликтного, конструктивного разрешения спорных вопросов и совместных усилий к преодолению разногласий и проблем. В случае же использования услуг профессионала-медиатора стороны конфликта неизбежно претерпевают, наряду с приобретением позитивного опыта, и повышение личной гражданской ответственности.

Таким образом, разрешение конфликтов с помощью медиации, приобретая постоянный, повторяющийся, рутинный характер и переходя на социальный уровень, положительно будет сказываться на выработке именно таких личностных компетенций, ценностных ориентаций на поиск компромиссных, консенсусных позиций и психологических установок на примирительные практики социальных отношений в случае возникновения конфликтных ситуаций. В свою очередь, приобретение компетенций по самостоятельному или командному поиску взаимоприемлемых решений должно формировать в индивидах чувство личной гражданской ответственности посредством максимальной вовлеченности в процесс поиска компромисса.

Вклад в развитие гражданского общества в России осуществляется медиацией во многом благодаря описанной выше специфике медиативной практики. Часть конфликтов, которые прежде разрешались посредством судопроизводства, переходит в ведение медиации, что во многом обуславливает положительные изменения и тренды становления гражданского общества в России. Это связано с тем, что содержательно медиация является одним из наиболее диспозитивных методов разрешения конфликтов, подразумевающим гармоничный баланс максимально-

Литература:

1. Закон Российской Федерации «Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.10 № 193-ФЗ // Консультант Плюс.
2. Минкина Н.И. Некоторые особенности применения медиации в урегулировании трудовых конфликтов // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. № 3(44). С. 157–162.
3. Оборотова С.А. Медиация как современная технология управления конфликтами в образо-

го вовлечения в разрешение конфликта всех сторон, а также привлечения стороннего специалиста-медиатора, который создает условия и организует пространство для того, чтобы конфликт проходил в наиболее конструктивном русле за счет применения прогрессивных конфликтологических технологий и с учетом требующихся нормативных и иных требований.

В перспективе развитие медиации и медиативных практик будет оказывать все большее позитивное влияние на тенденции снижения уровня напряженности в различных сферах общественной жизни в России. Это связано с тем, что медиация, являясь менее формализованной процедурой, нежели например судебный процесс, представляет собой диспозитивную, менее формальную процедуру, которая выводит из сектора теневого разрешения ту часть конфликтов, которая не вышла на институциональный уровень в виду тех или иных особенностей судопроизводства [8].

Таким образом, вместо того, чтобы стороны конфликта видели перед собой, скажем три варианта разрешения конфликта: судопроизводство, двустороннее разрешение и привлечение непрофессионального посредника из числа знакомых или родственников, то теперь к ним добавляется еще один способ разрешения конфликтов: профессиональная медиация [9]. При этом медиация обладает своим уникальным набором особенностей, которые делают ее эффективной там, где другие методы были бы не столь эффективны, либо не удовлетворяли бы в полной мере стороны конфликта [10].

В целом, уже сегодня практическую значимость и эффективность медиации подтверждают исследования результатов ее внедрения в разных сферах деятельности, как в России, так и в других странах мира [11]. В России потенциал медиации на данный момент не раскрыт полностью, однако благодаря приобретению в 2011 году нормативно-правовой базы и отдельным инициаторам развития, постепенно происходит расширение многообразия форм применения и популяризация медиации. Со временем, преодолевая проблемы, которые стоят на пути ее становления в России, медиация сможет окончательно утвердиться в качестве социального института, благодаря чему, сможет реализовать заложенные функции в полном объеме [12].

Literature:

1. The Law of the Russian Federation «Federal Law» On an Alternative Procedure for the Settlement of Disputes with the Participation of an Intermediary (Mediation Procedure) «dated 27.07.10 № 193-FL // Consultant Plus.
2. Minkina N.I. Some features of the application of mediation in the settlement of labor conflicts // Bulletin of Omsk State University. Series. Right. 2015. № 3(44). P. 157–162.
3. Oborotova S.A. Mediation as a Modern Technology of Conflict Management in

вательной среде // Ценности и смыслы. 2015. № 1(35). С. 116–126.

4. *Пантелеева И.А.* Семейная медиация как альтернативная процедура разрешения споров // Вестник ННГУ. 2014. № 1–2. С. 452–457.

5. *Коблева М.М.* Медиация, ее сила и преимущество в медиативных техниках // Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах: Материалы международной научно-практической конференции. Ростов-н/Д. : РГУП, 2018. С. 12–16.

6. *Синенко В.С.* Проблемы реализации принципа добровольности в процедуре медиации // Научные ведомости БелГУ. Серия : Философия. Социология. Право. 2014. № 22(193). С. 104–108.

7. *Карягина О.В.* Медиация как форма демократизации судебной практики в современной России // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 183–185.

8. *Минкина Н.И.* Медиация: обзор подходов в исследовании и правовая основа // Евразийская адвокатура. 2014. № 4(11). С. 43–46.

9. *Бенова В.И.* Классификация способов альтернативного разрешения споров // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 5. С. 128–129.

10. *Феоктистов А.В.* Медиация как способ регулирования конфликтов // Концепт. 2014. № 27. С. 1–7.

11. *Бодрова Е.А.* Необходимость подготовки специалистов для развития детской медиации в России // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 42–44.

12. *Масленникова Л.В.* Утверждение мирового соглашения арбитражным судом с учетом заключенного сторонами медиативного соглашения // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 97. С. 1–12.

the Educational Environment // Values and Meanings. 2015. № 1(35). P. 116–126.

4. *Panteleeva I.A.* Family mediation as an alternative dispute resolution procedure // Bulletin of UNN. 2014. № 1–2. P. 452–457.

5. *Kobleva M.M.* Mediation, its strength and advantage in media technologies // Actual issues of applying mediation in various fields: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don : RPMU, 2018. P. 12–16.

6. *Sinenko V.S.* Problems of implementation of the principle of voluntariness in the procedure of mediation // Scientific statements of BelSU. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2014. № 22(193). P. 104–108.

7. *Karyagina O.V.* Mediation as a form of democratization of judicial practice in modern Russia // Juridical engineering. 2014. № 8. P. 183–185.

8. *Minkina N.I.* Mediation: an overview of the approaches in the study and the legal framework // Eurasian Advocacy. 2014. № 4 (11). P.43–46.

9. *Benova V.I.* Classification of alternative dispute resolution methods // Gaps in Russian legislation. 2013. № 5. P. 128–129.

10. *Feoktistov A.V.* Mediation as a way of conflict resolution // Concept. 2014. № 27. P. 1–7.

11. *Bodrova E.A.* Necessity of training specialists for the development of children's mediation in Russia // Juridical Science. 2014. № 3. P. 42–44.

12. *Maslennikova L.V.* Approval of the settlement agreement by the arbitration court with due regard for the mediatory agreement concluded by the parties // Scientific Journal of KubSAU. 2014. № 97. P. 1–12.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Мерзаканов Сергей Айттевич

заведующий кафедрой гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
филиал Российского государственного
гидрометеорологического университета
в г. Туапсе Краснодарского края
gend_merzakanov@bk.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры
управления персоналом,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
darya.maksimovich@gmail.com

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor, head of chair of history Russia,
Kuban state University
culture@kubsu.ru

Sergey A. Merzakanov

Head of the Department of Humanities
and Science Disciplines,
branch of the Russian State
Hydrometeorological University
in Tuapse, Krasnodar Territory
gend_merzakanov@bk.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of department
of judicial examination and criminalistics,
Rostov state economic
university (RINH)
darya.maksimovich@gmail.com

**СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В РОССИИ: АНАЛИЗ РИСКОВ
СОЦИАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ**

■ ■ ■
Аннотация. Современные миграционные процессы в России имеют глубокие последствия для социума и путей его развития, поскольку стремительный рост миграционных потоков, существенное расширение их географии и состава мигрантов стали серьезной проблемой для российского государства: они экстраполируются в риски социальной миграции. В качестве главных рисков миграции выделяются: политические, экономические, социальные, культурологические, урбанизационные.

Ключевые слова: миграционные процессы, миграция, риски социальной миграции, российское государство.

■ ■ ■
На протяжении постсоветских десятилетий на территории Российской Федерации наблюдается интенсивное изменение конфигурации миграционных процессов (как внешних, так и внутренних), в которые синхронно вовлечены большие массы граждан. Миграционные процессы на постсоветском пространстве России в их нынешнем измерении смягчают социально-политические последствия кризисного развития большинства государств ближнего зарубежья. Ряд факторов негативного характера на постсоветском пространстве: военные и этнические конфликты, криминализация, терроризм [1], сложная социально-экономическая ситуация и

**SPECIFICITY OF MODERN
MIGRATION PROCESSES
IN RUSSIA: ANALYSIS
OF SOCIAL RISKS**

■ ■ ■
Annotation. Modern migration processes in Russia have profound consequences for the society and the ways of its development, as the rapid growth of migration flows, a significant expansion of their geography and migrant composition have become a serious problem for the Russian state: they are extrapolated to the risks of social migration. The main risks of migration are: political, economic, social, cultural, urban.

Keywords: migration processes, migration, the risks of social migration, the Russian state.

■ ■ ■
низкий уровень жизни содействовали росту миграционных потоков на территорию России, играющей роль государства-реципиента. На смену массовой вынужденной миграции русскоязычного населения бывших советских республик, которая, по сути своей, была репатриацией выходцев из России и их потомков, приходит массовая трудовая миграция, состоящая в большей степени из молодых жителей центрально-азиатских и закавказских республик с превалированием мигрантов-мужчин [2].

Миграция, будучи явлением многогранным, крайне противоречивым и иррациональным, ока-

зывает воздействие на демографическую, политическую, социально-экономическую, социокультурную ситуацию в России, т.е. изучение миграционных процессов в отечественной и мировой науке носит междисциплинарный характер.

Сегодня накоплен обширный круг исследований по различным аспектам миграции: социологическим, политическим, демографическим, социально-экономическим, конфликтологическим, урбанистическим, криминологическим. В России большой вклад в процесс становления и развития определения миграции и миграционных процессов внесли такие ученые, как А.С. Ахиезер, К.А. Ваховская, А.Г. Вишневский, Ж.А. Зайнчковская, Н.Н. Зинченко, В.И. Мукомель, М.А. Питухина, Л.Л. Рыбаковский и др. Различные типологии миграционных рисков представлены в работах А.Я. Бабаджанова, К.Б. Боришполец, О.И. Бородкиной, М.А. Бурда, А.Р. Димаева, Ю.А. Дроздовой, А.В. Дмитриева, А.В. Казаковой, Н.В. Соколова и др. Так, О.И. Бородкина, Н.В. Соколов и А.В. Тавровский предлагают дифференциацию основных групп рисков для участников миграционного процесса, которые могут проявляться на микро-, мезо- и макроуровне социальной реальности [2].

Как полагал А.С. Ахиезер, миграции (передвижения) людей является результатом двойной детерминации, требующей от человека поиска способов ее преодоления, т.е. нарастающего конструктивного напряжения: с одной стороны, это результат сложившегося унаследованного уровня культуры; с другой, – критика сформировавшейся культуры, акт способности субъекта потребностей преодолеть противоречия между аспектами этой амбивалентности. Акт миграции, по А.С. Ахиезеру, является формой принятия мигрантами решений, утверждающая их жизнеспособность, способность найти выход из двойственности, преодолеть ограниченность ранее сложившейся культуры и одновременно критически отнестись к односторонности своих попыток создавать инновации [3].

Современные миграционные процессы, на наш взгляд, можно рассматривать как чувствительный показатель явных и латентных явлений, как основу для прогнозирования динамики общества, как мониторинг реальных и потенциальных явлений [4], как результат миграционных вызовов и рисков, которые сегодня остро нуждаются в конкретизации.

Риски, вызываемые миграционными процессами, всегда контекстуально детерминированы, для риска социальной миграции временной контекст является одним из определяющих [5]. Как подчеркивает А.В. Дмитриев, «социально-экономическая детерминация постоянного места жительства есть главная причина существования населения как непосредственной среды жизнедеятельности человека и точно такая же причина лежит и в основе миграции» [6].

По мнению М.А. Питухиной, основными причинами миграции в Россию к 2050 г. могут стать экономические, политические, демографические

и энвайронменталистские [7, с. 37]. Эти же причины, а также неготовность государства в полной мере контролировать миграционные процессы влекут за собой возникновение рисков социальной миграции.

По мнению К.Б. Боришполец и А.Я. Бабаджанова, основными показателями рисков социальной миграции являются следующие [8, с. 6]:

- 1) масштабы массового передвижения людей, приобретающего регулярный характер, условно контролируемого государством;
- 2) повышение численности мигрантов в последние годы, и преобладание в их составе представителей титульного населения центрально-азиатских стран;
- 3) «вовлечение в трудовую миграцию сельского населения, молодежи и подростков, дестабилизирующее ряд сегментов местных рынков труда, некоторые виды производств и семейные отношения»;
- 4) включение в миграционные процессы массы лиц, условно относимых к привилегированным слоям, что увеличивает вероятность большого роста этнических диаспор, и их политизацию;
- 5) «опасность эрозии системы государственного управления вследствие коррупции, разрастания теневого бизнеса, активизации протестной риторики, формирования в лице мигрантов особой маргинальной прослойки» [8, с. 6].

Комплексный анализ научных трудов в рамках социальных, политических, демографических, экономических, культурологических аспектов изучения современных миграционных процессов в России позволил нам выделить несколько групп рисков социальной миграции.

Итак, перейдем к рассмотрению основных групп рисков социальной миграции, наиболее релевантных для данного исследования. В качестве методологической опоры актуализируется синтетическая теория миграции Д. Массея, которая интегрирует экономическую теорию трудовой миграции, теорию мировых социально-экономических и политических систем, теорию социального капитала и миграционных сетей, теорию причинности [9].

Первая группа рисков – риски обострения политической ситуации. Столкновение политических интересов, потребностей, целей иммигрантов и принимающего российского населения может обрести особую актуальность при определенных обстоятельствах и усилить политические риски (такие как увеличение доли иммигрантов по отношению к коренному населению, распределение иммигрантов на территории области, отсутствие реальных государственных программ интеграции).

Вторая группа рисков носит экономический характер. Эти риски связаны с возможностью возникновения «иммигрантских сегментов» экономики в результате экспроприации мигрантами

отдельных отраслей хозяйства; финансовых, пространственных, энергетических, сырьевых и территориальных ресурсов; продовольственного рынка; сферы ЖКХ. К примеру, сегодня в определенных сферах и отраслях многих региональных хозяйств наблюдается частичное или полное замещение квалифицированных работников на иммигрантов, работающих на временной или постоянной основе и не претендующих на высокий уровень оплаты труда, что, в свою очередь, ведет к рискам в сфере занятости и трудоизбыточности населения.

В целом, экономические риски связаны с ростом конкуренции на российском рынке труда, уменьшением стоимости рабочей силы, существованием теневой занятости, снижением налоговых поступлений при увеличении государственных расходов на социальное содержание иммигрантов, несоблюдением санитарных и иных условий для работников, отток финансовых средств, заработанных иммигрантами на их родину.

Третья группа рисков – наиболее масштабная и носит общесоциальный характер: сюда можно отнести и снижение социального статуса коренного населения, связанное с увеличением миграции; сокращение доли русских (согласно Всероссийской переписи населения, доля русских сократилась практически до 77 % , а далее, согласно прогнозам, эти процессы могут пойти по нарастающей тенденции).

Риск снижения интеллектуального потенциала общества (т.н. «утечка мозгов»), определяющего качественный состав трудовых ресурсов, связанного с оттоком образованного населения из региона – также входит в группу социальных рисков. Как указывает А.В. Казакова, основной причиной оттока, по мнению респондентов, являются: «безработица в регионе» (54,9 % респондентов); «проблемы с рабочими местами» (40,6 %); низкие заработные платы (23,4 % опрошенных); «жилищные проблемы» и «отсутствие перспектив» (18 % и 2 % участников опроса соответственно) [10, с. 104].

В рамках группы общесоциальных рисков можно выделить и риск возникновения конфликтов на религиозной почве (конфессиональные риски). Зачастую, в контексте социальных исследований, они выделяются и отдельной группой как риски роста социальной напряженности и конфликтогенного потенциала в обществе на почве религиозных противоречий [11], риски распространения терроризма.

С увеличением числа иммигрантов связан также и риск ухудшения криминогенной ситуации в регионе, который является результатом многих социальных факторов, в том числе и миграционного прироста. Так, незащищенность труда иммигрантов и отсутствие необходимых условий труда и жилья, отношение со стороны власти и коренного населения, несовершенство миграционного законодательства и другие причины могут

послужить поводом к совершению правонарушения или преступления. Следует отметить, что пока этот риск в его миграционной составляющей удается снижать благодаря ужесточению миграционного законодательства.

Четвертая группа рисков, по нашему мнению, – весьма значимая, т.к. она заключается в «культурологической диффузии», размывании национальных границ, т.к. мигранты – это всегда носители норм культуры, самобытности, социокультурных традиций и стереотипов. В результате неконтролируемого миграционного потока образуются смешанные семьи и, следовательно, новые поколения от таких браков [12]. В конечном счете, ситуация может привести к потере «цивилизационных корней».

Важное значение социальной миграции состоит в том, что она на определенном этапе перерастает в урбанизацию, выступающую как противоречивый, амбивалентный социокультурный процесс. Отсюда – можно говорить о пятой группе рисков, на наш взгляд, напрямую связанной с процессами урбанизации. Сущность процесса урбанизации обусловлена развитием производительных сил и производственных отношений, урбанизация является исторически определенным этапом расселения мигрантов, который начинается не с момента появления города, а с превращения его в господствующую форму поселения, однако рост и само преобладание города – лишь проявление урбанизации, но не причина ее. Негативными сторонами процесса урбанизации являются: экстенсивный рост крупных городов; недостаточное развитие и низкий уровень жизни средних и малых городов; слабое внимание и недооценка роли сельских поселений как социальной среды; относительно медленное преодоление социально-территориальных различий, сохранение дифференциации между городом и деревней; избыточная с точки зрения социально-демографических и социально-экономических последствий для деревни миграция в крупные города и мегаполисы [6, с. 15].

Квинтэссенцией всех обозначенных выше групп миграционных рисков, по нашему мнению, является угроза национальной и демографической безопасности российских регионов [13].

Таким образом, главными группами миграционных рисков являются: политические, экономические, социальные, культурологические, урбанизационные.

Учет вышеобозначенных рисков социальной миграции – важнейшая задача, стоящая перед российским государством. Четкое понимание проблемной специфики современных миграционных процессов в совокупности с объединенными усилиями (на уровне межгосударственного диалога) – значительное средство борьбы с многочисленными рисками, угрозами и негативными трендами миграционных процессов.

Литература:

1. *Гафиатулина Н.Х.* Медийное пространство как источник активности террористической организации / Н.Х. Гафиатулина, Д.М. Брусенцева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 38–40.
2. *Бородкина О.И.* Социальные риски международной иммиграции в Россию / О.И. Бородкина, Н.В. Соколов, А.В. Тавровский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 3. С. 114–133.
3. *Ахизер А.С.* Труды. М. : новый хронограф, 2006. С. 98–112.
4. *Касьянов В.В.* Еще раз о некоторых аспектах демографических прогнозов для российского общества на период до 2050 года / В.В. Касьянов, С.А. Мерзаканов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4.
5. *Дроздова Ю.А.* Миграционные риски в полиэтничном обществе (на примере Волгоградской области) // Вестник Волгоградского госуд. университета. 2016. № 4(34). С. 100–109.
6. *Дмитриев А.В.* Территориальная миграция: философский и конфликтологический аспекты // Социальная политика и социология: междисциплинарный научно-практический журнал. М., 2008. № 2(38). С. 8–19.
7. *Питухина М.А.* Миграционная политика России : теория и особенности реализации : автореф ... уч. ст. д-ра полит. н. СПб., 2016. 52 с.
8. *Боришполец К.Б.* Миграционные риски стран Центральной Азии / К.Б. Боришполец, А.Я. Бабджанов // Аналитические записки. 2007. Вып. 2(22).
9. *Massey D.S.* Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium / D.S. Massey, J. Arango, A. Koucouci, A. Pelligrino, E.J. Taylor. Oxford : Oxford University Press. 1998. 376 p.
10. *Казакова А.В.* Миграционный коридор: понятие, тенденции, риски // Молодой ученый. 2015. № 20. С. 403–405.
11. *Гафиатулина Н.Х.* Социальная коммуникация в профилактике конфликтов : учебно-метод. пособие / Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин. М. : РУСАЙНС, 2016. 164 с.
12. *Верещагина А.В.* Благополучное детство как основа социального здоровья молодых поколений: индикаторы социологического измерения / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиатулина // Инженерный вестник Дона. 2016. Т. 40, № 1(40). URL : <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2016/3527>
13. *Касьянов В.В.* Демографическая безопасность региона: проблемы новых рисков (на примере Краснодарского края) // Научное обеспечение регионального развития: материалы международной конференции. Ростов-н/Д. : ЮФУ, 2015. С. 121–126.

Literature:

1. *Khafiatulina N.Kh., Brusentseva D.M.* Media space as a source of activity of a terrorist organization // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 6–7. P. 38–40.
2. *Borodkina O.I.* Social risks of international immigration to Russia / O.I. Borodkina, N.V. Sokolov, A.V. Tavrovsky // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2017. № 3. P. 114–133.
3. *Akhiezer A.S.* Proceedings. M., 2006. P. 98–112.
4. *Kasyanov V.V.* Once again about some aspects of the demographic projections for Russian society for the period up to 2050 / V.V. Kasyanov, S.A. Merzakanov, S.I. Samygin // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2018. № 4.
5. *Drozdova Yu.A.* Migration risks in a multi-ethnic society (on the example of the Volgograd region) // Bulletin of the Volgograd State University. university. 2016. № 4(34). P. 100–109.
6. *Dmitriev A.V.* Territorial migration: philosophical and conflictological aspects // Social policy and sociology. M., 2008. № 2(38). P. 8–19.
7. *Pitukhina M.A.* Migration Policy of Russia: Theory and Features of Implementation : author's Abstract ... Art. dr polit. n. SPb., 2016. 52 p.
8. *Borishpolets K.B.* Migration risks of the countries of Central Asia / K.B. Borishpolets, A.Ya. Babadzhanov // Analytical notes. 2007. Is. 2(22).
9. *Massey D.S.* Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium / D.S. Massey, J. Arango, A. Koucouci, A. Pelligrino, E.J. Taylor. Oxford : Oxford University Press. 1998. 376 p.
10. *Kazakova A.V.* Migration corridor: concept, trends, risks // Young scientist. 2015. № 20. P. 403–405.
11. *Gafiatulina N.Kh.* Social communication in conflict prevention: a teaching tool / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin. M. : RUSAYS, 2016. 164 p.
12. *Vereshchagina A.V.* Safe childhood as the basis of social health of young generations: indicators of sociological measurement / A.V. Vereshchagina, N.Kh. Gafiatulina // Engineering bulletin of the Don. 2016. T. 40, № 1(40). URL : <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2016/3527>
13. *Kasyanov V.V.* Demographic security of the region: problems of new risks (by the example of the Krasnodar Territory) // scientific support of regional development: materials of the international conference. Rostov-on-Don : SFU, 2015. P. 121–126.

Кареева Светлана Геннадьевна

кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
ИСПИ РАН
Svetlran@mail.ru

Пинчук Антонина Николаевна

кандидат социологических наук,
научный сотрудник,
ИСПИ РАН
antonona.pinchuk27@bk.ru

Некрасов Сергей Владимирович

научный сотрудник,
ИСПИ РАН
sv_79@inbox.ru

**НАЦИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕНДЕНЦИИ,
ПЕРСПЕКТИВЫ, НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКАЯ ОСНОВА
ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ СИСТЕМА
ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ИНДИКАТОРОВ**

Аннотация. Статья посвящена вопросам национальной безопасности, ее тенденциям и перспективам развития. Рассматривается системообразующая для национальной безопасности специфика современной социальной реальности России. Анализируются возможные направления и подходы к ее укреплению с опорой на стратегические государственные документы и социально-научное знание. Особое внимание уделяется теоретико-методологическим основам укрепления национальной безопасности систем ключевых показателей и индикаторов национальной безопасности, предельно-критическим показателям и показателям реального состояния общества как основе для выработки превентивного типа управления современной социальной реальностью и ее рискованными составляющими.

Ключевые слова: национальная безопасность, современная социальная реальность, угрозы и вызовы, система показателей и индикаторов национальной безопасности, предельно-критические показатели, ключевые показатели, показатели реальных угроз.

Svetlana G. Kareeva

Candidate of Sociological Sciences,
Leading Researcher of the Institute
for Social and Political Research
of the Russian Academy
of Sciences (ISPR RAS)
Svetlran@mail.ru

Antonina N. Pinchuk

Candidate of Sociological Sciences,
Researcher of the Institute
for Social and Political Research
of the Russian Academy
of Sciences (ISPR RAS)
antonona.pinchuk27@bk.ru

Sergey V. Nekrassov

Researcher of the Institute for Social
and Political Research of the Russian
Academy of Sciences (ISPR RAS)
sv_79@inbox.ru

**NATIONAL SECURITY:
TENDENCIES,
PROSPECTS, SCIENTIFIC
AND PRACTICAL BASIS
FOR THE ENHANCEMENT –
INDICATOR SYSTEM**

Annotation. This article deals with national security, its tendencies and prospects for development. The specific nature of the Russian modern social reality being systemically important for national security is considered. There given an analysis of the possible directions and approaches to the enhancement of the national security based on the Government strategic documents and socio-scientific knowledge. A special attention is paid to the theoretical and methodological framework for enhancing the national security, t.e. a system of national security key indicators, critical limit indicators and indicators of understanding conditions in the country as a basis for developing the preventive actions to manage the modern social reality and its risky elements.

Keywords: national security, modern social reality, threats and challenges, national security indicator system, critical limit indicator, key indicators, real threat indicators.

«Умная оборона от новых угроз».
«...необходимы механизмы реагирования не только на уже существующие опасности. Нужно научиться «смотреть за горизонт», оценивать характер угроз на 30–50 лет вперед. Это серьезная задача, требующая мобилизации возможностей гражданской и военной науки...» [1].

Специфика современной социальной реальности России: аспекты национальной безопасности, тенденции, перспективы. В XX и начале XXI века Россия прошла не имеющий мировых аналогов исторический путь развития, путь «тектонических» трансформаций: революций, войн, кардинальных изменений в форме государственного политического, социально-экономического устройства, геополитических потерь и сведения на низкий уровень человеческого потенциала страны. Произошли глобальные исторические и эволюционные изменения, повлекшие за собой существенное снижение уровня национальной безопасности и сформировавшие качественно иные траектории развития российской государственности.

В современной социальной реальности «новой» России преобладающие в действительности явления и процессы служат этому подтверждением и во многом являются отражением воспринятого социумом экономического, духовно-нравственного и социального опыта, где в частности, в аспекте безопасности, практика мировых войн, холодной войны рубежа веков получает свое продолжение в виде второй холодной войны, информационных, гибридных и экономических войн нового поколения, основанных на передовых технологиях.

Детерминирующими факторами цивилизационного развития становятся человеческий потенциал, научные знания и социальный капитал.

В новой социальной реальности снижается значение традиционных (технических и технократических) технологий и возрастает роль технологий нетрадиционных – информационных, социальных, интеллектуальных, которые по качественным характеристикам не предсказуемы, таят огромное число латентных противоречий и имеют оборотную, непознанную сторону, где открытие новых возможностей сопряжено с угрозами и рисками нового типа экономического, техногенного, социального и т.д. характера.

Как правило, данные технологии имеют скрытый или «отложенный» эффект и результаты их воздействия, вероятно, скажутся не при жизни людей-создателей, а на их потомках. Они включают в себя существенную пролонгированную компоненту будущего.

Переход к информационной фазе развития мирового сообщества сопряжен с беспрецедентными научно-техническими достижениями, с результатами которых человечество уже столкнулось и будет сталкиваться в будущем. Примером может служить формирование нового типа самостоятельного «техногенного сознания», где трансформация человеческого интеллекта в ис-

кусственный интеллект и взаимодействие человеческого интеллекта с искусственным интеллектом становится обозримой перспективой. В цифровом пространстве происходит компьютерное накопление общей и частной информации о мире и человеке, дающее возможность выйти на уровень качественной имитации деятельности мозга в рамках компьютерной симуляции, влекущей за собой значительную рисковую составляющую: контроль управляемых компьютером систем и всего Интернета в целом; захват систем электронного управления, включенных в оборонно-промышленный, экономический, политический комплексы страны; создание собственной автономной и неуправляемой извне человеком инфраструктуры; прямое и опосредованное влияние на людей по созданным информационным каналам и формирование собственных механизмов воздействия на миры т.д. Лейтмотивом актуализируются вопросы безопасности, как информационных систем, так и кибербезопасности в целом.

Разработка и использование новых наукоемких технологий на практике способствует общему накоплению информации в некий содержательный континуум (сплошную среду), ее смысловой трансформации и выход из-под контроля на новый системный уровень. В частности, обнаружение одного нового явления в науке может привести к тому, что оно, в рамках сопутствующих интеллектуальных разработок, неоднократно усиливается в течение короткого срока, приобретая иные качественные характеристики и последствия для общества. Ярким подтверждением является пример разработки ядерного оружия, где от открытия цепной реакции урана, его обогащения и до создания ядерной бомбы первого поколения прошло всего десять лет. Потоку же алгоритму развития событий – наращивание в геометрической прогрессии научного знания и творческого потенциала – создавались самые смелые и неординарные военные изобретения: танки, корабли, поезда, самолеты, подводные лодки, которые удивили мир, перевернули его представления об оборонных возможностях России были взяты на вооружение.

Современная социальная реальность со своим потенциалом угроз и рисков способна вовлечь современное общество в глобальную катастрофу. Общий цивилизационный (техногенный) контекст ее развития подкрепляется для России не только внутренними социально-политическими, но и внешними экономическими, геополитическими бифуркациями, проводимыми Западом во главе с США курсом на дестабилизацию ключевых факторов развития России, ее геополитическую и экономическую изоляцию, разжигание конфликтов с сопредельными государствами, создание зон нестабильности и управляемого извне хаоса.

Взятый Западом еще в августе 1991 года генеральный курс на слом национальной обороны России – страны с ядерным оружием, великим историческим военным прошлым, по сути, до сих пор нацелен на скрытую «не военную» оккупацию, которая ничем не отличается от военной. Такой вид оккупации имеет, помимо выраженной экономической и геополитической составляющей, более тонкие системные механизмы воздействия на сознание нации, включая манипуляцию подмену духовно-нравственных ценностей, ориентиры на глобальное разделение социума, оперирование ложной и чуждой русскому этносу идеологией и т.д.

Цель запущенных Западом к реализации разрушительных процессов – отсутствие на мировой арене сильной, самодостаточной России и выполнение отведенной ей роли ресурсного, экономического и интеллектуального донора.

Но, «...сложности, с которыми мы сталкиваемся, создают для нас и новые возможности, страна готова принять любой вызов времени и победить» [2]. Следует отметить тот факт, что на фоне внешних негативных тенденций – санкционное давление на Россию, информационная агрессия, целенаправленное продвижение НАТО на восток и т.д. был постепенно запущен к реализации мощный внутренний потенциал развития страны, где в «огромном замкнутом плавленом котле» было положено начало новым процессам всесторонней консолидации России, ее «сосредоточению», «сборке», поднятию и идентификации национального самосознания.

Произошло «включение» скрытых внутренних резервов, позволивших «...переориентировать вектор экономических связей на восток, снизив зависимость от американского доллара; начать переориентацию российской экономики на приоритетные отрасли с сырьевых сегментов на сегменты с высокой добавленной стоимостью, предпочитая поддержку реального, а не финансового сектора; положить начало импортозамещению, направленному на защиту внутреннего производителя; проводить курс на модернизацию производства, внедрение инноваций и др.» [3, с. 134–137].

России на наукоемкой основе, вопреки тотальному экономическому и геополитическому давлению, удалось решить главный вопрос – вопрос безопасности страны, сопрягая новые разработки ракеты «Сармат» с утвержденной доктриной Вооружённых сил Российской Федерации, «...предусматривающей возможность нанесения упреждающих ядерных ударов по войскам НАТО в случае вооружённого конфликта для его «деэскалации» [4], «...именно этому классу носителей ядерного оружия предстоит, по всей видимости, при взаимодействии с системами мобильного, морского и авиационного базирования выполнять роль главного щита страны» [5].

Этот новый класс ракет, пришедший на смену предыдущему поколению – «Воевода», можно символически отнести к силовому, по сути, социально-экономическому водоразделу со-

временной социальной реальности России, дающему возможность вплотную заниматься созидательным социальным развитием государства и принимать равноправное (доминирующее) участие в строительстве нового миропорядка.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что наукоемкие военные технологии становятся основополагающими в продвижении политики государства в условиях сохранения «хрупкой устойчивости баланса» той области, где кончается мир и начинается война. В настоящее время этот рубеж размыт. И только сильное с точки зрения национальной безопасности и защищенное государство может позволить себе самоидентичный путь развития.

Вектор обращения к внутренним ресурсам страны (природные, экономические, наукоемкие, оборонные, человеческие, финансовые информационные, энергетические и т.д.) становится основополагающим и дает возможность полноценно оперировать потенциалом нации. «...История даёт России уникальный шанс. Развитие событий настоятельно требует от нас переустроить собственную экономику и модернизировать социальную сферу. И этот шанс упустить мы не намерены»; «...считаю, что экономика XXI века – это экономика людей, а не заводов. Интеллектуальная составляющая в глобальном развитии неизмеримо возросла» [6].

Следует констатировать, что привычные контуры общества размываются, а наукоемкая детерминанта – научно-технический прогресс, пронизывая все сферы жизнедеятельности, порождает новые социально-экономические, политические конфигурации является отправным пунктом в становлении новой экономики, политики, культуры и новой безопасности в целом.

Возможные направления и подходы к укреплению национальной безопасности: теоретико-методологические основания. Трансформация социальной реальности влечет за собой качественно иной системный подход к ее пониманию, научному анализу, выработке мер по управлению процессами формирования, диктует целенаправленный выбор дальнейших направлений и механизмов достижения стратегических приоритетов – социально-экономического, политического, духовно-нравственного развития и обеспечения национальной безопасности страны. Такой подход подразумевает тотальный контроль за состоянием основных сфер и условий жизнедеятельности современного российского общества.

В процесс целеполагания закладываются превентивные научно обоснованные механизмы регуляции динамики социальной реальности во избежание ее бифуркационного выхода за пределы «красной» или критической черты, отвечающей за состояние сбалансированности основных сфер национальной безопасности страны.

Приоритетом в подходе к системному реагированию на новые вызовы и угрозы становятся:

– опора на взаимоувязанные стратегические государственные документы, всесторонне формирующие приоритеты государственной политики России и регулирующие вопросы ее национальной безопасности;

– оперирование научными знаниями, эвристическими методологиями, нацеленными на реализацию поставленных в области безопасности задач и выработку превентивного типа управления современной социальной реальностью и ее рисковыми составляющими.

О государственных стратегических документах, регулирующих вопросы национальной безопасности страны. С учетом исторического и современного контекста национальная безопасность утратила значение узко отраслевой оборонной направленности и стала носить интегральный характер, объединив в себе системно все виды безопасности, включая безопасность таких сфер жизнедеятельности современного российского общества, как геополитическая, имиджевая, экология, экономика, информация, культура и духовно-нравственный контекст, здоровье нации, права и свободы личности и др.. Перечень сфер расширяется адекватно потребностям общества, новым вызовам и угрозам. Военная безопасность, нацеленная на противодействие внешним угрозам, сохраняет свое приоритетное значение, также, как и ее укрепление остается одной из важнейших задач российского государства.

Россия, «обращаясь» к пройденному историческому пути, формализовала обозначенную идею интегрального подхода к пониманию национальной безопасности страны с сохранением ориентиров на возврат и укрепление статуса великой державы в иерархии стран и народов в современном мировом сообществе по важнейшим экономическим, социальным, политическим, культурным, технологическим и иным параметрам основных государственных нормативных документах.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, документами стратегического планирования в сфере национальной безопасности – «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации», Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Стратегией научно-технологического развития РФ, основами государственной политики, доктринами, концепциями с учетом ежегодных Посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2012–2018 гг. сформулирована система документов в сфере национальной безопасности.

С точки зрения целей и задач, отраженных в содержании данных нормативных документов, регулирующих сферу национальной безопасности, перед государством и обществом на ближайшую и отдаленную перспективу выдвинуты два ключевых стратегических приоритета, нацеленных на устойчивое социально-экономическое развитие страны с повышением жизненного уровня и качества жизни её народов, обеспече-

ние национальной безопасности с учетом всего спектра вызовов и угроз.

В рамках первого приоритета стоят задачи по обеспечению сохранения народов и повышение общего качества жизни, в рамках второго – комплексная безопасность как самого человека (социосферы), так и окружающей природной среды (биосферы, абиосферы), техносферы по всему комплексу принимаемых решений.

Обозначенный перечень документов исторически обусловлен, контекстуально и содержательно сопряжен в рамках сложившихся государственных практик и подразумевает:

– взаимоувязанность всех документов, раскрывающих целевые приоритеты в сфере национальной безопасности;

– наличие принимающих решение и регулирующих деятельность лиц в сфере национальной безопасности;

– сопровождение процесса прогнозирования, планирования, проектирования и конструирования в сфере национальной безопасности качественным нормативно-правовым, научно-методическим и информационно-аналитическим сопровождением.

По сути, данные документы взаимоувязаны, обладают общими характеристиками и их содержанием является сквозное целеполагание и соответствие целей прогнозирования, планирования, проектирования и конструирования желательных для общества процессов в сфере национальной безопасности на федеральном уровне к региональному и далее муниципальному уровню; аналитическая связь и анализ взаимовлияния процессов целеполагания в различных сферах развития общества; «...отсутствие бесконтрольных зон и процессов; оптимальная система показателей и индикаторов состояния процессов; система контроля и возможной коррекции процессов с использованием метода предельно-критических показателей развития общества».

Особое значение для достижения и реализации поставленных в стратегических документах страны целей и задач приобретает в целом научное знание и социально-научное знание в частности, обладающее набором необходимого и востребованного научно-практического инструментария обеспечения мониторинга и контроля за состоянием основных сфер жизнедеятельности современного российского общества.

Возможность обеспечения своевременного реагирования и устранения угроз национальной безопасности страны открывается за счет использования в практике государственного управления разработанной в ИСПИ РАН под руководством академика Г.В. Осипова и в рамках его научной школы методологии – системы ключевых, предельно-критических показателей и показателей реальных угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Научно-практические и теоретико-методологические основания укрепления национальной безопасности: ключевые, предельно-критические показатели и показатели реальных угроз. В рамках данной разработки акцент делается на максимальную преемственность научной школы советских социологов, разработавших как саму систему социальных показателей и индикаторов развития российской государственности и реального положения человека в российском обществе, так и систему предельно-критических показателей на основе новых методов измерения, которые на тот момент не использовались советской статистикой.

Новаторство ученых состояло в создании достаточно гибкой системы индикативного измерения, дающей возможность отражать качественные и количественные характеристики распространенных в обществе явлений. Ученым удалось осуществить «выход» на измерение восприятия населением уровня социального развития общества и своего «места» в нем. Речь идет о степени удовлетворенности конкретного человека работой, образованием, жилищными условиями, материальным положением, отношениями с людьми, состоянием здоровья, жизнью в целом и др.

Именно такой подход позволил отойти от обобщенного среднестатистического актора социальной реальности на уровень конкретного человека и получить адекватную научно обоснованную информацию для органов государственной власти о напряжениях, проблемах и эскалации протестных настроений в определенных областях жизнедеятельности общества для последующего проведения более адекватной социальной и экономической политики.

Имеющиеся теоретико-методологические разработки позволили с учетом современных реалий перейти к решению стратегической для России методологической задачи – создание системы измерения национальной безопасности Российской Федерации.

Учеными сформулированы 16 ключевых показателей национальной безопасности Российской Федерации, методологически включающих, в рамках фиксации реальных процессов в обществе, сопоставление общей системы предельно-критических показателей и системы показателей реального состояния основополагающих сфер и условий жизнедеятельности российского общества. Данное сопоставление дает возможность через отражение современных национальных реалий осуществлять государственный контроль, а также своевременно, в случае проявления негативных тенденций, устранять угрозы национальной безопасности.

Ключевые показатели национальной безопасности Российской Федерации. В основу создания общей системы показателей и индикаторов национальной безопасности страны легли разработанные учеными ключевые показатели – «...то есть показатели основных сфер и условий жиз-

недеятельности общества, которые позволяют судить о перечне ключевых угроз национальной безопасности российского государства и его целостности» [7, с. 81]. Общий содержательный и номинативный перечень 16 ключевых показателей национальной безопасности детерминирован как противоречивым характером развития общества, таки его сложной современной структурой, в которой действуют различные по своему характеру и содержанию виды общественной деятельности, имеющие выраженный социальный контекст. Именно социальный контекст определяет адекватный развитию современного общества вид самих общественных отношений и общественной жизнедеятельности в целом.

В результате этого сложились основные сферы жизнедеятельности общества: социальная, политическая, культурная, экономическая, включающие комплекс внутренних сфер, направленных на его устойчивое жизнеобеспечение, воспроизведение и развитие. Разумно говорить о соблюдении различных жизненно важных потребностей общества в физической безопасности, стабильности, самоидентификации, знаниях и др. Именно этот спектр фундаментальных потребностей является базовым для формирования основных сфер жизнедеятельности общества и источником для перечня 16 ключевых показателей национальной безопасности:

– военная безопасность отвечает за «...состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз» [8];

– экономическая безопасность – это «...состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень социального, политического и оборонного существования и прогрессивного развития РФ, неуязвимость и независимость её экономических интересов по отношению к возможным внешним и внутренним угрозам и воздействиям» [9];

– финансовая безопасность – это «...защита финансовых интересов общества и государства на макроуровне, корпоративных структур, финансовой деятельности хозяйствующих субъектов на микроуровне» [7, с. 85];

– технологическая и научная безопасность нацелена на «...обеспечение соответствующее мировому уровню технологий и, в первую очередь, технологий электронно-цифровых, научное обоснование перехода к электронно-цифровой стадии в развитии российского общества»;

– энергетическая и ресурсно-сырьевая безопасность в общей совокупности дает «...защищенность государства и общества в целом от угроз дефицита всех видов энергии и энергоресурсов» [7, с. 88];

– продовольственная безопасность регулирует «...состояние экономики государства, при котором обеспечивается его продовольственная независимость и гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов» [10];

– социальная безопасность – это «...защита жизненно важных интересов общества, личности и семьи от внешних и внутренних угроз. Все элементы социальной системы, обеспечивающей уровень и качество жизни населения и регулируемой социальной политикой, являются ее объектами» [11];

– демографическая безопасность отвечает за «...защищённость процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений» [12, с. 54];

– интеллектуально-кадровая безопасность является основой для создания «...материальных и духовно-нравственных стимулов наращивания образовательного и научного потенциала»;

– экологическая безопасность регулирует «...защищённость среды обитания людей и биосферы в целом, атмосферы, гидросферы, литосферы и ближнего космического пространства, состава животного и растительного мира, а также природных ресурсов от угроз, создаваемых деятельностью человека» [13, с. 6–16];

– социально-политическая безопасность осуществляет «...предотвращение потери политической управляемости или ее несоответствие возможностям и интересам общества, которые ведут к его деградации и социально-экономическому хаосу»;

– социокультурная безопасность формирует вектор на «...сохранение изащищенность духовно-нравственных, этических, культурных традиций и идентичности народов Российской Федерации» [7, с. 96];

– информационная безопасность обеспечивает «...защищённость личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз» [14];

– внешнеполитическая безопасность нацелена на «...обеспечение благоприятных внешних условий для экономического и социального развития страны, сохранения глобальной и региональной стабильности, мира и международной безопасности» [7, с. 97];

– региональная безопасность отвечает за «...состояние политической стабильности на основе социально-экономического развития и удовлетворения материальных и культурных потребностей населения регионов» [7, с. 98];

– миграционная безопасность – такое «...состояние защищенности государства от деструктивного влияния внешних миграционных процессов, которое характеризуется умеренным вкладом миграционного прироста в формирование численности населения страны, а также отсутствием массовой иммиграции бедных слоев населения с низким уровнем образования, криминальных элементов и отсутствием массовой эмиграции» [7, с. 92].

Общее состояние социальной системы общества, в целом, измеряется ключевыми показателями национальной безопасности Российской Фе-

дерации, являющимися ее стратегическими элементами и своеобразными маркерами общих стратегических направлений поддержания. Исходя из подвижной динамики современной социальной реальности, в различных ситуациях и в различные временные периоды могут складываться те или иные негативные тенденции в развитии основных сфер жизнедеятельности российского общества, усиливающие значение того или иного показателя, фиксирующего определенные тенденции, на что необходимо своевременно обращать внимание и предотвращать возможные угрозы.

Точкой отсчета состояния каждого ключевого показателя национальной безопасности являются его предельно-критические показатели и их значения.

Предельно-критические показатели национальной безопасности. «...Предельно критическим следует считать такое значение показателя, выход за границы которого свидетельствует о возникновении угрозы функционированию определенных (экономических, социальных и др.) систем, в результате чего в социуме может произойти эскалация разрушительных процессов» [15, с. 2] и общество может перейти в качественно иное состояние с новыми характеристиками. Предельно-критические значения выступают критерием определения предельных показателей, превышение которых свидетельствует об отклонении от установленных в качестве приемлемых нормативных параметров.

Именно пороговые значения служат индикаторами предельно допустимых количественных показателей, несоблюдение которых препятствует стабильному функционированию социальной системы общества и которая «...по каждому жизненно важному параметру имеет свою энтропическую границу, переход за которую означает гибель рассматриваемой системы как единого целого» [16, с. 22].

Каждый предельно-критический показатель также, как и ключевой показатель национальной безопасности, напрямую корреспондируется с определенным в государственных документах национальной безопасности – стратегическим национальным приоритетом. Методика расчета предельно-критических показателей осуществляется на основе статистических данных за конкретный период времени, результатов социологических опросов (уточняется с периодичностью раз в три года), экспертных оценки других источников информации в зависимости от содержательного направления каждого показателя в отдельности.

Значение предельно-критического показателя рассчитывается профильными специалистами с применением функциональных возможностей статистическо-математического аппарата. Единица измерения отражается в процентах, разном эквиваленте, годах, числе людей (человек).

Предельно-критическое значение устанавливается постоянным на изначально заданный вре-

менной интервал с его последующим уточнением в конкретные промежутки времени. Зафиксированные значения служат индикаторами состояния общественной безопасности и артикулируют зоны негативных процессов, развивающихся в конкретной сфере жизнедеятельности общества.

Предельно-критические показатели национальной безопасности ориентированы на фиксацию стабильного состояния развития социальной системы общества и содержат пороговые значения, выход за которые означает возникновение угрозы национальной безопасности страны. Критическое значение не всегда означает бифуркацию или непоправимые разрушения в обществе, как правило, это – сигнал о необходимости оперативного вмешательства в «проблемную зону» органов государственного управления для своевременной стабилизации и дальнейшего контроля и управления. Но значение менее предельно-допустимого также является косвенным индикатором наличия в социальной системе общества негативных процессов. Негативный рост, как и падение значения показателя, является прямым указателем на дисбаланс и кризисные процессы в обществе, требующие упреждения.

Показатели реального состояния национальной безопасности России отвечают за количественную оценку ключевых процессов, происходящих в обществе, и устанавливаются в соответствии с официальными статистическими данными, согласно сведениям государственных программ, прогнозам социально-экономического развития и другим значениям, предусмотренным нормативно-правовыми актами.

В настоящее время для создания целостной системы индикативного измерения общества учеными также осуществляется разработка показателей цели, средств, эффективности и персональной ответственности, предполагающих всестороннюю оценку динамики социальной реальности и выход на основе достоверной информации на научное управление обществом.

Представленная методология в перспективе подразумевает процесс дополнительных научных исследований на постоянной основе, мониторинговую деятельность в области статистических данных для адекватного отражения реального состояния и предельно-критических значений основных сфер жизнедеятельности современного российского общества, содержательное научно обоснованное и сопряженное со спецификой современной социальной реальности расширение перечня ключевых показателей национальной безопасности, системные исследования в области формирования качественных показателей, дальнейшее обоснование, разработку результирующих индексов, совершенствование понятийного аппарата, расширение и уточнение методологии.

Совершенствование методологии предполагается и в сфере содержательного углубления, уточ-

нения самих понятий – индикаторы и показатели, комплексно дополняющие друг друга. Первые предельно формализованы по значению, используются статистические данные, имеют цифровое выражение. Информация предоставляется о существующих тенденциях в обществе, но не раскрывается их содержание. Вторые также базируются на основе статистических данных, но позволяют отразить конкретный социально-экономический эффект и польза зрения восприятия обществом. Данная научная разработка – фундаментальная теоретико-методологическая основа для дальнейших исследований в области адекватной изменениям современной социальной реальности системы измерения.

Следует констатировать тот факт, что в условиях общих, определяющих вектор развития современной цивилизации геополитических, экономических и социальных тенденций: мондиализма – универсализации под эгидой Западного мира; дифференциации между странами «богатого Севера» и странами «бедного Юга», определяющими эпоху геополитических и геоэкономических противоречий; наличие огромных запасов оружия массового уничтожения; беспрецедентной гонки вооружения; виртуализации пространства, где ключевые процессы социальной системы общества начинают функционировать в сфере виртуального мира и глобальной компьютерной сети и т.д., создаются иные конфигурации и стратегии для сохранения национальной безопасности страны.

Россия, находясь в условиях постоянных внешних и внутренних изменений, встроенная в саморазвивающийся контекст, как любая динамическая система, приобретает качества «неуязвимости». Речь идет о редкой для страны возможности – построение основ нового миропорядка и новой системы национальной безопасности на фундаменте дальнейшего сохранения суверенитета, статуса атомной и космической Державы, равновеликой западным оппонентам; национального умения смотреть «за горизонт событий» и планировать желаемое будущее страны в целом; генетического умения «сосредотачиваться» и побеждать в сложных экстремальных ситуациях. Залогом сохранения и укрепления национальной безопасности остается научное знание как неизменный инструментальный и выражение прорывного эвристического характера нации. Целесообразно вести речь о перспективах включения научного знания в систему государственного управления.

В контексте развития новой социальной реальности, содержательного изменения самого концепта «национальная безопасность» разумно дополнить известное высказывание Императора Александра III миротворца: «У России есть только два союзника: ее армия и флот» мыслью о том, что третьим союзником является наука, верно стоящая на службе российской государственности.

Литература:

1. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности России // Российская газета. 2012. № 5708(35). URL : <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>
2. Послание Президента РФ Федеральному собранию от 01.03.2018 г. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/
3. Сергеева О.Ю. Экономические последствия санкций для российской экономики / О.Ю. Сергеева, А.А. Каримова // Вопросы экономики и управления. 2017. № 1. С. 134–137.
4. Закарян С. Разработка межконтинентальной баллистической ракеты «Сармат» // ИА «Оружие России». URL : <http://www.arms-expo.ru/articles/124/84232/>
5. Минобороны показало, как запускается «Сармат» // ИА «Ньюсинфо». URL : <http://www.newsinfo.ru/news/2018-03-30/sarmat/783919/>
6. Доклад В.В. Путина на открытии Всемирного экономического форума в Давосе // РИА Новости. URL : <https://ria.ru/economy/20090129/160410501.html>
7. Национальная безопасность России в информационную эпоху. Россия в системе глобальных изменений современной цивилизации. 2015–2016 годы. М. : ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. 306 с.
8. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976). URL : <http://base.garant.ru/70830556/>
9. Федеральный закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» от 13.10.1995 № 157-ФЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8043/
10. Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12072719/>
11. Социальная безопасность основа социальной политики. Доклад Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по социальной и демографической политике. URL : <https://www.oprf.ru/documents/505/1834/newsitem/18241>
12. Геополитика и национальная безопасность: Словарь основных понятий и определений // РАЕН. 1999. С.54.
13. Гостев Р.Г. Национальная безопасность Российской Федерации: угрозы, вызовы, риски, опасности / Р.Г. Гостев, С.Р. Гостева // Социальная политика и социология. 2012. № 2(80). С. 6–16.

Literature:

1. Putin V.V. To be strong the guaranties for the Russian national security // Russian Newspaper. 2012. № 5708(35). URL : <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>.
2. The Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation, dated March 1, 2018. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/
3. Sergeeva O.Yu. The economic impacts of sanctions for the Russian economy / O.Yu. Sergeeva, A.A. Karimova // Economic and Management Issues. 2017. № 1. P. 134–137.
4. Zakaryan S. The development of the intercontinental ballistic missili «Sarmat» // IA «Russia's weapon». URL : <http://www.arms-expo.ru/articles/124/84232/>
5. The RF Ministry of Defense showed how the «Sarmat» was launched // IA «Newsinfo». URL : <http://www.newsinfo.ru/news/2018-03-30/sarmat/783919/>
6. The report of V.V. Putin at the open of the World Economic Forum in Davos // RIA Novosti. URL : <https://ria.ru/economy/20090129/160410501.html>
7. National security of Russia. Russia in the system of global changes of the modern civilization. 2015–2016. M. : Social and Political research of the Russian Academy of Sciences, 2017. 306 p.
8. The Military Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation dated December 25, 2014 № Order-2976). URL : <http://base.garant.ru/70830556/>
9. The Federal Decree «On State Regulation of Foreign Trade Activities», dated October 13, 1995 № 157-FD. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8043/
10. The Presidential Decree of the Russian Federation of January 30, 2010, № 120 «On Approving the Food Doctrine of the Russian Federation». URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12072719/>
11. Social security is a basis for social policy. The report of the Public Chamber Commission on social and demographic policies. URL : <https://www.oprf.ru/documents/505/1834/newsitem/18241>
12. Geopolitics and national security: Main Concepts and Definitions of Dictionary // Russian Academy of Natural Sciences. 1999. P.54.
13. Gostev R.G. The national security of the Russian Federation: threats, challenges, dangers / R.G. Gostev, S.R. Gosteva // Social policy and sociology. 2012. № 2(80). P. 6–16.

14. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646). URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>

15. Глазьев С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Вестник РАН. 2012. Т. 82. № 7. С. 2.

16. Горский Ю.М. Хаос, управление, конкуренция. Якутск, 1991. С. 22.

14. Information Security Doctrine of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation of December 5, 2016, № 646). URL : <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>

15. Glazyev S.Yu., Lokosov V.V. Evaluating the critical limit values of indicators for the performance of the Russian society // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2012. Vol. 82. № 7. P. 2.

16. Gorskiy Yu.M. Chaos, management, competition. Yakutsk, 1991. P. 22.

Волнистая Марина Георгиевна

кандидат социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой
философии и методологии
университетского образования,
Республиканский институт
высшей школы,
Республика Беларусь
ekakorkiya@mail.ru

Коркия Эка Демуриевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
коммуникативных систем
социологического факультета,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
ekakorkiya@mail.ru

Мамедов Агамали Куламович

доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой
социологии коммуникативных систем
социологического факультета,
Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова
akmnauka@yandex.ru

**АКТУАЛИЗАЦИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
В ОБЩЕСТВЕННОМ
МНЕНИИ РОССИЯН**

■ ■ ■

Аннотация. В данной статье комплекс экологических проблем рассматривается в рамках обширной исследовательской базы конкретных научных аспектов или же получает реализацию в направлениях государственной политики, но в большинстве случаев – в рамках решения проблем современного развития. Комплексное понимание экологической культуры как феномена современной цивилизации, прежде всего, ее основы - экологического сознания, еще не сформировано. Эта проблема имеет объективный характер и отражает транзитарный переход к постиндустриальному обществу. Соответственно, как формационный транзит, наша эпоха характеризуется диалектическими противоречиями, транзитарными трансформациями, имеющими кризисный характер и требующими переосмысления.

Ключевые слова: трансформация, экологическое сознание, гуманизация, управление, экологические проблемы, Римский клуб.

■ ■ ■

Marina G. Wolnistaya

PhD of Sociology, Associate Professor,
Head of the philosophy
and methodology of university education,
Republican Institute of Higher Education,
Republic of Belarus
ekakorkiya@mail.ru

Eka D. Korkiya

Ph. D., Assistant Professor
of the subdepartment of sociology
of communication systems,
Moscow State University
ekakorkiya@mail.ru

Agamali K. Mamedov

Doctor of Science, Professor,
Head of the subdepartment
of sociology of communication systems,
Moscow State University
akmnauka@yandex.ru

**ACTUALIZATION
OF ENVIRONMENTAL
PROBLEMS IN THE SOCIAL
OPINION OF RUSSIANS**

■ ■ ■

Annotation. The complex of environmental problems is considered within the framework of an extensive research base of specific scientific aspects or is realized in the direction of state policy, but in most cases - within the framework of solving problems of modern development. A comprehensive understanding of ecological culture as a phenomenon of modern civilization, first of all, its basis - ecological consciousness, has not yet been formed. This problem has an objective character and reflects a transitory transition to a postindustrial society. Accordingly, as a formational transit, our era is characterized by dialectical contradictions, transitional transformations, which are of a crisis nature and require a rethinking.

Keywords: transformation, ecological consciousness, humanization, management, environmental problems, Roman Club.

■ ■ ■

В настоящее время экология стала одной из распространенных и масштабных объектов внимания как со стороны научного сообщества, так и со стороны политических и экономических структур. Аналитики постулируют необходимость решения экологических проблем и все настойчивее предлагают различные механизмы и способы решения. На уровне государств и межправительственных соглашений принимаются различные программы, направленные на улучшение экологической обстановки в различных регионах мира. Но, вместе с тем, аналитики отмечают, что современная цивилизация не только столкнулась с экологическим кризисом, но и стоит на пороге гибели. Признается, что мер, принимаемых недостаточно и нужны глобальные радикальные перемены и, прежде всего, в мировоззренческих установках по отношению к сфере взаимодействия «человек-природа». Необходимость формирования новых культурных установок в области экологии сегодня признается всем миром. Проблематика гуманизации научно-технического прогресса, сохранения окружающей среды, установление баланса в системе «человек-природа-общество» - это немногие концепты, которые стали трендами сегодняшнего дня.

Современные исследователи трактуют концепт экологической культуры как:

– часть общечеловеческой культуры, система социальных отношений, общественных и индивидуальных морально-этических норм, взглядов, установок и ценностей, касающихся взаимоотношения человека и природы [2];

– отечественный и мировой опыт гармоничного взаимодействия человека и природы [1];

– составную часть общемировой культуры, которая характеризуется глубоким и всеобщим осознанием себя как части природной среды, и как субъекта, ответственного перед собой, перед живущими и последующими поколениями [36];

– гармоничность сосуществования человеческого общества и окружающей природной среды; целостный коадаптивный механизм человека и природы, реализующийся через отношение человеческого общества к окружающей природной среде и к экологическим проблемам в целом [32];

– органическое единство экологически развитого сознания, эмоционально-психических состояний и научно обоснованной волевой утилитарно-практической деятельности [32];

– составную часть развития общемировой культуры, характеризуемой острым, глубоким и всеобщим осознанием насущной важности экологических проблем в жизни и будущем развитии человечества [32];

– совокупность способов адаптации людей к окружающей среде, такое состояние общества, которое отличается соразмерностью духовных и материальных ценностей; соответствием социальной деятельности требованиям жизнепригод-

ности окружающей среды; соблюдением долга перед жизнью на Земле; выраженного в сохранении условий для развития и приумножения жизненных форм, включая и человека [32];

– часть общей культуры – совокупность гармонично развитых интеллектуальной, деятельностной, эмоционально-чувственной сфер, обеспечивающих экологически обоснованное взаимодействие человека с окружающим миром (природной и социальной средой, людьми, самим собой) [12];

– меру и способ реализации и развития сущностных сил человека, экологического сознания и мышления в процессе духовного и материального освоения природы и поддержания её целостности [11];

– экологическую культуру, которая обуславливает соответствие социальной деятельности и законов природной целостности (в частности, соответствие человеческой активности и такого качества природной среды, как её жизнепригодность) [10];

– открытую, динамичную систему высоконравственных и ценностных установок, цель которой – сохранение и развитие природно-социального потенциала человеческого общества, формирование «устойчивой» экологической сферы общества» [19];

– ценностное отношение некоторого социального субъекта (индивид, группа, сообщество) к среде своего обитания: локальной, национальной, глобальной [40];

– нравственно-духовную сферу жизнедеятельности человека, характеризующую своеобразие его взаимодействия с природой и включающую в себя систему взаимосвязанных элементов: экологическое сознание, экологическое отношение и экологическую деятельность [35];

– экологическую сферу общества, которая представляет собой систему диалектически взаимосвязанных элементов – экологической деятельности, экологических отношений, экологической формы общественного сознания, экологического субъекта, специализированных управленческих структур, и специализированной материально-технической базы [33];

– как сопричастность культурно-духовных и природных основ развития человеческой цивилизации [17].

Вместе с тем, человечество только стоит на пороге понимания того, что экологические вызовы – это не столько новый сегмент в феномене культуры как таковой, но и прямое отражение спектра последствий цивилизационного развития. Понимание причин экологической ситуации, сложившейся к настоящему времени, позволит обозначить новый вектор взаимодействий, в основе которого будет лежать экологическая культура. Смена парадигм развития обусловила обострение всего спектра проблем, которые имеют объективную природу и отражают противоречия

общественного развития. Многие из этих проблем являются закономерным следствием предшествующего исторического процесса. Но особенностью объективных противоречий современного периода стал стремительный характер их развития и масштабы глобального порядка.

Действительно, на протяжении всей истории ограниченность природных ресурсов мотивировала человечество на изобретение средств и орудий производства, новых технологий, способных удовлетворить безграничные потребности. Научно-технический прогресс, в той или иной степени, определял особенности исторического развития, эволюции человечества, в целом, оказывая влияние на весь спектр жизнедеятельности людей. Технический прогресс обострял и вектор взаимоотношений человека и природы. Но, если на протяжении многих веков эти взаимоотношения не только не имели форму конфликтов – их, скорее, можно назвать гармоничным сосуществованием, то начиная с Нового времени, ситуация начинает изменяться кардинально. Развитие производства, технологий, все возрастающее потребление природных ресурсов обусловили развитие в сторону промышленного прогресса, который поставил Человека перед лицом глобального экологического кризиса и обострил противоречия во всех сферах жизнедеятельности. Начиная со второй половины XX века, явно обозначился спектр глобальных проблем. Впервые, на мировом уровне, ученые обозначили негативные перспективы развития цивилизации в 1960-х – 1970-х гг., когда в рамках деятельности Римского клуба начались широко-масштабные исследования относительно глобальных проблем и перспективах развития современной цивилизации. Этим и другим вопросам была посвящена серия «Докладов Римскому клубу» – «Трудности человечества» [46]. В частности, в первых докладах «Пределы роста» и «Мировая динамика», опубликованных в 1971–1972 гг., на основании компьютерного моделирования, был сделан вывод о возможности экологической катастрофы к 20-м годам XXI века. В «Докладах к Римскому клубу» была сделана попытка комплексного и системного анализа результатов человеческой деятельности. В частности, в докладе «Пределы роста» и выделены 5 основных процессов в мировой модели, которые могут привести к глобальным изменениям негативного характера: быстрая индустриализация, рост численности населения, увеличивающаяся нехватка продуктов питания, истощение невозобновляемых ресурсов, деградация природной среды [43].

Во многом первые доклады были одиозны, а «эффект шоковой терапии», который они вызвали в мировом сообществе, неоднократно подвергался критике со стороны читателей и членов Римского клуба. Тем не менее, ряд положений авторов «Докладов...», а особенно в части моделирования глобальных проблем, были подтверждены временем. Действительно, к началу XXI века остро обозначился спектр глобальных проблем, в рамках которых исследователи выделяют классификацию, к настоящему времени ставшую классической:

- во-первых, это экологические проблемы, то есть проблемы, связанные с нарушением вследствие человеческой деятельности равновесия в геологических, биохимических процессах Земли и биосферы в целом;
- во-вторых, это энергетические проблемы;
- в-третьих, это проблемы, связанные с химическим производством, с созданием разного рода искусственных материалов;
- в-четвертых, это проблемы войны и мира, обусловленные накоплением оружия массового уничтожения, человека;
- в-пятых, это демографические проблемы, связанные с перенаселением отдельных регионов Земли [4; 7; 16; 20; 31; 34].

Классификация глобальных проблем современности и подобные, более развернутые, классификации совершенно справедливо определяют сферы глобальных противоречий, выделяют основные характеристики и концептуальную сущность противоречий, но, тем не менее, не определяют их общий характер и истоки, в основе которых лежат проблемы экологического характера. Ведь, начиная с Нового времени, экологические проблемы, первоначально не только не представляющие значимость, но и не входившие в сферы внимания исследователей, политиков, предпринимателей, с каждым десятилетием становились доминирующим фактором, определяющим характер развития социально-политической, экономической и иных сфер жизнедеятельности цивилизации. Формирование промышленного производства, оформившееся к Новому времени, было основано на использовании минерально-сырьевых ресурсов и в процессе развития промышленности ресурсов требовалось все больше и больше, что повлекло за собой освоение новых земель и месторождений. Но в конечном итоге, человечество встало перед проблемой обеспеченности минеральными, топливно-сырьевыми, а затем и энергетическими ресурсами. Так, например, с начала 1990-х гг. обеспеченность нефтью и газом возросла на 60–65 %, а объем добычи возрос всего на 25 %, что говорит об опережающем развитии геологоразведочных работ. Однако геологоразведка, как и добыча, все больше перемещаются в районы со сложными природными условиями и более высокими издержками добычи. Так, более 30 % запасов нефти находится в шельфовых зонах морей и океанов, поэтому в ряде стран, (Великобритания, Норвегия, Габон) добыча нефти идет исключительно со дна моря [45]. Ограниченность ресурсов привела к естественному стремлению отдельных стран обладать ресурсными базами – и в этом причина всех военных конфликтов, потрясавших человечество на протяжении XX века и не прекращающихся в XXI веке.

С другой стороны, ограниченность ресурсов повлекла за собой проблемы социально-политического характера, обострив противоречия, связанные с неравномерностью промышленного развития отдельных регионов. Причем,

аналитики отмечают, что страны, являющиеся территориальными владельцами месторождений, в экономическом развитии значительно отстают от развитых в промышленном отношении стран, которые в свою очередь остро нуждаются в сырьевых ресурсах [44; 18; 39]. Это несоответствие порождает социально-экономическое неравенство регионов, которое привело к тому, что полярность «богатство-нищета» в настоящее время стало базовой характеристикой геополитической/геоэкономической систем. Социально-экономическая неравномерность, развернувшаяся в геополитическом масштабе, обусловила еще один закономерный негативный (кризисный) результат – демографические проблемы, которые также приобрели общемировой характер. Если на начальном этапе развития промышленного производства, повлекшее за собой развитие городов, определяло потоки внутренней миграции и перераспределение человеческих ресурсов внутри государств, то с течением времени неравномерность промышленного развития регионов определило глобальную проблему – мировую миграцию населения. В конечном итоге, перенаселение одних регионов за счет других, выдвинуло ряд проблем, как демографических, так и социально-политических, экономических, культурных и др. Подобных взаимодействий можно выделить множество, ведь взаимоотношения человека и природы, общества и природы на протяжении всей истории цивилизации характеризуются как результат удовлетворения потребностей человека и общества (то есть, они имеют социальную природу), инициируя развития средств производства, определяя уровень производственных отношений и оказывая направляющее влияние на тип социально-экономических отношений/формаций. Соответственно, уровень социально-экономического развития общества, определивший переход от естественных производительных сил к техногенным, наукоемким технологиям, обусловил появление новых, во многом антагонистических форм взаимоотношения человека и природы, которые привели человечество к кризису. Экологические воздействия человека на природу детерминировали радикальные изменения как в самой природе, так и социуме, и, прежде всего, в человеческом мировоззрении, в массовом сознании и в человеческом Бытии в целом. Эти проблемы касаются не только развитых промышленных стран, но и всего человечества в целом. Негласный лозунг «Мы не можем ждать милостей от природы – взять их наша задача» стал лейтмотивом развития промышленного капитализма на протяжении последних двух веков. Именно потребительское отношение к природе определило формирование потребительского мировоззрения. Мировоззренческие установки, в основе которых в течение веков лежали ценностно-ориентированные установки, основанные на моральных, этических и религиозных ценностях постепенно сменяются рационально-прагматическими императивами сознания, закрепляя утилитарно-деятельное отношение к миру. Научно-технический прогресс, развитие техногенных, наукоемких технологий детерминировал рационально-прагматическую полезность как фактор современного социального бытия.

Эта детерминанта выступает в настоящее время как неотъемлемая характеристика социокультурной деятельности и доминирует во всех сферах жизнедеятельности социума, человеческого Бытия в целом. Все возрастающие возможности удовлетворения потребностей к середине XX века обозначили момент, когда рационально-прагматическое восприятие фиксируется в человеческом и общественном сознании как смыслозначимый концепт мировоззрения и определил вектор взаимоотношений человека и социума, и, в целом, сферу познания человеком самого себя, своей социальной идентичности в целом, и сферы взаимоотношений человека и природы, человека и окружающей среды в частности.

Парадигма рационально-прагматической полезности как смыслозначимый концепт общественного сознания и мировоззренческая установка трансформировалась в дихотомию «сознание-реальность», в рамках которой существование и образ жизни разных социальных слоев порождает противоречия между мировоззренческими ценностями и реальностью, формируя модели поведения индивида как потребителя разнообразных благ, удовлетворяющего свои потребности и рефлектирующего на уровне простых человеческих реакций и отношений (потребности тела, чувственные инстинкты и т.п.). Отношение к миру сводится к принятию или отрицанию различных «благ цивилизации». Формирование новых ценностных установок постмодернизма проявились в современной культуре, ярким проявлением которой стал принципиально новый взгляд на мир, в котором нет устоявшихся императивов, однозначного взгляда на мир и Бытие. В данном контексте мы говорим не о палитре подходов и концепций, а о фрагментарном восприятии окружающего мира, которое усиливается отрицанием традиционных социокультурных установок (будь то религиозные или научные или культурные). Результатом стал кризис идентичности, в котором индивид попадает под влияние множественных самостоятельных, равноправных, а во многом поверхностных истин, которые приспособлены к тем или иным событиям общества массового потребления. снимают все противоречия и не позволяют индивиду выходить за их границы. В рамках постмодернизма формируются догматы рационально-прагматической полезности, которая посредством средств массовой коммуникации внедряется в область культурного и общественного сознания. В обществе массового потребления индивиды, выступающие как потребители уравниваются и личностные особенности не рассматриваются как социально важные, а воспринимаются скорее как атавизмы, от которых необходимо избавляться. Человек, включенный в социум потребления, утрачивает индивидуальные особенности или вынужден подавлять их. Социум рационального поведения, диктующий новые «правила игры», уравнивает ценностные ориентиры и культурные смыслы, делая их сакральный смысл равноценным с примитивным восприятием мира, низводя их до низшего уровня, а по, сути, разрушая их. Культура постмодернизма изменила социальный статус и положение индивида, а идеология провозглашенной свободы, определяет его права и воз-

возможности, и, прежде всего, свободы самовластно определять нормы и границы своего поведения. Формируется новое мироощущение, в котором свобода/равнодушие стало традиционным приоритетом. Даже социальная активность, провозглашаемая как демократическая ценность постмодернизма, ограничивается узкими рамками новой идеологии, манипулирующей общественным сознанием и посредством смысловой игры определяющей «что можно, а что нельзя». Выход за рамки этих границ недопустим с позиций постмодерна. Начавшийся на заре капитализма процесс редукции культуры привел к трансформации ценностных ориентиров массового сознания и социума в целом. Насаждаемые через СМИ принципы «полезности» и «удовольствия» стали доминирующим и определяющим поведением и образ жизни человека общества modernity. Произошедшая подмена традиционных ценностей трендами «пользы» и «безграничного блага», понимаемые индивидуумом как безграничная свобода и удовольствие, привела к автономии индивида. В реальности это мироощущение сводится к иллюзии свободы частной жизни в сфере досуга и потребления, когда главными аксиологическими императивами общества постмодерна провозглашаются концепты свободы от нравственности как норм жизни, от обязательств, «свобода конкуренция», неотягощенная ответственностью предпринимателей-индивидуалистов (лозунг «ничего личного – только бизнес») и абсолютизация развлечений, удовольствий и чувственности. Закрепленные в массовом сознании посредством рекламы и mass media новые концепты привели к кризису культуры. «Сутью культурного кризиса нашего времени, – пишет исследователь постмодернизма Кутырев В.А., – является вытеснение ценностей технологиями, превращение культуры в нечто машинообразное и постчеловеческое» [47]. Подавление индивидуальности, интеллектуальной деятельности, отход от традиционных ценностных ориентиров и моральных установок становятся новыми трендами социальной жизнедеятельности. В таком пространстве отрицания прошлого и будущего, когда провозглашаются ценности настоящего – «здесь и сейчас» – определяется мироощущение индивида, фрагментарная логика оценки событий и собственных поступков. Результатом процесса трансформации/редукции традиционной культуры, ее ценностно-ориентированных установок, морали, этических норм и формирование новой культуры привел не только к новому типу мировоззренческих установок, но и кардинально изменил социокультурное поле общественной жизни, закономерным и объективным результатом которого стали глобальные проблемы современности. Новый тип культуры, с ее идеологией рационально-прагматического потребления, определив для индивида узкий круг в социальном пространстве («мой дом – моя крепость»), в котором догматы безответственности, бездуховности и равнодушия к «чужим проблемам» приобретает масштабы глобальности. Индивид не рассматривает социум как поле своей жизнедеятельности и социальные проблемы не входят в круг его интересов, не волнуют проблемы, выходящие за сферу его личностных интересов. «Идет война,

но это на другом конце земли», «а что я могу сделать», «правительство все решает» и тому подобные логические объяснения своей бездеятельности, а по сути, равнодушия к «чужим» проблемам, привели к безнаказанности политических и экономических акторов, позволили капиталу диктовать свои «правила игры», подчинив все сферы жизнедеятельности современной цивилизации своим интересам. Результатом такого мироощущения, социального равнодушия и псевдосвободы стал общественный дисбаланс, рассогласованность взаимодействия социально полезных и ценностных императивов в способах и сферах жизнедеятельности общества. Эти процессы непосредственно касаются и области восприятия экологических проблем. Проводимые опросы показывают, что хотя проблемы экологии волнуют россиян, тем не менее, они не воспринимаются как личное дело каждого.

Опросы ВЦИОМ показывают, стабильную динамику в отношении проблем экологии. Так, в 2005 году 55 % -- 58 % опрошенных, в особенности жители городов, отмечают неблагоприятную экологическую обстановку. Более половины (52 %) говорят об ухудшении за последние пять лет, причем они не испытывают оптимизма и по поводу грядущей «пятилетки». Главными проблемами при этом называются загрязнение водоемов (52 %) и питьевой воды (39 %), загазованность воздуха (49 %) и ослабевающее здоровье людей (38%). Чуть более четверти (28 %) отмечают и исчезновение «легких планеты» – лесов, парков, зеленых зон. Причем мнения россиян по вопросам экологии вполне определенные – лишь 2 % респондентов затрудняются ответить... В большей степени люди склонны полагаться сами на себя (16 %) и на власть, прежде всего местную и региональную (28 и 20 % соответственно). Не вызывает положительных эмоций у россиян и возможный посредник в лице неправительственных организаций – им готовы доверить функции охраны природы лишь 3 % опрошенных. Причем 56 % (а в мегаполисах – 73 %) не хотят участвовать в какой-либо экологической общественной деятельности [48].

По данным ВЦИОМ 2013 года 26 % россиян считают экологическую ситуацию в стране катастрофической. Наибольшую экологическую опасность для окружающей среды, по мнению опрошенных, представляют бытовые отходы (56 %), загрязнение воздуха транспортом (50 %), промышленные отходы (49 %), вырубка лесов (45 %), загрязнение промышленными предприятиями (43 %)...[42]. Эта «стабильность» динамики имеет пассивную форму и население позиционирует себя в большей степени в роли «наблюдателя – эксперта», в крайнем случае «неотягощенного» участника:

2005 год – по результатам проведенного в ноябре опроса ВЦИОМ сообщает, что 78 % опрошенных россиян считали, что ликвидация свалок и организация переработки отходов должны стать приоритетными направлениями экологической политики России. В качестве личного вклада в борьбу с мусором и свалками 88 % россиян го-

товы соблюдать чистоту на улицах, а 74 % выразили готовность вести раздельный сбор мусора [48];

2013 год – на фоне обеспокоенности проблемой отходов наибольшую поддержку у россиян нашли инициативы, связанные с борьбой с несанкционированными свалками, ликвидацией накопленного ущерба, развитием инфраструктуры по переработке и утилизации отходов. В том, что развитие соответствующей инфраструктуры будет способствовать улучшению экологии, уверено 90 %. При этом большинство участников опроса выразили личную готовность участвовать в работе данной системы. Так, 92 % респондентов были готовы сдавать старую бытовую технику в специальные пункты приема, 81 % – сдавать в магазины использованные пластиковые бутылки, 76 % – сдавать макулатуру, а 75 % – собирать использованные батарейки в спецприемники.

Аналогичные показатели получили эксперты Левада-Центра по данным опроса 2016 года; интересны ответы на следующие вопросы [52]:

Как вы оцениваете экологическую обстановку в том городе, районе, в котором живете?

- Очень хорошая – 7 %.
- Скорее хорошая, чем плохая – 33 %.
- Скорее плохая, чем хорошая – 43 %.

- Очень плохая – 16 %.
- Затрудняюсь ответить – 2 %.

В какой мере вас тревожит состояние окружающей среды в вашем населенном пункте?

- Очень сильно тревожит – 24 %.
- Скорее тревожит – 49 %.
- Скорее не тревожит – 13 %.
- Совершенно не тревожит - 12%.
- Затрудняюсь ответить – 2 %.

Сравнение этих показателей говорит о пассивном восприятии экологической проблем – респонденты, при правильной оценке экологических проблем своих населенных пунктов (43 % и 16 % опрошенных – по первому вопросу), тем не менее, не считают их для себя чем-то важным (49 % и 27 % опрошенных).

Динамика отношения населения к проблемам экологии действительно показывает, что за последние десятилетия эти вопросы практически не волнуют население.

Так, по данным Левада-центра показатели отношения населения к состоянию окружающей среды имеют следующую динамику – таблица 1 [52].

Таблица 1

В какой мере вас тревожит состояние окружающей среды в вашем населенном пункте и его ближайших окрестностях?

	март 1989	сентябрь 1990	май. 2011	август 2012	май 2013	июнь 2014	май 2015	май 2016
Очень сильно тревожит	53	58	24	25	21	14	14	17
Скорее тревожит	27	34	49	49	52	50	47	49
Скорее не тревожит	8	4	13	14	11	15	17	17
Совершенно не тревожит	7	1	12	10	11	18	19	15
Затруднились ответить	4	3	2	2	5	3	3	2

Эти показатели равномерны и по социально-демографическим характеристикам респондентов, что говорит об одинаковом отношении к экологическим проблемам различных групп населения. Объективно можно говорить о том, что радикальные социально-экономические катаклизмы 90-х годов, кризисные ситуации 2000-х годов отодвинули экологические проблемы на второй план и, несмотря на то, что общество понимает актуальность этих проблем, тем не менее, кардинальные изменения в ситуации респонденты считают делом государственных организаций. Такой вывод был сделан по результатам опросов социологических исследова-

ний, проводимых в Тюменской области (2011 г.) – «...Не снимая с себя ответственности за повышение уровня собственной экологической культуры и грамотности, население все же основную роль в решении проблем этой важной сферы отдает органам власти, требуя привлечения к ответу виновных в ухудшении экологической обстановки».

В данном контексте также интересны результаты опроса относительно экологической культуры, проведенные педагогом-психологом МОУ СОШ № 54 города Волгограда, которые говорят о снижении уровня экологической культуры обучающихся – таблица 2 [50].

Таблица 2

Результаты диагностики «Тип экологической культуры учащихся»

Тип экологической культуры учащихся	Результаты диагностики
«Личной достаточности»	50 %
«Экологического оптимизма»	20 %.
«Экологического пессимизма»	25 %.
«Абсолютизации экологических знаний»	3 %
«Экологической гармонии»	2 %.

Одной из проблем низкого уровня экологической культуры детей, школьные педагоги видят в отсутствии понимания ценностей экологической

культуры родителей, которые в силу своей экологической некомпетентности не могут объяснить детям важность экологии – таблица 3.

Таблица 3

Результаты диагностики «Уровня экологических знаний родителей»

Уровень экологических знаний родителей	Результаты диагностики
Высокий	5 %
Средний	75 %
Низкий	20 %

Объективные причины социально-экономического и политического характера, которые обусловили доминирование рационально-прагматической полезности в общественном бытии, что привело к деформации общечеловеческих ценностей и обусловило кризис в существовании культуры и общества в целом, а в конечном итоге привело к стремительно развившимся глобальным проблемам современного мира. Стремление к материальному благополучию, коммерциализация всех жизнедеятельности государства и общества, кардинально изменило мировоззрение современного человека, превратив его в пассивного и равнодушного потребителя благ цивилизации, что поставило человечество в условия острейшего кризиса и выдвинуло на первый план проблему выживания. Ухудшение здоровья, новые болезни, ранняя смертность – вот тот небольшой перечень острейших проблем, который сегодня напрямую касается каждого человека.

И сегодня, по справедливому определению академика Н.Н. Моисеева, наша цивилизация как в физическом, так и в биологическом и в социальном смысле «держится на острие» [51]. Это обстоятельство поставило человечество перед необходимостью искать оптимальные и эффективные пути для выхода из острейшего кризиса. Основопологающим фактором в решении этой проблемы выступает экологическая культура, в том планетарном смысле, в котором ее понимали Э. Ле Руа, Т. де Шарден и В.И. Вернадский. В их работах получает обоснование учение о ноосфере – сфере разума, сфере взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития (эта сфера обозначается также терминами «антропосфера», «биосфера», «биотехносфера») [8]. Практически до 1925 года эти ученые, независимо разрабатывали свои идеи относительно сферы разума – ноосферы. Ле Руа, развивая концепцию «творческой эволюции» А. Бергсона,

впервые вводит в оборот понятие «ноосферы», рассматривая этот феномен как результат эволюции человека в природе (биосфера-ноосфера). Э. Ле Руа выявил роль сознания и интеллекта человека как определяющего условия всех изменений в природе, деятельность которого обуславливает переход от биосферы к ноосфере. Де Шарден, являющийся последователем идей Бергсона, обосновывает феноменологический метод ноогенеза – эволюции биосферы и ноосферы, в основе которого лежат идеи о гоминизации (развития человека как актора всех преобразований, осуществленных «...путем установления в окружающей реальности все более стройной и лучше организованной перспективы...» и создателя «структурных законов ноосферы» – специфических человеческих реальностей (объектов материальной и духовной культуры) [49]. Результатом ноогенеза является образование своеобразного «мыслящего пласта», земной оболочки, разворачивающийся «над миром растений и животных - вне биосферы и над ней» [6]. С этого момента возникает научное содружество трех ученых, в результате которого появилось учение о ноосфере как о «новом геологическом явлении на нашей планете. В ней человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни...» [5]. Ставя человеческий разум на вершину эволюции, Ле Руа, Шарден и Вернадский придают определяющее значение духовным основам интеллекта, в котором видят связующие начала будущего цивилизации. Это понимание ноосферы, во многом утопичное, тем не менее, наиболее комплексно описывает истоки глобальных проблем современности и во многом коррелирует с современным осмыслением экологической культуры, которое данный концепт получает в таких науках как экологическая социология, социальная антропология, экологическая педагогика и др. Именно в этот период понятие «экологическая культура» получает свое осмысление

именно в глубинном аспекте человеческого мировоззрения и мироощущения. Так, культуролог Л.Н. Коган, в целом, рассматривал экологическую культуру как «сопричастность культурно-духовных и природных основ развития человеческой цивилизации» [17]. Академик Н.Н. Моисеев напрямую связывал экологическую культуру с перестройкой мышления, так как, понимание и осмысление экологических проблем и является перестройкой сознания человека и общества, изменением смысла культуры. В работе «Козволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза» отмечал: «Способность правильно использовать и регулировать мощь современного общества и означает «экологическую культуру» и «экологическое мышление» [29]. Вместе с тем, несмотря на появления работ в области осмысления концепта экологической культуры, основная проблема современной науки заключается в том, что понимание экологической культуры в большей степени имеет фрагментарный характер. Экологическая культура в данном контексте – это новый этап культурного развития цивилизации.

Литература:

1. Модельный экологический кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (общая часть). (Принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27-8 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). Ст. 1. Главы 1. Основные понятия в экологической сфере.
2. Проект Федерального закона № 90060840-3 Об экологической культуре (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 13.07.2001). Внесен депутатами Государственной Думы В.А. Грачевым, С.М. Ахметхановым, Р.С. Бакиевым, А.Н. Грешневиным, В.Д. Кадочниковым, А.Н. Косариковым, Р.И. Нигматулиным, В.В. Оленьевым, О.Н. Смолиным, А.Н. Томовым.
3. *Атфилд Р.* Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М. : Прогресс, 1995. С. 203–257.
4. *Васильев Л.С.* Всеобщая история. Современность и глобальные проблемы человечества. М. : Изд-во «Книжный Дом Университет», 2013. Т. 6. 714 с.
5. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // Успехи совр. биологии. 1944. Т. 18, Вып. 2. С. 113–120.
6. *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М. : Наука, 1987. С. 181.
7. *Волков Ю.Г.* Социология. 2-е изд., испр. и доп / Ю.Г. Волков, В.И. Добренков, В.Н. Нечипуренко, А.В. Попов. М. : Гардарики, 2003. 512 с.
8. Всемирная энциклопедия : Философия / Гл. научн. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ, Мн. : Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
9. *Гирусов Э.В.* Восхождение к экологической культуре: необходимость и сущность // Библиотечное дело. СПб., 2010. № 3(117). С. 17.
10. *Гирусов Э.В.* Методологические проблемы теории взаимодействия общества и природы : автореф. дис. ... канд. философ.наук. М., 1978.
11. *Глазачев Э.В.* Современное общество и экологическое образование: ценности, профессио-

Literature:

1. Model Environmental Code for the Member States of the Commonwealth of Independent States (general part) (Adopted in St. Petersburg on November 16, 2006 by Resolution 27-8 at the 27th plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States). Chapter 1. Basic concepts in the environmental field.
2. Draft Federal Law No. 90060840-3 On Environmental Culture (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of July 13, 2001). Introduced by the deputies of the State Duma VA. Grachevym, S.M. Ahmetkhanov, R.S. Bakiyev, A.N. Greshnevikov, V.D. Kadochnikov, A.N. Kosarikov, R.I. Nigmatulin, V.V. Olenyev, O.N. Smolin, A.N. Tomov.
3. *Atfield R.* // Global problems and universal values. M. : Progress, 1995. P. 203–257.
4. *Vasiliev L.S.* General history. Volume 6. Modernity and global problems of mankind. M. : Publishing house «Book House University», 2013. 714 p.
5. *Vernadsky V.I.* A few words about the noosphere. // Successes sovr. biology. 1944. V. 18, Issue. 2. P. 113–120.
6. *Vernadsky V.I.* The chemical structure of the biosphere of the Earth and its environment. M. : Nauka, 1987. P. 181.
7. *Volkov Yu.G.* Sociology. 2 nd ed., Rev. and additional / Yu.G. Volkov, V.I. Dobrenkov, V.N. Nechipurenko, A.V. Popov. M. : Gardariki, 2003. 512 p.
8. World Encyclopedia: Philosophy / Ch. scientific. Ed. and sost. A.A. Gritsanov. M. : AST, Mn. : Harvest, Contemporary Writer, 2001. 1312 p.
9. *Girusov E.V.* Ascent to ecological culture: necessity and essence // Librarianship. St. Petersburg, 2010. № 3(117). P. 17.
10. *Girusov E.V.* Methodological problems of the theory of interaction between society and nature : the author's abstract. dis. ... cand. philosopher scines. M., 1978.
11. *Glazachev E.V.* Modern Society and Environmental Education: Values, Vocational Orientation,

- нальная ориентация, деятельность // В сб. мат. Международной научно-методической конференции посвященной Году России в Казахстане и 70-летию КазНУ им. Аль-Фараби. Алматы, КазНУ им. Аль-Фараби. 2004. С. 16
12. *Испандиярова А.М.* Формирование экологической культуры у учащихся в процессе обучения (аксиологический аспект) : дис. ... канд. пед. наук. Шымкент, 2005.
13. *Каландаров К.Х.* Коммуникативные основания устойчивого развития (философский анализ) : автореф. дис. ... д.ф.н. М., 2000. 41 с.
14. *Каландаров К.Х.* Экологическое сознание. Сущность и способы формирования. М. : Гуманитарный центр «Монолит», 1999;
15. *Каландаров К.Х.* Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов. М. : Гуманитарный центр «Монолит», 1998. 80 с.
16. *Коркия Э.Д.* Инокультурная среда мигрантов: социальная нестабильность // «Теория и практика общественного развития». 2017. № 1. С. 66–69.
17. *Коркия Э.Д.* Экология и промышленность России / Э.Д. Коркия, А.Р. Курбанов, А.К. Мамедов // *ЖУРНАЛ?*. 2017. Т. 21. № 6. С. 58–60.
18. *Коркия Э.Д.* Цивилизация стандарта как итог социального потребительства / Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов // *Представительная власть*. 2015. № 3(138). С. 43.
19. *Лагутин А.О.* Экологическая культура как фактор устойчивого развития общества : автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 2001. С. 15.
20. *Лукьянчиков Н.Н.* О будущем современного мира и России. М. : Изд-во Экономика, 2010. 223 с.
21. *Межжерин В.* Человек экологический // Зеркало недели. 23 авг. 1 сент. 2002 № 32. С. 11.
22. *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть... человечеству? М. : ЗАО «КРНТР», 1999.
23. *Моисеев Н.Н.* О мировоззрении и миропонимании // *Экология и жизнь*. 1999. № 4(12).
24. *Моисеев Н.Н.* Сегодня речь идет не просто об экологическом образовании и воспитании - обо всей системе «УЧИТЕЛЬ» // *Экология и жизнь*. 2000. 3(15), 09.
25. *Моисеев Н.Н.* Сохранить человечество на земле // *Экология и жизнь*. 1. С. 11–13, 03.2000.
26. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Яз. рус. культуры, 2000.
27. *Моисеев Н.Н.* Универсум. Информация. Общество. М. : Устойчивый мир (Библиотека журнала «Экология и жизнь». Серия «Устройство мира»). 2001. С. 1–200, 01.
- Activity // In Sat. mat. International scientific and methodological conference dedicated to the Year of Russia in Kazakhstan and the 70th anniversary of the KazNU named after. Al-Farabi. Almaty, KazNU Al-Farabi. 2004. P. 16
12. *Ispandiyarova A.M.* Formation of ecological culture among students in the learning process (axiological aspect) : dis. ... cand. ped. sciences. Shymkent, 2005.
13. *Kalandarov K.Kh.* Communicative bases of sustainable development (philosophical analysis) : author's abstract. dis. Ph.D. M., 2000. 41 p.
14. *Kalandarov K.Kh.* Ecological consciousness. Essence and methods of formation. M. : Humanitarian Center «Monolith», 1999;
15. *Kalandarov K.* Management of public consciousness. The role of communication processes. M. : Humanitarian Center «Monolith», 1998. 80 p.
16. *Korkiya E.D.* Inocultural environment of migrants: social instability // scientific journal «Theory and practice of social development». 2017. № 1. P. 66–69.
17. *Korkiya E.D.* Ecology and Industry of Russia, Calvis (M.) / E.D. Korkiya., A.R. Kurbanov, A.K. Mamedov // *ЖУРНАЛ?*. 2017. Vol. 21. № 6. P. 58–60.
18. *Korkiya E.D.* Civilization of the standard as a result of social consumerism / E.D. Korkiya, A.K. Mamedov // in the journal *Representative Power*. 2015. № 3(138). P. 43.
19. *Lagutin A.O.* Ecological culture as a factor of sustainable development of society: author's abstract. dis. ... cand. culturology. Krasnodar, 2001. P. 15.
20. *Lukyanchikov N.N.* About the future of the modern world and Russia. M. : Izd-vo Economy, 2010. 223 p.
21. *Mezhzherin V.* Ecological person / V. Mezherin // *Mirror of the week*. Aug. 23 1 Sept. 2002. №. 32. P. 11.
22. *Moiseev N.N.* To be or not to be ... to humanity? M. : ZAO KRNT, 1999.
23. *Moiseev N.N.* On world outlook and world outlook // *Ecology and life*. 1999. № 4(12).
24. *Moiseev N.N.* Today it is not just about environmental education and upbringing about the entire «Teacher» system // *Ecology and life*. 2000. 3(15), 09.
25. *Moiseev N.N.* Save humanity on earth // *Ecology and Life*. 1. P. 11–13, 03.2000.
26. *Moiseev N.N.* The fate of civilization. The path of reason. M. : Yaz. Rus. culture, 2000.
27. *Moiseev N.N.* The universe. Information. Society. M. : Sustainable World (Library of the journal «Ecology and Life», Series «The Structure of the World»). 2001. P. 1–200, 01.

28. *Моисеев Н.Н.* Экология и ноосфера // Экология и жизнь. 1999. 3(03).
29. *Моисеев Н.Н.* Коэволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза // Экология и жизнь. 1997. № 2–3. С. 4–7.
30. *Николайкин Н.И.* Экология : учебник для вузов. 2-е изд. / Н.И. Николайкин, Н.Е. Николайкина, О.П. Мелехова. М. : Дрофа, 2003. С. 578.
31. *Обухов В.Л.* Реалистическая философия : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. / В.Л. Обухов, З.С. Алябьева, А.Ф. Оропай и др.. СПб. : СПбГАУ, ХИМИЗДАТ, 2009. 336 с.; Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. / Под ред. Д.М. Гвишиани. М. : УРСС, 2010. 386 с.
32. *Разенкова Д.Ф.* Экологическая культура: социально-философские аспекты формирования : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. М., 2001. 162 с.
33. *Ремизов И.Н.* Экологическая сфера общества: современные тенденции и перспективы развития. Краснодар, 1999.
34. *Сироткин В.Б.* Современные тенденции и проблемы экономического развития. М. : Изд-во Высшая школа, 2009. 384 с.
35. *Ситаров В.А., Пустовойтов В.В.* М. : Издательский центр «Академия», 2000. 280 с.
36. *Сыдыкова З.Е.* Формирование экологической культуры младших школьников с использованием инновационных технологий в учебно-воспитательном процессе : дис. ... канд. пед. наук. Шымкент, 2007. С. 22–23.
37. *Хесле В.* Философия и экология. М. : КАМИ, 1994. 188 с.
38. *Хиггинс Р.* Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 26–75.
39. Эколого-экономические проблемы освоения минерально-сырьевых ресурсов: Тезисы докл. межд. науч. конф./ФГНУ «ЕНИ» и др. Пермь, 2005. 274 с.
40. *Яницкий О.Н.* Экологическая культура России XX века // История и современность. 2005. № 1. С.137.
41. *Буровский А.М., Якутсени.* Политическая экология. URL : <http://iknigi.net/avtor-andrey-burovskiy/104412-politicheskaya-ekologiya-andrey-burovskiy/read/page-1.html>
42. ВЦИОМ: россияне понимают экологические проблемы страны и готовы принять участие в их решении. URL : <http://www.ecoindustry.ru/NEWS/view/38217.html>
43. *Гвишиани Д.М.* Пределы Роста первый доклад римскому клубу // Электронный журнал 44. Биосфера. 2002. № 2, Экологический центр Ин-
28. *Moiseev N.N.* Ecology and noosphere // Ecology and life. 1999. 3(03).
29. *Moiseev N.N.* Coevolution of nature and society. Ways of noospherogenesis // Ecology and life. 1997. № 2–3. P. 4–7.
30. *Nikolaykin N.I.* Ecology. Textbook for high schools. 2 nd ed. / N.I. Nikolaykin, N.E. Nikolaykina, O.P. Melekhova. M. : Drofa, 2003. P. 578.
31. *Obukhov V.L.* Realistic philosophy. Textbook for high schools. 4 th ed., Pererab. / V.L. Obukhov, Z.S. Alyabyeva, A.F. Oropai and others. SPb. : SPbGAU, CHEMIZDAT, 2009. 336 p. The Roman club. History of creation, selected reports and speeches, official materials. Ed. D.M. Gvishiani. M. : URSS, 2010. 386 p.
32. *Razenkova DF* Ecological culture: socio-philosophical aspects of formation : dis. ... cand. philos. Sciences : 24.00.01. M., 2001. 162 p.
33. *Remizov I. N.* Ecological sphere of society: current trends and development prospects. Krasnodar, 1999.
34. *Sirotkin V.B.* Modern trends and problems of economic development. M. : Publishing house Higher School, 2009.
35. *Sitarov V.A., Pustovoytov V.V.* M. : Publishing center «Akademiya», 2000. 280 p.
36. *Sydykova Z.E.* Formation of ecological culture of younger school students with use of innovative technologies in teaching and educational process: yew.... edging. ped. sciences. Shymkent, 2007. P. 22–23.
37. *Hesle V.* Philosophy and ecology. M. : KAMI, 1994. 188 p.
38. *Higgins R.* Global problems and universal values. M., 1990. P. 26–75.
39. Ekologo-ekonomicheskyy problems of development of mineral raw material resources: Theses doкл. inter@ науч. конф. / FGNU «ENI», etc. Perm, 2005. 274 p.
40. *Yanitsky O.N.* The ecological culture of Russia of the XX century // History and with temporariness. 2005. № 1. P. 137.
41. *Burovsky A.M., Yakutseni.* Political ecology. URL: <http://iknigi.net/avtor-andrey-burovskiy/104412-politicheskaya-ekologiya-andrey-burovskiy/read/page-1.html>
42. VCIOM: Russians understand environmental problems of the country and are ready to take part in their decision. URL: <http://www.ecoindustry.ru/NEWS/view/38217.html>
43. *Gvishiani D.M.* Growth limits first report to the Roman club // Online magazine 44. Biosphere. 2002. № 2, Ecological center of Institute of history of

ститута истории естествознания и техники РАН.
URL : http://www.ihst.ru/~biosphere/Mag_2/gvishiani.htm#_Toc10288480

45. Глобализация мировой экономики и Россия; Гавриленков Е. Китай остро нуждается в сырье. Страна.RU. 2006. URL : <https://www.hse.ru/news/1163619/1130527.html>;

46. *Горбанев В.* Природные ресурсы мировой экономики / В. Горбанев, И. Митрофанова // Мировое и национальное хозяйство. 2014. № 2 (29). URL : <http://www.mirec.ru/2014-02/prirodnye-resursy-mirovoj-ekonomiki>

47. Краткий обзор докладов римскому клубу. URL : <http://val--s.narod.ru/rome1.htm>

48. *Кутырев В.А.* Культура и технология: борьба миров. М. : Прогресс-Традиция, 2001. URL : http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2002/06/2002-06_r_dek-s1.htm

49. *Пиликанов Д.* Грязный бизнес / Официальный сайт ВЦИМ. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=1819>

50. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М. : Изд-во Прогресс, 1965. URL : <http://www.psylib.ukrweb.net/books/shard01/>

51. *Фасевич И.Н.* Экологическая культура как часть системы ценностных предпочтений личности / И.Н. Фасевич, Н.В. Дубовицкая. URL : http://www.vspc34.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1466

52. Человечество перед лицом глобальных проблем. Проблемы и перспективы современной цивилизации. URL : <http://eurasialand.ru/txt/kanke/129.htm>

53. Экологические проблемы. Пресс-релиз Левада-Центра от 03.06.2016//Официальный сайт. URL : <http://www.levada.ru/2016/06/03/ekologicheskie-problemy/>

natural sciences and equipment of RAS. URL : http://www.ihst.ru/~biosphere/Mag_2/gvishiani.htm#_Toc10288480

45. Globalization of world economy and Russia; Gavrilencov E. China is in great need in raw materials. Страна.RU. 2006. URL: <https://www.hse.ru/news/1163619/1130527.html>;

46. *Gorbanev V.* Natural resources of world economy / V. Gorbanev, I. Mitrofanova // World and national economy. 2014. № 2 (29). URL: <http://www.mirec.ru/2014-02/prirodnye-resursy-mirovoj-ekonomiki>

47. Short review of reports to the Roman club. URL: <http://val--s.narod.ru/rome1.htm>

48. *Kutyrev V.A.* Culture and technology: fight of the worlds. M.: Progress-Tradition, 2001. URL : http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/news/dek/2002/06/2002-06_r_dek-s1.htm

49. *Pilikanov D.* Dirty business / Official site of VTsIM. URL : <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=1819>

50. *Tellar de Chardin P.* Fenomen of the person. M. : Progress publishing house, 1965. URL : <http://www.psylib.ukrweb.net/books/shard01/>

51. *Fasevich I.N.* Ecological culture as part of system of valuable preferences of the personality (personalities) / I.N. Fasevich, N.V. Dubovitskaya. URL : http://www.vspc34.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1466

52. Mankind in the face of global problems. Problems and prospects of a modern civilization. URL : <http://eurasialand.ru/txt/kanke/129.htm>

53. Environmental problems. Press release Levada-Centra of 03.06.2016//Official site. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/03/ekologicheskie-problemy/>

Овчинников Дмитрий Евгеньевич
кандидат социологических наук,
старший преподаватель
кафедры управления персоналом
и социологии,
Самарский филиал ГАОУ ВО
Московский городской
педагогический университет
dmitrievgenjewitch@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕЙТИНГОВЫХ ОЦЕНОК

Аннотация. В Самарском регионе в режиме мониторинга проводятся социологические исследования, ориентированные на изучение качества образовательных продуктов и услуг в оценках одного из основных участников образовательных отношений – родителей учащихся. Исследование отношения родителей учащихся образовательных учреждений городского округа (г.о.) Самара как основных «заказчиков» образовательных услуг дало возможность автору высказать ряд рекомендаций по улучшению разработки и принятия органами управления образованием московского и самарского регионов научно и практически обоснованных решений по совершенствованию образовательных отношений в городских общеобразовательных организациях.

Ключевые слова: социология, педагогика, показатели качества образовательных услуг.

Качество образовательных услуг и процедуры его оценки регулируются ФЗ «Об образовании в РФ» [1]. Мнения представителей родительской общественности можно рассматривать как одни из наиболее значимых при изучении соответствия образовательного процесса современным потребностям общества и государства. Были проанкетированы (инструментарий исследования включал в себя анкету для родителей) законные представители учащихся из 21 учебного заведения среднего общего образования города. Выборка носила районированный, непропорциональный характер. Между тем, она позволила обеспечить представительство респондентов данной категории из школ всех территориально-административных районов г.о. Самара.

Качество общего образования в исследовании оценивалось по пяти блокам: условия обучения, содержание учебного процесса, качество преподавания, организация учебного процесса и результаты обучения (пример блока – табл. 1). Для

Dmitry E. Ovchinnikov
Candidate of Social Sciences
Senior Lecturer of the Department
of Personnel Management
and Sociology,
Samara branch of Moscow
City Pedagogical University
dmitrievgenjewitch@yandex.ru

THE MAIN INDICATORS OF THE QUALITY OF EDUCATIONAL SERVICES AS AN ELEMENT OF RATING ASSESSMENTS

Annotation. In the Samara region, on the basis of monitoring there are conducted sociological surveys, focused on studying the quality of educational products and services in assessments of one of the main participants of educational relations – the parents of students. The study of the attitude of the parents of the students of the educational institutions of the city of Samara, as the main "customers" of educational services, made it possible for the author to make a number of recommendations on improving the development and adoption by the educational authorities of the Moscow and Samara regions of scientific and practical decisions on the improvement of educational relations in urban general education organizations.

Keywords: sociology, pedagogy, indicators of the quality of educational services.

сравнительного анализа блоков были рассчитаны индексы удовлетворенности по каждому из них (на основе долей удовлетворенных и неудовлетворенных респондентов-родителей) (табл. 2).

Индекс удовлетворенности для каждого параметра представляет собой среднее из суммы разниц между долей удовлетворенных и долей неудовлетворенных по каждому пункту блока плюс 100 баллов¹. Значение индекса колеблется от нуля до двухсот баллов. Если индекс принимает значение больше ста баллов, то доля удовлетворенных превалирует над долей неудовлетворенных, если меньше ста баллов – доля неудовлетворенных выше доли удовлетворенных.

¹ Например, разница для пункта «комфортность пребывания ребенка в школе» равна 67 % – 4 % = 63 %. Таким же образом высчитываются разницы для каждого пункта, все суммируется и высчитывается среднее.

Доля абсолютно удовлетворенных родителей, то есть тех, кто доволен всеми параметрами всех пяти блоков составляет 7 % (табл. 3). Больше всего родителей (почти треть опрошенных – 31 %) удовлетворены всеми составляющими организации учебного процесса. Меньше всего абсолютно удовлетворенных родителей по блоку «условия обучения» – 11 %.

На основе оценки удовлетворенности родителей различными параметрами учебного процесса был построен рейтинг школ городского округа Самары (табл. 4).

Таблица 1

Уровень удовлетворенности родителей условиями обучения¹
(% по строке)

Условия обучения	Уровень удовлетворенности			
	В целом устраивает	В чем-то устраивает, в чем-то нет	В целом не устраивает	Трудно сказать
Комфортность пребывания ребенка в школе	67	28	4	1
Эстетическое оформление помещений в школе	64	27	6	2
Качество профессиональной подготовки учителей	64	25	6	4
Обеспеченность учебниками	64	26	8	2
Обеспечение безопасности пребывания ребенка в школе	63	25	8	3
Наличие учителей в необходимом количестве	62	24	11	4
Отношение педагогов к учащимся	60	32	6	2
Санитарно-гигиенические условия в школе	57	29	10	3
Отношение между учениками в классе	54	35	8	2
Наличие современного оборудования для проведения занятий	52	32	11	5
Необходимая медицинская помощь	50	31	12	7
Условия для спортивных занятий детей	48	31	17	4
В среднем	58	29	10	4
Индекс удовлетворенности родителей конкретными составляющими условий обучения				148,2

Таблица 2

Сводная таблица средних показателей удовлетворенности различными составляющими процесса обучения (% по строке)

	В целом устраивает	В чем-то устраивает, в чем-то нет	Сумма всех положительных оценок	В целом не устраивает	Трудно сказать	Индекс
Организация учебного процесса	67	23	90	8	2	159,0
Условия обучения	58	29	87	10	4	148,2
Содержание учебного процесса	57	31	88	9	3	148,0
Качество преподавания	58	29	87	9	4	141,3
Результаты обучения	52	29	81	9	10	121,3

Таблица 3

Доли родителей, удовлетворенных всеми пунктами в каждом параметре, %

Условия обучения	11
Содержание учебного процесса	23
Качество преподавания	27
Организация учебного процесса	31
Результаты обучения	18
Удовлетворены всеми пунктами всех параметров	7

¹ Данные в таблицах отсортированы по столбцу «в целом устраивает» по убыванию значений.

Рейтинг школ

Номер школы	Условия обучения	Содержание учебного процесса	Качество преподавания	Организация учебного процесса	Результаты обучения	Индекс
	176,2	184,7	178,7	191,3	137,5	173,7
	167,2	170,8	167,5	193,3	126,6	165,1
	167,2	174,8	164,3	184,6	133,8	164,9
	164,0	176,0	163,6	177,6	134,5	163,1
	172,8	166,2	166,7	166,4	129,8	160,4
	167,4	164,7	156,9	151,8	131,0	154,4
	157,6	154,0	147,5	178,3	126,8	152,8
	158,5	154,0	155,6	153,6	122,5	148,8
	159,2	151,1	152,2	160,4	120,9	148,8
	158,0	146,3	145,6	167,6	122,6	148,0
	165,1	145,8	132,6	173,3	117,0	146,8
	155,2	151,1	133,8	163,1	122,0	145,0
	146,8	154,9	138,8	154,2	127,0	144,4
	160,1	148,1	131,6	153,8	115,7	141,9
	138,1	144,6	140,7	155,4	121,4	140,0
	142,6	139,2	127,4	170,7	117,1	139,4
	128,6	130,4	153,4	163,8	113,0	137,8
	149,6	144,4	128,3	144,0	115,7	136,4
	138,0	136,9	130,0	140,4	115,5	132,2
	132,5	131,8	123,2	153,6	109,5	130,1
	119,8	129,5	115,8	135,8	105,1	121,2

Исследование показало, что в наибольшей степени родители удовлетворены организацией учебного процесса – 67 % в целом удовлетворенных, индекс равен 159,0 баллов (табл. 4). Меньше всего удовлетворительных оценок получил блок «результаты обучения». Практически только каждый второй родитель доволен итогами обучения ребенка в школе (52 %). Индекс удовлетворенности составляет 121,3 балла, что существенно ниже всех остальных индексов.

Анализ социологических данных, полученных в ходе исследования, направленного на этом этапе на определение спектра конкретных, социально значимых показателей (индикаторов) рейтинговых систем, позитивно влияющих на качество образовательного процесса, позволяет сделать следующие выводы:

– действующий спектр показателей (индикаторов) требует определенного уточнения (определенной модернизации) с учетом предложений, высказанных акторами настоящего исследования. Наряду с этим, провести такую (подобную) модернизацию можно было бы также на основе мониторинга мнений членов экспертной группы, в которую могли бы быть включены представители педагогической, ученической (старшие классы) и родительской общественности.

Не во всем поддерживает действующий спектр показателей рейтинговых оценок и министр просвещения РФ О.Ю. Васильева, которая, в частности, заявила: «Не является ЕГЭ критерием оценки работы в школе, я еще раз это подчеркиваю. Он никогда не сможет описать состояние школы сегодня, а раз так, то этого не стоит делать и в таком ключе. Это необъективно. Нужно разрабатывать самой школе модели самообследования» [2]. На наш взгляд, следует рассмотреть вопрос о целесообразности введения в этот спектр следующих показателей (индикаторов):

– общее число учащихся, сдавших ЕГЭ и ГИА не только на «отлично», но и на «хорошо» и «удовлетворительно»;

– творческую направленность деятельности школы;

– динамику успешности обучения конкретного учащегося; достижения ОО (учащихся) в сфере технического творчества (проектирования);

– участие и достижения учителей школы в компетентностных, метапредметных и других олимпиадах и конкурсах;

– участие школы (учеников) в мероприятиях гражданско-патриотической, духовно-нравственной направленности;

– эффективность образовательного процесса в ОО;

– состояние образовательной среды в школе; результативность инновационной деятельности ОО;

– позитивное отношение учащихся, выпускников, родителей к школе;

– высокое качество образования в ОО;

– создание условий для внеурочной деятельности (досуга) обучающихся;

– создание условий для получения дополнительного образования; участие учащихся в фестивалях, конкурсах, смотрах, олимпиадах различного ранга и уровня;

– обеспечение доступности качественного образования для всех без исключения обучающихся.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ Об образовании в Российской Федерации в редакции от 29.12.2017 года. URL : <https://dokumenty24.ru/zakony-rf/zakon-ob-obrazovanii-v-rf.html>

2. *Васильева О.* Мы будем идти по пути ЕГЭ, однако предела совершенству быть не может. 13 сентября 2016 // ТАСС. URL : <http://tass.ru/opinions/interviews/3615515>

Literature:

1. The federal law of 29.12.2012 No. 273-FZ About education in the Russian Federation in edition of 29.12.2017. URL : [//https://dokumenty24.ru/zakony-rf/zakon-ob-obrazovanii-v-rf.html](https://dokumenty24.ru/zakony-rf/zakon-ob-obrazovanii-v-rf.html)

2. *Vasilyeva O.* We will go on the way of the USE, however a limit to perfection can't be. On September 13, 2016//TASS. URL : <http://tass.ru/opinions/interviews/3615515>

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна

доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории, археологии
и этнографии,
Дагестанский научный центр
Российской академии наук
madina2405@mail.ru

Верещагина Анна Владимировна

доктор социологических наук,
профессор кафедры теоретической
социологии и методологии
региональных исследований,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
anrietta25@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
samygin78_@yandex.ru

**ЖИЗНЕННЫЙ МИР
МОЛОДОЙ СЕМЬИ
И ПРОБЛЕМЫ ЕГО
ФОРМИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ
ПАРАДОКСАЛЬНОЙ
РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье авторы отмечают, что наполненный рисками жизненный мир молодой семьи в России выступает основой негативного воспроизводства той парадоксальной реальности, которая сложилась сегодня в обществе. В этой связи необходим анализ и самого жизненного мира молодой семьи и парадоксальной реальности, которая, преломляясь в семейных практиках молодёжи, проявляется на уровне множества микросоциальных рисков, формирующих на уровне социума такие явления, как «неблагополучная семья», «неблагополучное детство», «социальное сиротство», «детская бедность» и др. В конечном счете, сам жизненный мир молодой семьи, развивающийся по негативной траектории, становится основой воспроизводства парадоксального общества.

Ключевые слова: жизненный мир, семья, молодая семья, парадоксальная реальность, детство.

■ ■ ■

Madina M. Shahbanova

Doctor of Sociology, Leading Researcher,
Institute of History,
archeology and ethnography
of the Dagestan Scientific
Center of the Russian Academy
of Sciences
madina2405@mail.ru

Anna V. Vereshchagina

Doctor of Sociological Sciences, Professor.
Department of theoretical sociology
and methodology of regional researches,
Institute of Sociology
and Regional studies,
Southern Federal University
anrietta25@mail.ru

Sergei I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences, Professor.
Department of human
resource management and sociology,
Rostov State Economic University
samygin78_@yandex.ru

**THE LIFE WORLD OF YOUNG
FAMILY AND THE PROBLEMS
OF ITS FORMATION
UNDER THE CONDITIONS
OF THE PARADOXICAL
RUSSIAN REALITY**

■ ■ ■

Annotation. The life world of a young family filled with risks in Russia is the basis for the negative reproduction of the paradoxical reality that has developed in society today. In this connection, it is necessary to analyze the very life world of a young family and a paradoxical reality that, when refracted in family practices of young people, manifests itself at the level of a multitude of microsocial risks that shape social phenomena such as «unsuccessful family», «unfavorable childhood», «social orphanhood», «child poverty», etc. Ultimately, the very life world of a young family, developing on a negative trajectory, becomes the basis for the reproduction of a paradoxical society.

Keywords: life world, family, young family, paradoxical reality, childhood.

■ ■ ■

Жизненный мир любого человека, социальной группы, общества складывается в условиях определенной реальности с ее социально-экономическими, политическими, социокультурными и иными факторами влияния, специфическими для каждого социума. Кроме того, формирование жизненного мира детерминруется факторами личностного характера, поскольку сам человек, воспринимая тем или иным образом объективно складывающуюся реальность и протекающие в ней процессы, конструирует свой жизненный путь, выстраивает жизненные планы и стратегии и, тем самым, формирует то пространство, которое и называется «жизненный мир».

Иными словами, жизненный мир человека – это результат влияния целой группы факторов объективного и субъективного свойства, взаимосвязанных между собой и проявляющихся в жизни каждого человека уникальным образом, поскольку нет одинаковых судеб, одинаковых биографий. Жизнь каждого человека, его жизненный путь – уникальная цепочка событий, определяющих процесс самосозидания, самотворения, самоосуществления.

Все выше сказанное можно отнести и к семье, которая при всех своих типических характеристиках, определяющих ее институциональную природу, обладает теми неповторимыми чертами и свойствами, которые позволяют однозначно утверждать, что каждая семья – уникальный мир переплетения судеб, связей, отношений. Уникален и мир молодой семьи. Более того, он еще более уникален, нежели мир взрослой семьи, которая в ходе своего жизненного пути приобретает специфические институциональные свойства, традиционные черты того общества, в котором она развивается.

Мир же молодой семьи с самого начала ее образования представляет собой пространство неизведанного, неопределенного, ожидаемого будущего семьи с ее планами, проектами, стратегиями, мечтами. Неопределенность этого мира, который создан двумя людьми, решившими соединить свои судьбы, порождает множество рисков, и многие ученые недаром говорят о том, что жизненный мир молодой семьи неустойчив, хрупок и нуждается в глубоком социологическом изучении, так как понимание процессов, происходящих в его пространстве в первые годы семейной жизни, позволит выявить причины высокой динамики разрушительных явлений в институциональном пространстве молодой семьи.

И надо сказать, что этой проблеме посвящено достаточно много исследований, связанных с изучением социальных проблемы и рисков функционирования молодой семьи в России, ее образа жизни, ценностных установок, факторов устойчивости/неустойчивости [1], уровня социального здоровья и репродуктивных установок, региональных особенностей адаптации в контексте влияния этнокультурных факторов полиэтничного социума [2] и моделей эффективной адаптации [3].

Нельзя не отметить целый спектр работ, в которых представлена теоретическая и методологическая база исследования семьи в России, служащая основой для многочисленных исследований в области молодой семьи [4]. В них ученые с позиций сложившихся в отечественной фамилитике подходов, связанных, преимущественно с кризисной и эволюционной парадигмами, дают оценки изменениям в функционировании института семьи в России. Но жизненный мир семьи с его глубинными процессами, той сферой, в которую проникнуть достаточно сложно исследователю, не так часто становится предметом социологической рефлексии, хотя ряд исследований в этом направлении уже имеется [5].

Жизненный мир молодой семьи – это целостная система. С позиций феноменологической концепции А. Шюца [6], этот жизненный мир предстает как мир конструируемый, меняющийся в процессе формирования и реализации жизненных целей, планов, стратегий и проектов семьи. Жизненный мир молодой семьи может рассматриваться как мир ее непосредственной семейной практики, деятельности, детерминированный внешними и внутренними факторами социокультурной среды. Этот мир не является константным и под влиянием указанных факторов со временем меняется. Ш.И. Алиев процесс изменения жизненного мира рассматривает через такую категорию, как жизненное проектирование. В его интерпретации жизненное проектирование – процесс формирования и изменения жизненного мира индивида посредством конструирования и реализации жизненных проектов [7].

Таким образом, жизненное проектирование определяет динамичный характер жизненного мира, в котором отражаются все микро- и макропроцессы жизненной реальности молодой семьи, включенной в социокультурное пространство социума. И на этом основании нам представляется важным рассмотреть российскую реальность как пространство формирования жизненного мира молодой семьи. И эта реальность будет рассмотрена нами с позиций ее парадоксальности, порождающей множество рисков в функционировании важнейших социальных институтов [8], и среди них, как известно, и институт семьи. Изучение этих рисков позволяет увидеть массу противоречий, возникающих в пространстве жизненного мира молодой семьи на уровне формирования ее планов, целей, стратегий и их реализации.

Прежде всего, парадоксальность современной российской реальности относительно развития семейной сферы и формирования жизненного мира молодой семьи заключается в том, что разработанные на уровне государственной политики проекты и концепции в области развития семьи и семейных отношений, поддержки молодой семьи, выхода из демографического кризиса не соответствуют семейной реальности. Локальный характер реализуемых проектов, их оторванность от реальных проблем в сфере семьи и семейных отношений делают предпринимаемые на государственном уровне попытки управления семейно-демографическими процессами мало эффективными.

Это отражается в таких негативных явлениях, как незащищенность материнства и детства в России, высокий уровень распада молодых семей и сиротства стране. Многие исследователи отмечают в качестве важнейших проблем, с которыми сталкивается молодая семья в России, проблемы материального и жилищного неблагополучия [9], из-за которых жизненный мир молодой семьи становится неустойчивым и наполненным рисками разрушения. Более того, материальные трудности, как отмечают ученые из Башкортостана, становится препятствием для образования молодых семей [10].

В традиционном обществе экономический фундамент новой молодой семьи создавался не ею, а родителями, но в современном обществе ситуация принципиально иная. Предполагается, что молодая семья должна жить самостоятельно, поэтому её экономические ресурсы зачастую крайне ограничены. Это происходит потому, что молодые люди только начинают свою профессиональную карьеру, а в российских условиях это зачастую сопровождается сложностями трудоустройства, стабильного и достаточного для жизнедеятельности семьи заработка. Надо понимать, что трудовая сфера представляет важность для молодой семьи не только в плане материального достатка, но и личностной самореализации, достижения профессиональных успехов [11]. Соответственно, нереализованность профессионально-трудовых проектов становится источником снижения социального самочувствия молодой семьи и фактором риска разрушения ее микроклимата и жизненного пространства.

Материальные проблемы, в итоге, становятся дополнительным фактором, обуславливающим конфликтность семейных отношений и непрочность молодых семей. В этой связи молодые люди стремятся сначала «стать на ноги», обеспечить определенный экономический базис, обеспечить социальный статус, что выступает источником постепенного увеличения возраста вступающих в брак как для мужчин, так и для женщин.

Материальные факторы, во многом, определяют ситуацию семейного неблагополучия в России, и это неблагополучие распространяется, прежде всего, на молодую семью, на распространение неблагополучного родительства. Последнее проявляется в различных аспектах. Прежде всего, речь идет о нарушении психологического климата в семье, ухудшении эмоционального состояния и психического самочувствия детей, росте насилия в семье и социального сиротства.

Безусловно, только лишь материальными проблемами объяснять распространение негативных явлений в семейной сфере российского общества было бы неверно, и, скорее, речь идет о совокупности факторов, в том числе и факторов духовного кризиса, что следует также рассматривать в категории парадоксальности, поскольку за относительно незначительный по историческим меркам период было разрушено духовное пространство общества, его высокая культура, на место которой пришли образцы и нормы мас-

совой, во многом примитивной культуры глобализирующегося мира. Молодежь, которая вступает во взрослую жизнь, образующая свои семейные миры, - продукт этой новой российской реальности, в которой все духовные скрепы, выступавшие основой духовного воспитания целого ряда поколений россиян, распались вместе с СССР.

Распалась и устойчивая система семейных ценностей, составлявших базис семейной культуры. И проблема не в том, что современная молодежь ориентируется на западную культуру, ее нормы и ценности, образцы поведения. Проблема отсутствия системы семейного воспитания, передачи семейных ценностей и норм молодым поколениям, а в этих условиях она формируется стихийно, зачастую не на тех ценностях, которые определяют облик нормативной западной семьи в ее лучших традициях, а на тех, которые вызывают порицание и в самом западном обществе.

Итак, дезадаптированная семья стала нормой современной российской реальности, которую не спасут проекты инновационного прорыва, не обеспечивающие благополучный формат развития жизненных проектов молодых семей, так как надо понимать, что неблагополучная молодая семья – залог социального неблагополучия всего общества, демографическое, духовное, социальное, экономическое развитие которого во многом зависит от состояния жизненного мира молодых семей.

Таким образом, на уровне семейной организации общества воспроизводятся все негативные явления парадоксальной реальности, и семья как продукт парадоксального общества становится механизмом его воспроизводства. И проследить действенность этого механизма можно через феномен детства, который тоже уже со всем основанием можно рассматривать с позиций парадоксальности. Детство – это тот этап жизни человека, который становится своего рода ступенькой к взрослому миру, и, естественно, траектория будущей взрослой жизни определяется степенью благополучия детства.

В российской цивилизации на протяжении всей ее истории ценности семьи, детности всегда выступали приоритетными, но означает ли это, что дети чувствуют себя защищенными и значит ли это, что само детство защищено в России? Данные социологического опроса Левада-Центра говорят об обратном: около 38 % опрошенных россиян полагают, что родители подростка 13–14 лет имеют право наказывать его физически при 53 % тех, кто считает, что такого права у родителей подростков нет [12]. И, конечно же, здесь возникает вопрос не только о семейной культуре, исторически заложившей такие основы семейного воспитания, но и семейной политике государства, которая обязана регулировать эти процессы, особенно если фиксируются подобные наблюдения и явления.

Анализ российской парадоксальной действительности демонстрирует нам полное невнимание к этой проблеме. В Концепции государст-

венной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года даже не содержит такого пункта, как «жестокое обращение с детьми», что говорит о концептуальной незащищенности детства в России, и распространение таких явлений в российской повседневности, как «конфликтная молодая семья», «неполная семья», «неблагополучное детство», «неблагополучное родительство», «детская бедность», «социальное сиротство» – лишнее тому доказательство.

Распространение указанных явлений способствует воспроизводству общества неблагополуч-

ного типа, в котором неблагополучные, неустойчивые и кризисные жизненные миры молодых семей выступают основой закрепления этого механизма негативного общественного воспроизводства. Возникает вопрос: какое будущее ждет российское общество в этой ситуации? И ответ на него тоже в поле социологической рефлексии, в поле социологии будущего [13], поскольку социология, изучающая современную реальность, призвана показать альтернативы развития будущего и возможности его конструирования в благополучном формате.

Литература:

1. *Бандурин А.П.* Молодая семья в условиях институциональных изменений в сфере семейных отношений российского общества: монография / А.П. Бандурин, А.В. Верещагина, Н.А. Левая, С.И. Самыгин. М. : РУСАЙНС, 2016. 122 с.; *Данилова З.А., Бабаринова М.С.* Молодая семья: риски развития (на материалах социологического обследования) // Вестник БГУ. 2014. № 14-2; *Кравченко Ю.В.* Основные социологические концепции осмысления устойчивости молодой семьи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 4; *Ветрова Е.А.* Проблемы молодых семей в российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 12; *Сокольский А.Э.* Основные функции молодой семьи в современных исследованиях // Среднее профессиональное образование. 2013. № 9.

2. *Верещагина А.В.* Демографическое поведение и формирование новых семейных ценностей в установках студенческой молодежи / А.В. Верещагина, М.М. Шахбанова, Д.С. Шихалиева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10; *Хайруллин Р.Р., Соловьев М.М.* Факторы репродуктивного поведения молодой семьи: православные ценности // ВЭПС. 2015. № 2.

3. *Кострова Ю.А.* Эмпирическая модель социальной адаптации молодой семьи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 3(12); *Ростовская Т.К.* Развитие института молодой семьи в современном обществе. Госсоветник. 2013. № 2.

4. *Антонов А.И.* Институциональный кризис семьи и семейно-демографических структур в контексте социальных изменений и социального неравенства // Семья и социально-демографические исследования. 2014. № 1. URL : <http://demographia.net/journal/2014-04/antonov>; *Гурко Т.А.* Теоретические подходы к изучению семьи. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Ин-т социологии РАН, 2016; *Голод С.И.* Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995; *Каменева Т.Н.* Семья в обществе риска: социологический анализ. Курск, 2018.

5. *Сердюченко Я.В.* Факторы формирования жизненного мира молодой семьи в Ростовской

Literature:

1. *Bandurin A.P.* Young family in terms of institutional changes in the sphere of family relations in Russian society: monograph / A.P. Bandurin, A.V. Vereshchagina, N. Levaia, S.I. Samygin. M. : RUSYNS, 2016. 122 p.; *Danilova Z.A., M.S. Barinova.* Young family: the risks of development (on materials of sociological survey) // Vestnik BSU. 2014. 14-2; *Kravchenko Yu.V.* Basic sociological concepts of understanding the stability of the young family // Vestnik Adygei state University. Series 1: regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. 2012. № 4; *Vetrova E.A.* The problems of young families in the Russian Federation // Socio-economic phenomena and processes. 2015. № 12; *Sokolsky A.E.* The Main functions of a young family in modern research. Secondary vocational education. 2013. № 9.

2. *Vereshchagina A.V.* Demographic behavior and formation of new family values in the attitudes of students / A.V. Vereshchagina, M.M. Shakhbanova, D.S. Shikhalieva // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2014. № 10; *Khairullin R.R., Soloviev M.M.* Factors of reproductive behavior of a young family: Orthodox values // VEPS. 2015. № 2.

3. *Kostrova Yu.A.* Empirical model of social adaptation of a young family // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2015. № 3 (12); *Rostovskaya T.K.* Development of the institution of a young family in modern society. The State Councilor. 2013. № 2.

4. *Antonov A.I.* Institutional crisis of the family, family and demographic structures in the context of social change and social inequality // The Family and socio-demographic research. 2014. № 1. URL : <http://demographia.net/journal/2014-04/antonov>; *Gurko T.A.* Theoretical approaches to the study of the family. 2-e Izd., pererab. i dop. M. : Institute of sociology RAS, 2016; *Golod S.I.* Monogamous family: crisis or evolution? // Socio-political journal. 1995; *Kameneva T.N.* Family in risk society: sociological analysis. Kursk, 2018/

5. *Serdyuchenko Ya.V.* Factors of formation of the life world of a young family in the Rostov region //

- области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 249–253.
6. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
7. *Алиев Ш.И.* Жизненное проектирование российской молодежи в условиях вызовов и рисков информационной эпохи // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. С. 142–151.
8. *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с.
9. *Федулова А.Б.* Репродуктивное поведение молодой семьи Архангельской области // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 65–75; Данилова З.А., Бабаринова М.С. Молодая семья: риски развития (на материалах социологического обследования) // Вестник БГУ. 2014. № 14(2). С. 46–49.
10. *Лавренюк Н.И.* Анализ современного состояния исследований потенциала и капитала молодых семей в социально-экономическом развитии муниципальных образований / Н.И. Лавренюк, В.М. Тимирьянова, Р.Р. Мухамадеева, К.В. Третьякова // Торговля, предпринимательство и право. 2017. № 2. С. 19–31.
11. *Егорова Н.Ю.* Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? / Н.Ю. Егорова, И.Л. Сизова // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 98.
12. Дети: права, допустимость родительского и государственного контроля. URL : <http://www.levada.ru/30-05-2015/deti-prava-dopustimost-roditelskogo-i-gosudarstvennogo-kontrolya>
13. *Волков Ю.Г.* Социология будущего: социологическое знание и социальный проект : монография. М. : КНОРУС, 2017. 178 с.
- State and municipal management. Proceedings of the SKAGS. 2017. № 3. P. 249–253.
6. *Shyuts A.* The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology. M. : Institute of the Foundation «Public Opinion», 2003. 336 p.
7. *Aliev Sh.I.* Life designing of Russian youth in conditions of challenges and risks of the information age // Humanitarian of the South of Russia. 2016. № 1. P. 142–151.
8. *Toshchenko Zh.T.* A paradoxical person: a monograph. 2 nd ed., Revised. and additional. M. : UNITY-DANA, 2008. 543 p.
9. *Fedulova A.B.* Reproductive behavior of a young family in the Arkhangelsk region // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Humanities and social sciences. 2015. № 5. P. 65–75; Danilova Z.A., Babarinova M.S. Young family: development risks (on the materials of sociological survey) // Vestnik BSU. 2014. № 14(2). P. 46–49.
10. *Lavrenyuk N.I.* Analysis of the current state of studies of the potential and capital of young families in the socio-economic development of municipalities / N.I. Lavrenyuk, V.M. Timiryanova, R.R. Mukhamadeeva, K.V. Tretyakova // Trade, entrepreneurship and law. 2017. № 2. P. 19–31.
11. *Egorova N.Yu.* Does the Russian family have a chance to become solidary? / N.Yu. Egorova, I.L. Sizova // Sociological research. 2014. № 4. P. 98.
12. Children: rights, admissibility of parental and state control. URL : <http://www.levada.ru/30-05-2015/deti-prava-dopustimost-roditelskogo-i-gosudarstvennogo-kontrolya>
13. *Volkov Yu.G.* Sociology of the future: sociology and social project : monograph. M. : KNORUS, 2017. 178 p.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Анфиногенов Василий Анатольевич

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
01vaang@mail.ru

Vasily A. Anfinogenov

Candidate of Law Sciences,
Senior Research Associate of NITs-2,
FKU Scientific Research Institute
FSIN of Russia,
01vaang@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

TO THE QUESTION OF THE CONTENT OF THE PUNISHMENT AS A DEPRIVATION OF FREEDOM

Аннотация. В статье анализируется содержание наказания в виде лишения свободы. Отмечается, что содержание лишения свободы далеко не ограничивается наличием и объемом правоограничений, оно зависит также от интенсивности и продолжительности воздействия в отношении конкретной личности, от условий в которых оно осуществляется, а также от способов и методов воздействия.

Ключевые слова: принуждение, содержание лишения свободы, осужденный.

Annotation. In the article the content of the punishment in the form of imprisonment is analyzed. It is noted that the content of deprivation of liberty is far from being limited by the presence and scope of legal restrictions; it also depends on the intensity and duration of the exposure to a particular person, on the conditions in which it is carried out, and on the methods and methods of influence.

Keywords: coercion, detention, convicts.

Для того чтобы определить место лишения свободы в системе других видов наказания, его предупредительные и воспитательные возможности весьма важно выяснить, что же понимается под содержанием наказания в виде лишения свободы. В литературе это понятие определяется далеко не однозначно. Причем, на наш взгляд, отдельные авторы, предпринимая попытки определения содержания наказания, не приводят научно аргументированных и достаточно обоснованных доводов.

Так, С.И. Дементьев, полагая, что «содержание – это то, что раскрывает сущность, то есть его элементы», делает вывод, правда, несколько переключаясь в суждениях с другими авторами, что «сущность лишения свободы – это кара, а различные правоограничения и лишения, заложенные в этом наказании, есть ее содержание» [1, с. 9].

По форме изложения данный тезис, в общем-то, понятен. Однако если его рассмотреть более углубленно с позиций логики, то мы увидим, что при таком суждении получается своеобразный замкнутый круг. А именно, дело в том, что как каре, так и содержанию наказания присущи правоограничения и лишения. При таком подходе, не раскрыв содержания кары, основной акцент сделан только на пояснении содержания наказания. И, если попытаться изложить данное суждение в расширительном толковании, то получа-

ется следующее: сущность лишения свободы – это кара, а кара – это правоограничения и лишения. Далее же различные правоограничения и лишения, заложенные в этом наказании, и составляют его содержание. В результате получается одно и то же.

На наш взгляд, наиболее глубокую попытку определения содержания наказания предпринял И.С. Ной. Он, в частности, с позиций логики пришел к выводу, что «... теоретическое положение о том, что наказание не исчерпывается лишь карой, и что труд и весь комплекс воспитательных мероприятий входят в его содержание, имеет важное практическое значение» [2, с. 47]. Далее И.С. Ной делает вывод, что кара, а также принуждение, лишенное кары, и убеждение, как элементы наказания, отчетливо проявляются не только в лишении свободы, но и в исправительных работах [2, с. 47]. Иными словами, по его мнению, в содержание кары входят воспитательные средства, которыми в условиях лишения свободы являются общественно полезный труд, воспитательная работа, общеобразовательное и профессиональное обучение. Указанное суждение в свое время очень остро было подвергнуто критике многими учеными.

Вместе с тем, на наш взгляд, такой подход в определении наказания в виде лишения свободы с позиций уяснения, как его сущности, так и содержания, в принципе правомерен. Правда, в

данном случае необходимо учитывать лишь то обстоятельство, что в философии понятие «содержание» всегда рассматривается вместе с понятием «форма». Эти понятия находятся в тесной взаимосвязи и рассматриваются как «... философские категории, отражающие взаимосвязь двух сторон природной и социальной реальности, определенным образом упорядоченной совокупности элементов и процессов, отражающих предмет или явление, то есть содержание и способ существования и выражения этого содержания, его различных модификаций, то есть формы» [3, с. 434]. Далее, что весьма важно, на наш взгляд, указывается, что понятие форма употребляется также в значении внутренней организации содержания, и в этом значении проблематика формы получает дальнейшее развитие в категории структура [3, с. 434]. В данном случае форма – способ существования и выражения содержания. Исходя из этого, для уяснения содержания лишения свободы весьма важно рассмотреть его структуру, а для этого, естественно, необходимо выделить те элементы, которые в совокупности и будут указывать нам именно на наказание в виде лишения свободы как таковое.

Конечно, лишение свободы очень сложный институт, затрагивающий самые различные аспекты жизнедеятельности содержащихся в условиях изоляции людей. Поэтому, при определении его структуры вполне оправданно прибегнуть (что, кстати, и делалось отдельными исследователями), к способу логической операции, которая и должна дать нам возможность раскрыть объем и содержание анализируемого наказания. «Сущность деления состоит в том, что предметы, входящие в объем делимого понятия, распределяются по группам» [4, с. 50]. Для проведения такой операции важно определить признаки, которые смогли бы являться основанием деления.

Известно, что лишение свободы – это наказание, связанное с государственным принуждением. Отсюда понятно, его исполнение, а значит и содержательная сторона деятельности должна регулироваться законом, во всяком случае, наиболее существенные элементы воздействия. Отсюда, вполне логично, что за основу должны быть взяты признаки, которые не только являются значимыми, существенными, но и обязательно должны быть закреплены в законе. В этой связи, можно руководствоваться статьей 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), поскольку в ней, на наш взгляд, определены основные признаки института лишения свободы. В данном случае необходимо учитывать положения части 2 статьи 9 УИК РФ, где помимо режима изложены другие основные средства исправления осужденных.

Итак, исходя из изложенного, можно сделать определенный вывод, что различные формы и способы воздействия на поведение преступников, в том числе и принуждение к выполнению ими установленных в исправительных учреждениях требований составляют неотъемлемую часть содержания наказания в виде лишения свободы. Они направлены на то, чтобы вызвать

у них определенное эмоциональное состояние, например, страдания и переживания по социально значимым ценностям. Это бесспорно, ибо исполнение наказания, процесс отбывания наказания, где осужденные непосредственно ощущают воздействие наказания (лишение прав и свобод, ограничение в занятии, в месте проживания, в постоянной возможности общаться с близкими людьми, родственниками и т.д.), что, безусловно, причиняет лицу определенные страдания [5, с. 31].

Вместе с тем известно, что страдания и переживания у человека вызывает не только принуждение, но и условия, в которых он вынужден находиться. В данном случае необходимо констатировать, что при наказании преступника содержанием в специфических условиях и под охраной, он, конечно, в первую очередь лишается свободы как таковой. Однако свобода – категория очень емкая. Она носит конкретный исторический и социально обусловленный характер. Рассматривая ее, не следует забывать, какими благами материальными или духовными ценностями в обществе человек обладает или может обладать, каким образом они стимулируют его активную деятельность, нацеливая на преодоление трудностей, устранение препятствий и т.д. «Где нет активной деятельности, направленной на достижение целей, преодоление препятствий, стоящих на пути к цели, – там нет места свободы» [6, с. 75].

Следовательно, свободу личности в обществе нельзя рассматривать в отрыве от таких категорий, как желание, интерес, возможности, выбор, необходимость, ответственность и т.д. Наказывая лицо лишением свободы, государство лишает его возможности не только по своему усмотрению пользоваться материальными, духовными ценностями, реализовывать в полном объеме свои способности, но также удовлетворять свои потребности, развивать те или иные интересы и склонности. Отсюда, вполне объективно один и тот же вид наказания, связанный с лишением свободы, будет оказывать различное воздействие на того или иного осужденного, даже если у многих из них имеются общие или хотя бы схожие признаки, например, возраст, срок наказания, социальное положение, образование и т.д.

Это связано, прежде всего, с тем, что сила воздействия лишения свободы во многом зависит от того, каких именно ценностей и благ лишается осужденный, ибо в места лишения свободы он прибывает с определенными, вполне сложившимися сущностными качествами. Его внутренний мир чрезвычайно разнообразен: это особенности высшей нервной деятельности, способности, сложившейся потребности, уровень и характер умственного развития, мировоззрение и стремления, взгляды и убеждения, моральные и волевые качества, привычки, приобретенные знания, объем и содержание жизненного опыта, преобладающие эмоции, эстетические понятия и виды, психические свойства и психологические установки, отношение к людям, к администра-

ции, в частности, к окружающей среде осужденных, социальная действительность вообще, физическое самочувствие и психический настрой и т.д.

Каждый из названных компонентов в той или иной степени может повлиять на восприятие осужденным применяемых в отношении его мер воздействия. Поэтому блокада, сдерживание или устранение условий и возможностей проявления многих из названных свойств личности, особенно в жестких условиях изоляции, также способны вызвать не только чувство неудовлетворенности в чем-либо, фрустрацию, переживания, страдания, но и вызвать психические расстройства.

Литература:

1. *Дементьев С.И.* Лишение свободы. Уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1981. 206 с.
2. *Ной И.С.* Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1973. 156 с.
3. *Философский словарь.* 5-изд. М. : Политиздат, 1986. 590 с.
4. *Кириллов В.И.* Логика / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. Высш. шк., 1982. 262 с.
5. *Зубкова В.И.* Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика : монография. М. : Норма, 2002. 304 с.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 23. – 920 с.

Следовательно, можно констатировать, что содержание лишения свободы далеко не ограничивается наличием и объемом правоограничений: оно во многом зависит от личностных свойств того или иного осужденного, от интенсивности и продолжительности осуществляемого в отношении его воздействия, от условий, в которых осуществляется такое воздействие, и, конечно, от способов (приемов), форм и методов воздействия. Поэтому, исходя из изложенного, дать полное и категоричное определение содержанию лишения свободы весьма трудно.

Literature:

1. *Dementiev S.I.* Imprisonment. Criminal and legal and corrective-labor aspects. Rostov n/D. : Growth publishing house. un-that, 1981. 206 p.
2. *Noy I.S.* Sushchnost and functions of criminal penalty in the Soviet state. Saratov: Sarat publishing house. un., 1973. 156 p.
3. *Philosophical dictionary.* 5 prod. M. : Politizdat, 1986. 590 p.
4. *Kirillov V.I.* Logik / V.I. Kirillov, A.A. Starchenko. Vyssh. school, 1982. 262 p.
5. *Zubkova V.I.* Criminal penalty and its social role: theory and practice : monograph. M. : Norm, 2002. 304 p.
6. *Marx K., Engels F.* Soch. – V. 23. – 920 p.

Булгакова Луиза Сираджединовна
прокурор
организационно-методического
зонального отдела,
Управление по надзору за исполнением
федерального законодательства
прокуратуры Санкт-Петербурга,
младший советник юстиции
6luiza@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье говорится о деятельности таможенных органов России, которые вносят огромный вклад в «экологическую безопасность» страны, а также международном сотрудничестве таможенных органов России в области обеспечения экологической безопасности, путем участия в различных программах, конвенциях и семинарах мирового сообщества под эгидой ООН. Основной целью данных программ, конвенций и соглашений является повышение функциональности таможенных служб мира при осуществлении надлежащего контроля за «экологически чувствительными товарами» и в области экологической безопасности стран, которые регулируются пакетом многосторонних международных соглашений.

Ключевые слова: экологическое законодательство; административная деятельность; таможенные органы, природопользование; экологический правопорядок; международное сотрудничество; правопорядок в экологической сфере; охрана природных ресурсов.

В настоящее время в России вопрос экологической безопасности стоит на высшей ступени приоритетных направлений. Данная позиция вполне объяснима, так как экологическая безопасность общества и государства в целом является сопутствующим решением других не менее значимых социальных задач. Не удивительно, что законодателями принят целый комплекс мер для укрепления данного направления, в том числе путем вовлечения правоохранительных субъектов в данный созидательный процесс.

Актуальность данного направления также подтверждается тем, что согласно указу Президента

Luiza S. Bulgakova
Prosecutor of the organizational
and methodological zonal department
Office for Supervision
over the Execution
of the Federal Legislation
of the Prosecutor's Office of St. Petersburg,
junior counselor of justice
6luiza@mail.ru

INTERNATIONAL COOPERATION OF CUSTOMS AUTHORITIES IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL SAFETY OF THE STATE

Annotation. The article deals with the activities of the Russian customs authorities, which make a huge contribution to the «environmental safety» of the country, as well as international cooperation of the Russian customs authorities in the field of environmental safety, through participation in various programs, conventions and seminars of the world community under the auspices of the UN. The main objective of these programmes, conventions and agreements is to enhance the functionality of the world's customs services in the proper control of "environmentally sensitive goods" and in the field of environmental security of countries governed by a package of multilateral international agreements.

Keywords: environmental legislation; administrative activities; customs authorities, environmental management; environmental law and order; international cooperation; law and order in the environmental sphere; protection of natural resources.

РФ от 05.01.2017 № 7 «О проведении в Российской Федерации Года экологии» 2017 год признан в Российской Федерации «Годом экологии», в связи с чем вопрос активного участия различных правоохранительных органов в обеспечении экологической безопасности страны встал в первую категорию приоритетных направлений их деятельности.

Конечно же, любые проблемы экологического характера, а именно незаконная рубка леса, контрабанда исчезающих видов флоры и фауны, объемы промышленных выбросов в атмосферный воздух и иное требует пристального внимания от различных государственных институтов, в

том числе включая прокуратуру, таможенные органы, полицию и иное.

Затрагивая институт таможенных органов, прослеживается тенденция к росту роли таможенных органов в защите окружающей среды и обеспечение безопасности государства.

С 2009 года данный институт начал активно расти в сфере экологии, страны – члены Всемирной таможенной организации прилагают уйму усилий для борьбы с правонарушениями и различного рода преступлениями в области охраны окружающей среды и природопользования.

С 2001 Россия является одним из участников международной инициативной программы ООН по окружающей среде (*UNEP – United Nations Environment Programme*) «Зеленая таможня».

Основной целью данной программы является повышение функциональности таможенных служб мира при осуществлении надлежащего контроля за «экологически чувствительными товарами», которые регулируются пакетом многосторонних международных соглашений (МЕА).

Данная программа разработана для помощи в борьбе с глобальными экологическими проблемами в следующих формах: обучение персонала таможенных органов по данной тематике; проведение многочисленных тренингов, как на уровне субъекта, так и на международном уровне всех стран для госслужащих таможенных органов; постоянная актуализация обучающих материалов на официальном сайте «Зеленая таможня» (www.greencustoms.org).

По истечению длительного промежутка времени можно сделать однозначный вывод, что данная программа «Зеленая таможня» ведет таможенный персонал к быстрому приобретению специальных навыков в области экологической безопасности, а также природоохранной деятельности в целом.

Можно выделить ряд соглашений, лежащих, в том числе в основе создания вышеуказанной программы:

1. Конвенция о международной торговле исчезающими видами дикой флоры и фауны (СИТЕС) (1973 г.). Данное соглашение регулирует порядок торговли диких животных и растений путем сохранения их численности. В данном соглашении собрано более 33 тысяч различных видов животных и растений [1]. Конвенция является самой крупной по охране дикой природы, вхождение в нее добровольное, а исполнения поставленных в ней задач обязательно для всех подписавших государств. Данная конвенция является одним из основополагающих документов Программы «Зеленая таможня». Россия, как приемник СССР стала участницей данной Конвенции в 1992 году.

2. В 2000 году в рамках реализации Конвенции о биологическом разнообразии подписан Картахенский протокол по биобезопасности [2]. В нем закреплены меры и процедуры перемещения

через государственные границы продуктов биотехнологии для целей обеспечения биологической безопасности стран мира. К 2012 году на долю России приходилось 0,1 % всего мирового рынка биотехнологии, однако к концу 2018 года объемы биотехнологической продукции в Российской Федерации должны составить в сфере производства порядка 200 млрд руб., а на экспорт – 50 млрд руб. [3]

Кроме указанных выше двух соглашений, которые в том числе лежали в основе «Зеленая таможня», в ней также содержится множество иных соглашений, протоколов, конвенций, затрагивающих большой аспект различных проблем таможенной деятельности, путей решения, а также много иных задач требующихся мировому сообществу в области таможенного дела для обеспечения экологической безопасности.

Таким образом, «Зеленая таможня» – это международная инициатива всех стран мира, влияющая на деятельность таможенного института, путем эволюционирования их деятельности, направленной на содействие устойчивому экономическому развитию, росту благосостояния и защищенности населения.

Учитывая, что проблема экологической безопасности стоит в России на высшей ступени, а также в связи с ее участием, в том числе в программе «Зеленая таможня», можно сделать вывод, что одной и передовых задач ФТС России является обеспечение экологической безопасности государства.

Согласно Комплексной программе развития ФТС России на период до 2020 года [4], одной из главных задач поставленных руководителем ФТС России В.И. Булавиным перед таможенными органами, является борьба с острыми экологическими проблемами. Однако «...сегодня разговор об экологических проблемах надо вести в наступательном и практическом ключе и выводить природоохранную работу на уровень системной, ежедневной обязанности государственной власти всех уровней» [5].

Анализируя деятельность таможенных органов России можно сделать вывод, что при всем профессионализме сотрудников таможенных органов, достижение полной экологической безопасности государства не всегда приводит к желаемому результату, поскольку данная проблема является в большинстве своем глобальной уровня. В связи с чем, участие России в различных соглашениях, программах, семинарах и конвенциях под эгидой ООН, являются необходимой составляющей всего комплекса природоохранных усилий ФТС России.

Конечно в сложившейся ситуации на сегодняшний день ответственность за реализацию перечисленных Конвенций, подписанных Россией в рамках инициативы ООН "Зеленая таможня", ложится на плечи инспекторов и сотрудников правоохранительного блока таможенных орга-

нов. Именно они регулируют и выявляют легальную и нелегальную международную торговлю, борются с трансграничным мошенничеством и проверяют участников внешнеэкономической деятельности на соблюдение запретов и ограничений, а также иной деятельностью.

Литература:

1. Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES). URL : <https://cites.org/>
2. Картахенский протокол по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. (Монреаль, 29 января 2000 г.). URL : <http://www.cbd.int/>
3. Постановление Правительства РФ от 23.09.2013 № 839 «О государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы» // СПС «КонсультантПлюс».
4. План мероприятий по реализации Комплексной программы развития ФТС России на период до 2020 года. URL : <http://www.customs.ru/>
5. *Путин В.В.* Официальный сайт Года экологии в России. URL : <http://ecoyear.ru/>

Деятельность таможенных органов России, безусловно, вносит огромный вклад в «экологическую безопасность» страны, так как с огромным многообразием экосистемы, вопрос ее сохранения актуален, кроме того не надо забывать, что «экоблага» по праву являются неповторимым богатством и достоянием каждого гражданина.

Literature:

1. Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES). URL : <https://cites.org/>
2. Cartagena Protocol on Biosafety to the Convention on biological diversity, 1992 (Montreal, 29 January 2000). URL : <http://www.cbd.int/>
3. Decree of the Government of the Russian Federation of 23.09.2013 № 839 «On state registration of genetically modified organisms intended for release into the environment, as well as products obtained with the use of such organisms or containing such organisms» // ATP «Consultant Plus».
4. Action plan for the implementation of a Comprehensive program of development of the FCS of Russia for the period up to 2020. URL : <http://www.customs.ru/>
5. *Putin V.V.* Official website of the year of ecology in Russia. URL : <http://ecoyear.ru/>

Вишневецкий Кирилл Валерьевич
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовного права
и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

Kirill V. Vishnevetskiy
Doctor of law, Professor,
Chief of department of criminal law
and criminology Krasnodar,
Ministry of Internal Affairs university of Russia
Milena.555@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ» И «ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА»

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND DEFINITIONS OF «VICTIM OF CRIME OF RELATIONSHIP» AND «PERSONALITY OF THE OFFENDER»

Аннотация. В статье раскрываются определения понятий «жертва преступления взаимоотношений» и «личность преступника». Кроме того приводится аргументация того, что поскольку основной отличительной чертой «преступлений взаимоотношений» является то, что они совершаются лицами, которые имеют определенную социальную или эмоциональную связь с жертвой, то есть определенные взаимоотношения, соответственно, жертвой таких преступлений может быть только физическое лицо.

Annotation. The article reveals the definitions of the concepts of «victim of the crime of relationship» and «personality of the criminal». In addition, it is argued that since the main feature of «relationship crimes» is that they are committed by persons who have a certain social or emotional connection with the victim, that is, certain relationships, respectively, the victim of such crimes can only be a natural person.

Ключевые слова: криминология, виктимология, виктимность, виктимизация, личность преступника, жертва преступления, потерпевший.

Keywords: criminology, victimology, victimization, victimization, personality of a criminal, victim of crime, victim.

Исследования взаимоотношений между жертвой и преступником и их влияния на возникновение, развитие и последствия преступления требует более основательного изучения субъектов этих отношений – жертвы (потерпевшего) и преступника.

ленная общность людей в любой форме их интеграции, которым прямо или косвенно причинен вред преступлением (это так называемое широкое, общетеоретическое определение жертвы преступления) [2]. Он считает, что виктимологическое понятие «жертва преступления» охватывает не только непосредственных жертв, но и жертв от покушений на преступления, близких родственников погибших жертв. П.С. Дагель, кроме физических лиц, относит к потерпевшему от преступления (в криміно-логічному смысле) также и юридических лиц [3].

В юридической литературе для определения лица, которое пострадало от преступления, чаще всего используются термины «потерпевший» и «жертва». Термин «потерпевший» обычно используется в уголовном и уголовно-процессуальном праве. В последнее время многие ученые в уголовном праве уделяют свое внимание исследованию потерпевшего. Разные авторы по-разному трактуют это понятие. В криминологии наряду с термином «потерпевший» используется термин «жертва». Существует две основные позиции по поводу термина «жертва преступления». Сторонники первой позиции утверждают, что жертва – это физическое лицо, человек, которому непосредственно преступлением причинен физический, моральный или материальный вред (так называемое, узкое определение жертвы) [1]. Л.В. Франк, сторонник второй позиции, говорит, что жертва – это человек или опреде-

Канадская ученая М. Барриль определяет жертву преступления как человека (группу лиц), которые перенесли непосредственное посягательство на свои основные права со стороны другого лица (группы лиц), которые действовали сознательно. В.А. Туляков отмечает, что жертвой преступления признается любое физическое лицо (социальная общность, организация), которому преступлением причинен физический, материальный или моральный ущерб [4].

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления вла-

стью, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года, термин «жертва» трактует как «лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие злоупотребление властью... Понятие «жертва» в соответствующих случаях включает родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию. Кроме того, Декларация отдельно выделяет категорию жертв злоупотребления властью как лиц, «которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, еще не представляющего собой нарушения национальных уголовных законов, но такого, что является нарушением международно-признанных норм, касающихся прав человека». Приведенные нами определения понятия «жертва преступления» позволяют сделать вывод о том, что отмеченные позиции ученых разделились не только в том, возможно ли признавать как жертву социальную общность или юридических лиц, но и в том, признают или не признают авторы как жертву лицо, которому вред был причинен опосредованно.

Рассмотрим основные аргументы сторонников первой позиции:

1. Представители первой позиции смешивают понятие жертвы преступления и предмет виктимологического изучения. Этот предмет включает и общности, потому что они могут иметь определенные качества уязвимости (массовой, групповой виктимности), представляющих собой суммарное обобщенное выражение качеств индивидуальной виктимности. Отдельный человек, поддаваясь влиянию той или иной общности, возможно, и становится более уязвимой, но это не свидетельствует, что перед нами коллективная жертва. Здесь другое – взаимодействие личности с ситуацией [5].

2. Понятие жертвы как «общности людей» мало что даст виктимологической теории, оно оторвано от реальных потребностей практической профилактики. Такой объект виктимологической профилактики, как «общность людей в любой форме их интеграции», просто нереален, поскольку в этом случае как жертву преступления можно рассматривать все что угодно, в том числе и все общество в целом.

3. Если даже ограничить размеры сообществ до сравнительно приемлемых (трудовой коллектив, семья, соседи и т.п.), нетрудно увидеть, что ущерб от преступных действий, даже направленных против той или иной группы лиц, не может быть иным, как причиненным непосредственно лицам, составляющим эту группу. Поэтому

общность людей – это совокупность жертв – физических лиц.

4. Если относить к жертвам отдельных лиц, общности, вред которым причинен косвенно, исчезает специфика виктимологической профилактики, основанная на учете эмоциональных, волевых, моральных качеств, социального положения людей, оказавшихся непосредственными участниками ситуаций преступлений.

Представители второй позиции свою точку зрения объясняют следующим:

1. Широкое понимание понятия «жертва преступления» было закреплено в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, подписание которого свидетельствует о всеобщем признании данного определения.

2. Существуют такие составы преступлений, которые фактически причиняют вред отдельным социальным общностям, группам людей, юридическому лицу (например, геноцид, развязывание и ведение агрессивной войны, незаконное использование фирменного наименования, разглашение коммерческой тайны и др.).

3. Включение социальной общности и организации в понятие жертвы преступления обусловлено комплексным характером виктимологических исследований, оперирующих понятием жертвы как основным инструментом в познании закономерностей взаимодействия преступности и виктимности.

4. Ненаучно и аморально исключать вторичных жертв из совокупности объектов, охватываемых понятием «жертва преступления», на том основании, что они опосредованно связаны с преступлением, потому что вторичные жертвы (члены семьи, близкие лица, родственники, иждивенцы) испытывают такие же страдания и проявляют такие же симптомы психологических затруднений, как и прямые жертвы [6]. Относительно соотношения понятий «жертва» и «потерпевший от преступления», считаем, что потерпевший в виктимологии – часть обобщающего понятия «жертва», и не будет вызывать больших возражений употребление наряду с термином «жертва преступления» как синоним также термина «потерпевший от преступления».

Поскольку основной отличительной чертой «преступлений взаимоотношений» является то, что они совершаются лицами, которые имеют определенную социальную или эмоциональную связь с жертвой, то есть определенные взаимоотношения, соответственно, жертвой таких преступлений может быть только физическое лицо. То есть, такая жертва должна иметь «живую душу», которой не имеет организация, предприятие и т.п. [7].

Мы считаем, что в состав жертв «преступлений взаимоотношений» должны войти и «вторичные жертвы». В данном случае, бесспорно, следует согласиться с В.А.Туляковым, поскольку преступник может нанести вред третьему лицу для

того, чтобы намеренно заставить страдать другого конкретного человека (отомстить ему), например, похищение человека, ребенка; изнасилование или причинение различных физических страданий и многое другое. В таких преступлениях страдания именно «вторичной жертвы» и является целью преступника. Совершая такое преступление, виновный рассчитывает на то, что эта конкретная личность будет испытывать такие же страдания и проявлять такие же симптомы психологических затруднений, как и прямая жертва [8]. Конечная цель заключается в причинении страданий третьему лицу за счет причинения вреда непосредственному потерпевшему, хотя, обычно, цель не является обязательным признаком состава насильственных преступлений. Жертва преступления имеет свои особенности и признаки, которые выделяют ее из общего общественного круга как человека, пострадавшего от преступления. Эти особенности делают ее привлекательной для преступника и составляют ее виктимность. Поэтому, по нашему мнению, криминологическая характеристика жертвы преступления заключается в анализе ее социально-демографических, уголовно-правовых, нравственно-психологических характеристик и выявлении таких из них, способствующих ее виктимизации.

Сведения о потерпевших от преступлений взаимоотношений и особенности их взаимоотношений с преступником имеют существенное значение для проведения эффективной профилактической работы, в том числе виктимологической направленности.

Для более глубокого исследования личности потерпевшего ученые прибегают к классификации жертв преступлений по различным критериям. Классификация потерпевших имеет принципиальное значение, поскольку позволяет судить в полном объеме о поведении потерпевших, ситуации, предшествующей преступлению, взаимоотношениях с преступником, роль потерпевшего в механизме совершения преступления, условия, способствовавшие совершению преступления, о путях и способах защиты жертвы преступления [9].

Учитывая научно-практические достижения, наиболее значимым основанием классификации жертв преступлений взаимоотношений, по нашему мнению, является характер взаимоотношений жертвы и преступника:

– ситуационные жертвы. К этой группе относятся жертвы, которые не были ранее знакомы с преступником и стали такими случайно вследствие влияния конкретной жизненной ситуации;

– вероятностные жертвы. Совершение преступления в отношении этих лиц носит вероятностный характер, и преступное последствие является случайным по отношению к данной конкретной жертве;

– заранее определенные жертвы преступных деяний. Потерпевшими становятся люди, связанные с преступником родственными, друже-

скими, интимными и другими близкими отношениями. Чаще всего преступление является результатом неблагоприятной ситуации, которая сложилась еще задолго до его совершения, конфликта.

Приведенная классификация носит условный характер и не является исчерпывающей. На наш взгляд, она носит обобщающий характер, потому что разделяет жертв на таких, которые были знакомы с преступником и находились с ним в отношениях, и таких, что не знали преступника до совершения преступления.

Поскольку упомянутая классификация применима для жертв тяжких насильственных преступлений, то ее можно дополнить еще одним видом – условно-определенные жертвы. К ним относятся лица, с которыми преступник умышленно познакомился, чтобы создать благоприятные условия для совершения преступления (например, мужчина знакомится с девушкой, чтобы потом изнасиловать ее или, воспользовавшись доверием, завладеть имуществом). По такому основанию классификации, как вид связи, жертв «преступлений взаимоотношений» можно разделить на следующие группы: – семейно-бытовые жертвы. К ним относятся потерпевшие, которые имеют семейную, родственную, любовную, дружескую, соседскую связь с преступником; – корпоративные жертвы. Совершение преступления происходит на почве служебных, коммерческих, деловых и других конфликтов, связанных с совместной или конкурентной деятельностью субъектов; – нормативные жертвы. Совершение противоправных деяний в отношении них становится возможным вследствие существования между жертвой и преступником связи, урегулированного определенным документом (например, злоупотребление опекунами правами). Говоря о жертве рассматриваемой категории преступлений, нельзя не сказать и о личности преступника. Попутно заметим, что изучению личности преступника в разные времена было уделено достаточно много внимания со стороны ученых. В криминологии под личностью преступника понимают лицо, совершившее преступление, в котором отразилась ее антисоциальная направленность, выражающая совокупность негативных социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами на характер преступного поведения.

А.И. Долгова выделяет шесть групп признаков, характеризующих личность преступника:

- 1) социально-демографические признаки;
- 2) уголовно-правовые признаки;
- 3) социальные проявления в различных сферах жизнедеятельности;
- 4) нравственные качества;
- 5) психологические признаки;
- 6) физические (биологические) характеристики [10].

По нашему мнению, эти признаки условно можно объединить в две большие группы: социально-демографические признаки и нравственно-психологические, учитывая, что личность преступника нас интересует лишь во взаимодействии с потерпевшим. Опираясь только на социально-демографические показатели, содержащиеся в статистических данных, невозможно ответить на вопрос о причинах совершения преступления субъектами в отношении лиц, с которыми они находятся в отношениях, как влияют взаимоотношения с жертвой на механизм преступного поведения.

Подытоживая изложенное, можно сделать следующие выводы. Жертвой «преступления взаи-

Литература:

1. *Ривман Д.В.* О некоторых понятиях криминальной виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск, 1982.
2. *Франк Л.В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе : Ирфон, 1977. 237 с.
3. *Дагель П.С.* Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления : Тематический сборник. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1974. С. 16–37.
4. *Туляков В.А.* Виктимология: социальные и криминологические проблемы. Одесса : Юридическая литература, 2000. 336 с. URL : <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1015>
5. *Ривман Д.В.* Виктимология / Д.В. Ривман, В.С. Устинов. СПб. : Юридическим.центр Пресс, 2000. 332 с.
6. *Туляков В.А.* Виктимология: социальные и криминологические проблемы. Одесса : Юридическая литература, 2000. 336 с. URL : <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1015>
7. *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб. : Питер, 2002. 304 с. (Серия «Учебники для вузов»).
8. *Туляков В.А.* Виктимология: социальные и криминологические проблемы. Одесса : Юридическая литература, 2000. 336 с. URL : <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1015>
9. *Чечель Г.И.* Жестокий способ совершения преступлений против личности. Нальчик : Нарт, 1992. 146 с.
10. *Долгова А.И.* Криминология : учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 912 с.

моотношений» является физическое лицо, которому в результате или при условии ее взаимоотношений с преступником непосредственно или косвенно был причинен физический, моральный или имущественный вред.

Определяющим признаком жертвы, которому был причинен вред вследствие или условия взаимоотношений с преступником, будет существование между ними именно таких отношений, которые привели к ее виктимизации. Лицом совершившим «преступления взаимоотношений» является физическое лицо, которое при условии или вследствие ее взаимоотношений с жертвой причинило последней физический, имущественный или моральный вред.

Literature:

1. *Rivman D.V.* About some concepts of a criminal viktimologiya // Viktimologicheskiye of a problem of fight against crime. Irkutsk, 1982.
2. *Frank L.V.* The victims from crime and a problem of the Soviet viktimologiya. Dushanbe: Irfon, 1977. 237 p.
3. *Dagel P.S.* The victim in the Soviet criminal law / P.S. Dagel//the Victim from crime: Thematic collection. Vladivostok: Publishing house Far East un-that, 1974. P. 16–37.
4. *Tuliakov V.A.* Viktimologiya: social and criminological problems. Odessa : Legal literature, 2000. 336 p. URL : <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1015>.
5. *Rivman D.V.* Viktimologiya / D.V. Rivman, V.S. Ustinov. SPb. : Legal. Press center, 2000. 332 p.
6. *Tuliakov V.A.* Viktimologiya: social and criminological problems. Odessa : Legal literature, 2000. 336 p. URL : <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1015>
7. *Rivman D.V.* Criminal viktimologiya/. In Rivman. SPb. : St. Petersburg, 2002. 304 p. (Textbooks for Higher Education Institutions series).
8. *Tuliakov V.A.* Viktimologiya: social and criminological problems. Odessa: Legal literature, 2000. 336 p. URL : <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1015>
9. *Chechel G.I.* A cruel way of commission of crimes against Personality. Nalchik : Nart, 1992. 146 p.
10. *Dolgova A.I.* Criminology : the textbook for higher education institutions. 3rd prod., reslave. and additional. M. : Norma, 2005. 912 p.

Гаспарян Джемма Оганесовна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры административного,
частного и финансового права,
Российский университет кооперации
jemma.90@mail.ru

Мартынова Татьяна Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой
государственно-правовых
и общетеоретических дисциплин,
Кубанский институт
социоэкономики и права (филиал)
ОУП ВО «Академия труда
и социальных отношений»
mtv_krasnodar@mail.ru

Gemma O. Gasparyan

Candidate of Pedagogical
Sciences, associate Professor
of administrative, private
and financial law,
Russian University of cooperation
jemma.90@mail.ru

Tatyana V. Martynova

Candidate of law, associate Professor,
Head of the Department of state-legal
and General theoretical disciplines,
Kuban Institute
of socio-Economics and law (branch)
OUP VO «Academy of labor
and social relations»
mtv_krasnodar@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ
МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ,
СВЯЗАННЫХ С РЕГИСТРАЦИЕЙ
ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ
НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО**

Аннотация. В статье исследуются проблемы квалификации мошеннических действий, связанных с регистрацией права собственности на недвижимое имущество. На основе статистических данных, анализа законодательства в сфере регистрации права собственности, судебной практики делаются выводы.

Ключевые слова: гражданский оборот, недвижимое имущество, право собственности, оборотоспособные объекты, обман, мошенничество, преступление, правовая охрана, сделки, регистрация права, причины преступлений.

Институт регистрации права собственности на недвижимое имущество существует давно. В истории нашей страны это появилось ещё во времена феодальной Руси. И с давних времён существуют различные мошенничества в этой сфере.

Вместе с совершенствованием системы регистрации права на недвижимое имущество, совершенствуются и мошенники в том, чтобы заполнить деньгами обманом путём через какую-либо сделку (например – это люди, обманутые застройщиком на этапе строительства здания – дольщики), для кого-то объектом посягательства является само недвижимое имущество (например, завладение квартирой путём давления на собственника, чтобы он оформил дарственную).

**PROBLEMS OF QUALIFICATION
OF FRAUDULENT ACTIONS
RELATED TO REGISTRATION
OF OWNERSHIP OF REAL ESTATE**

Annotation. The article deals with the problems of qualification of fraudulent actions related to the registration of ownership of real estate. On the basis of statistical data, analysis of legislation in the field of registration of property rights, judicial practice conclusions.

Keywords: civil turnover of immovable property, property rights, tradable objects, deception, fraud, crime, legal, security, transaction, registration rights, causes of crime.

В период с января по ноябрь 2017 года наиболее распространенным видом преступлений стало мошенничество. Это следует из материалов, опубликованных на портале правовой статистики Генпрокуратуры. Всего, как говорится в материалах надзорного ведомства, за отчетный период было совершено 204870 преступлений в форме мошенничества. Это на 6,8 % выше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Лидерами среди российских регионов, в которых наблюдался наибольший рост этого вида преступлений, стали Саратовская область (+ 148,7 %), Калининградская область (+ 112,7 %), Санкт-Петербург (+ 62,9 %), Нижегородская область (+ 57,1%) и Югра (+ 56,9 %). Всего за январь – ноябрь 2017 года на территории России, по данным Генпрокуратуры, было зарегистрировано 1920819 преступлений, что почти на 86 тыс.

меньше, чем годом ранее. Сокращение числа преступлений отмечено в семи округах, однако в Южном федеральном округе число зарегистрированных преступлений выросло на 4,7 % [1].

Согласно неофициальной статистике каждая 10–12 сделка имеет признаки мошенничества (обмана) второго субъекта и/или федерального органа регистрации. В зависимости способа и оформления сделки, вероятность обманных действий может изменяться: между частными лицами – порядка 9 %; с участием маклера-участника в районе 10 %; сопровождаемых агентством недвижимости – 3,5 % [2].

Согласно статье 8 Конституции Российской Федерации, в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности [3].

Согласно статье 130 Гражданского Кодекса Российской Федерации (часть первая), к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства [4].

Следовательно, недвижимое имущество является объектом правовой охраны. Объект правовой охраны – группа социальных благ, существование которых общество и государство рассматривают как наиважнейшие.

Правовым режимом недвижимого имущества является наличие особых правил реализации правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Важной характеристикой является оборотоспособность. Под оборотоспособностью имеется в виду возможность отчуждения объекта по различным договорам, наследованию или реорганизации юридического лица. По данному признаку оборотоспособности можно разделить на такие категории:

- а) не ограниченные в обороте объекты, которые могут свободно отчуждаться и переходить от одного лица к другому;
- б) ограничено оборотоспособные объекты, которые могут принадлежать лишь определенным участникам оборота либо нахождение которых в обороте допускается по специальному разрешению;
- в) изъятое из гражданского оборота объекты. Перечень изъятых из оборота объектов должен быть указан в законе, однако пока такой закон отсутствует.

Из гражданского оборота, в первую очередь, изымаются объекты государственной собственности, которые находятся в общественном пользовании и не могут в силу публичных интересов быть предметами гражданско-правовых сделок, к ним относятся: недра, лесной фонд, атомные станции и табельное военное имущество [5, с. 68].

При регистрации права собственности на недвижимое имущество, в зависимости от типа приобретаемого имущества, будут действовать различные правила, связанные с Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [6].

Можно выделить наиболее популярные объекты недвижимости:

- 1) земельные участки;
- 2) части (доли) земельных участков;
- 3) здания;
- 4) сооружения;
- 5) жилые помещения;
- 6) жилой дом;
- 7) часть жилого дома;
- 8) нежилые помещения и другие.

Некоторые виды недвижимого имущества, такие как леса, недра, водные объекты и другие, дополнительно регулируются Лесным Кодексом Российской Федерации, Законом о недрах, Водным Кодексом Российской Федерации соответственно.

В связи с тем, что недвижимое имущество имеет рыночную стоимость, оно является объектом посягательства для мошенников.

7 апреля 2010 года Тушинский районный суд столицы вынес приговор сразу одиннадцати фигурантам уголовного дела о мошенничестве с квартирами. В эту преступную группу входили сотрудники милиции, нотариусы, работники жилищно-эксплуатационных контор. В группе были четко распределены роли. К примеру, сотрудники ОВД по району Северное Тушино Москвы Х. и С. через жилконторы и участковых милиционеров собирали сведения о пустующих квартирах, а также об одиноких престарелых людях. Если человек проживал один в квартире и умирал, а милиционеры из преступной группы мошенников об этом узнавали первыми, то тут же через нотариуса подделывали документы на наследство. Затем квартиру и имущество продавали, а деньги делили [7]. По делу осуждены трое сотрудников милиции, три нотариуса, которым также дополнительно было назначено наказание в виде лишения права работать по профессии.

Мошеннические действия проявляются в незаконном отъеме данного вида имущества у их законных владельцев по разным мошенническим схемам.

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся:

- а) заключение ничтожной сделки;
- б) появление «наследников» у умершего одиноко проживающего гражданина, который не написал завещание;

в) манипулирование юридической безграмотностью человека, например, если собственнику имущества необходимо получить займ, мошенник может заставить его оформить договор дарения/договор купли-продажи, без которых якобы невозможно заключить договор залога;

г) долевое строительство. После получения денежных средств, фирма-застройщик резко перестаёт существовать;

д) подделка документов;

е) при осуществлении сделки с жилой недвижимостью, продавец не информирует покупателя о других людях, прописанных в данном жилом доме, помещении, или квартире. Если они психически не здоровы и находятся на лечении в соответствующем учреждении, проходят срочную военную службу по призыву, отбывают в местах лишения свободы, то по возвращению из данных мест, могут доказать свои права на квартиру и сделка аннулируется.

Приведенные положения являются теоретической основой выявления причинного комплекса мошенничества. Представляется, что причинами мошенничества является не вся совокупность противоречий в обществе и государстве, а лишь

Литература:

1. Генпрокуратура назвала самое распространённое преступление 2017. URL : <https://www.rbc.ru/society/07/01/2018/5a5262719a79473468749464> (дата обращения 10.09.2018).

2. Какое мошенничество возможно при сделках с недвижимостью. URL : <http://ugolovka.com/prestupleniya/sobstvennost/moshennichestvo> (дата обращения 10.09.2018).

3. Конституция Российской Федерации (принята на референдуме 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // РГ. 1994. 25 января; СЗ РФ. 2014. № 30. Ст. 4202.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 29.12.2017 № 459-ФЗ) // РГ. 1994. 08 декабря; РГ. 2017. 31 декабря.

5. *Ткаченко В.В.* Сделки с недвижимостью. Пособие для риэлтора / В.В. Ткаченко, В.А. Зимин, С.В. Ткаченко. Самара : СамГУ, 2006. С. 68.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 13.07.2015 № 218-ФЗ (в ред. от 03.04.2018 № 60-ФЗ) О государственной регистрации недвижимости // РГ. 2015. 17 июля; РГ. 2018. 05 апреля.

противоречия, во-первых, в отдельных сферах и, во-вторых, конкретизированные применительно к сущности и специфике исследуемого вида преступлений. Причем в реальной жизни противоречия как причины мошенничества находятся в разнообразно переплетаемых сочетаниях и вычлняются, только мысленно [7, с. 30].

Противоречия между различными потребностями (в основном это материальные потребности) и вероятностью их удовлетворения характеризуют нужду, бедность, нищету людей. По мнению современного японского ученого Кан Уэды, правомерен вывод, что главным фактором, стимулирующим преступные деяния, является бедность в ее самых разнообразных формах. Правильность этой точки зрения подтверждается тем, что в современной Японии частота появления деликвентов и взрослых преступников в бедных семьях значительно выше, чем обеспеченных [8, с. 162].

Не способность удовлетворения материальных потребностей порой и становятся причинами преступлений. Поэтому, эти противоречия являются одной из причин появления таких противоправных действий как, например, мошенничество.

Literature:

1. The State Office of Public Prosecutor called the most widespread crime of 2017. URL : <https://www.rbc.ru/society/07/01/2018/5a5262719a79473468749464> (date of the address 10.09.2018).

2. What fraud is possible at transactions with the real estate. URL : <http://ugolovka.com/prestupleniya/sobstvennost/moshennichestvo> (date of the address 10.09.2018).

3. The constitution of the Russian Federation (it is accepted on a referendum on December 12, 1993) (taking into account the amendments made by Acts of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ) // RG. 1994. January 25; SZ Russian Federation. 2014. No. 30. Art. 4202.

4. The civil code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (in an edition of 29.12.2017 No. 459-FZ) // The RG. 1994. December 08; RG. 2017. December 31.

5. *Tkachenko V.V.* Transactions with the real estate. A grant for the realtor / V.V. Tkachenko, V.A. Zimin, S.V. Tkachenko. Samara : SamGU, 2006. P. 68.

6. The federal law of the Russian Federation of 13.07.2015 No. 218-FZ (in an edition of 03.04.2018 No. 60-FZ) About the state registration of the real estate // The RG. 2015. July 17; RG. 2018. April 05.

7. В Москве нотариусы занимались мошенничеством с квартирами. URL : <https://pravo.ru/news/view/27861/> (дата обращения 10.09.2018).

8. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. Пер. с япон. / Кан Уэда; Под общ. ред.: Еремин В.Н., Кузнецова Н.Ф.; Пер.: Белявская О.А. М. : Прогресс, 1989. С. 162.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 19.02.2018 № 35-ФЗ) // РГ. 1996. 18 июня; РГ. 2018. 21 февраля.

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Консультант Плюс. Справочная правовая система. URL : <http://www.garant.ru> (дата обращения 10.09.2018).

7. In Moscow notaries were engaged in fraud with apartments. URL : <https://pravo.ru/news/view/27861/> (date of the address 10.09.2018).

8. *Ueda K.* Prestupnost and criminology in modern Japan. The translation with Japanese / Kan Ueda; under a general edition: Eremin V.N., Kuznetsova N.F.; lane: Belyavskaya O.A. M. : Progress, 1989. P. 162.

9. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (in an edition of 19.02.2018 No. 35-FZ)//the RG. 1996. June 18; RG. 2018. February 21.

10. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 № 48 «About jurisprudence on cases of fraud, assignment and waste» // The Consultant Plus. Help legal system. URL : <http://www.garant.ru> (date of the address 10.09.2018).

Газалова Алина Борисовна
начальник отдела противодействия
нелегальной деятельности,
Северо-Западное главное управление
Центрального банка
Российской Федерации,
соискатель ученой степени,
Университет прокуратуры
Российской Федерации
gazalovaab@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НАПРАВЛЕННОГО НА ВЫЯВЛЕНИЕ И ПРЕСЕЧЕНИЕ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЗАЙМОВ

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматриваются основные перспективы развития прокурорского надзора за исполнением законодательства, направленного на выявление и пресечение нелегальной деятельности по предоставлению потребительских займов. Автор описывает наиболее распространённые схемы деятельности лжекредиторов, выявляемые органами прокуратуры. Анализируя состояние законности в рассматриваемой сфере, а также складывающую правоприменительную и судебную практику, автор делает выводы о признании прокурорского надзора в кредитно-банковской отрасли в современных условиях самостоятельным, актуальным и одним из приоритетных, о необходимости активного взаимодействия прокуратуры с ЦБ РФ, а также необходимость принятия специального приказа Генерального прокурора РФ, регулирующего деятельность прокуратуры в рассматриваемой сфере правовых отношений.

Ключевые слова: административная ответственность, правоохранительные органы, недобросовестные рыночные практики, финансовые рынки.

■ ■ ■

В условиях постоянно развивающейся нестабильной экономики и невысокого уровня финансовой грамотности подавляющей части населения Российской Федерации (далее – РФ) особого внимания требуют защита прав потребителей финансовых услуг и активизация прокурорского надзора за исполнением законодательства в кредитно-банковской сфере, в частности

Alina B. Gazalova
Head of Division
for Combatting illegal activity,
North-Western Main Branch
of the Bank of Russia,
graduate student,
University of prosecutor's office
of the Russian Federation
gazalovaab@mail.ru

PERSPECTIVES OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OF COMPLIANCE WITH LEGISLATION AIMED AT SUPPRESSION OF ILLEGAL CONSUMER LENDING ACTIVITIES

■ ■ ■

Annotation. The article examines the main prospects for the development of prosecutorial oversight over the implementation of legislation aimed at identifying and suppressing illegal activities to provide consumer loans. The author describes the most common schemes for the activity of false mediators, identified by the prosecutor's office. Analyzing the state of legality in the sphere in question, as well as developing law enforcement and judicial practice, the author draws conclusions on the recognition of prosecutor's supervision in the credit and banking industry in modern conditions as independent, relevant and one priority, on the need for active interaction between the prosecutor's office and the Central Bank of the Russian Federation, a special order of the Prosecutor General of the Russian Federation regulating the activities of the prosecutor's office in the sphere of legal relations in question.

Keywords: criminal prosecution, law enforcement agencies, unfair market practices, financial markets

■ ■ ■

направленного на выявление и пресечение нелегальной деятельности по предоставлению потребительских займов.

Федеральным законом от 21.12.2013 № 363-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений

законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» глава 14 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций» была дополнена статьей 14.56 КоАП РФ «Незаконное осуществление профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов».

Полномочия по возбуждению дел по указанной статье вышеназванным законом были возложены на органы прокуратуры. Вместе с тем, административная практика формируется медленно. Так, согласно данным отчета органов прокуратуры формы АДМ [1] за 2017 год за указанный период на территории РФ органами прокуратуры было возбуждено 152 дела об административных правонарушениях по ст. 14.56 КоАП РФ, из них на момент отчета 150 – рассмотрено (148 дел с участием прокурора), к административной ответственности виновные лица привлечены по 144 делам со штрафами на сумму 7501 тыс. рублей.

При этом по 6 делам принято решение о прекращении производства либо об отказе в удовлетворении требований прокурора, в том числе по 5 делам – в связи с отсутствием события, состава административного правонарушения.

Масштабы нелегального кредитования носят распространенный характер на территории всей страны, вместе с тем, на территориях ряда субъектов, в том числе Москвы и Московской области дела по ст. 14.56 КоАП РФ не возбуждались, в Санкт-Петербурге возбуждено всего 3 дела.

Представляется, что сложившееся положение не соответствует состоянию законности в рассматриваемой сфере.

Одной из причин подобного положения дел является сложность действующего законодательства, регулирующего отношения в кредитно-банковской сфере, и отсутствие опыта надзора в данной сфере, что во многом обусловлено приоритетностью ориентированности органов прокуратуры на выявление, прежде всего, нарушений в социальной сфере.

Правонарушения выявляются прокурорами при проведении самых различных проверок, не всегда проводимых в рамках надзора за исполнением федерального законодательства.

Так, например, сотрудником районной прокуратуры Санкт-Петербурга в ходе изучения уголовного дела, находящегося в производстве СУ МВД района, было установлено, что обвиняемое лицо сбыло планшетный компьютер, заведомо добытый преступным путем, обществу с ограниченной ответственностью, основным видом деятельности которого являлась торговля аудио- и видеотехникой в специализированных магазинах (ОКВЭД 47.43). Общество не явля-

лось кредитной или микрокредитной организацией и не осуществляло деятельность по предоставлению потребительских займов.

При изучении договора комиссии прокурорами был сделан вывод о том, что данный договор является договором займа. Общество фактически осуществляло завуалированную деятельность ломбарда, то есть выдавало займы гражданам под залог имущества: передавая денежные средства гражданам до реализации переданного имущества, осуществляло возмездное хранение такого имущества с взиманием вознаграждения в размере 1,5 % в первый день хранения, а в последующем 15 % от цены товара.

Таким образом, общество не имело намерения реализовывать передаваемый товар, а наоборот, было заинтересовано в длительном сроке нахождения его на реализации, за который получало прибыль в виде процентов, что не отвечает смыслу договора комиссии.

На основании постановления о возбуждении дела об административном правонарушении, вынесенного прокурором района, общество постановлением мирового судьи судебного участка № 67 Санкт-Петербурга было привлечено к административной ответственности по ст. 14.56 КоАП РФ в виде штрафа в размере 100 тысяч рублей за предоставление займов населению под залог имущества под видом комиссионного магазина.

Названный судебный акт обжалован обществом в Кировский районный суд Санкт-Петербурга, решением которого жалоба оставлена без удовлетворения. Также хочется отметить практику работы прокуратуры Самарской области, органами которой было возбуждено 34 дела об административном правонарушении по ст. 14.56 КоАП РФ, по результатам их рассмотрения 33 лица привлечены к ответственности.

Прокурорами была установлена организация, которая представляла единую сеть комиссионных магазинов, расположенных во всех районах г. Тольятти (Центральный, Автозаводской и Комсомольский районы) и имеющих общее название ломбард «А.».

Общество, осуществляя свою деятельность в офисах и заключая договоры купли-продажи, фактически осуществляло завуалированную деятельность ломбарда, а именно незаконную деятельность по предоставлению потребительских займов и кредитов.

Прокурорами районов г. Тольятти возбуждено 32 дела об административных правонарушениях по ст. 14.56 КоАП РФ, которые рассмотрены мировыми судьями, виновные лица привлечены к административной ответственности.

Заслуживает внимания сложившая судебная практика по привлечению к административной ответственности организаций, на профессиональной основе выдающих займы с перспективой погашения за счет средств материнского капитала.

Постановлениями мирового судьи судебного участка № 10 Советского района г. Орск Оренбургской области на основании постановлений прокуратуры Советского района г. Орск за подобные нарушения к ответственности привлечено несколько организаций. При этом, решения мирового судьи были обжалованы в Советский районный суд г. Орск и в Оренбургский областной суд, где оставлены без изменений (постановления Оренбургского областного суда от 03.11.2017 по делу № 4а-579/2017, от 07.11.2017 по делу № 4а-577/2017).

Подобная правоприменительная практика также успешно сложилась в Республике Марий Эл (постановление Верховного Суда Республики Марий Эл от 29.01.2018 по делу № 4А-305/2017), Республике Хакасия (постановление Верховного Суда Республики Хакасия от 07.03.2018 по делу № 4а-40/2018), Иркутской области (решение Усольского городского суда от 02.02.2016 по делу № 12-33/2016), Ставропольском крае (решение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 10.02.2016 по делу № 12-7/16) и т.д.

Вместе с тем, по данным комитета по безопасности СРО «МиР», количество нелегальных микрокредиторов в России на конец января 2018 года превышало количество легальных микрофинансовых организаций в три раза. При этом совокупный объем портфеля черных кредиторов приближается к 100 млрд рублей. Средний объем портфеля одного нелегального кредитора составляет примерно 10 млн рублей. По состоянию на 1 марта 2018 года в реестре Банка России значилось 2,2 тысячи микрофинансовых организаций, объем легального микрофинансового рынка на конец года оценивается экспертами в 121 млрд рублей [2].

По информации Банка России, за 2017 год мега-регулятором выявлено 1344 организаций, предположительно осуществляющих деятельность нелегальных кредиторов, по которым Банк России направил обращения в органы прокуратуры [3].

Однако, как упоминалось ранее, органами прокуратуры в 2017 году было возбуждено всего 152 дела об административных правонарушениях по ст. 14.56 КоАП РФ.

В связи с тем, что противодействие мошенническим схемам, в том числе и «черным» кредитерам, является одним из приоритетов Банка России, в структуре главных управлений Центрального банка РФ во всех федеральных округах в рамках реализации целевого бизнес-процесса «Выявление субъектов, осуществляющих деятельность на финансовом рынке без лицензии» в 2018 году созданы отделы противодействия нелегальной деятельности.

Специалисты этого подразделения занимаются выявлением и пресечением деятельности организаций, незаконно оказывающих услуги на финансовом рынке, а также могут оказывать экспертную и методологическую помощь правоох-

ранительным и контролирующим органам. Направление эффективного взаимодействия органов прокуратуры с указанными подразделениями Банка России будет способствовать росту выявленных и привлеченных к ответственности нелегальных кредиторов.

Так, например, органами прокуратур Архангельской, Вологодской, Калининградской и Новгородской областей по результатам проверок информации из обращений Северо-Западного главного управления Банка России возбуждено 24 дела об административных правонарушениях по ст. 14.56 КоАП РФ [4] (в 2017 год в Северо-Западном федеральном округе было возбуждено всего 8 дел по указанной статье).

О перспективе развития надзора за исполнением законодательства в кредитно-банковской сфере также свидетельствует заключение 17.02.2017 обновленного Соглашения о взаимодействии между Банком России и Генеральной прокуратурой РФ.

При этом, уже имеются примеры эффективного и успешного взаимодействия органов прокуратуры и Банка России – кейс ООО «АКБ Еврофинанс УА», реализованный прокуратурой Ульяновской области и Отделением по Ульяновской области Волго-Вятского главного управления Банка России.

Сотрудниками Отделения по Ульяновской области Волго-Вятского главного управления Банка России в ходе мониторинга рынка финансовых услуг было выявлено юридическое лицо ООО «АКБ Еврофинанс» и входящие в группу с ним юридические лица с аналогичным наименованием, но с добавлением различных букв в его конце (например, «УА», «СА» и т.д.).

Данные организации фактически осуществляли кредитование физических лиц под залог движимого (автомобили) или недвижимого имущества, при этом с гражданами заключалось два договора: купли-продажи имущества и одновременно финансовой аренды только что проданного имущества.

По результатам анализа совокупности названных договоров, который показал отсутствие экономического смысла в сделках и их систематический характер, территориальным учреждением Банка России был сделан вывод о том, что данная деятельность является профессиональной деятельностью по предоставлению потребительских займов, а не лизинговой деятельностью, как заявляло само общество.

По результатам рассмотрения обращения Отделения по Ульяновской области Волго-Вятского главного управления Банка России прокуратурой Ленинского района г. Ульяновского в отношении ООО «АКБ Еврофинанс УА» было возбуждено дело об административном правонарушении по ст. 14.56 КоАП РФ.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 7 Ленинского судебного участка делу от 07.04.2017 № 5-217/17, оставленным без изме-

нения решениями судьи Ленинского районного суда г. Ульяновска от 30.06.2017 № 12-426/2017 и заместителя председателя Ульяновского областного суда от 19.09.2017, общество признано виновным с назначением административного штрафа в размере 200000 рублей.

Также прокуратурой района в адрес руководителя ООО «АКБ Еврофинанс УА» 13.09.2016 было внесено представление об устранении нарушений закона № 07-01-2016, которое обжаловано обществом в Арбитражный суд Ульяновской области.

Представители Банка России принимали участие в обоих судебных процессах во всех инстанциях в качестве свидетелей и в полном объеме поддерживали позицию органов прокуратуры.

Решением Арбитражного суда Ульяновской области от 10.11.2017 по делу № А72-16083/2016 ООО «АКБ Еврофинанс УА» в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.01.2018 названное решение оставлено без изменения, апелляционная жалоба – без удовлетворения. Впоследствии Арбитражным судом Поволжского округа 21.06.2018 было прекращено производство по кассационной жалобе.

Интересно, что аналогичный судебный процесс происходил в Самарской области с «дочкой» ООО «АКБ Еврофинанс СА», которое также обжаловало представление прокуратуры Ленинского района г. Самары от 20.02.2017 № 07-27-2017.

Однако, в данном случае Арбитражным судом Самарской области 26.06.2017 по делу А55-6290/2017 было принято решение, оставленное без изменения постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.09.2018 без изменения, о признании представления прокуратуры недействительным.

Суд признал необоснованной позицию прокуратуры о том, что под видом договоров финансовой аренды (лизинга), организация, не являясь кредитной, осуществляла профессиональную деятельность по предоставлению потребительских кредитов (займов), посчитав, что в случае с указанными в представлении прокуратуры договорами имеется в виду возвратный лизинг.

В кассационной инстанции органам прокуратуры удалось отстоять свою правоту – постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от

Литература:

1. Раздел 1. Реализация полномочий прокурора в производстве по делам об административных правонарушениях ст. 14.56 КоАП РФ

2. «НА ОДНУ МФО – ТРИ РОСТОВЩИКА. Рынок черных микрокредиторов в несколько раз превосходит официальный» // газета Коммер-

23.01.2018 вышеназванные судебные акты отменены, кассационная жалоба удовлетворена, в удовлетворении заявленных требований ООО «АКБ Еврофинанс СА» о признании недействительным представления прокуратуры Ленинского района г. Самары от 20.02.2017 № 07-27-2017 отказано.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2018 ООО «АКБ Еврофинанс СА» отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Анализируя состояние законности в рассматриваемой сфере, а также складывающую правоприменительную и судебную практику, представляется возможным сделать следующие выводы, касающиеся перспектив прокурорского надзора за исполнением кредитно-банковского законодательства:

1. Надзор в указанной отрасли в целом, а также надзор за исполнением законодательства, направленного на выявление и пресечение нелегальной деятельности по предоставлению потребительских займов, в современных условиях становится самостоятельным, актуальным и одним приоритетных. Данное явление обусловлено необходимостью защиты прав потребителей финансовых услуг, обеспечения прав и условий добросовестной конкуренции легальных участников финансового рынка и неудовлетворительным состоянием законности в кредитно-банковской сфере.

2. Необходимо налаживать активное взаимодействие с представителями территориальных учреждений Банка России, в том числе выстроить эффективное участие в межведомственных рабочих группах по противодействию преступлениям и правонарушениям в экономической сфере. Также следует развивать сотрудничество между Банком России и органами прокуратуры РФ в сфере повышения финансовой грамотности населения.

3. Учитывая, что деятельность прокуратуры по обеспечению законности в кредитно-банковской сфере регулируется в настоящее время различными правовыми актами Генеральной прокуратуры РФ, представляется возможным рассмотреть вопрос принятия специального приказа Генерального прокурора РФ, регулирующего деятельность прокуратуры в этой сфере правовых отношений.

Literature:

1. Section 1. Realization of powers of the prosecutor in production on cases of administrative offenses of Art. 14.56 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences

2. «ON ONE IFI – THREE USURERS. The market of black microcreditors is surpassed several times official» // newspaper the Businessman № 38

сант № 38(6276) от 05.03.2018. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/3566125>

3. Центральный банк усиливает контроль над нелегальным кредитованием: Набиуллина заявила о повышении эффективности выявления нелегальных кредиторов, 19.06.2018, URL : regnum.ru/news/economy/243308.html

4. Банк России отчитался о борьбе с нелегальными финансистами, 09.08.2018. URL : <http://spbdnevnik.ru/news/2018-08-09/bank-rossii-otchitalsya-o-borbe-s-nelegalnymi-finansistami>

(6276) from 05.03.2018. URL : [/https://www.kommersant.ru/doc/3566125](https://www.kommersant.ru/doc/3566125)

3. The central bank strengthens control over illegal crediting: Nabyullina has announced increase in efficiency of identification of illegal creditors, 19.06.2018, URL : regnum.ru/news/economy/243308.html

4. The Bank of Russia has reported on fight against illegal financiers, 09.08.2018. URL : <http://spbdnevnik.ru/news/2018-08-09/bank-rossii-otchitalsya-o-borbe-s-nelegalnymi-finansistami>

Григорьева Анна Германовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры гражданского
и гражданско-процессуального права,
Кубанский социально-экономический
институт
Grigoreva-AG@mail.ru

Леус Марианна Владимировна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры общетеоретических
и государственно-правовых дисциплин,
Кубанский социально-экономический
институт
marianna_leys@mail.ru

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА
ЗА НЕЗАКОННОЕ
УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы развития законодательства о возмещении вреда за незаконное уголовное преследование. Для отечественной законодательной базы, регулирующей исследуемые отношения, характерно многообразие нормативно-правовых актов различных по отраслевой принадлежности. Автор придерживается позиции, рассматриваемый правовой институт является комплексным (межотраслевым).

Ключевые слова: вред, возмещение убытков, казна, компенсация морального вреда, реабилитация, уголовное преследование.

Исследование современного института возмещения вреда за незаконное уголовное преследование невозможно без ретроспективного взгляда в прошлое. Впервые в отечественном законодательстве институт гражданской ответственности чинов полицейского, прокурорского и судебного ведомства по искам лиц, пострадавших от их действий был учрежден Петром I. Потерпевшим предоставлялось право «в партикулярных обидах бить челом» на должностных лиц и «искать с них судом, где надлежит» [1, с. 294]. Однако данное положение после смерти Петра I было отменено.

В дальнейшем уголовная ответственность судей за должностные преступления регулировалась статьями 366–377 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845, 1885 г.г.) (далее – Уложение о наказаниях). Данные нормы определяли, что именно считается «уголовно наказуемым неправосудием», размеры наказания, нала-

Anna G. Grigorieva

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor civil
and civil procedural law,
Kuban social and economic institute
Grigoreva-AG@mail.ru

Marianna V. Leus

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of general-theoretical
and state and legal disciplines,
Kuban social and economic institute
marianna_leys@mail.ru

**HISTORY OF DEVELOPMENT
OF LEGISLATION
ON COMPENSATION
OF HARMFUL FOR ILLEGAL
CRIMINAL PROSECUTION**

Annotation. The article deals with the development of legislation on compensation for harm for illegal criminal prosecution. For the domestic legislative framework that regulates the relations under investigation, the variety of normative and legal acts of various branches is characteristic. The author adheres to the position, the legal institution under consideration is an integrated (interbranch) one.

Keywords: harm, compensation of losses, treasury, compensation for moral harm, rehabilitation, criminal prosecution.

гаемого на судей, и за что они присуждаются к уплате убытков.

Гражданская ответственность была предусмотрена статьями 677–682. Т. X Свода Законов Российской Империи. Кроме того, ответственность судей устанавливалась Судебными Уставами (ст. 783, 784 Устава уголовного судопроизводства и статьями 1316–1331 Устава гражданского судопроизводства 1864 года). Указанные статьи считались восполнением норм Уложения о наказаниях.

Гражданское законодательство содержало следующее положение об ответственности судей: если неправильный приговор был постановлен судьей из корыстных или иных «личных видов», то судья обязан был возместить непосредственно все причиненные убытки (ст. 677, Т. X). Когда вследствие окончательного приговора, постановленного умышленно, по неосторожности или

невниманию к делу, понес наказание «невинный», то судьи были обязаны:

1) возратить неправильно осужденного за свой счет из мест ссылки или заключения;

2) уплатить ему в зависимости от строгости наказания, его продолжительности и по другим обстоятельствам от 10 до 60 рублей, если невинный был приговорен к исправительному наказанию, и от 100 до 600 рублей, если он был приговорен к наказанию уголовному;

3) вознаградить все убытки по имуществу и за вред здоровью (ст. 678, Т. X).

От всех этих взысканий судьи избавлялись в том случае, если при пересмотре дела об осужденном было разномыслие о его виновности (ст. 679, т. X). При назначении наказания сверх меры, установленной законом, денежное вознаграждение за счет судей выплачивалось лишь в случае причинения убытков имуществу осужденного или «когда достоверно дознано, что именно сие усиление наказания повергло осужденного в болезнь, лишившую его средств к снисканию себе пропитания». Во всех других ситуациях исправление «неправильного» приговора ограничивалось «перменою или сокращением срока наказания, сообразно существующим постановлениям о замене одних наказаний другими» (ст. 680 т. X). Таким образом, по дореволюционному гражданскому законодательству причинителем вреда (должником) являлось должностное лицо, по вине которого был причинен вред.

После октябрьских событий 1917 года советское правительство не уделяло какого-либо серьезного внимания институту возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов власти при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Впервые законодатель предусмотрел ответственность учреждений за вред, который причинен гражданам незаконными действиями их должностных лиц в ст. 407 ГК РСФСР 1922 г. В названной статье было сказано, что учреждение несет ответственность лишь в случаях, особо указанных законом. При этом «неправильность действий» должностного лица должна была признаваться судебным или административным органом. Если потерпевшим они не были обжалованы своевременно, то учреждение освобождалось от ответственности. В свою очередь, в случаях возмещения такого вреда учреждение вправе было в регрессном порядке взыскать денежную сумму, уплаченную потерпевшему, с должностного лица, в результате действий которого причинен вред. Специальная норма, которая устанавливала бы ответственность за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц правоохранительных органов, в ГК РСФСР 1922 г. отсутствовала.

В Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (далее – Основы гражданского законодательства 1961 г.) в ст. 89 устанавливалась ответственность государственных органов за вред, причиненный гражданину в зависимости от функций, выполняемых должно-

стными лицами этих органов. В названной норме, а в последствии и в ч. 1 ст. 446 ГК РСФСР 1964 г. регламентировалась ответственность за вред, который был причинен неправильными служебными действиями должностных лиц в сфере административного управления. Такой вред подлежал возмещению на общих основаниях, если иное не было установлено законом.

Частью второй ст. 89 Основ и ст. 447 ГК РСФСР 1964 г. вопросы возмещения вреда, который причинен гражданину неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда были сформулированы иным образом. В них был конкретизирован субъект ответственности, которым являлся соответствующий государственный орган, в котором работает должностное лицо. Однако предусматривалось, что имущественная ответственность государственного органа наступает «в случаях и пределах, специально предусмотренных законом». Такой специальный закон длительное время отсутствовал и названные нормы не находили своего практического применения.

В дальнейшем был принят специальный нормативный акт - Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», утвержденный 5-й сессией 10-го созыва Верховного Совета СССР (далее – Указ 1981 г., Указ) [2]. Указом было утверждено Положение «О порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» (далее – Положение 1981 г.) [3]. В названных нормативных актах был закреплен принцип полного возмещения вреда, определен субъектный состав правоотношения по возмещению ущерба. В результате была изменена и ч. 2 ст. 89 Основ.

В соответствии с названными нормативными правовыми актами 2 марта 1982 года Минюстом СССР, Прокуратурой СССР, Минфином СССР была утверждена Инструкция по их применению (далее – Инструкция 1982 г.) [4].

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 февраля 1987 г. в соответствии с Основами гражданского законодательства была изменена и редакция ст. 447 ГК РСФСР 1964 года. В ней были установлены специальные основания ответственности за вред, причиненный гражданину органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда.

В настоящее время пункт 1 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [5] устанавливает специальные основания ответственности за вред, причиненный гражданину органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда в результате незаконного осуждения; незаконного привлечения к уголовной ответственности; незаконного приме-

нения к гражданину в качестве меры пресечения заключения под стражу и подписки о невыезде. Вред подлежит возмещению за счет казны РФ, а в случаях, предусмотренных законом за счет казны субъекта РФ, муниципального образования (специальный закон на этот случай не принят). Обязательство по возмещению вреда, предусмотренное п. 1 ст. 1070 ГК РФ, отличается от иных деликтных обязательств тем, что обязанность возместить вред реабилитированному гражданину возникает независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Наиболее распространенными на практике являются способы, закрепленные в ст. 12 ГК РФ [6].

Помимо этого, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [7] содержит значительный по объему массив норм о реабилитации лиц, подвергнутых незаконному уголовному преследованию (п.п. 34, 35 ст. 5, глава 18 УПК РФ). Поэтому вопрос об отраслевой принадлежности правоотношений возникающих при возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда вызывает горячие споры. Ученые-цивилисты придерживаются мнения о гражданско-правовой природе правоотношений [8]. Они рассматривают их в качестве обязательств из причинения вреда. Ученые-процессуалисты полагают, что, включив в УПК РФ главу 18, законодатель сказал свое веское слово в данном споре в их пользу [9].

Процедура возмещения вреда также регламентирована различным образом. Порядок предъ-

явления требований о возмещении имущественного вреда урегулирован статьей 135 УПК. В части второй данной статьи сказано, что при получении копии документа о реабилитации, извещения о порядке возмещения вреда гражданин может обратиться в орган постановивший приговор и (или) вынесший определение, постановление о прекращении уголовного дела. В тех случаях, когда уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор.

Компенсация морального вреда осуществляется в порядке искового производства. Возможность предъявления требования о возмещении убытков в порядке искового производства подтверждается п. 6 ст. 29 ГПК РФ. Рассмотрение заявления о возмещении убытков и компенсации морального вреда в порядке искового производства является наиболее предпочтительным. Помимо опыта разбирательства дел, суд может решить многие вопросы, которые не в состоянии сделать сами реабилитированные граждане.

Подводя итог, можно сказать, что институт возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных незаконным уголовным преследованием, является комплексным, т.е. представляет собой предмет регулирующего воздействия различных отраслей права: гражданского права, уголовно-процессуального и гражданского процессуального права и т.д. Имеющиеся противоречия в правовом регулировании данного института нормами различных отраслей права можно устранить путем принятия специального закона.

Литература:

1. Карнович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 294.
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», утвержденный 5-й сессией 10-го созыва Верховного Совета СССР // Ведомости ВС СССР. 1981. № 21. Ст. 741.
3. Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда: Утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. // Ведомости СССР. 1981. № 21. Ст. 741.
4. Инструкция по применению положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия и суда: Утв. Министерством юстиции СССР, Прокуратурой СССР и Министерством финансов СССР от 2 марта 1982г. // БНА СССР. 1984. № 3.

Literature:

1. Karnovich E. Russian officials in the past and present. SPb., 1897. P. 294.
2. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of May 18, 1981 «On compensation for damage caused to a citizen by illegal actions of state and public organizations, as well as officials in the performance of their official duties», approved by the 5th session 10-th convocation of the Supreme Soviet of the USSR // Vedomosti VS of the USSR. 1981. № 21. Art. 741.
3. Regulations on the procedure for compensation of damage caused to a citizen by illegal actions of the bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecutor's office, court: Approved. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of May 18, 1981 // Vedomosti USSR. 1981. № 21. Art. 741.
4. Instruction on the application of the provision on the procedure for compensation of damage caused to a citizen by illegal actions of the bodies of inquiry, preliminary investigation and court: Approved. Ministry of Justice of the USSR, the USSR Prosecutor's Office and the USSR Ministry of Finance of March 2, 1982. // BNA of the USSR. 1984. № 3.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996г. № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

6. *Григорьева А.Г.* К вопросу о добросовестности ведения переговоров при заключении договора / А.Г. Григорьева, М.В. Леус // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 86–88.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

8. *Ярошенко К.Б.* Возмещение ущерба, причиненного гражданам действиями должностных лиц // Советское государство и право. 1982. № 8; *Маковский А.Л.* Гражданская ответственность государства за акты власти // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. М., 1998.

5. Civil Code of the Russian Federation (part two) of January 26, 1996. № 14-FZ (as amended on July 29, 2013) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.

6. *Grigorieva A.G.* To the issue of conscientiousness of conducting negotiations at the conclusion of a contract / A.G. Grigorieva, M.V. Leus // Humanities, socio-economic and social sciences. 2018. № 3. P. 86–88.

7. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001, № 174-FZ (as amended on July 29, 2013) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410.

8. *Yaroshenko K.B.* Compensation for damage caused to citizens by the actions of officials // Soviet state and law. № 8; *Makovsky A.L.* Civil responsibility of the state for acts of power // The Civil Code of Russia. Problems. Theory. Practice. M., 1998.

Жуков Андрей Александрович

кандидат исторических наук
Zhukov_andrei@mail.ru

Мартынова Татьяна Валентиновна

кандидат юридических наук, доцент
mtv_krasnodar@mail.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

■ ■ ■

Аннотация. В статье уделено внимание исследованию проблем взаимодействия государства и религиозных объединений. Отмечено, что конституционные принципы свободы совести и светского государства, а также их практическое применение на современном этапе недостаточно разработаны. Авторами предпринята попытка дать правовой анализ конституционных норм, устанавливающих правовую основу механизма свободы совести и свободы религиозных объединений в Российской Федерации. На основе суждений специалистов делаются выводы.

Ключевые слова: правовое государство, конституционные нормы, правовой механизм, свобода совести, свобода религиозных объединений, духовная свобода, гражданское общество, антирелигиозная идеология, правоприменение, уголовная ответственность, право творчество.

■ ■ ■

В Конституции Российской Федерации 1993 года формально декларированы принципы светского государства и свободы совести [1]. Вместе с тем, на практике имеет место негативная тенденция, состоящая в активном вмешательстве церкви, прежде всего Русской православной церкви, в дела общества и государства, приобретении ею влияния, не характерного для современных светских стран. Подтверждением существования этой тенденции служит правоприменительная практика, которая стала весьма обсуждаема для юридической науки. Так, во-первых, 11 мая 2017 г. в г. Екатеринбурге вынесен обвинительный приговор видеоблогеру Руслану Соколовскому, который обвинялся по нескольким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее – УК РФ) [2]. Поводом для возбуждения уголовного дела и начала уголовного преследования Р. Соколовского стал видеоролик, на котором блогер играл в Pokemon Go в Храме-на-Крови. При всей аморальности этого поступка, вряд ли

Andrey A. Zhukov

Candidate of History
Zhukov_andrei@mail.ru

Tatyana V. Martynova

Candidate of Law, Associate Professor
mtv_krasnodar@mail.ru

RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN STATE AND RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN THE CONTEXT OF THE RULE OF LAW

■ ■ ■

Annotation. In article attention is paid to a research of problems of interaction of the state and religious associations. It is noted that the constitutional principles of freedom of worship and the secular state and also their practical application at the present stage are insufficiently developed. Authors have made an attempt to give the legal analysis of the constitutional norms establishing a legal basis of the mechanism of freedom of worship and freedom of religious associations in the Russian Federation. On the basis of judgments of experts conclusions are drawn.

Keywords: constitutional state, constitutional norms, legal mechanism, freedom of worship, freedom of religious associations, spiritual freedom, civil society, antireligious ideology, law enforcement, criminal liability, law-making.

■ ■ ■

его можно признать представляющим общественную опасность и, следовательно, преступным. Более того, сомнения вызывает обоснованность включения в уголовный закон ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», объективную сторону которой составляют публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

Во-вторых, ещё одним примером может служить противостояние между обществом, церковью и государством, которое развернулось в связи с возможной передачей Исаакиевского собора Русской православной церкви. Дискуссия вокруг этой идеи длится, начиная с 2015 г. и к настоящему моменту так и не завершена.

В-третьих, неоднозначным выглядит вынесенное 20 апреля 2017 г. Верховным судом РФ решение о признании экстремистской деятельности

«Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России» и запрете его деятельности и деятельности всех 395 отделений на территории России. Имущество «Управленческого центра Свидетелей Иеговы» в России подлежит конфискации и обращению в пользу государства. Подобные религиозные организации и группы действуют во многих странах мира и вопрос о наличии в их деятельности признаков тоталитарных сект является весьма сомнительным.

Современный этап взаимоотношения российского государства и религиозных объединений характеризуется наличием ряда противоречий между стремлением российского государства максимально контролировать религиозную сферу и желанием религиозных объединений и верующих избавиться от такого контроля.

Нельзя не согласиться с А.В. Пчелинцевым в том, что «свобода совести является одной из высших правовых и социальных ценностей, важнейшей составляющей качества человеческой жизни, органически связанной с другими правами и свободами. Отсутствие такой свободы делает человека рабом навязываемых ему идеологии и мировоззрений, винтиком тоталитарной системы. Однако, несмотря на то, что еще в 1993 г. Конституция РФ в части 4 ст. 15 закрепила приоритет общепризнанных принципов и норм международного права, не будет преувеличением сказать, что в России такие ценности, как свобода совести и вероисповедания еще не стали приоритетными» [3, с. 45].

Е.Е. Никитина также подчёркивает, что «законодательство, регулирующее институт прав и свобод человека, далеко от совершенства и содержит неправомерные ограничения прав человека. Существенно ухудшает качество законодательства о правах человека отсутствие единства в понимании пути его дальнейшего развития и конечных целей, которые должны быть достигнуты правовым регулированием. Большое количество противоречивых поправок и дополнений к действующим нормативным актам («правовая инфляция», или «правовой спам», как справедливо называют такого рода законотворчество некоторые авторы) разрушают внутреннюю логику и саму систему законодательства о правах. Элементарное незнание или пренебрежение законодателями, действующими объективными законами права приводит либо к нулевому регулятивному воздействию на правоотношения, либо к правовой неопределенности или возникновению неразрешимых коллизий, либо к невозможности исполнения законов в этой сфере» [4, с. 65].

Подобная тенденция развития законодательства может привести к ситуации, когда права атеистов, а также представителей нетрадиционных конфессий будут ущемлены. Тем более, у нашей страны есть негативный опыт, когда в советском государстве свобода совести и вероисповедания лишь декларировались. Так, в частности, В.П. Ключева отмечает: «в целом, в Советском Союзе свобода совести была заявлена на официальном уровне, но при этом декларация гражд-

данской свободы ограничивалась большим количеством сдерживающих факторов. Это видно на примере применения свободы совести, когда де-юре утверждалась возможность исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду, тогда как де-факто существовала исключительно атеистическая и антирелигиозная деятельность» [5, с. 20].

В.П. Лукин высказывает следующую точку зрения: в вероисповедной политике государства неизбежна стагнация со всеми ей присущими болезненными общественными проявлениями, вплоть до социального взрыва, если удовлетворяться достигнутым и вовремя не начать движение к новым осознанным целям и перспективам. Пока мы как страна существовали в рамках воинствующей антирелигиозной идеологии и пока преодолевалось тяжелое «антирелигиозное советско-партийное наследие», мир в вопросах свободы совести ушел далеко вперед. Это движение ускорило в послевоенное время и, особенно, в связи с созданием Совета Европы, для которого свобода мысли, совести и вероисповедания, во-первых, является одной из основ «демократического общества» и, во-вторых, рассматривается в качестве достояния для всех граждан, независимо от их религиозного/ нерелигиозного мировоззрения.

Задача же государства состоит в том, чтобы:

- а) отстаивать и защищать самобытность, независимость и плюрализм гражданского общества;
- б) не – допускать необоснованного вмешательства, с чьей бы стороны это ни исходило, в независимое существование религиозных обществ, сохраняя при этом свой нейтралитет [6, с. 9].

Представляется, что эффективность функционирования механизма гарантированности права на свободу совести и свободу вероисповедания зависит не только от правотворчества, но и от правоприменения. В свою очередь, правоприменение напрямую зависит от уровня правовой и религиозно-грамотности граждан и должностных лиц.

Вопрос реализации свободы совести и ее составного элемента – права на религиозную тайну – также неразрывно связан с личной и семейной тайной, чья охрана гарантируется Конституцией РФ и международными договорами. Важно отметить, что к исповеди, во время которой священнослужитель получает доступ к персональной религиозной тайне верующего, можно причислить и действия священнослужителя, формально не подпадающие под понятие исповеди (духовные беседы, консультирование по духовным вопросам и др.). К.М. Андреев в этой связи абсолютно верно пишет, что «ограничения выражения религиозных убеждений могут налагаться только тогда, когда они соответствуют трем дополнительным наборам требований:

- 1) ограничения должны быть «предписанными законом», т.е. представлять собой установлен-

ные нормы, которые согласуются с правовыми принципами;

2) ограничения позволительны, только если они направлены на сохранение общественной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности, или защиту прав и свобод других лиц;

3) ограничение должно быть необходимым в демократическом обществе» [7, с. 39].

Необходимо проводить различие между внешними проявлениями свободы и убеждений, которые могут ставить под угрозу безопасность других людей (общественную безопасность) и теми проявлениями, которые касаются безопасности только непосредственно самого человека, о религиозной свободе которого идет речь. В данном случае идет речь о свободе права на смерть. Это вопрос спорный с точки зрения морали, но с точки зрения права на свободу далеко не бесспорный, потому что это, прежде всего, право самого человека, тем более, если оно сопряжено с его мировоззренческим убеждением. То же касается и права на отказ от переливания крови, отстаиваемого представителями ныне запрещенных в России религиозных объединений «Свидетелей Иеговы».

Как отмечает А.В. Пчелинцев, можно увидеть «не абсолютный, а относительно абсолютный аспект права на тайну исповеди, который наиболее полно соответствует социальной ответственности, когда речь идет о таких фундаментальных ценностях, как жизнь человека и безопасность общества» [8, с. 223].

Государство призвано создать условия для эффективного выражения свободы совести и вероисповедания, в том числе и при прохождении гражданами России воинской службы. О.А. Овчаров в этой связи указывает на то, что взаимодействие и тесное сотрудничество государства (в лице военных организаций) с религиозными объединениями (в лице военного духовенства) по реализации права воинов на свободу вероисповедания не должно идти в ущерб обеспечению обороны и безопасности, как это следует из смысла ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Ведь такое сотрудничество может быть, как позитивным и благотворным, так и вредным, опасным. Проблема правовой работы в этой сфере состоит в выработке и правовом закреплении, во-первых, четких и однозначных критериев такого разграничения (благотворных от опасных вероучений), во-вторых, действенных средств выявления и предотвращения угроз обороне и безопасности от религиозного фактора, активно используемого, в том числе и для разжигания вооруженных конфликтов [9, с. 120].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от

«Отдельного внимания, как пишет Е.И. Машаров, требует вопрос возможности прохождения военной службы лицом, исповедующим религию, принципы которой не позволяют указанному лицу состоять в рядах вооруженных сил. В большинстве государств, в том числе и в Российской Федерации, таким гражданам предоставляется возможность выбрать альтернативную службу, которая будет соответствовать гуманистическим началам и не нарушать конституционные права данной категории лиц» [10, с. 48].

Ещё один аспект рассматриваемого права, как отмечает Д. Казанцев, состоит в том, что «в условиях информационного общества для обеспечения равенства всех религиозных организаций бывает недостаточно их равенства перед законом и судом. В многоконфессиональном государстве, большинство жителей которого являются людьми нерелигиозными, ключевая роль в обеспечении межрелигиозного мира принадлежит средствам массовой информации. Недопустимо, когда об одной конфессии СМИ, тем более государственные СМИ, упоминают лишь в контексте скандальной хроники, тогда как упоминания о другой не могут носить критический характер, даже если ее культовые сооружения регулярно фигурируют в криминальных сводках» [11, с. 8].

Следует согласиться с Д.В. Шилиным в том, что «в современном мире свобода совести и вероисповедания является динамичным правом, представления о котором видоизменяются в зависимости от региона. Несмотря на положения международного права о безусловности защиты духовной свободы человека в современном мире, наблюдается расширительная интерпретация пределов правовой охраны такого нематериального блага. Это связано с «демократизацией» тех сегментов общественных отношений, регулирование которых ранее осуществлялось преимущественно на уровне правовых обычаев, когда уважение к религиозным чувствам осуществлялось не под угрозой уголовной ответственности, а в силу сложившихся традиций и почитания устоявшихся норм морали и нравственности» [12, с. 82].

Таким образом, право на свободу совести и вероисповедания является одним из универсальных прав, широко закрепленных как в международных нормативных правовых актах, так и в Конституции России (ст. 28), ее законодательстве. Свобода совести – это естественное право человека иметь любые убеждения и действовать в соответствии с ними. Свобода вероисповедания – это право исповедовать и практиковать любую религию или же право придерживаться атеистических воззрений.

Literature:

1. The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote of 12.12.1993) (taking into account the amendments made by Acts of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation

- 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 19.02.2018 № 35-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954; Собрание законодательства РФ. 2018. № 9. Ст. 1292.
3. *Пчелинцев А.В.* О книге А.Р. Султанова «Защита свободы совести, распространения убеждений через призму постановлений Европейского суда по правам человека» // Адвокат. 2014. № 2. С. 45.
4. *Никитина Е.Е.* Свобода совести: теория и практика ограничений прав в Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 65.
5. *Клюева В.П.* Свобода совести в СССР: от декларации до попыток реализации // История государства и права. 2013. № 13. С. 20.
6. *Лукин В.П.* Свобода совести в Российской Федерации: двадцать лет спустя (1991–2011 гг.) // Омбудсмен. 2012. № 1. С. 9.
7. *Андреев К.М.* Пределы охраны конституционного права на свободу вероисповедания и ее составного элемента «религиозной тайны» // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 9. С. 39.
8. *Пчелинцев А.В.* Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые основы. М. : ИД «Юриспруденция», 2012. С. 223.
9. *Овчаров О.А.* О некоторых проблемах правовой работы по реализации права военнослужащих на свободу вероисповедания // Право в Вооруженных Силах. 2016. № 7–8. С. 120.
10. *Машаров Е.И.* Закрепление свободы совести и вероисповедания в конституциях стран Европы // Международное публичное и частное право. 2014. № 4. С. 48.
11. *Казанцев Д.* Закон о свободе совести: единство в многообразии // ЭЖ-Юрист. 2012. № 39. С. 8.
12. *Шилин Д.В.* Уголовная и административная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания: проблемы разграничения // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 82.
- of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 21.07.2014 №11-FKZ) // The Russian newspaper. 1993. December 25; Collection of the legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.
2. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (in an edition of 19.02.2018 No. 35-FZ) // The Collection of the legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. № 25. Art. 2954; Collection of the legislation of the Russian Federation. 2018. № 9. Art. 1292.
3. *Pchelintsev A.V.* About the book by A.R. Sultanov «Protection of freedom of worship, distribution of beliefs through a prism of resolutions of the European Court of Human Rights» // Advocaat. 2014. № 2. P. 45.
4. *Nikitina E.E.* Freedom of worship: the theory and practice of restrictions of the rights in the Russian Federation // The Magazine of Russian law. 2013. № 12. P. 65.
5. *Klyueva V.P.* Freedom of worship in the USSR: from the declaration before attempts of realization/accusative of Klyuev // History of state and law. 2013. № 13. P. 20.
6. *Lukin V.P.* Freedom of worship in the Russian Federation: twenty years later, (1991–2011) // Ombudsman. 2012. № 1. P. 9.
7. *Andreyev K.M.* Limits of protection of constitutional right on freedom of worship and its component «A religious secret» // The Constitutional and municipal right. 2014. № 9. P. 39.
8. *Pchelintsev A.V.* Freedom of worship and activity of religious associations in the Russian Federation: constitutional and legal bases. M. : IDES «Law», 2012. P. 223.
9. *Ovcharov O.A.* O some problems of legal work on realization of the right of the military personnel for freedom of worship // The Right in Armed Forces. 2016. № 7–8. P. 120.
10. *Masharov E.I.* Fixing of freedom of worship and religion in constitutions of the countries of Europe / E.I. Masharov // International public and private law. 2014. № 4. P. 48.
11. *Kazancev D.* Law on freedom of worship: unity in variety // EZh-Yurist. 2012. № 39. P. 8.
12. *Shilin D.V.* Criminal and administrative responsibility for violation of the right to freedom of worship and religions: differentiation problems // Magazine of Russian law. 2016. № 5. P. 82.

Зацепин Михаил Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
аналитик управления научных
исследований и международного
сотрудничества,
Уральский государственный
юридический университет,
вице президент Российской
криминологической ассоциации
tp0507@ya.ru

Филиппова Ольга Владимировна

кандидат юридических наук, доцент,
Уральский институт
дополнительного профессионального
образования «Всероссийский
государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
член Российской криминологической
ассоциации, нотариус г. Екатеринбурга
ovz24@ya.ru

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО
МЕХАНИЗМА ИСПОЛНЕНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

■ ■ ■

Аннотация. В нашем обществе, к сожалению, и сегодня не в полной мере осознается, что исполнение законов есть важнейший показатель цивилизованности. Более того, неисполнение законов стало ныне «естественным» образом жизни значительного числа граждан и организаций. В связи с этим нам «видится» решение этой проблемы в выработке концепции, основанной на многоуровневом консенсусе различных социальных интересов, открывающей возможность раннего формирования законопослушного образа жизни.

Ключевые слова: предупреждение коррупции, юридическая практика, организационно-правовой механизм, правовое поле, законодательное регулирование.

■ ■ ■

Анализ законодательной и юридической практики показывает, что наиболее четко разработан и согласован механизм действия (реализации) уголовного права. В данном случае имеются все элементы институционального характера (нормы процессуального и уголовно-исполнительного права, регулирующие деятельность по расследованию, судебному разбирательству и исполнению приговора); объектно-субъектного (органы предварительного рассле-

Mikhail N. Zatsepin

Doctor of Law, Professor,
Analyst of management
of scientific research
and international cooperation,
Ural State Law University,
Vice-President of the Russian Association
for Criminology
tp0507@ya.ru

Olga V. Filippova

Candidate of Law,
Notary Public of Ekaterinburg Associate,
Professor of Civil Law Disciplines of,
Ural Institute of additional professional
education «All-Russian State University
of Justice (RPA of the Ministry of Justice
of the Russian Federation)»,
Member of the Russian
Criminological Association
ovz24@ya.ru

**THE MAIN PROBLEMS
OF FUNCTIONING
OF THE ORGANIZATIONAL
AND LEGAL MECHANISM
OF LAW ENFORCEMENT**

■ ■ ■

Annotation. In our society, unfortunately, and today is not fully aware that the implementation of the laws is the most important indicator of civilization. Moreover, non-compliance with the laws has now become a «natural» way of life for a significant number of citizens and organizations. In this regard, we "see" the solution to this problem in the development of a concept based on a multi-level consensus of various social interests, opening the possibility of early formation of a law-abiding lifestyle.

Keywords: prevention of corruption, legal practice, organizational and legal mechanism, legal field, legislative regulation.

■ ■ ■

дования, судебного разбирательства, исполнения мер уголовного наказания, их полномочия и порядок деятельности, статус участников уголовного процесса и т.д.).

Наличие материальных средств в виде мест лишения свободы и другие, предусмотренные законом виды правоприменительной деятельности и правоприменительных актов (возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого, пре-

дание суду, постановление приговора и др.); виды процессуальных действий, допускаемых законом, а также действия по соблюдению и исполнению юридических обязанностей и использованию субъективных прав. Присутствуют «условия», при которых допускается реализация правовых норм (всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела, а также обязательное участие защитника в предусмотренных законом случаях, наличие условий законности, гласности, состязательности уголовного судопроизводства и др.). Имеются и средства исправления неправильных решений, восстановления нарушенных прав и принуждения на случай уклонения от выполнения обязанностей (жалобы, протесты, пересмотр судебных актов в кассационном и надзорном порядке и пр.).

Теоретически становится очевидным то, что «практическая» модель такого механизма есть эталон механизма действия любого закона, но отсутствие внятной уголовной политики сводит все «усилия» на исполнение, а не на предупреждение и профилактику, т.к. практически всегда не учитывается социально-экономический фактор.

В настоящее время в механизме исполнения законов прослеживается два блока проблем. Первый касается соотношения уровней политики, права и экономики. «Современное» законодательство не успевает оформлять новые политические идеи, сегодня политика значительно опережает развитие правовых установлений, что отрицательно сказывается на решении многих государственно-правовых вопросов, в частности, очень важных на нынешнем этапе проблем межнациональных отношений, федеративного развития нашей государственности.

К сожалению, и по сей день не находят своего законодательного регулирования вопросы соотношения этноса. О межнациональных отношениях очень много говорится политиками и используется в политических и экономических аргументах тогда, когда нет аргументов «права».

В предыдущие годы преобладало стремление субъектов федерации к суверенности. «Борьба» за единое правовое пространство положила этому стремлению конец, но вопросы соотношения централизма и самоуправления остаются и сегодня открытыми. Решение одной проблемы и не решение другой - все это вызывает к жизни ранее неизвестные политические процессы негативного характера. Формально отсутствуют сегодня (как нам представляется, из-за стабильной политической обстановки) столкновения позиций между центральной властью и на местах, приобретающие по воле политиков зачастую «скрытую» окраску нерешенных межнациональных проблем, возможно приводящих к конфликту.

Следует отметить, что необходимой предпосылкой эффективного и работоспособного механизма исполнения законов служит правильное соотношение экономики и права. Теперь уже не теоретически, а практически известно, что вопросы собственности, отлаженных экономических отношений создают надежную и практичную основу действия законов.

Наблюдаемая юристами разбалансированность политики и экономики не позволяет «запустить» (в теории и практике) в полную силу правовой механизм исполнения законов. И здесь кроме объективных причин существенна также роль права как субъективного фактора. Произошедшее резкое «разрушение» советской правовой системы, отсутствие законодательной преемственности в переходный период, декларативность и неконкретность многих вновь принимаемых законов – все это придает действующему праву скорее имитационный, нежели юридический характер. Отсюда – острая необходимость повышения общего престижа права в обществе, проведение наряду с экономической и политической также и радикальной правовой реформы.

Второй блок проблем связан с формированием элементов самого механизма исполнения законов. Наиболее значимыми из них, на наш взгляд, являются:

– совершенствование правотворческой работы, ее четкое регламентирование, научное обоснование и научно-техническое обеспечение;

– контроль за «соответствием» действующим законам подзаконных актов, установление ответственности за издание заведомо незаконных актов и др.

Также отметим, как нам представляется, необходимо издание «закона» о законодательных актах, главная направленность которого — ввести законопроектную работу в жесткие правовые рамки. Законопроект должен содержать несколько разделов. Основные из них:

– виды законодательных актов;

– законы и подзаконные акты; порядок подготовки законопроектов;

– организация законопроектной работы;

– методика подготовки законопроектов;

– правила законодательной техники; экспертиза законопроектов; порядок вступления в силу и опубликования законодательных актов;

– систематизация и кодификация;

– обеспечение исполнения законов; защита законов; правовой мониторинг и др.

Подобный «закон о законах», о чем немало говорится и пишется в юридической литературе, крайне необходим. Это тем более актуально, что ныне созданием различных законопроектов занимаются не только соответствующие компетентные органы, но и общественные объединения граждан, научные учреждения, депутаты и отдельные лица (так называемые инициативные законопроекты).

В механизме исполнения законов важное место должен занимать такой элемент, как соответствие законам подзаконных актов. По существу данная сфера в большинстве своем находится

вне контроля государства. Многие подзаконные акты «сводят на нет» действие отдельных законов. Наглядным примером могут служить серьезные расхождения между гражданско-правовым законодательством, регулирующим отношения купли-продажи, и правилами обмена товаров, устанавливаемыми ведомственными актами; отсутствует также и правовой механизм реагирования на порочную практику «подправки» закона посредством подзаконного акта.

Сказанное определяет наделение специального органа, который выполнял бы контрольные функции в отношении актов ведомственного

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018). 13 июня 1996 года № 63-ФЗ.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Светлана Боженок, Ленина Ермакова, Юлия Грачева. Изд-во : Проспект, 2018. С. 912.

нормотворчества, необходимо внести предложение об образовании депутатами правовой инспекции, выполняющей исключительно методические функции. Предполагается, что депутатская правовая инспекция осуществляла бы контроль за соответствием законам подзаконных актов, а в случае обнаружения нарушений – направляла материалы в суд для отмены ведомственного акта. Если же руководителем ведомства подписан заведомо незаконный акт, данное должностное лицо должно подлежать, на наш взгляд, не только административной ответственности.

Literature:

1. The constitution of the Russian Federation (it is accepted by national vote 12.12.1993) (taking into account the amendments made by Acts of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 № 6-FKZ from 30.12.2008 № 7-FKZ, from 05.02.2014 N 2-FKZ, of 21.07.2014 № 11-FKZ).
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (edition of 29.07.2018). On June 13, 1996 № 63-FZ.
3. The comment to the Criminal Code of the Russian Federation / Svetlana Bozhenok, Lenina of Ermakova, Yuliya Gracheva. Prospekt, 2018. P. 912.

Зиятдинова Юлия Ефимовна

доктор социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский
институт ФСИН России,
yulia-z09@mail.ru

Полякова Янина Николаевна

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский
институт ФСИН России,
ynpolyakova@yandex.ru

**ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ
НАКАЗАНИЙ В ОТНОШЕНИИ
ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных женского пола. Преступления, совершенные женщинами и девушками, имеют свои специфические особенности. В статье поднимается актуальный вопрос использования гендерного подхода для изучения проблем преступного поведения женщин и девушек. Приводится ретроспективный анализ исследований по вопросам гендерной теории. Актуализируется необходимость разработки специальных программ ресоциализации осужденных женщин и девушек с использованием гендерного подхода.

Ключевые слова: гендер, воспитание, пол, семья, личность, уголовно-исполнительная система, осужденные женского пола, преступность, детская преступность, женская преступность, среда, механизмы социального воздействия.

Н аряду с такими общественными институтами, как государство, семья, система образования, механизмы общественного разделения труда, средства массовой информации предметом гендерных исследований могут выступать также негативные явления в обществе. Преступность как негативное, социальное и уголовно-правовое явление требует постоянного изучения и исследования. Использование гендерного подхода позволяет более глубоко изучить, проанализировать, разработать и внедрить эффективные прогрессивные программы в жизнь, обязательно учитывая принцип гендерного равенства. Вместе с тем, существуют серьезные трудности в проведении подобных исследований. В первую очередь, это связано с использованием информации ограниченного распространения, которая характеризует настоящую российскую ситуацию.

Julia E. Ziyatdinova

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Senior Researcher,
Research Institute of the Federal
penitentiary Service of Russia
yulia-z09@mail.ru

Yanina N. Polyakova

Senior Researcher,
Research Institute of the Federal
penitentiary Service of Russia
PhD in psychology
ynpolyakova@yandex.ru

**GENDER PROBLEMS
OF IMPLEMENTATION
OF CRIMINAL PENALTIES
FOR CONVICTS WOMEN**

Annotation. The article deals with some issues of execution of criminal sanctions against female convicts. Crimes committed by women and girls have their own specific characteristics. The article raises the topical issue of using the gender approach to study the problems of criminal behavior of women and girls. A retrospective analysis of studies on gender theory is presented. The need to develop special programs for the re-socialization of convicted women and girls using a gender approach is actualized.

Keywords: gender, education, sex, family, personality, penal system, convicts women, crime, child crime, female crime, environment, social impact mechanisms.

Указанные обстоятельства, порой, заставляет ученых задуматься о возможности исследования данной проблемы. Тем не менее, проблемы преступности не теряют своей актуальности и нуждаются в дополнительных исследованиях. В контексте нашей статьи следует указать, что, к сожалению, у преступности два «лица» – мужское и такое не типичное – женское.

Так о чем же нам говорит гендерная теория? Проявив себя в социальных науках более тридцати лет назад, она заявила об основном из своих положений – это различие между такими понятиями, как гендер и пол. Пол относится к биологическому, физиологическому построению человека. То есть, на основе биологического пола (мужчина, женщина) «гендер» обозначает различия в социальных ролях, поведении и эмо-

циональных характеристиках мужчины и женщины. В результате сложившихся стереотипов и т.е. и другие становятся клише системы и норм. Опираясь на гендерные основы, многие ученые обратились к теме «Женщины в общественной жизни и деятельности государства». В рамках социологии этот аспект был стимулирован современным женским движением, и с 1970 года эта проблематика получила официальный статус. К началу 1990-х годов количество докладов, статей и книг по данному вопросу значительно увеличилось (более 60). В 1991 году научный журнал «Женщины и политика» («Women and politics», США) посвятил указанной теме 24 статьи и 21 рецензию. В опубликованных материалах поднимался ряд вопросов: традиционное не признание за женщиной права на политическую деятельность; исследования, указывающие на возможность введения женщины в политику с условием доминирующих ориентиров политического анализа; вопрос доминирующих ориентиров и подходов, которые не согласуются с восприятием женщин как участниц политической жизни, и их концептуального пересмотра [1, с. 281].

Пожалуй, одним из самых известных исследователей в области гендера, является Зигмунд Фрейд, который в своих работах «Женская сексуальность» и «Эдипов комплекс» определяет традиционные роли мужчин и женщин. Ученый считал, что личность женщины определяется, в конечном, счете, самим фактом отличия ее анатомического строения от мужчины. Другой исследователь политолог и социолог Талкотт Парсонс выдвигал концепцию о роли инструментального лидера в семье, согласно которой эта роль всегда принадлежала мужчине, а женщины выступают в роли экспрессивного (эмоционального) лидера [1, с. 281]. Т. Парсонс утверждал, что «единственный способ быть настоящим мужчиной в нашем обществе – это иметь престижную работу и зарабатывать на жизнь», а женщине отводится лишь «статус жены своего мужа, матери его детей и личности, ответственной за домашнее хозяйство». И вплоть до сегодняшнего дня многие ученые солидарны с положениями выше перечисленных концепций. По всей вероятности, именно эти взгляды явились толчком появления такого движения как феминизм, чтобы как-то отстоять независимость и свободу женщины [9].

Феминизм прошел несколько этапов своего становления и развития, начиная с эпохи Возрождения и до сегодняшнего дня, в которых озвучивались и отстаивались права, свобода, братство, независимость, равенство женщины. В 1792 году британская писательница, философ Мэри Уолстоункрафт опубликовала в Англии книгу «Защита прав женщин», тогда же в Германии вышла работа Теодора фон Гиппеля «Об улучшении гражданского положения женщин». Становится очевидным, что борьба женщин за свои права как полноценного члена общества подготовлено развитием социально-философских и политических концепций и интеллектуальных течений. В этой связи особо следует отметить следующих авторов концепций и течений: Джон Локк, Жан-

Жака Руссо и Джон Стюарт Милль, Харриэт Тейлор, Шарль Фурье и Роберт Оуэн. Многолетняя борьба женщин за свои права в разных странах дала свои результаты, в течение двух десятилетий XX века женщины получили избирательные права [2, с. 188–189].

Исходя из представленных гендерных теорий и анализа среды нашего общества, рыночных отношений, которые диктуют свои правила жизни и в которой находится женщина, хотелось бы обратиться к рассмотрению гендерной составляющей у преступниц женского пола. В общественном сознании существует много стереотипов, характеризующих гендерное понятие, один из которых говорит, прежде всего, о причинах возникновения детской преступности, где ключевым критерием, красноречиво характеризующим специфику преступности девочек и девушек, является среда, в которой они находятся. Прежде всего, это семья, которая во многом определяет динамику развития организации собственного поведения и от которого непосредственно зависит мотивация совершения преступления, отношения к содеянному, взаимоотношения со своими ровесниками и ложный авторитет в своих собственных глазах и в глазах окружающих. Девочки склонны к истерической жестокости, таким образом выплескивая свои эмоции и доказывая свое превосходство и силу над другим себе подобным. Так же это может быть реакцией на трудные жизненные обстоятельства. Большую роль в формировании преступного поведения девочек играет атмосфера общения, где присутствует культ наркомании, алкоголизация, подмена ценностных понятий, ориентаций в социуме, размытость культурных ценностей, искривление педагогических функций, ложный авторитет старших, на которых хочется быть похожим. Кроме того, на формирование преступного поведения оказывают влияние стрессовые ситуации, когда еще не сформированы психика, взгляды и отношения к происходящим событиям, что порождает безысходность и выплеск эмоционального состояния как способа разрешения проблемы. В свою очередь, это является причиной возникновения преступления, которое девочками воспринимается как «самореализация» жизненного опыта, установление отношений в своей возрастной среде и завоевание авторитета у взрослых. К сожалению, возникновению подобных явлений во многом способствует не достаточное внимание к такому феномену, как культура воспитания в семье, сохранение традиций, отношение к духовным ценностям, трансформация из поколения в поколение патриотического чувства, идентификация себя как личности со своим этносом, родным языком и гордостью носителя своей культуры. В ходе адаптации к жизненным условиям у девочек на первый план выходит экономический, социально-психологический аспект [5].

Таким образом, возникает необходимость в проведении гендерных криминологических исследований в подростковой среде. Гендерные исследования в указанных направлениях предоставляют возможность накопить систему знаний о целенаправленном предупреждении преступлений [11]. Так, гендерные особенности несовершеннолет-

них формируются с раннего детства, затем в процессе социализации индивид развивается, идентифицируясь с полом (мужчина, женщина). Завершается формирование гендерных особенностей к 17–18 годам. Но при этом социализация человека происходит на протяжении всей его жизни, в зависимости от динамики деятельности, внутренней и внешней политики государства, природных условий, национальной принадлежности, культуры, традиций, религии, обычаев, семейных устоев, сложившихся духовных ценностей и нравственности. Гендерные особенности подростков женского пола связаны с их социальными ролями и социально-психологическим статусом, возрастными особенностями. Все это позволяет объяснить их личностные качества, влияющие на формирование антиобщественного поведения, и применить соответствующие педагогические, социокультурные технологии в воспитательных целях. Бельгийский ученый математик Адольф Кетле в своих исследованиях указал на то, что «криминальная активность женщин объясняется не только их физической слабостью, но и изолированностью от активной общественной жизни, разными видами закрепощенности (семья, учеба, религия и т.д.)» [6, с. 124]. Еще итальянский психиатр Чезаре Ломброзо видел причины стабильности женской преступности в самой женской природе, физиологических потребностях организма женщины. При этом необходимо понимать, что гендерный подход к изучению преступности несовершеннолетних женского пола и взрослой женщины существенно различается в характеристиках преступного поведения. У женщины – это механизмы социального контроля, самоконтроля, а у подростков, скорее всего, действуют механизмы криминологической обоснованности преступности.

В настоящее время в нашей стране функционируют 708 исправительных колоний (из них 35 женских), 23 воспитательные колонии для несовершеннолетних (из них 2 женских). В учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) содержится 46924 осужденных женщин, при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 491 ребенок. Кроме того, в следственных изоляторах содержится порядка 10 тыс. женщин [8]. Анализируя сложившуюся ситуацию криминогенной обстановки среди женщин и несовершеннолетних, доля женщин в общем контингенте российских осужденных сравнительно невелика и составляет около 8 %. Причем эта цифра относительно постоянна в долевом (процентном) выражении на протяжении уже более 10 лет. Вместе с тем, следует отметить, что численность спецконтингента за тот же период стабильно снижалась и такая тенденция продолжается. Следовательно, напрашивается вывод о статистической стабильности женской преступности и ее трансформации. При анализе этих данных следует учитывать, что с введением нового Уголовного кодекса Российской Федерации некоторые преступления были декриминализованы, а по новым видам преступлений появились статьи, расширяющие спектр уголовно преследуемых экономических деяний. Необходимо отметить, что к женщинам

суды более снисходительны. Поэтому, изучив содержание преступлений, совершенных женщинами, статистические сведения, размещенные на официальном сайте ФСИН России и криминологический состав осужденных женщин, отбывающих наказания в виде лишения свободы, можно сделать вывод о том, что в исправительные учреждения попадают женщины, совершившие особо тяжкие преступления или повторные преступления средней тяжести.

С точки зрения гендерной основы, важно понять, почему женщины решаются на совершение преступлений? Что ведет их к совершению повторных преступлений? В силу чего социальная реабилитация осужденных женщин в местах лишения свободы и после их освобождения не всегда оказывается эффективной? Ведь женщины, в силу социокультурных норм и особенностей гендерной социализации, вырастают более законопослушными гражданами, чем мужчины. Гендерный стереотип обязывает их быть милосердными, добрыми и терпимыми. Но, не смотря на это, российские женщины и девушки совершают преступления, в том числе уголовные.

Что же является причиной происходящего? К сожалению, причины обнаруживаются, прежде всего, в последствиях рыночных отношений, а именно – в стремлении к материальным благам, которое занимает главенствующие позиции над более значимыми духовными ценностями. Данные обстоятельства нашли свое отражение в следующих социальных процессах: кризис института семьи (в частности, роста числа разводов, неполных семей и гражданских браков), кризис мужественности, мускулинности, которые разворачиваются на фоне феминизации бедности, усиления в обществе социальной поляризации и формирования устойчивого социального дна.

С точки зрения педагогики, социологии главная причина девиации (отклоняющегося поведения) – это противоречие между социально-правовыми нормами и средствами их достижения, которое на уровне нравственности, законности принимает форму нарушения (отклонения от социально-правовых норм). В условиях рынка, пока еще не адаптированного в сознании многих людей, происходит разрушение традиционного гендерного постулата «мужчина – кормилец, женщина – хранительница очага». А поскольку далеко не все российские мужчины могут обеспечить своим женам и детям безбедное существование, они компенсируют несостоявшуюся мускулинность алкоголем, наркотиками, домашним насилием. Стремясь к выживанию и сохранению человеческого достоинства, женщина ищет доступные для себя способы решения своих проблем, в том числе и противоправные. Женщин, которым характерно агрессивное поведение, условно можно разделить на две группы: первая – не способные контролировать свои эмоции в период возбужденного состояния; вторая – загоняющие свои эмоции глубины подсознательного, чрезмерно их контролирующие и сдерживающие. Если с первой группой все достаточно очевидно – отсутствие контроля над своими эмоциями приводит к

совершению преступлений, то причины совершения преступлений женщинами, относящимися ко второй группе не так очевидны. «Спрятанные» эмоции могут так и не найти выхода, но под влиянием обстоятельств или от повышенной возбудимости после долгого терпения могут стать причинами преступлений.

Гендерный анализ позволяет понять механизм социально-психологического и нравственного кризиса, испытываемого осужденными женщинами. Основная причина кризисов связана с кризисом традиционной женской роли и его разновидностью – кризисом материнства. Следует отметить, что около 80% осужденных женщин имеют детей, но их общение с ними невозможно или затруднено по известным причинам – изоляция женщин, проживание их детей с родственниками и т.д. [4] Так женщины оказываются тяжело травмированы во всех аспектах своей женственности. Это говорит о необходимости моральной поддержки осужденных, чтобы помочь им социализироваться с внешним миром. Для этого необходимо привлечь внимание к этой проблеме благотворительные, религиозные, воспитательные, социокультурные и правозащитные организации.

Говоря об осужденных, нельзя забывать о тех, кто служит в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС). Находясь ежедневно в контакте с осужденными, сотрудник УИС пытается вести работу по их социальной реабилитации, но полноценной и систематической работы не получается, так как у сотрудников нет возможности уделить внимание каждой осужденной женщине, которая в нем остро нуждается. Ведь не хватает обычного общения, в котором нуждается совершенно одинаково каждая осужденная, так как общение – это единственная форма эмоционального словесного излития своего собственного мироощущения по отношению к окружающей среде, жизненная необходимость любого человека. Общение, таким образом, выступает определенной «мишенью» для социальной, психологической, воспитательной работы с осужденными женщинами.

Литература:

1. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем; Пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2004. 336 с.
2. Брайсон В. Политическая теория феминизма. М. : МЦГИ, 2001. 302 с.
3. Вилкова А.В. Профессиональная подготовка личного состава УИС: духовно-нравственное воспитание // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 4. С. 7–8.
4. Давыдова Н.В. Современное состояние мер по обеспечению материнских прав осужденных женщин, имеющих малолетних детей в домах ребенка исправительных учреждений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 1. С. 10–13.

Гендерно ориентированная социальная работа в местах лишения свободы является важной в УИС, так как совершенно очевидно существование женской преступности, ее отличие от мужской, в силу чего возникает необходимость создания женской криминологии, женской юстиции, в которой женское воспринимается как норма, в которой оно изучается, исследуется, поддерживается и развивается, а не уничтожается.

Необходимо четко понимать, что уголовно-исполнительная система как социальный институт исполняет наказания с соблюдением обязательного условия не допущения деградации личности, и поэтому необходимо помнить, что преступник обязательно имеет пол и связанные с ним биологические особенности, социокультурные коннотации, гендерные стереотипы и представления. Игнорируя это, мы попадаем под такое явление как андроцентризм, который ведет к разрушению личности женщины в мужском мире лишения свободы. Для того, чтобы преодолеть эти проблемы необходимо понимать, что женщина и мужчина – это две разные системы, конструкции, начиная от биологической составляющей и заканчивая эмоциональной, умственной, психологической. Именно поэтому необходимо создание гендерно ориентированной социальной среды реабилитации осужденных. Для женщины важна ее первичная миссия – восстановление ее в роли жены, матери, хранительницы семейного очага. То есть, ей нужно просто восстановление отношений, переосмысление нахождения в новой жизни и отношений с новых позиций нравственности, примеряя ее на себя, а для этого необходимо развить и повысить собственную самооценку и самоуважение, преодолеть психологический барьер зависимости от прежней среды. Это и есть гендерно ориентированная социальная работа в местах лишения свободы. Имеющиеся эмпирические данные пока не дают достаточно конкретную картину для широких обобщений и рекомендаций. В настоящее время исследования в рассмотренных направлениях являются актуальными и своевременными.

Literature:

1. Bem S. Gender lenses: Transformation of views of a problem of inequality of the floors / Lane with English. M. : ROSSPEN, 2004. 336 p.
2. Bryson V. The political theory of feminism. M. : MTsGI, 2001. 302 p.
3. Vylkove A.V. Vocational training of staff of penal correction system: spiritual and moral education // Penal correction system: right, economy, management. 2018. № 4. P. 7–8.
4. Davydova N.V. The current state of measures for ensuring the maternal rights of the condemned women having juvenile children in children's homes of correctional facilities // The Penal correction system: right, economy, management. 2018. № 1. P. 10–13.

5. Женщины и мужчины России. 2016 : стат. сб. / Росстат. М., 2016. 208 с.
6. *Кетле А.* Социальная система и законы ею управляющие / Пер. с франц. Л.Н. Шаховского. 2-е изд. М. : Либроком, 2012. 311 с.
7. *Лосева С.Н., Жилияев Р.М.* Некоторые личные характеристики осужденных иностранных граждан женского пола // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 3. С. 23–27.
8. Официальный сайт ФСИН России (Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы). URL : <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения 10.09.2018).
9. *Эллиот П.* Теории феминизма // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / П. Эллиот, Н. Менделл; Под ред. И. Жеребкиной. Харьков : ХЦГИ. 1998. С. 15–46.
10. *Синьковская И.Г.* Теоретико-методологические основы изучения гендерных отношений // Теоретические и практические аспекты психологии и педагогики : коллективная монография. Уфа, 2015. С. 281–298.
11. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под ред. О.А. Ворониной. М. : МЦГИ, 2001. С. 50–51.
5. Women and men of Russia. 2016 : statistical collection / Rosstat. M., 2016. 208 p.
6. *Quetelet A.* Social system and laws her managing directors / The translation from the French L.N. Shakhovsky. 2nd prod. M. : Librokom, 2012. 311 p.
7. *Loseva S.N.* Some personal characteristics of the condemned female foreign citizens / S.N. Loseva, R.M. Zhilyaev // The Penal correction system: right, economy, management. 2018. № 3. P. 23–27.
8. Official site of FSIN of Russia (Short characteristic of a penal correction system). URL : <http://FSIN.rf/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (date of the address 10.09.2018).
9. *Elliot P.* Teorii of feminism // Gender researches: feministic methodology in social sciences / P. Elliot, N. Mendell; under the editorship of I. Zherebkina. Kharkiv : HTsGI, 1998. P 15–46.
10. *Sinkovskaya I.G.* Teoretiko-metodologicheskyy bases of studying of the gender relations // Theoretical and practical aspects of psychology and pedagogics : collective monograph. Ufa, 2015. P. 281–298.
11. Theory and methodology of gender researches. A course of lectures / Under the editorship of O.A. Voronina. M. : MTsGI, 2001. P. 50–51.

Лапин Алексей Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
milena.555@mail.ru

Alexey A. Lapin

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Professor of department of criminal law,
North Caucasian branch
of the Russian state university of justice
milena.555@mail.ru

СТРАТЕГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПРИОРИТЕТНЫЙ ОРИЕНТИР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье представлена характеристика приоритетного стратегического направления деятельности российских органов внутренних дел по обеспечению безопасности личности, общества и государства от преступности и правонарушений; раскрывается цель, задачи, принципы и основное содержание стратегии безопасности как приоритетного ориентира правоохранительной деятельности органов внутренних дел, имеющего значение не только для эффективного контроля над преступностью, но и для объективной оценки деятельности органов внутренних дел и, соответственно, их авторитета.

Ключевые слова: стратегия безопасности, органы внутренних дел, стратегические направления правоохранительной деятельности, криминологическая безопасность, предупреждение преступности.

Современные мировые и отечественные криминогенные реалии, связанные с существенными качественными и количественными изменениями преступности, наряду с ее внутренними закономерностями и взаимодействиями, одновременно свидетельствуют о довольно сложных и явных несоответствиях таким инновационным криминальным тенденциям сложившейся практике противодействия преступности. Естественно, правоохранительная практика, в известной мере, выступает отражением общей национальной уголовной политики, в основном традиционно на протяжении десятилетий ориентирующейся на репрессивный подход (в целом, нюансы отдельных постперестроечных лет незначительны) к преступности, как явлению подлежащему уничтожению. Собственно проблема безопасности личности, общества, государства в этом случае оказывается, как бы, вторичной, то есть, на государственном уровне подразумевается, что активная борьба с преступниками, подавление криминального потенциала, реализуемого в преступных посягательствах, и есть главный путь достижения безопасности. Потому сегодня, как, собственно, и ранее правоохрани-

STRATEGY OF SAFETY AS PRIORITY REFERENCE POINT OF ACTIVITY OF LAW-ENFORCEMENT BODIES

Annotation. The characteristic of priority strategic activity of the Russian internals on safety of the personality, society and state from crime and offenses is presented in article; the purpose, tasks, the principles and the main content of strategy of safety as the priority reference point of law-enforcement activity of law-enforcement bodies important not only for effective control over crime, but also for objective assessment of activity of law-enforcement bodies and, respectively, their authority reveals.

Keywords: strategy of safety, law-enforcement bodies, strategic directions of law-enforcement activity, criminological safety, prevention of crime.

тельной системе продолжает господствовать силовая позиция, основанная на необходимости сокращения числа преступлений. И этот ориентир, как правило, выступает главным показателем эффективной антикриминогенной практики полиции. При этом граждане, которым угрожает риск стать потерпевшими, а равно реально пострадавшие от уголовно наказуемых посягательств, нередко, остаются без какой-либо социально-правовой защиты. Более того, у них часто не оказывается возможности даже получить в результате подобных посягательств адекватную компенсацию как за необеспеченность государством безопасности от преступности, так и от понесенного ущерба. О традиционных страховых технологиях в данном случае речь не идет, поскольку таковые находятся, опять-таки, за пределами государственной правоохранительной деятельности.

Реагируя на такие противоречия, криминологическая наука закономерно стремится активно разрабатывать в своих недрах теорию криминологической безопасности. Она призвана создать научно обоснованную базу разрешения существ-

вующего противоречия между отмеченными сложившимися ориентирами правоохранительной деятельности и правоохранительными интересами общества, заслуживающего более высокой степени защищенности от преступности. Отсюда представляется вполне обоснованной и потребность общества, а вместе с ним и государства, в формировании и воплощении новых, в том числе правоохранительных, стратегий обеспечения безопасности от преступности.

Представляется, что без научного обоснования таких стратегий, особенно формирующихся и реализуемых в деятельности органов внутренних дел как лидера обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в стране вряд ли можно повседневно адекватно защищать общество от преступности. При этом, несмотря на то, что проблема криминологической безопасности позиционируется в отечественной криминологической науке в качестве самостоятельного перспективного направления научных исследований[1], нельзя не заметить, что существующий научный багаж обоснования и путей ее решения пока далек от правоохранительной практики. Кстати, и сама теория правоохранительной деятельности во всех своих научных отраслях, а уж тем более практика, к сожалению, не учитывают потенциал и реалий криминологической безопасности, а соответственно оказываются далекими от ее реального обеспечения.

Отсюда, очевидная актуальность претворения в практической деятельности теории криминологической безопасности одновременно актуализирует разработку соответствующей стратегии ее реального обеспечения в деятельности главного субъекта правоохранения – органов внутренних дел. Конечно, такая стратегия предполагает решения самых широких задач в различных сферах функционирования нашего общества, так или иначе связанных с осуществлением уголовной политики. И все же, прежде, она должна найти отражение в деятельности органов внутренних дел, призванных быть не просто субъектом, а стать гарантом обеспечения безопасности от преступности.

Оценивая сегодня такой правоохранительный ресурс, важно понимать, что объективное состояние защищенности личности, общества и государства от преступных посягательств, а равно состояние осознания общественным мнением защищенности от угроз таких посягательств, не будет иметь своего практического воплощения без создания научно обоснованных ориентиров формирования соответствующих такому приоритету стратегий правоохранительной деятельности. В свою очередь такие стратегии должны быть положены в основу развития уголовной политики государства, определяющей своей главной стратегической целью реальное обеспечение охраны общественных отношений от преступности.

Целью стратегии обеспечения криминологической безопасности является, прежде всего, формирование такой правоохранительной, по своей прямой сути, деятельности органов внутренних

дел, каковая была бы способной поддерживать социально приемлемый уровень безопасности общества от преступности. Достижение указанной цели осуществляется в результате применения целого комплекса согласованных мер, обусловленных стратегическими задачами обеспечения криминологической безопасности, какими видятся:

- формирование такой степени криминологической защищенности личности, общества и государства от преступных посягательств, при которой преступность во всех ее проявлениях не создавала бы серьезных препятствий для реализации населением основных жизненно необходимых интересов;

- минимизация уязвимости личности, общества, государства для криминальных рисков и преступных посягательств;

- формирование системы государственного обеспечения криминологической безопасности;

- оптимизация правоохранительной деятельности, направленной на минимизацию криминогенного потенциала источников угроз криминологической безопасности;

- активизация предупредительного потенциала правоохранительной деятельности.

Представляющая собой выработку основных критериев, отражающих социально приемлемое объективное состояние защищенности прав, обязанностей, свобод, законных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, разработка стратегии криминологической безопасности деятельности органов внутренних дел должна учитывать не только показатели, характеризующие социально приемлемую криминальную обстановку в тот или иной период времени, на той или иной территории, но и, главное, – показатели, отражающие общественное мнение об этой обстановке, показывающие насколько население ощущает свою криминологическую безопасность, то есть свою защищенность от преступных посягательств и угроз таких посягательств.

Здесь важно иметь в виду, что снижение значений показателей преступности в целом и ее наиболее опасных видов, фиксируемое в официальной статистике в современный период, не отражает объективную тенденцию современной преступности, которая по результатам специальных исследований и оценки общественного мнения населения имеет очень высокую латентную составляющую, с тенденцией ее нарастания. Это приводит к неадекватной оценке реальной угрозы криминологической безопасности, дезориентирует поиск стратегических направлений обеспечения криминологической безопасности. Потому для оптимизации предупредительного правоохранительного воздействия на преступность, особенно органами внутренних дел, стратегически важно иметь объективную информацию о состоянии защищенности личности,

общества и государства от преступности. В этом случае первоначально всегда необходимо руководствоваться результатами массовых опросов общественного мнения о степени испытываемых населением тревог перед потенциальными рисками подвергнуться преступным посягательствам, степени доверия в этих случаях органам внутренних дел и другим субъектам правоохранительной деятельности, а также о реальных преступных посягательствах в отношении личности, общества и государства, зафиксированных в массовом сознании, однако не нашедших в полном объеме своего отражения в правоохранительной (уголовно-правовой) статистике и следующей за ним практикой уголовного судопроизводства. Такая деятельность, направленная на изучение соответствующего общественного мнения должна обязательно сопровождаться его перманентным целенаправленным формированием с учетом, опять-таки, целей, задач и принципов, лежащих в основе стратегий обеспечения криминологической безопасности.

Как и всякая стратегия, стратегия обеспечения безопасности от преступности, предполагаемая к реализации в деятельности органов внутренних дел, должна сопровождаться соблюдением определенных принципов. Таковыми, наряду с безусловным всеобщим принципом законности правоохранительной деятельности, представляются:

– приоритет защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан от преступных посягательств перед силовым воздействием на преступность и преступников;

– системность и комплексность обеспечения криминологической безопасности в любой из сфер жизнедеятельности общества и государства;

– приоритет нейтрализации причин и условий преступлений (профилактика) перед иными этапами предупреждения преступности (предотвращение, пресечение);

– оперативность и адекватность правоохранительного реагирования на возникновение рисков и реальные угрозы криминологической безопасности;

– непрерывность профилактического воздействия на источники и субъектов асоциального поведения и антиобщественного образа жизни;

– взаимная ответственность граждан, общества и государства за состояние обеспечения криминологической безопасности;

– взаимодействие государственных структур, общественных организаций и граждан на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном и др.) в обеспечении криминологической безопасности;

– правоохранительная интеграция отечественных и зарубежных структур обеспечения криминологической безопасности;

– общественный и государственный контроль над системой обеспечения криминологической безопасности.

Вместе с тем, реализация органами внутренних дел стратегии обеспечения безопасности от преступности предполагает:

– подготовку программ криминологической безопасности на основе реализации программно-целевого подхода с учетом соответствующих потенциальных ресурсов (организационных, правовых, финансовых, материально-технических, кадровых и др.);

– определение, анализ и криминологическую оценку состояния источников криминальных угроз, их объема и характера проявления, возможных социальных последствий, разработку и реализацию мер их нейтрализации и минимизации;

– оценку состояний и тенденций развития криминологической безопасности в стране, отдельных ее регионах, сферах жизнедеятельности, отраслях экономики;

– формирование системы профессиональной подготовки сил и средств обеспечения криминологической безопасности;

– формирование системы компенсаторных мер криминологической безопасности, нацеленных на восстановление нарушенных в результате преступных посягательств общественных, государственных и личных прав и законных интересов, обеспечение неотвратимости уголовно-правовой ответственности лиц, совершивших преступления;

– формирование системы пропаганды криминологической безопасности.

Учитывая комплексность и системность общей стратегии безопасности от преступности, предполагается, что система ее обеспечения должна включать в себя взаимосвязанные между собой сопутствующие подсистемы:

– стратегии сдерживания угроз криминологической безопасности, в качестве которых выступает в целом вся преступность, а также отдельные виды преступности и конкретных преступлений. Основным критерием стратегии сдерживания глобальной преступности является критерий соразмерности качества и масштаба криминальных угроз и принимаемых в отношении их ответных правоохранительных мер;

– стратегии воздействия на личность преступника, как носителя, субъекта криминальной угрозы. Она в основном направлена на совершенствование системы выявления и привлечения преступников к уголовной ответственности, исполнения наказания и ресоциализации ранее судимых лиц в целях снижения рецидива преступлений;

– стратегии воздействия на источники угроз криминологической безопасности, а именно на криминогенные факторы. Эта стратегия во многом связана с реализацией социальной политики государства;

– стратегии предупреждения преступлений, которая применительно к теории криминологиче-

ской безопасности рассматривается как стратегия предупреждения криминальных угроз. Эта стратегия предусматривает разработку мер по оказанию сдерживающего, нейтрализующего, в целом превентивного воздействия на криминальные угрозы;

– стратегии защиты объектов криминологической безопасности. Выступает стержневой стратегией в рамках обеспечения криминологической безопасности, поскольку именно эта стратегия предполагает перенос центра тяжести с традиционного воздействия на преступность и преступника на реальную защиту личности, общества, государства от преступных посягательств;

– стратегии виктимологической профилактики направлена на минимизацию потенциальной виктимности личности и нейтрализацию перерастания этой потенциальной виктимности в реальную, развитие противовиктимных технологий в предупреждении преступности.

Литература:

1. В своих прошлых публикациях автор неоднократно подчеркивал высокое значение трудов известных российских криминологов Г.А. Аванесова, М.М. Бабаева, В.А. Плешакова, С.Я. Лебедева, Е.Н. Рахмановой и др., посвятивших свое научное творчество обоснованию и развитию в криминологической теории и правоохранительной практике идей криминологической безопасности. Определенные научные достижения в обосновании безопасности от противоправных угроз применительно к отдельным сферам жизнедеятельности содержатся также в трудах А.Б. Антонова, В.Г. Балашова, А.И. Васильева, В.А. Васильева, А.В. Виноградова, В.В. Гордиенко, А.В. Гыске, Н.Д. Казакова, И.Б. Кардашовой, С.А. Клименко, М.А. Лескова, А.С. Николайчука, В.Б. Рушайло, В.А. Прокофьева, Д.А. Симоненко, С.В. Степашина, В.И. Тепечина, С.Г. Шабанова, Л.И. Шершнева и др.

Наконец, стратегия обеспечения криминологической безопасности в деятельности органов внутренних дел должна стать неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности, которая призвана оказывать воздействие на угрозы, исходящие от преступности, снижая и нейтрализуя их общественную опасность и защищая от их воздействий личность, общество, государство. Это предопределяет перспективу определения в Законе о безопасности ее криминологических аспектов, связанных с обеспечением государственного и общественного контроля над преступностью, процессами и явлениями, ее детерминирующими и сдерживающими. При этом, разумеется, необходимо законодательное закрепление объектов и субъектов обеспечения криминологической безопасности, их задач и функций, прав и обязанностей, ответственности за необеспечение безопасности государства, общества, личности от преступности. Такая законодательная регламентация призвана создать правовую основу криминологического обеспечения национальной безопасности России.

Literature:

1. In the last publications the author repeatedly emphasized high value of works of the famous Russian criminologists G.A. Avanesov, M.M. Babayev, V.A. Pleshakov, S.Ya. Lebedev, E.N. Rakhmanova, etc., devoted the scientific creativity to justification and development in the criminological theory and law-enforcement practice of the ideas of criminological safety. Certain scientific achievements in justification of safety from illegal threats in relation to certain spheres of activity contain also in A.B. Antonova, V.G. Balashova, A.I. Vasilyeva, V.A. Vasilyeva, A.V. Vinogradova, V.V. Gordiyenko, A.V. Gyskke, N.D. Kazakov, I.B. Kardashova, S.A. Klimenko, M.A. Leskova, A.S. Nikoklaykchuk, V.B. Rushailo, V.A. Prokofieva, D.A. Simonenko, S.V. Stepashina, V.I. Tepetchina, S.G. Shabanova, L.I. Shershnev's works, etc.

Канунник Александр Иосифович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правоохранительной
деятельности юридического факультета,
Пензенский государственный университет
01vaang@mail.ru

Анфиногенов Василий Анатольевич

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
01vaang@mail.ru

**К ВОПРОСУ
О ДОСТИЖИМОСТИ
ОДНОЙ ИЗ ЦЕЛЕЙ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается достижимость одной из целей уголовного наказания, проводится сравнение анализируемой цели с ее формулировкой в ранее действовавшем законодательстве. Делается вывод о необходимости научного обоснования поставленной цели для достижения ее правоохранительными органами.

Ключевые слова: наказание, лишение свободы, профилактика, предупреждение совершения преступлений, осужденный.

■ ■ ■

Для того, чтобы более правильно установить или определить проблемы, которые решаются учреждениями, исполняющими наказание, необходимо, прежде всего, уяснить достижимость целей, а затем, исходя из них, определить круг задач, на решение которых и должны быть ориентированы эти учреждения.

Известно, что государство, наказывая преступников, всегда преследует определенные цели. Поэтому исполнение наказания организуется таким образом, чтобы поставленные цели могли быть достигнуты. В этой связи, правильное определение целей применения наказания имеет не только и не столько теоретическое, сколько практическое значение и определенный социальный смысл – оно влияет на содержание уголовной и уголовно-исполнительной политики. В частности, исходя из целей применения наказания, вырабатываются и определяются формы, методы и средства борьбы с преступностью, в том числе связанные и с обращением с преступниками в условиях изоляции. Таким образом, цель имеет весьма важное принципиальное зна-

Alexander I. Kanunnik

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Law-Enforcement Activity
of the Faculty of Law,
Penza State University
01vaang@mail.ru

Vasily A. Anfinogenov

Candidate of Law Sciences,
Senior Research Associate of NITs-2,
FKU Scientific Research
Institute FSIN of Russia
01vaang@mail.ru

**TO THE QUESTION
ON THE ACHIEVEMENT
OF ONE OF THE OBJECTIVES
CRIMINAL PUNISHMENT**

■ ■ ■

Annotation. The article examines the attainability of one of the goals of criminal punishment, compares the analyzed goal with its formulation in the previous legislation. The conclusion is made about the necessity of scientific substantiation of the set goal for achieving it by law enforcement agencies.

Keywords: punishment, imprisonment, prevention, prevention of crimes, convicted.

■ ■ ■

чение при разрешении такой общественной проблемы, как наказание преступников, необходимости и возможностей его исполнения.

В соответствии с частью второй статьи 43 Уголовного кодекса РФ, одной из целей применения уголовного наказания является предупреждение совершения новых преступлений. Если сравнивать смысловое выражение данной статьи, где изложена названная цель, с редакцией аналогичной нормы ранее действовавшего уголовного закона (ст. 20 УК РСФСР), то в принципе она сохранена по смыслу. Единственно, что ее отличает, так это то, что в прежней редакции названная цель была изложена в расширенном варианте категорий частной и общей превенции, а именно «как осужденными, так и иными лицами». Действующий Уголовный кодекс РФ этих слов уже не содержит, но из смысла анализируемой цели – это с очевидностью следует, вытекает из нее, и надо полагать, что названные категории, по меньшей мере, презюмируются, имеются в виду. В этой связи, на наш взгляд, указанная цель нуждается в углубленном ее рассмотрении.

Данная цель в таком наиболее развернутом виде появилась в отечественном законодательстве советского периода в 20-е годы прошлого столетия, хотя бесспорно, в той или иной форме государство и ранее обозначало важность и необходимость ее достижения. Видимо, именно поэтому, у большинства ученых как в новой, так и в предшествующей редакции эта цель не вызывала и не вызывает особых сомнений. Действительно, наказание преступников лишением свободы предусматривает их содержание под охраной в специально предназначенных для этого учреждениях. Поэтому наказание, связанное с лишением свободы, несет в себе определенную предупредительную функцию – осужденные содержатся в условиях, в максимальной степени препятствующих продолжению ими преступной деятельности. Причем, чем опаснее преступник, тем в более строгих условиях изоляции он содержится, и, следовательно, тем реальнее достижимость поставленной цели в ее частнопредупредительном аспекте. Это подтверждается и количеством преступлений и иных правонарушений в исправительных колониях: чем строже режим, тем ниже показатели уголовной преступности.

Вместе с тем, анализируемую цель, видимо, нельзя считать одной из основных целей наказания, поскольку она фактически подчинена цели исправления осужденных. Такая ее характерная особенность подтверждается наличием в законодательстве целого ряда институтов, с применением которых изменяется интенсивность охраны и степень изоляции осужденных. К их числу, в первую очередь, следует отнести изменение вида исправительного учреждения, передвижение без конвоя и др. Исходя из этого, если бы предупреждение совершения осужденными новых преступлений было бы действительно одной из основных целей наказания, тогда не создавались бы эти и другие институты, изменяющие условия содержания в сторону ослабления изоляции.

Однако практика показывает, что в местах лишения свободы в процессе отбывания наказания осужденными совершаются различные преступления. Так, по данным ФСИН России по состоянию на 01 января 2018 года в исправительных учреждениях (далее – ИУ) и следственных изоляторах (далее – СИЗО) уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) зарегистрировано 971 преступление, что на 1,6 % больше, чем в аналогичном периоде прошлого года (АППГ – 955 преступлений), из них в ИУ – 882 (АППГ – 861), в СИЗО – 89 (АППГ – 94). Количество побегов из-под надзора в 2017 году по сравнению с 2016 годом увеличилось на 7,2 % (с 90 до 97). В отношении осужденных, переведенных в колонии-поселения из колоний общего и строгого режимов в порядке реализации статьи 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и совершивших побеги из-под надзора, возбуждено 43 уголовных дела или 44,3 % от общего числа побегов из-под надзора (2016 год – 30 или 34,9 %), а также 12 уголовных дел по статье 314 Уголовного кодекса Российской Федерации (2016 год – 8). Таким образом,

уровень побегов в расчете на 1 тыс. осужденных, находящихся под надзором, в 2017 году увеличился на 4 % [1].

Проведенным нами исследованием установлено, что более 90 % побегов (уклонений) из мест лишения свободы приходится на осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях, и осужденных, которым разрешено передвижение без конвоя за пределами колонии, причем, в колониях-поселениях значительное количество осужденных уклоняется от отбывания наказания, пользуясь тем, что в них отсутствует охрана, а осуществляемый за ними надзор не в состоянии предупредить совершаемые ими правонарушения.

Эти и другие факты, связанные с совершением отдельными осужденными в процессе отбывания ими наказания правонарушений и преступлений, указывают на то, что поставленная в законе цель частного предупреждения не достигается в полном объеме. Анализ причин делинквентного поведения осужденных в процессе отбывания ими наказания свидетельствует о том, что в отдельных ИУ недостаточно организовано размещение преступников, надзор за их поведением и другие меры, обеспечивающие безопасность содержания осужденных. Негативное влияние на поведение осужденных, в том числе и противоправное, в местах лишения свободы опосредованно оказывает и отсутствие надлежащих коммунально-бытовых условий, слабое медицинское обслуживание и т.д.

Известно, что большое количество осужденных, содержащихся в исправительных колониях, закономерно предполагает статусное разделение сообщества преступников на различные группы и другие неформальные образования, вследствие чего между такими образованиями происходит ожесточенная борьба за право занять лидирующее положение, доминировать в этой среде. Указанные проявления зачастую сопровождаются совершением различных правонарушений.

По нашему мнению, в целях решения вопросов частной превенции необходимо основываться, прежде всего, на том, насколько профилактические возможности ИУ способны обезопасить граждан, осужденных и персонал колоний от возможных посягательств на их жизнь, здоровье, честь и достоинство. Именно поэтому основным условием при решении задачи частного предупреждения в условиях изоляции должно быть разобщение групп осужденных на категории, исходя, прежде всего, из их поведения, отношения к наказанию, степени общественной опасности. Именно с помощью такой работы возможно с максимальной эффективностью исключить проявление в среде преступников различных негативных процессов, включая совершение ими преступлений.

Более того, для решения такой задачи также необходимы и иные предупредительные мероприятия. Безусловно, это дело весьма сложное. Вместе с тем, известно, что в условиях изоляции обеспечение мер превентивного характера пол-

ностью возлагается на органы и учреждения УИС. В этой связи, не создав необходимых для выполнения поставленной цели условий, решать эту проблему в настоящем крайне сложно.

Наиболее перспективным в этом деле, нам видится переход содержания осужденных в местах лишения свободы от общих условий содержания и работы к изолированным условиям, связанным с размещением осужденных в жилых помещениях и производственных цехах по несколько человек, особенно на начальном этапе отбывания наказания. В частности, в настоящее время законодателем разграничены условия отбывания наказания осужденными, согласно которым в местах лишения свободы осужденные могут находиться в обычных, облегченных и строгих условиях отбывания наказания, предусмотренных видом режима данной колонии (ст. 87 УИК РФ). Отсюда, как одно из наиболее эффективных направлений в профилактике правонарушений в условиях изоляции, нам видится уменьшение численности осужденных в отряде, и, соответственно, изменение условий их содержания, прежде всего, исходя из численности.

В перспективе, на наш взгляд, необходимо отказаться от содержания и размещения осужденных в отрядах как структурных образованиях. По нашему мнению, вероятно, правильнее будет вместо отряда создать, например, секторы, блоки и т.п. В каждом секторе должно размещаться, исходя из требований педагогики и психологии, не более 15–20 осужденных. При таком объединении отдельным осужденным сложнее будет проявить свое превосходство над другими в сообществе, завоевать «авторитет», создать группу отрицательной направленности поведения и т.д. Более того, у администрации колонии в таких условиях будет больше возможностей не только контролировать поведение осужденных, но и выявлять их отрицательные намерения, а также проводить различные мероприятия, например, режимные, воспитательные и т.п. В конечном итоге, появится больше возможностей решать проблемы именно предупреждения совершения новых преступлений как цели наказания, поэтому наличие в местах лишения свободы обычных, облегченных и строгих условий отбывания наказания, это всего лишь шаг к разрешению межличностных проблем, возникающих в среде осужденных, которые в полном объеме, как показывает практика, не способны решить задачу частной превенции, поскольку у них тот же основной недостаток – они по-прежнему не исключают консолидацию осужденных, хотя и в весьма ограниченных рамках.

Достаточно уязвимой, на наш взгляд, является также и цель общего предупреждения совершения преступлений, а именно, непонятно, на какие категории граждан она ориентирована. Закон, к сожалению, также этого не раскрывает. В этой связи небезынтересны положения Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года, где четко указывалось, что лишение свободы и принудительные работы без содержания под стражей имеют целью как общее предупреждение со стороны неустойчивых элементов общества, так и

дальнейших посягательств преступника и обязательно соединяются с мерами исправительно-трудового воздействия. В данном случае закон ориентировал общее предупреждение в отношении неустойчивых элементов общества. Рассматривая этот вопрос, профессор Н.А. Стручков отмечал, что «Общее предупреждение выражается в том воздействии, которое наказание оказывает на лиц подвергнутых ему», полагая, что суровое осуждение является наглядным уроком для других людей, способных пойти по преступному пути [2, с. 28].

Если исходить из изложенного, то можно сделать вывод, что общее предупреждение, во-первых, направлено в основном на неустойчивых членов общества или точнее, на лиц, способных или склонных совершить преступления. Правда, из смысла анализируемой нормы закона это не усматривается. Во-вторых, не понятно, каким образом цель общей превенции достигается или должна достигаться именно посредством применения лишения свободы? Можно, конечно, предположить, что посредством применения наказания к осужденным государство, таким образом, воздействует на сознание других лиц, в том числе с отклоняющимся поведением. Это воздействие выражается, прежде всего, в физическом изъятии преступника из системы его формальных и неформальных отношений (в семье, коллективе, среди друзей и т.д.) и принудительном его помещении и дальнейшем содержании в условиях изоляции. Далее, испытываемое осужденным карательное воздействие, его страдания и переживания в той или иной форме передаются друзьям, родственникам, членам семьи и т.д., а через них – другим лицам, формируя, таким образом, у них боязнь быть подвергнутым уголовной ответственности и, тем самым, ориентирует их на необходимость соблюдения уголовного закона.

Иными словами, посредством реализации наказания в отношении осужденных осуществляется устрашение других лиц. Как видим, такой подход законодателя не содержит новизны. А если это так, то получается, что цель общей превенции производна и зависит во многом от возможностей применения и карательного содержания наказания, то есть во многом она схожа с имевшей место в истории целью устрашения. Следовательно, хотим мы ставить эту цель в законе или нет, она все равно будет иметь место, прежде всего, потому, что в процессе исполнения наказания обязательно осуществляется карательное воздействие в отношении осужденных. Исходя из этого, теоретически такая цель в любом случае будет иметь место.

В данном случае возникает вопрос лишь о достижимости этой цели, а если она и достигается, то, что необходимо понимать под результатом ее достижения? Условно, конечно, можно предположить, что данная цель достигается тем, что в обществе большинство граждан не совершают преступлений. Вместе с тем, подвергая анализу отдельные условия содержания преступников, например, при анализе условий содержания осужденных в колониях-поселениях, в значении

и достижимости данной цели можно усомниться. Ведь, как известно, карательное воздействие в таких учреждениях практически сведено к минимуму, так же, например, как и при применении условного осуждения, где такое воздействие отсутствует вообще.

В заключение необходимо отметить, что цели, которые ставит общество перед государствен-

Литература:

1. О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в исправительных учреждениях и следственных изоляторах в 2017 году: обзорное письмо ФСИН России от 26 февраля 2018 г. № исх-03-12891.

2. *Стручков Н.А.* Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. М. : Юридическая литература, 1984. 240 с.

ной системой, должны учитывать, прежде всего, возможности системы. Вместе с тем, цели должны быть реальными, осуществимыми и, самое главное, научно обоснованными. Только тогда с большой уверенностью можно говорить об их достижимости. Очевидно также, что для их достижения необходимы не только условия, но и средства, благодаря которым цели будут достигаться.

Literature:

1. About shortcomings of the organization of the mode and ensuring supervision of suspects, defendants and convicts of correctional facilities and pre-trial detention centers in 2017: survey letter of FSIN of Russia of February 26, 2018 №. iskh-03-12891.

2. *Struchkov N.A.* Course of the corrective-labor right. Problems of the general part. M. : Legal literature, 1984. 240 p.

Карлеба Владимир Александрович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры уголовного процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
karleba@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ, ФОРМЫ И СПОСОБЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ ОТ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СССР (1961–1991 гг.)

Аннотация. В статье анализируется состояние борьбы правоохранительных органов СССР с легализацией криминального капитала, который использовался для разрушения экономики страны и ее государственного устройства. В конце XX века руководство СССР должным образом не реагировало на негативные тенденции в экономическом и политическом развитии, а так же на рост экономических преступлений. В тоже время, финансовая составляющая криминальной деятельности практически была вне рамок государственного регулирования, что неизбежно привело к подрыву существующих экономических основ общества, так как криминальные доходы не могли накапливаться и легализоваться в социалистической экономической системе при господстве государственной собственности на средства производства и государственного контроля. Таким образом, коррупция, терроризм и экономическая преступность являлись не определяющими, но существенными факторами изменения государственного устройства страны в конце XX века.

Ключевые слова: индивидуально-трудовая деятельность, частная инициатива, кооперация, теневой капитал, рэкет, взяточничество, криминально-рыночный социализм, криминально-рыночная экономика, кланово-олигархический капитализм, эмиграция криминального капитала, экономическая преступность, легализация преступных доходов, коррупция, терроризм.

В конце 1950-х годов советская экономика начала сталкиваться с трудностями, которые были связаны с жестким централизованным государственным планированием, волюнтаристскими методами хозяйствования и авантюристическими действиями партийного и советского руководства. Усугубляли положение и действующая система распределительных отношений в сфере производства и потребления, а также «ничейная» государственная собственность, набирающая силу криминальная партийно-бюрократическая элита и экономическая преступность.

Vladimir A. Karleba
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of criminal procedure,
Kuban state agricultural university
karleba@mail.ru

FEATURES, FORMS AND METHODS OF MONEY LAUNDERING IN THE USSR (1961–1991)

Annotation. The article analyzes the state of the struggle of law enforcement agencies of the USSR with money laundering which was used to destroy the country's economy and its state structure. At the end of the 20th century, the Soviet leadership did not properly react to the negative trends in the economic and political development, as well as to the growth of economic crimes. At the same time, the financial component of the criminal activity was practically outside the framework of the state regulation which inevitably led to the undermining of the existing economic foundations of the society, since criminal incomes could not be accumulated and legalized in the socialist economic system under the dominance of state ownership on the means of production and state control. Thus, corruption, terrorism and economic criminality were not determining, but essential factors in changing the state structure of the country at the end of the 20th century.

Keywords: sole proprietorship, private enterprise, cooperation, shadow capital, racket, bribery, criminal market socialism, criminal market economy, crony capitalism, emigration of criminal capital, economic crime, money laundering, corruption, terrorism.

Так, в период с 1967–1986 г.г. резко увеличилось количество прорыночных экономических преступлений: нарушение правил о валютных операциях в 5,1 раз (с 263 до 1337), спекуляция в 2,9 раза (с 14336 до 41036), частнопредпринимательское и коммерческое посредничество в 2,3 раза (с 555 до 1241). Взятничество выросло с 2245 до 11408 преступлений (увеличение на 387,7%), должностные хищения с 49827 до 97638 преступлений (увеличение на 147,8 %). Количество зарегистрированных должностных хищений в крупных и особо крупных размерах в 26 раз! (с 484 до 12614) [1].

Одновременно появились «новые методы хозяйствования»: блат, очковтирательство, круговая порука и полуполезальная профессия – толкач [2].

В силу того, что государство не могло удовлетворять в полной мере потребности народа в питании, одежде и жилье, советскому потребителю и руководителям предприятий приходится искать альтернативные источники на стороне, то есть вне прилавков магазинов и складов. Эту функцию поиска, а за одно и легализации денежных средств и иного имущества, взяли на себя представители народившихся криминальных структур.

В конце 1980-х гг. в нелегальном секторе экономики успешно «трудилась» десятки тысяч спекулянтов и мошенников, что скрыть от общественности было уже невозможно, т.к. больше половины населения страны покупало необходимые им товары именно у спекулянтов. Так, цена легковой автомашины на черном рынке превышала в 3 раза розничную цену, продукты питания импортного производства и одежда в 4–5 раз [3].

В указанный период следственными органами МВД и КГБ ежегодно передавались в суды тысячи уголовных дел о хищения в особо крупных размерах, нарушении правил валютных операций, спекуляции и взяточничестве.

Так, в 1979 г. в г. Смоленске на заводе «Кристалл» была обезврежена группа расхитителей алмазов и бриллиантов (42 чел.), руководимая братьями Казаковыми, причинившая ущерб государству на сумму более 13 млн руб.

В начале 1980-х годов прекратила свое существование преступная группировка Пазишвили, Косачева, Хейфица, Евгеньев и других, которые организовали подпольный цех по пошиву трикотажа «под крышей» универсама «Москва» в столице СССР. За пять лет своей преступной деятельности, они причинили ущерб государству на сумму 4,2 млн руб., а суммы взяток, передаваемые московским чиновникам за «покровительство» исчислялись миллионами рублей [4].

В 1982 году была пресечена деятельность организованной преступной группы возглавляемой Бородинкой, которая действовала в системе торговли и общественного питания г. Геленджика Краснодарского края. Общий ущерб составил более 1,5 млн руб. По уголовному делу были привлечены и осуждены 72 человека, изъято и описано имущество на сумму 1,8 млн рублей [5].

Особо надо отметить умелое использование в своих преступных целях спекулянтами, самогонщиками, а так же другими теневиками, государственной компании по борьбе с пьянством и алкоголизмом, объявленной Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» от 7 мая 1985 г. Во исполнение указанного постановления были приняты и другие постановления ЦК и указы Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР по этим вопросам.

В соответствии с указанным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятым 7 мая 1985 г., производство ликероводочных изделий ежегодно сокращалось на 30 млн дал, вина виноградного на 20 млн дал, а плодово-ягодных вин было полностью прекращено с 1988 г.

Со второй половины 1986 г. повсеместно резко возросла реализация сахара, кондитерских изделий, фруктовых соков, томатной пасты и некоторых других продовольственных товаров на самогонварение. Продажа сахара, например, в 1987 г. составила 9280 тыс. тонн и по сравнению с 1985 годом увеличилась на 1430 тыс. тонн, то есть более чем на 18 % . По данным Госкомстата СССР, в 1987 году на самогонварение израсходовано 1,4 млн тонн сахара, что примерно равно 140–150 млн дал самогона, что практически компенсировало сокращение продажи водки и ликероводочных изделий и резко увеличило объем теневых капиталов [6]. В итоге – за три года антиалкогольной кампании экономика страны потеряла не менее 67 млрд руб., [7] которые плавно перетекали в теневую экономику и были легализованы в объявленный период свободы кооперации [8]. По мнению Е.Т. Гайдара, начатая непродуманная борьба с пьянством и алкоголизмом подрывала в государстве «сами основы финансовой стабильности» [9].

Необходимо указать, что начало компании борьбы с пьянством и алкоголизмом совпадает с началом разрушения существующей системы социалистического хозяйствования, с одной стороны, и усиление теневого капитала – с другой.

19 ноября 1986 г. был принят Закон «Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР», который был введен в действие с 1 мая 1987 г. [10], который стал начальным этапом в истории формирования и развития малого и среднего предпринимательства в нашей стране. Он не только легализовал возможность предпринимательской деятельности, но ознаменовал переход страны на рельсы свободного рынка.

26 мая 1988 г. был принят Закон «О кооперации в СССР» [11], разрешивший создание кооперативов во всех сферах народного хозяйства и представлявший значительные льготы и преимущества владельцам кооперативов, что должно было способствовать значительному первоначальному накоплению капитала.

Частная инициатива в виде кооперативного движения замыслилось как средство, способное поднять с колен легкую и пищевую промышленность, сельское хозяйство. Однако для развития кооперативного движения не было ни сырья, ни основных фондов, а поэтому большинство производственных кооперативов размещались непосредственно на территории государственных предприятий, и были удобным механизмом в руках директоров этих предприятий, которые имели свой личный интерес в доходах кооператива. В течение короткого времени кооперативы «лишили» предприятия не только сырья, но и наиболее квалифицированных кадров, по причине более высокой оплаты труда.

В конечном итоге это привело к быстрому снижению поступления налогов в госбюджет и к необходимости компенсировать дефицит государственного бюджета за счет денежной эмиссии. В 1988–1990 г.г. ежегодные вливания бумажных денег составляли более 24 млрд руб., а в 1991 г. ее уровень увеличился в 4,4 раза и составил 106 млрд руб. [12]. Значительная часть этих средств перекочевала в сейфы новых советских кооператоров и теневиков.

В 1988 г. официальное число действующих кооперативов превысило 14 тыс., в следующем возросло в шесть раз. В 1990 г. их количество достигло цифры 130 тыс., а сумма реализованной ими продукции и услуг составила 40 млрд руб. (в 1989 г. – 25 млрд руб.) [13]. К весне 1991 г. в кооперативном секторе работало свыше 7 млн человек, а 1 млн человек взял патент на индивидуальную трудовую деятельность [14].

Процесс разрушения советской государственной экономики, а вместе с ней и государства, резко ускорился после принятия закона о государственном предприятии (объединении) в 1987 г. [15]. Этот закон предусматривал три принципа организации работы предприятия – самостоятельность, самофинансирование и самокупаемость, а поэтому директора государственных предприятий немедленно и поголовно организовали на своих заводах частные малые предприятия, обеспечив их всем необходимым в ущерб основному производству, и стали там «делать деньги». Наряду с постепенной отменой государственных производственных программ и систем государственных поставок, появилась возможность использовать кооперативы и СП не только как форму для организации производственного процесса, но и, прежде всего как форму для организации торговли. Это позволяло не только использовать «свободные цены» до того момента, когда они были официально отпущены, но и, прежде всего, изымать практически всю добавленную стоимость, лишая госпредприятия инвестиционных ресурсов. По средним оценкам сумма «отмываемых» денег была огромной, достигая 70-90 млрд руб. в год [16].

В свою очередь, рэкет и взяточничество чиновников, сводили, на нет, работу законопослушных предпринимателей, которые пытались организовать производство товаров и расширить оказание услуг населению. Имел место и скрытый саботаж в развитии свободного кооперативного движения со стороны отдельных партийных и советских органов, которые использовали правоохранительные органы, как инструмент воздействия на законопослушных частников.

Одним из ярких представителей кооперативного движения был Артем Тарасов – председатель кооператива «Техника», известного крупными финансовыми успехами и не менее крупной тяжбой с государственными финансовыми органами [17].

Большой резонанс получил эпизоды торговли государственно-кооперативным концерном АНТ танками, под видом тягачей, которые были за-

держаны в Новороссийском порту, а так же проведение представителями этого концерна переговоров о продаже 600 истребителей МИГ в одну из Ближневосточных стран. По «непонятному» протекционизму со стороны чиновников, работавших в правительстве СССР, товары и продукция, поставляемые этим концерном за рубеж, освобождались от таможенного досмотра, а сам концерн освобождался от таможенных пошлин и имел практически неограниченные возможности бартерных сделок и безлицензионного экспорта сырья. В скандал были вовлечены многие советские и партийные руководители, в том числе председатель правительства Рыжков Н.И. [18].

В этот же период обострилась проблема обеспечения надежного сохранения «заработанных капиталов». Наиболее надежным местом в этом смысле является пространство за пределами границ страны – отсюда берет начало история невиданного вывоза, а точнее эмиграции криминального капитала из России [19].

Анализируя приведенные данные, можно сделать вывод, что несмотря на принятие законов, расширяющих права предприятий, разрешающих мелкое частное и кооперативное предпринимательство, не были затронуты принципиальные основы командно-распределительной экономики. Одновременно криминал стал экономически независим и легко влиял на коррумпированную политическую власть, обеспечивая себе максимальные выгоды, т.е. в СССР к началу 1990-х г.г. сложился гибрид криминального рынка и социалистической системы хозяйствования – криминально-рыночный социализм.

К концу 1991 г. экономика СССР оказалась в катастрофическом положении. Ускорялось падение производства. Национальный доход по сравнению с 1990 г. уменьшился на 20 %. Дефицит государственного бюджета, т. е. превышение государственных расходов над доходами, составлял, по разным оценкам, от 20 % до 30 % валового внутреннего продукта (ВВП). Нарастание денежной массы в стране привело к потере контроля государства над финансовой системой и гиперинфляции, т.е. инфляция свыше 50 % в месяц, что парализовало экономику. Ускоренный рост зарплат и пособий, начавшийся с 1989 г., увеличил неудовлетворенный спрос, и к концу года большинство товаров исчезло из государственной торговли, но зато втридорога продавалось в коммерческих магазинах и на «черном рынке». За период с 1985 г. по 1991 г. розничные цены выросли почти в три раза. Государственный контроль за ценами не остановил инфляцию. Перебои в снабжении населения различными потребительскими товарами вызвали «кризисы» (табачный, сахарный, водочный) и огромные очереди.

Вводилось нормированное распределение многих продуктов (по талонам). В свою очередь, разложение государственного аппарата вывело на первые роли людей, которые делали карьеру любыми средствами, даже если они противоречили интересам государства и общества. В средствах массовой информации и литератур-

ных источниках об этом достаточно сказано, в частности бывшими сотрудниками служб безопасности президента и правительства А.В. Коржаковым, В.А. Стрелецким и др. [20].

Этот процесс сопровождался и ослаблением государственных институтов, в том числе правоохранительных, а также усилением криминальной деятельности и теневой экономики (на нее приходится около ¼ ВВП) [21].

В силу известных обстоятельств, перечисленные нами факторы не могли не привести к криминальной революции, т.е. захвату власти экономически господствующим криминалом, легализации им своих теневых доходов и их приумножению, а также установлению нового социально-экономического строя, т.е. кланово-олигархического или «дикого капитализма».

Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения Н.П. Шмелева: «То, что наш капитализм «дикий», это, так сказать, медицинский диагноз. ... Мы начинали так, как никто не начинал: с легализованного, авторизованного, чуть ли не принудительного грабежа.» Далее он пишет, что если на Западе период первоначального накопления капитала потребовал несколько поколений, то у нас хватило одного. Это был период воровского бизнеса, «все серьезные деньги на том этапе созданы полукриминальным или чисто криминальным путем» и соответственно была построена криминальная рыночная экономика, где «по уровню ограбления собственного народа мы опередили всех, проходим буквально чуть ли не по первой строке мира» [22].

Исторический опыт России и СССР наглядно показал, какую опасность для государства и общества представляет криминальный капитал, который не остановится ни перед чем, ради утверждения своей власти и сохранения преступных доходов.

В завершении представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Легализация преступных доходов является не традиционным корыстным преступлением, посягающим, прежде всего, на стратегические экономические интересы государства в инвестиционной, финансовой, кредитно-денежной политике, то есть на интересы государства как субъекта экономической деятельности.

2. Наносимый вред общественным отношениям в результате легализации преступного капитала,

Литература:

1. *Лунев В.В.* Преступность XX века. М., 1997. С. 261–262; 264–265.

2. Специалист по заключению выгодных договоров, а также доставанию необходимых товаров и оборудования.

на первый взгляд, не столь очевиден, однако он тесно связан с захватом криминалом экономической, а затем и политической власти.

3. Зарождения российского криминального капитала и его активность приходится на период политических и экономических кризисов, когда государство должным образом не реагировало на негативные тенденции в экономическом и политическом развитии, а так же рост экономических преступлений.

4. Финансовая составляющая криминальной деятельности всегда находится вне рамок государственного регулирования и легко захватывает позиции конкурентов в легитимных рыночных отношениях, что неизбежно приводит к подрыву существующих экономических основ общества.

5. В период с начала и до 90-х гг. XX века в России и СССР доходы от преступной деятельности были ее внутренним продуктом, что объясняется особенностями экономики и государственного устройства страны.

6. Коррупция, терроризм и экономическая преступность, являлись не определяющими, но существенными факторами изменения государственного устройства страны в начале и конце XX века. Криминальные доходы не могли накапливаться и не легализоваться в социалистической экономической системе в связи с господством государственной собственности на средства производства и тотального государственного контроля.

7. Легализация преступных доходов и проникновение их в экономику страны стали возможны в современном в российском обществе, где частная собственность на средства производства и развитие частного предпринимательства создали предпосылки для развития этого криминального бизнеса.

8. Противодействие теневым доходам может быть обеспечено при условии жесткого государственного регулирования экономических отношений, в сочетании с активной борьбой с организованной и экономической преступностью.

9. Современная глобализация товарно-денежных отношений крайне обострила проблемы борьбы с преступными доходами. Владельцы преступно нажитого капитала организованы в международные корпоративные кланы и располагают миллиардными долларовыми доходами, которые способны дезорганизовать мировую экономику.

Literature:

1. *Luneev V.V.* Crime in the 20th Century. M., 1997. P. 261–262; 264–265.

2. Specialist in concluding profitable contracts, as well as obtaining the necessary goods and equipment.

3. Российская организованная преступность: новая угроза? / Пер. с англ. А. Гостенева. М., 2000. С. 86.
4. *Хруцкий Э.* Человек из тени // Московский комсомолец. 2003. 6–12 июля.
5. Уголовное дело № 7 сл-1238/18710 по обвинению Бородкиной Б.Н. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 93–1,17,156 ч. 2, 173 ч. 2 и 174 ч. 2 УК РСФСР; Уголовное дело № 18-1277-83 по обвинению Петридиса, Спиридонова, Урляпова и других (всего 11 человек) в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 93-1,17,156 ч. 2, 173 ч. 2 и 174 ч. 2 УК РСФСР; Уголовное дело № 18-1283-83 по обвинению Куликова в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 173 ч. 2 и 174 ч. 2 УК РСФСР; Уголовное дело № 2-288-83 по обвинению Чуфигина и Дроздова в преступлениях, предусмотренных ст.ст.173 ч. 2 и 174 ч. 2 УК РСФСР; Уголовное дело № 2-288-83 по обвинению Шматова, Митиной в преступлениях, предусмотренных ст.ст.173 ч. 2 и 174 ч. 2 УК РСФСР находятся в архиве Краснодарского краевого суда.
6. *Фроянов И.А.* Погружение в бездну: (Россия на исходе XX века). СПб., 1999. С. 154–155.
7. *Рыжков Н.И.* Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 101; *Абалкин Л.* Трудный перевал // Обратного хода нет. М., 1989. С. 41; *Гайдар Е.* Хозяйственная реформа, первый год // Обратного хода нет. М., 1989. С. 323.
8. По другим подсчетам сумма потерь составила 200 млрд руб.: См.: Черняев А.С. 1991 г. : *Дневник помощника Президента СССР.* М.,1997. С. 157, Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. Политическая история России. От становления самодержавия до падения Советской власти. М., 1999. С. 692.
9. *Гайдар Е.Т.* Дни поражений и побед. М., 1997. С. 42–43.
10. Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР // Закон СССР от 19 нояб. 1986 г. № 6052 XI. Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. 47. Ст. 964.
11. О кооперации в СССР: Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998 XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.
12. *Иноземцев В.Л.* Эмиссия как элемент бюджетной политики // Деньги и кредит. 1992. № 8. С. 51–52.
13. Российская Федерация в 1990 году. Сообщение Госкомстата РСФСР // Экономика и жизнь. 1991. № 6. С. 9.
14. Социально-правовая и криминологическая характеристика преступлений против собственности в условиях приватизации // Криминологические и организационно-правовые проблемы приватизации и введения частной собственности. М. : Академия МВД РФ. 1992. С. 2.
3. Russian Organized Crime: the New Threat? / Translated from English by A. Gosteneva. M., 2000. P. 86.
4. *Khrutsky E.A.* Man from the Shadow // Moscow Komsomolets. 2003. July, 6–12.
5. Criminal Case № 7 сл-1238/18710 of Borodkina B.N. on a charge of crimes provided for by Articles 93–1,17,156 Part 2, 173 Part 2 and 174 Part 2 of the Criminal Code of the RSFSR; Criminal Case № 18-1277-83 of Petridis, Spiridonov, Urlyapov and other (11 people in total) on a charge of crimes provided for by Articles 93–1,17,156 Part 2, 173 Part 2 and 174 Part 2 of the Criminal Code of the RSFSR; Criminal Case №. 18-1283-83 of Kulikov on a charge of crimes provided for by Articles 173 Part 2 and 174 Part 2 of the Criminal Code of the RSFSR; Criminal Case № 2-288-83 of Chufigin and Drozdov on a charge of crimes provided for by Articles Part 2 and 174 Part 2 of the Criminal Code of the RSFSR; Criminal Case № 2-288-83 of Shmatov, Mitina on a charge of crimes provided for by Articles 173 Part 2 and 174 Part 2 of the Criminal Code of the RSFSR are in the archives of the Krasnodar Regional Court.
6. *Froyanov I.A.* Dark Descent: (Russia at the end of the 20th century). SPb., 1999. P. 154–155.
7. *Ryzhkov N.I.* Ten years the great upheavals. Moscow, 1995. P. 101; *Abalkin L.* Difficult Crossing // No Way Back. M., 1989. P. 41; *Gaidar E.* Economic Reform, First Year // No Way Back. M., 1989. P. 323.
8. Based on other estimates, the losses amounted to 200 billion rubles.: Please refer to: Chernyaev A.S. 1991: *Diary of the Assistant to the President of the USSR.* M., 1997. P. 157, Munchaev Sh.M., Ustinov V.M. Political history of Russia. From Formation of Autocracy till Falling of the Soviet Power. M., 1999. P.692.
9. *Gaidar E.T.* Days of Defeat and Victory. M., 1997. P. 42–43.
10. On Sole Proprietorship of the Citizens of the USSR // Law of the USSR dated November 19, 1986 № 6052 XI. Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1986. № 47. Article 964.
11. On Cooperation in the USSR: Law of the USSR dated March 26, 1988 № 8998 XI // Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1988. №.22. Article 355.
12. *Inozemtsev V.L.* Currency Issuance as an Element of the Budgetary Policy // Money and Credit. 1992. № 8. P. 51–52.
13. The Russian Federation in the year 1990. Message from the State Statistic Service of the RSFSR // Economics and Life. 1991. № 6. P. 9.
14. Socio-legal and criminological characteristics of crimes against property in the conditions of privatization // Criminological and organizational-legal problems of privatization and introduction of private property. M. : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1992. P. 2.

15. О государственном предприятии (объединении): Закон СССР от 30 июля 1987 г. № 7284–XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 26. Ст. 385.

16. *Верт Н.* История советского государства. 1990–1991. М., 1992. С. 453.

17. Кооператив «Техника» занимался бартером, отправлял металлолом за границу, а обратно получал компьютеры. Расчет был прост: одна тонна металлолома на внешнем рынке в среднем стоит около 150 долл. США, а на внутреннем рынке максимально 150 рублей. Вполне современный компьютер IBM при цене на внешнем рынке, равной 800 долл. США, может быть продан на внутреннем рынке за 20–25 тысяч рублей. Можно этот компьютер усовершенствовать, добавив заранее заготовленную программу (взятую или купленную за минимальную цену где-либо). Тогда это будет уже «переработанный» товар и его цена повысится до 40 тысяч рублей. Другими словами, от четырех до шести тонн металлолома стоимостью на внутреннем рынке от 500 до 1000 рублей давали возможность получить около 40 тысяч рублей. Один рубль приносил прибыль от 50 до 100 рублей дохода.

18. См.: *Собчак А.А.* Хожение во власть: Рассказ о рождении парламента. М., 1991; *Удачин В.* «Спрут» под семафором // Советская Россия. 1990. 14 января.

19. Основополагающим документов в области ликвидации монополии государства на внешнюю торговлю является Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 991 от 19 августа 1986 г. «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями». Этот нормативный акт внес принципиальные изменения в организационно-правовую структуру внешнеэкономических связей, характеризующиеся как децентрализацию внешней торговли. В дальнейшем были приняты Закон СССР «О валютном регулировании» от 1 марта 1991 г. и Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 года «О валютном регулировании и валютном контроле». Закон 1992 г. оказался очень полезным «теневикам», так как содержал в своих нормах большое количество бланкетных и отсылочных диспозиций, породивших обилие сфер, правовое регулирование которых длительное время ограничивалось одной лишь статьей Закона и создавало возможность неконтролируемого осуществления экспортно-импортных операций, связанных с валютными расчетами. Более подробно см.: Тонусян Г., Викулин А. Легализация денежных средств: проблемы, возможности и необходимость // «Хозяйство и право». 1998. № 10. октябрь. С. 24.

20. *Коржаков А.В.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997; *Стрелецкий В.А.* Мракобесие. М., 1998; *Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.* Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. (Серия: национальный интерес). М., 2005; *Шевьякин А.П.* Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательства. 1945–1991). М., 2003.

15. On the State Enterprise (Association): Law of the USSR dated July 30, 1987 No. 7284–XI // Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1987. № 26. Article 385.

16. *Vert N.* The History of the Soviet State. 1990–1991. M., 1992. P. 453.

17. The cooperative «Tekhnika» was engaged in barter sending scrap metal abroad and receiving computers back. The calculation was simple: one ton of scrap on the foreign market costs about US \$150 on average, and at most 150 rubles on the domestic market. A quite modern IBM computer with a price on the foreign market equal to US \$800 can be sold for 20–25 thousand rubles on the domestic market. You can improve this computer by adding an earlier prepared program (taken or bought somewhere for the minimum price). In this case it will be a «recycled» product and its price will rise to 40 thousand rubles. In other words, from four to six tons of scrap metal costing from 500 to 1000 rubles on the domestic market gave an opportunity to receive about 40 thousand rubles. One ruble brought profit of 50 to 100 rubles.

18. Please refer to: *Sobchak A.A.* Pilgrimage to the Power: The Story about the Birth of the Parliament. M., 1991; *Udachin V.* «Kraken» under a Semaphore // Soviet Russia. 1990. January 14th.

19. The fundamental document in the field of the liquidation of the state's monopoly on the foreign trade is the Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR № 991 Dated August 19, 1986. «On measures to improve the management of foreign economic relations». This regulatory act introduced fundamental changes in the organizational and legal structure of the foreign economic relations characterized as the decentralization of the foreign trade. Later, the Law of the USSR «On Currency Regulation» dated March 1, 1991 and the Law of the Russian Federation dated October 9, 1992 «On Currency Regulation and Currency Control» were adopted. The 1992 law proved to be very useful for «shadow business», as it contained a large number of blanket and referential dispositions in its regulations that gave rise to an abundance of spheres, the legal regulation of which was limited for a long time only by one article of the Law and created the possibility of uncontrolled implementation of export-import transactions related to currency settlements. For more details please refer to: Tonusyan G., Vikulin A. Legalization of Money: Problems, Opportunities and Necessity // Economics and Law. 1998. № 10. October. P. 24.

20. *Korzhakov A.V.* Boris Eltsin: from Dawn to Dusk. Moscow, 1997; *Streletsky V.A.* Obscurantism. M., 1998; *Lisichkin V.A., Shelepin L.A.* Russia under the Rule of Plutocracy. History of the Black Decade. (Series: national interest). M., 2005; *Shevyakin A.P.* Mystery of the Death of the USSR. (The history of conspiracies and betrayals. 1945–1991). M., 2003.

21. Страны и регионы мира 2003. Экономико-политический справочник. / Под ред. А.С. Булатова. М. : «Проспект», 2003. С. 20.

22. *Шмелев Н.П.* От дикого капитализма к общественному договору // Финансовый контроль. 2004. № 4. С. 2.

21. Countries and Regions of the World 2003. Economic and political reference book. / Eds. A.S. Bulatov. M. : «Prospekt», 2003. P. 20.

22. *Shmelev N.P.* From Wild Capitalism to a Social Contract // Financial Control. 2004. № 4. P. 2.

Карпушкин Сергей Михайлович
аспирант кафедры гражданского права,
Санкт-Петербургский
государственный университет
s.m.karpushkin@mail.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНСТИТУТА ВОЗРАЖЕНИЙ (ЭКСЦЕПЦИЙ) В РИМСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Современное право часто оперирует категорией «возражение». Однако далеко не все юристы понимают содержание института возражений. Часто возражения отождествляются с институтами процессуального права. Для более ясного представления о возражениях необходимо изучить историю их возникновения. Истоки возражений, как и многих других правовых явлений континентальной правовой семьи, необходимо искать в римском праве. Возникли ли возражения как правовая категория в легисакционном, формулярном или экстраординарном процессе? Настоящая статья посвящена изучению истории возникновения возражений в римском праве.

Ключевые слова: эксцепции, римское право, возражения, история права

Возражение в римском праве именовалось «*exsertio*». В русской литературе, посвященной римскому праву, употребляется и транслитерированный термин «эксцепция». Именно его для удобства будем использовать при рассмотрении возникновения возражений.

В учебной и научной литературе по римскому праву вопросы эксцепций неизменно освещаются в разделах об исках и иных процессуальных институтах римского права. Это является показательным и, с нашей точки зрения, отчасти такой подход романистов предопределяет современные представления о возражениях, акцент при изучении которых делается на их процессуальном значении. Материально-правовой смысл возражений, соответственно, практически не исследуется.

Многие исследователи указывают на то, что эксцепции возникли в формулярном процессе (вторая половина II в. до н.э.), который в связи с усложнением хозяйственной деятельности и общественных отношений пришел на смену сложному и обрядовому легисакционному процессу.

Следует, однако, уточнить, что речь идет, скорее, об институциональном оформлении эксцепций в период перехода к формулярному процессу. Н.П. Боголепов, ссылаясь на Гая, отмечает, что при легисакционном процессе возражения

Sergei M. Karpushkin
Department of civil law
(Post-graduate Student),
Saint-Petersburg state University
s.m.karpushkin@mail.ru

GENESIS OF THE INSTITUTION OF OBJECTIONS (EXCEPTIONS) IN ROMAN LAW

Annotation. Current law often uses the category «objection». However, not all lawyers understand the content of the institution of objections. Objections are often identified with the institutions of procedural law. The history of objections should be examined for a clearer picture. The origins of objections, like many other legal phenomena of the continental legal family, can be found in Roman law. Did objections arise as a legal category in a legisactional, formal or extraordinary process? This article is intended to analyze the history of objections in Roman law.

Keywords: exceptions, Roman law, objections, history of law

ответчика, тем не менее, принимались во внимание, но существовавший тогда процессуальный механизм не позволял сделать это одновременно с рассмотрением иска [1]. Несправедливость удовлетворения иска при наличии заслуживающих внимания возражений ответчика могла быть устранена иными способами.

Одним из таких способов выступал самостоятельный иск ответчика, по которому он мог, например, истребовать вещь у истца обратно, если она была манципирована истцу-кредитору на условиях *fiducia cum creditore* и виндигирована таким кредитором, несмотря на выплату долга ответчиком. Другим способом удовлетворения потребности в учете возражений ответчика был недопуск истца к возбуждению производства, когда претор заранее исследовал возражения ответчика и находил их правильными [1, с. 326].

По точному замечанию Д.Д. Гримма, эксцепции «играли важную роль в истории римского права, в качестве средств борьбы претора против ригоризма гражданского права» [2, с. 195]. При этом возникновение эксцепций обусловлено дуализмом юридической системы римского права [3] (гражданское право и преторское право).

Исследователи полагают, что доминирующим основанием предоставления эксцепции ответчику являлось собственное понимание магистрата

том справедливости, то есть его собственная власть. В меньшей степени известны примеры, когда эксцепция принималась претором на основании закона или обычая. Так, претор мог учесть в качестве эксцепции ссылку ответчика на закон, который не имел санкции [1].

Как и в случае с другими институтами преторского права, при частом предоставлении в своей практике аналогичных эксцепций претор заранее заносил в свой эдикт наиболее популярные эксцепции, внося тем самым большую ясность и предсказуемость в гражданский процесс.

Кроме чисто процессуального средства защиты ответчика от несправедливого притязания истца, эксцепции играли важную роль в развитии римского частного права, поскольку претор употреблял эксцепцию не только для разрешения по справедливости конкретного спора, но и пользовался эксцепциями как достаточно мягким, в отличие от иска, инструментом для подготовки к реформе. В качестве примера можно привести постепенное ослабление значения обряда манципации для перехода права собственности на отдельные категории вещей. До того, как римское право признало, что передача вещи переносит право собственности и без специального обряда манципации, претор предоставлял ответчику, которому маниципируемая вещь была вручена посредством простой передачи, эксцепцию, которая блокировала удовлетворение виндикационного требования собственника [1].

Развитие института эксцепций ставило перед магистратом необходимость разрешить вопрос о том, каким образом уже истец мог бы защититься против выдвинутой против него эксцепции. Формулярный процесс предусматривал два возможных варианта поведения истца. В случае если истец абсолютно отрицает наличие тех обстоятельств, на которые ссылался в эксцепции ответчик, то каких-либо дополнительных действий со стороны истца не требовалось, поскольку все сводилось уже к процессу доказывания. Однако, «если истец не отрицая права или факта, на котором основывалась эксцепция, противопоставлял свое какое-нибудь право или какой-нибудь факт, при наличии которых эксцепция становилась несправедливой, то это отме-

чалось в формуле» [1, с. 328]. Такие возражения истца, являясь по своей сути эксцепцией на эксцепцию, именовались в римском праве *replicatio*. Например, ответчик, защищаясь против иска, указывает, что по дополнительному договору предусмотрена отсрочка платежа, тогда истец в качестве реплики ссылается на более позднее дополнительное соглашение, которым отсрочка была исключена сторонами.

Против реплики истца также допускалась эксцепция, именуемая *duplicatio*, против которой, в свою очередь, допускалась *triplicatio*, от которой можно было защититься *quaduplicatio* и так далее. Хотя Д.В. Дождев указывает на отсутствие текстов, которые подтверждали бы наличие более длинных цепочек, чем те, которые состояли из эксцепции, репликации и дубликации [4].

Эксцепции появлялись не только на основании материально-правовых фактов или обстоятельств, но и на основании процессуальных соображений. Так, часть формулы, используемая для защиты интересов ответчика и именуемая *praescriptiones pro reo*, в классическом римском праве стала эксцепцией о недопущении предрешения в частном процессе более общего вопроса. В качестве примера приводится спор о вещи, когда истец ссылается на то, что является наследником вещи. Разрешая такой спор, судья «по необходимости должен будет предрешить и вопрос о наследственных правах истца и ответчика, что было бы несправедливо» [1, с. 330]. Поэтому при наличии подобного возражения, либо ответчик соглашался на частный процесс, но без преюдицирующего значения его результатов для разрешения более общего вопроса (например, истец доказывал, что вещь принадлежит ему не в силу наследства, а по иному основанию), либо при невозможности обойтись без решения общего вопроса истец проигрывал этот частный спор [4].

Таким образом, возражения как особый самостоятельный институт появляются в римском преторском праве по причине консерватизма римской юриспруденции, у которой, по мнению С.А. Муромцева, «отсутствовала та смелость, которая необходима для того, чтобы смотреть прямыми глазами на свои поступки» [3, с. 363].

Литература:

1. *Боголепов Н.П.* Учебник истории римского права / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : «Зерцало», 2004.
2. *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права / Под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Издательство «Зерцало», 2003.
3. *Дождев Д.В.* Римское частное право : учебник / Под общ.ред. В.С. Нерсисянца. 3-е изд. М. : Норма : ИНФРА-М, 2015.
4. *Муромцев С.А.* Гражданское право Древнего Рима. М. : Статус, 2003.

Literature:

1. *Bogolepov N.P.* The textbook of history of the Roman right / under the editorship V.A. Tomsinova. M. : Zertsalo, 2004.
2. *Grimm D.D.* Lectures on dogma of the Roman right / under the editorship V.A. Tomsinova. M. : Zertsalo publishing house, 2003.
3. *Dozhdev D.V.* Roman private law: the textbook / under a general edition of V.S. Nersesyants. 3rd prod. M. : Norma : INFRA-M, 2015.
4. *Muromcev S.A.* Civil law of Ancient Rome. M. : Statute, 2003.

Кустова Надежда Константиновна
преподаватель кафедры
специальных дисциплин,
адъюнкт кафедры уголовного права
и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

Nadezhda.K. Kustova
Lecturer of the department
of special disciplines,
Associate of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University
of the MIA of Russia
Milena.555@mail.ru

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕСООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В УК РФ

ON THE ISSUE OF CRIMINALIZATION OF NON-REPORTING OF A CRIME IN THE CRIMINAL CODE OF RUSSIA

Аннотация. На основании анализа позиций ряда отечественных ученых-правоведов, положений зарубежного уголовного законодательства (Голландии, Германии, Польши) в статье рассматривается вопрос о криминологической обоснованности криминализации несообщения о преступлении и подвергается критике установление уголовной ответственности за него в ст. 205.6 УК РФ. Автор формулирует обновленную дефиницию несообщения о преступлении и обосновывает необходимость закрепления уголовной ответственности за него в ст. 316.1 («Несообщение о преступлении»), которой предлагает дополнить УК РФ.

Annotation. On the basis of the analysis of the positions of a number of domestic legal scholars and the provisions of foreign criminal law (Holland, Germany, Poland), the article discusses the issue of the criminological validity of criminalization of non-reporting of a crime and criticizes the establishment of criminal responsibility for it in Art. 205.6 of the Criminal Code of Russia. The author formulates an updated definition of non-reporting of a crime and justifies the need to fix criminal responsibility for him in art. 316.1 («Non-notification of a crime»), which proposes to supplement the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: несообщение о преступлении, недонесение, преступления террористической направленности, криминализация, декриминализация, укрывательство преступлений, соучастие в преступлении.

Keywords: non-reporting of a crime, non-notification, crimes of a terrorist orientation, criminalization, de-criminalization, concealment of crimes, complicity in crime.

В июле 2016 г. в УК РФ появилась ст. 205.6, предусматривающая ответственность за несообщение о преступлении [1]. В ней криминализовано несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ. Введение этой новеллы законодатель обосновал необходимостью применения дополнительных механизмов противодействия террористическим и иным экстремистским проявлениям, способных повысить эффективность выявления, предупреждения и пресечения подобных актов [2].

ственным фактором, продуцирующим данный антагонизм, является значимая нравственная составляющая ответственности за недонесение [3, с. 17]. В определенном смысле реанимирование в УК РФ прикосновенности в форме недоносительства воскрешает в памяти у части авторов негативный опыт политических репрессий советского периода. С другой стороны, они ставят вопрос о нарушении прав и свобод человека, поскольку государство под страхом уголовного преследования требует от граждан активных действий по выполнению государственной функции противодействия преступности.

Тем не менее, криминализация недонесения, хотя бы и в усеченной форме «несообщения о террористических преступлениях», была воспринята представителями российской уголовно-правовой науки неоднозначно. Наиболее суще-

Отдельные специалисты придерживаются позиции, что недонесение охватывается либо укрывательством, либо является соучастием в преступлении [4, с. 15].

Обращает на себя внимание, что оценка криминализации недоносительства неоднозначна и в странах ближнего зарубежья. Так, на взгляд представителя азербайджанской уголовно-

правовой доктрины Г.С. Курбанова, криминализация недоносительства в ст. 3071 УК Азербайджана излишня, ибо оно поглощается другим более опасным действием – укрывательством преступления [5, с. 26–30].

С подобной точкой зрения трудно согласиться, поскольку недоносительство и укрывательство – это традиционно выделяемые самостоятельные формы прикосновенности. При недоносительстве, в отличие от укрывательства, объективная сторона выражается только в бездействии виновного. Можно сказать, что укрывательство и недоносительство выступают как бы самостоятельными стадиями сокрытия преступления или лица, его совершившего. Однако при несообщении о преступлении лицо, которому стало достоверно известно о готовящемся или совершенном преступлении, не выполняет возложенной на него уголовным законом обязанности сообщить уполномоченным государственным органам об известных ему обстоятельствах совершения преступления. При заранее не обещанном укрывательстве бездействие виновного – несообщение о преступлении – сочетается с активной деятельностью по сокрытию этого преступления или лица, его совершившего. Недонеситель, в отличие от укрывателя, своей пассивной позицией напрямую не оказывает помощь субъекту основного преступления в уклонении от уголовного преследования, он лишь не содействует раскрытию преступления или обнаружению виновного, хотя может это осуществить. В этой связи отождествление недоносительства и укрывательства недопустимо.

Говоря об обоснованности криминализации несообщения о преступлении, следует учитывать пагубное воздействие, объективно оказываемое этим деянием на осуществление правосудия и в целом на профилактику преступности. Нельзя не согласиться с Л.Ю. Лариным, что решение законодателя о введении рассматриваемой нормы вполне объяснимо сложной ситуацией на международном уровне в сфере борьбы с терроризмом [6, с. 64]. В литературе справедливо указывается, что криминализация несообщения о террористическом преступлении никаких конституционных прав и свобод человека не нарушает [7, с. 199].

Таким образом, необходимость криминализации несообщения о преступлении обусловлена высокой степенью общественной опасности данного деяния; неблагоприятной криминогенной ситуацией в РФ, требующей вовлеченности всех институтов гражданского общества, в том числе и граждан, в деятельность по предупреждению преступлений; высоким профилактическим потенциалом уголовной ответственности как в отношении недоносителей, так и применительно к снижению уровня латентности преступлений.

Несообщение (недонесение) о готовящемся, совершаемом или совершенном преступном деянии фактически представляет собой невмешательство в преступную деятельность [8, с. 15]. Недонесительство есть несообщение органам власти о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении [9, с. 44].

На наш взгляд, несообщение о совершении преступления – это уклонение лица от предоставления в уполномоченные органы достоверно известной ему информации о готовящемся, совершаемом либо совершенном преступлении, о лице (лицах), готовящем, совершающем или совершившем преступление, а равно сведений о привлечении невинного к уголовной ответственности.

Обращает на себя внимание опыт криминализации несообщения о преступлении в зарубежных государствах. Там, где данное деяние включено в систему наказуемых, прослеживается тенденция криминализации специальных видов несообщения. Так, в ст. 135 УК Голландии предусмотрена ответственность за «несообщение о сговоре совершить» посягательство против жизни и свободы Короля или его супруги; против конституционной формы правления; оказание помощи врагу в военное время; оказание помощи в шпионаже и др. [10]. В ст. 136 Кодекса к наказуемым деяниям отнесено укрывательство сговора в совершении преступлений в условиях военного времени (дезертирство, убийство, изнасилование, похищение и др.). В УК ФРГ в § 138 («Недонесение о запланированных наказуемых деяниях») криминализовано недонесение в отношении не всех преступлений, а четко определенного их круга: подготовки агрессивной войны (§ 80); государственной измены в определенных законом случаях; подделки денежных знаков или ценных бумаг в установленных УК ситуациях; тяжких случаев торговли людьми; умышленного убийства приотягчающих обстоятельствах, убийства или геноцида и ряда иных деяний [11]. В ст. 221 УК Польши предусмотрена ответственность за несообщение о факте несчастного случая на работе или профессиональном заболевании [12].

В ст. 205.6 УК РФ также осуществлена специальная криминализация недоносительства, поскольку оно касается лишь ограниченного круга деяний, определенного в диспозиции нормы. В этой связи возникает вопрос о целесообразности подобного подхода. Так, в литературе отмечается, что перечень преступлений, недонесение о которых влечет уголовную ответственность, неоправданно узок и может быть расширен или дополнен аналогичными составами преступлений по иным наиболее распространенным группам деяний [13, с. 106]. Однако такое предложение тоже нельзя признать рациональным, поскольку загромождение уголовного закона специальными составами нарушает его структуру, перегружает содержание. Несообщение о преступлении или о преступнике посягает на общественные отношения, связанные с деятельностью по осуществлению правосудия и предупреждению преступлений. Поэтому наиболее оптимальный путь, на наш взгляд, связан с закреплением уголовной ответственности за несообщение в отношении любого преступления в единой норме, которую целесообразно разместить в гл. 31 УК РФ («Преступления против правосудия»). Созвучные предложения высказываются и другими авторами [14, с. 89].

На основе приведенных аргументов предлагаются следующие изменения и дополнения уголовного закона:

– отказаться от криминализации в отдельной норме (ст. 205.6 УК РФ) несообщения о террористических преступлениях, поскольку это нарушает систему уголовного закона, построенную исходя из содержания объектов соответствующих посягательств;

– дополнить УК РФ ст. 316.1 следующего содержания:

Литература:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

2. См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru>.

3. *Симонова Ю.И.* Бездействие как форма совершения преступных посягательств: вопросы определения и ответственности (по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 17.

4. *Семькина О.И.* Ответственность за укрывательство преступлений по уголовному праву России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 15.

5. *Курбанов Г.С.* Вопросы совершенствования законодательства Азербайджана о недоносительстве и укрывательстве преступлений // Мониторинг правоприменения. 2016. № 4(21). С. 26–30.

6. *Ларина Л.Ю.* Проблемы уголовной ответственности за несообщение о преступлении // Человеческий капитал. 2016. № 10 (94). С. 64.

7. *Минин Р.В.* Уголовная ответственность за несообщение о террористической деятельности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1(35). С. 66; *Беницкий А.С.* Субъект несообщения о преступлении // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2015. № 2 (21). С. 199.

8. *Шуба Е.С.* Прикосновенность к преступлению: несообщение о преступлении // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 3. С. 15.

«Статья 316.1. Несообщение о преступлении:

1. Несообщение в правоохранительные органы достоверной информации о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении средней тяжести, либо о лице (лицах), которое готовит, совершает или совершило такое преступление, а равно несообщение информации о невиновном привлечении лица к уголовной ответственности – наказывается...

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные в отношении тяжкого или особо тяжкого преступления, – наказываются...».

Literature:

1. About introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding establishment of additional measures of counteraction to terrorism and ensuring public safety: Federal law of July 6, 2016 № 375-FZ // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2016. № 28. Art. 4559.

2. See: The explanatory note to the draft federal law «About Introduction of Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regarding Establishment of Additional Measures of Counteraction to Terrorism and Ensuring Public Safety» // Union of Right Forces ConsultantPlus. URL : <http://www.consultant.ru>

3. *Simonova Yu.I.* Inaction as form of commission of criminal encroachments: questions of definition and responsibility (by the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan) : yew. ... edging. law. sciences. Chelyabinsk, 2011. P. 17.

4. *Semykina O.I.* Responsibility for concealment of crimes on criminal law of Russia: yew. ... edging. law sciences. M., 2003. P. 15.

5. *Kurbanov G.S.* Questions of improvement of the legislation of Azerbaijan of not informing and concealment of crimes // law enforcement Monitoring. 2016. № 4(21). P. 26–30.

6. *Larina L.Yu.* Problems of criminal liability for not message about crime // Human capital. 2016. № 10(94). P. 64.

7. *Minin R.V.* Criminal liability for not message about terrorist activity//Jurisprudence and law-enforcement practice. 2016. № 1(35). P. 66; *Benitsky A.S.* Subject of not message about crime // Vestn. Voronezh. state. un. Ser. : Right. 2015. № 2(21). P. 199.

8. *Schuba E.S.* Prikosnovennost's fur coat to crime: not message about crime // Topical issues of fight against crimes. 2016. № 3. P. 15.

9. *Непранов Р.Г.* Назад в будущее или Уголовный кодекс Российской Федерации 20 лет спустя / Р.Г. Непранов, Н.В. Петрашева // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 1(80). С. 44.

10. Уголовный кодекс Голландии. URL : <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID>

11. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии // Зарубежные уголовные кодексы. URL : <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/>

12. Уголовный кодекс Польши // Зарубежные уголовные кодексы. URL : <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/>

13. *Идрисов Н.Т.* Несообщение о преступлении в применении к наркотическим преступлениям // ECONOMICS AND POLITICS: PROBLEMS AND INNOVATIONS / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. М., 2016. С. 106.

14. *Лачин А.А.* Уголовно-правовые меры по борьбе с терроризмом: несообщение о преступлении / А.А. Лачин, Е.А. Лачина // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 5. Т. 1. С. 89.

9. *Nepranov R.G., Petrasheva N.V.* Back in the future or the Criminal Code of the Russian Federation 20 years later // Yurist-Pravoved. 2017. № 1(80). P. 44.

10. Criminal code of Holland. URL : <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID>

11. Criminal code of the Federal Republic of Germany // Foreign criminal codes. URL : <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/>

12. Criminal code of Poland // Foreign criminal codes. URL : <http://www.crimpravo.ru/page/zar-uk/>

13. *Idrisov N.T.* Not message about crime in application to narcotic crimes//ECONOMICS AND POLITICS: PROBLEMS AND INNOVATIONS / under a general edition of G.Yu. Gulyaev. M., 2016. P. 106.

14. *Lachin A.A.* Criminal and legal measures to combat terrorism: not message about crime / A.A. Lachin, E.A. Lachina // Economy and management: problems, decisions. 2017. № 5. Vol. 1. P. 89.

Мартынова Татьяна Валентиновна
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой
государственно-правовых
и общетеоретических дисциплин,
Кубанский институт
социально-экономики и права (филиал)
ОУП ВО «Академия труда
и социальных отношений»
mtv_krasnodar@mail.ru

Tatyana V. Martynova
Candidate of law, Associate Professor,
Head of the Department
of State-Legal and General
theoretical disciplines,
Kuban Institute
of socio-Economics and law (branch)
OUP VO «Academy of labor
and social relations»
mtv_krasnodar@mail.ru

МОТИВЫ НЕНАВИСТИ ИЛИ ВРАЖДЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ

MOTIVES OF HATRED OR ENMITY IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: HISTORICAL CONTOURS

■ ■ ■
Аннотация. В статье исследуется период становления российского государства и формирование его многонационального состава. С позиции автора подчеркивается своеобразие России, уникальность самосознания ее народа. Уделяется внимание вопросам развития регулирования межнациональных отношений с позиций уголовного законодательства. На основе суждений специалистов делаются выводы.

■ ■ ■
Annotation. The article investigates the period of formation of the Russian state and the formation of its multinational composition. From the point of view of the author emphasizes the originality of Russia, the uniqueness of the identity of its people. Attention is paid to the development of regulation of interethnic relations from the standpoint of criminal law. On the basis of experts' opinions conclusions are made.

■ ■ ■
Ключевые слова: российское государство, правосознание, межнациональные отношения, религиозная нетерпимость, вражда, преступление, наказание, законодательство, уголовная ответственность, уголовная политика.

■ ■ ■
Keywords: Russian state, legal consciousness, interethnic relations, religious intolerance, enmity, crime, punishment, legislation, criminal liability, criminal policy.

■ ■ ■
С момента своего возникновения российское государство формировалось как многонациональное. Расширяя свою территорию, Россия объединила в своем составе много народов, различные языки и культуры. Отметим, что большая часть народов и народностей вошла в состав российского государства фактически добровольно. Очевидно, что данный процесс не мог не создавать трудностей и противоречий ходе становления и развития государства и права в России [1, с. 28].

■ ■ ■
взаимовлияющих друг на друга фактора: ее географическое, климатическое и геополитическое положение [1, с. 29].

Невзирая на то, что Россия, объединяет в своем составе множество этносов, языков и культур, под влиянием внешнего окружения в ней сложились два противоположных взгляда на ее будущее развитие, один из которых выступает за игнорирование российского своеобразия, отказ от самостоятельности, переход в русло «общечеловеческих» ценностей, а другой требует ее самоизоляции, заявляя о ее самодостаточности [2, с. 285].

В силу этого обстоятельства, различные проявления нетерпимости представителей одного народа к другим могли возникать вследствие ограничений прав многочисленных народностей, существовавших в составе России.

В числе причин, которые определяют своеобразие России, уникальность самосознания ее народа, обычно выделяют три взаимосвязанных и

В этом случае из основной массы относительно малочисленной группы, национальной группы, переживающей враждебность к существующему вокруг нее общественному устройству, укладу жизни и сложившемуся мировоззрению большинства населения, начинает обособляться, так называемый, «малый народ», начинает работу, направленную на разрушение или модификацию старого, сложившегося общества.

Национальная обусловленность существования и проявления различных форм национальной нетерпимости определяется, таким образом, особенностями сформировавшегося уклада жизни этого народа.

Рассмотрение развития регулирования межнациональных отношений с позиций законодательства, в том числе и уголовного, показывает, что в течение продолжительного периода российской истории, вплоть до советского периода оно фактически отсутствовало [1, с. 30].

В период зарождения, развития и становления Российского государства сложно говорить о законодательном регулировании межнациональных, межэтнических отношений в целом.

В период Киевской Руси ее государственное устройство определялось христианским правосознанием, а основу национального законодательства составляло церковно-светское право, которое определяло государство и религию неразрывным целым, а всякое деяние, направленное против христианской веры, расценивалось как посягательство на государство и его власть [3, с. 76]. Поэтому в российском праве того времени главное значение приобретала принадлежность человека к религии, а этнические, национальные, расовые и другие различия вообще никак не учитывались в нормативных актах.

Этот подход сохранялся в российском уголовном законодательстве весь дореволюционный период его существования. Любые преступные посягательства, которые содержали в себе признаки с национальной или религиозной нетерпимости либо вражды, расценивались как общеуголовные преступления. Какого-либо усиления ответственности или наказания при их наличии закон не предусматривал.

Впервые нормы уголовного закона, связанные с использованием признаков ненависти и вражды, появляются в российском законодательстве, в советский период его развития.

С установлением государства пролетарской диктатуры возникают уголовно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность за некоторые виды контрреволюционной пропаганды и агитации. В качестве одной из форм такой пропаганды рассматривалось распространение сведений, порочащих или ущемляющих национальные какого-либо народа, подогревание национальной розни, призывы ограничению каких-либо наций и пр. [4, с. 206] Все эти действия расценивались как попытки разрушения одного из стержневых принципов пролетарской диктатуры – интернационализма. Помимо этого, считалось, что усиление национальной вражды используется врагами советского государства с целью ослабления и свержения его власти. Вследствие этого такие действия объявлялись контрреволюционными преступлениями.

Вступивший в действие в 1922 г. первый Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР 1922 г.) содержал норму, которая устанавливала ответственность за преступные посягательства на национальные отношения (ст. 83 УК РСФСР 1922 г.) [5, с. 227]. Эта норма была включена в раздел, предусматривающий уголовную ответственность за совершение преступлений против порядка управления. Уголовная ответственность

в ст. 83 УК РСФСР 1922 г. предусматривалась лишь за возбуждение ненависти и вражды на национальной почве в форме агитации и пропаганды. Данное деяние признавалось контрреволюционным преступлением, которое направлено непосредственно против государства, права и свободы конкретного человека в качестве его объекта не рассматривались.

Помимо криминализации мотива национальной ненависти и вражды, пролетарское государство в начальном периоде своего развития осуществляло уголовную политику, нацеленную на пресечение преступных проявлений по мотивам религиозной ненависти и вражды.

В январе 1918 г. был издан Декрет СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» провозгласивший принцип равных прав граждан вне зависимости от принадлежности к религии. В соответствии с данным положением в ст. 119 УК РСФСР 1922 г. была установлена уголовная ответственность за «использование религиозных предрассудков масс с целью свержения рабоче-крестьянской власти или для возбуждения к сопротивлению ее законам и постановлениям» [6]. Этой нормой предусматривалась уголовная ответственность за распространение каких-либо учений религиозного характера и обеспечивалась охрана общегосударственной атеистической политики.

Таким образом, можно констатировать, что в УК РСФСР 1922 г. был установлен уголовно-правовой запрет на совершение деяний, мотивированных национальной либо религиозной ненавистью и враждой. Несмотря на то, что нормы эти были разрозненными и закреплялись в разных частях УК РСФСР 1922 г. и защищали, в первую очередь, интересы государства, следует признать, что они стали шагом вперед в защите законных прав и интересов отдельных граждан.

В принятом в 1926 г. УК РСФСР [7] (далее УК РСФСР 1926 г.) нормы о преступлениях, совершенных по мотивам национальной и религиозной ненависти и вражды были интегрированы в ст. 87 УК РСФСР 1926 г. и, таким образом, их разрозненность была устранена [8]. Однако использование этих признаков, по-прежнему связывалось исключительно с защитой интересов государства, что соответствовало требованиям уголовной политики того времени. Эта позиция поддерживалась и судебной практикой. Верховный Суд РСФСР неоднократно указывал на необходимость строгого разграничения преступлений посягающих на интересы государства и аналогичные личные интересы, в частности отмечая, совершаемые с национальным и религиозным признаками, указывая на то, что оскорбление личного характера отдельных граждан, пусть даже основанные на национальной и религиозной почве, но не имеющие контрреволюционного, антигосударственного характера и в обстановке, не допускающей возможности расценить такое это деяние как политическое действия недопустимо квалифицировать на основании ст. 59-7 УК РСФСР 1926 г. [9, с. 34–36]. Однако действия, которые были связаны с насилием или издевательством над представителями нацио-

нальных меньшинств, и были направлены против их жизни, прав и свобод трудящихся, а также фактически привели к ограничению прав, предоставленных им социалистическим государством Верховный Суд РСФСР, считал выходящими за пределы ст. 59-7 УК РСФСР 1926 г. и предлагал квалифицировать как контрреволюционное преступление, предусмотренное ст. 58-1 УК РСФСР 1926 г. [9, с. 34–36]

Позднее ст. 11 Закона СССР об уголовной ответственности за государственные преступления от 25 декабря 1958 г. установила уголовную ответственность за агитацию или пропаганду, имеющую целью возбуждение национальной или расовой, розни либо вражды, а также за прямое или косвенное ограничение прав либо установление преимуществ для отдельных граждан, в зависимости от их национальной или расовой принадлежности. Тем, таким образом, унификация данной нормы была завершена и установлена равная ответственность как за посягательство на интересы государства, так и за посягательство на права отдельных граждан. При этом впервые появился признак расовой ненависти или вражды, а признак религиозной ненависти и вражды был исключен из текста уголовно-правовой нормы [10, с. 27]. Данная норма дословно, без каких-либо изменений, была имплементирована в ст. 74 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. [11], установив в российском уголовном законе ответственность не только за агитацию и пропаганду, имеющие целью возбуждение национальной или расовой вражды либо розни, а также за деяния, направленные на ограничение прав либо дискриминацию граждан по национальным или расовым признакам.

В дальнейшем норма ст. 74 УК РСФСР 1960 г. неоднократно изменялась. Она была дополнена рядом квалифицирующих признаков, предусматривавших совершение данного преступления с применением насилия, использованием обмана либо угроз, должностным лицом, а также и особо квалифицирующими признаками, такими как групповой способ совершения, тяжкие последствия в виде гибели людей или иных. В сторону ужесточения изменялись и санкции этой нормы.

27 августа 1993 г. Законом РФ № 5668-1 в число признаков основного состава ст. 74 УК РСФСР 1960 г. был возвращен признак религиозной ненависти и вражды, а также признак пропаганды исключительности или неполноценности гражд-

дан по признаку национальной, расовой или религиозной ненависти, или вражды [12]. Внесение изменений в эту норму было обусловлено принятием Конституции Российской Федерации 1993 г., которое привело к изменению приоритетов российской уголовной политики на первоочередную – охрану конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Новый Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), принятый в 1996 г. в полной мере соответствовал положениям Конституции РФ и изначально содержал в себе нормы, которые были направлены на охрану прав и свобод граждан от посягательств, основанных на национальной, расовой или религиозной ненависти либо вражде. Эти признаки были отнесены законодателем к субъективной стороне соответствующих составов преступлений и сформулированы в форме мотивов ненависти либо вражды, то есть признаков, ранее не использовавшихся в российском уголовном законе.

Первоначальный текст УК РФ содержал указание на данный мотив в качестве конструктивного признака ст. 282 УК РФ, а в качестве квалифицирующего в п. «л» ч. 2 ст. 105; п. «е» ч. 2 ст. 111; п. «е» ч. 2 ст. 112; п. «з» ч. 2 ст. 117; п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ. Кроме того, данный признак содержался в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность и наказание.

Следует заметить, что криминализация перечисленных признаков помимо прочего определялась желанием российского государства периода распада Советского Союза обеспечить стабильность межэтнических, межнациональных и межконфессиональных отношений и исключить любые возможные конфликты, основанные на национальной, расовой или религиозной вражде.

В конце 90-х – начале 2000-х годов в уголовной политике активно стали проявляться тенденции усиления уголовной ответственности за преступления террористического характера, немалое число которых совершались именно как следствие национальной, расовой или религиозной вражды. Эти преступные деяния имели ярко выраженную экстремистскую направленность, отличались дерзостью и жестокостью. Их совершение привело к многочисленным человеческим жертвам. Эти перемены в уголовной политике привели к расширению сферы использования исследуемых признаков в уголовном законе.

Литература:

1. Феномен экстремизма / Под ред. А.А. Козлова. СПб. : СПбГУ, 2000. С. 28.
2. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н.И. Костомаров. М. : Эксмо, 1993. С. 285.
3. Жеребченко А.В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства : дис. ... канд. юрид. наук. М. : РГБ, 2009. С. 76.

Literature:

1. Extremism phenomenon / Under the editorship of A.A. Kozlov. SPb. : St.Petersburg State University, 2000. P. 28.
2. Kostomarov N.I. The Russian history in biographies of her chief figures. M. : Eksmo, 1993. P. 285.
3. Zherebchenko A.V. Criminal liability for arousing hatred or hostility, and humiliation of human dignity is equal : yew ... edging. law sciences. M. : RGB, 2009. P. 76.

4. *Шведков Г.В.* Первый Советский уголовный кодекс. М. : Высшая школа, 1970. С. 206.

5. Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Л. : Наука, 1973. Т. 3. С. 227.

6. Уголовный кодекс РСФСР//СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

7. Уголовный кодекс РСФСР // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

8. УК РСФСР. Комментарий / Под ред. И.Т. Голякова. М. : Госюриздат, 1946. С. 168.

9. *Исаева Т.Б.* Законодательство и наука советского государства о терроризме // История государства и права. 2009. № 1. С. 34–36.

10. Сборник документов по истории уголовного законодательства РСФСР (1953–1991 гг.). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1992. Ч. 1. С. 27.

11. Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

12. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: закон РФ от 27.08.1993 № 5668-1 // РГ. 1993. 9 сент.

4. *Shvedkov G.V.* First Soviet criminal code. M. : The higher school, 1970. P. 206.

5. Course of the Soviet criminal law. Special part. – L. : Science, 1973. V. 3. P. 227.

6. Criminal code of RSFSR // SU of RSFSR. 1922. № 15. Art. 153.

7. Criminal code of RSFSR // SU of RSFSR. 1926. № 80. Art. 600.

8. UK RSFSR. The comment / Under the editorship of I.T. Golyakov. M. : Gosyurizdat, 1946. P. 168.

9. *Isaeva T.B.* Legislation and science of the Soviet state on terrorism // History of state and law. 2009. № 1. P. 34–36.

10. The collection of documents on stories of the criminal legislation of RSFSR (1953-1991). Kazan : Publishing house Kazan. un., 1992. H. 1. P. 27.

11. Criminal code of RSFSR // Sheets of VS RSFSR. 1960. № 40. Art. 591.

12. About modification and additions in the Criminal code of RSFSR, the Code of Criminal Procedure of RSFSR and the Code of RSFSR about administrative offenses: act of the Russian Federation of 27.08.1993 № 5668-1 // RG. 1993. 9 Saint.

Новикова Ольга Владимировна
аспирант кафедры гражданского права,
Российский государственный
университет правосудия
olganovickova@ya.ru

СВОБОДА ДОГОВОРА И НЕОБХОДИМОЕ СОДЕЙСТВИЕ

Аннотация. В статье рассматривается значение принципа свободы договора, изучается природа данного принципа, его отдельные ограничения и необходимость содействия в целях соблюдения принципа свободы договора.

Ключевые слова: договор, принцип свободы договора, ограничение принципа свободы договора, имущественный вред.

На сегодняшний день одним из актуальных вопросов современного частного права являются принципы гражданско-правовых договоров, а именно принцип свободы договора. В России данный принцип является основополагающим, так как одним из важнейших условий реализации договора является его свобода, а также свобода лиц, его заключающих. Значение свободы договора столь велико, что данный принцип получил нормативное закрепление в ст. 1 и ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ).

Принцип свободы договора невозможно не увязать и с иными основополагающими принципами: с равенством участников гражданских правоотношений, их правом на автономию воли, недопустимостью произвольного вмешательства в частные дела. Вступая в гражданские правоотношения, участники оборота должны не только четко формулировать собственные потребности, но и разумно подходить к определению возможных вариантов реализации собственных потребностей.

Понятие свобода договора имеет многоаспектный характер. В соответствии со ст.1 ГК РФ свобода договора является одним из основных начал гражданского законодательства, то есть – принципом гражданского права, который лежит в основе регулирования общественных отношений. Принцип свободы договора – это прямо закрепленное в законе основное начало гражданского права, устанавливающее для субъектов договорных отношений свободу договора, свободу выбора вида заключаемого договора, свободу в определении его условий [2, 838].

Принцип свободы договора как основное начало гражданского законодательства гарантирует его участникам возможность заключения любых гражданско-правовых договоров, формирования любых условий договора, а также возможность

Olga V. Novikova
Postgraduate Student
Department of Civil Law,
Russian University of Justice
olganovickova@ya.ru

FREEDOM OF THE AGREEMENT AND NECESSARY ASSISTANCE

Annotation. In article the value of a liberty principle of the agreement is considered, the nature of this principle, his separate restrictions and need of assistance for the purpose of observance of a liberty principle of the agreement is studied.

Keywords: agreement, agreement liberty principle, restriction of a liberty principle of the agreement, property harm.

выбора контрагента по договору. Такие элементы принципа являются необходимыми и закреплены в ст. 421 ГК РФ.

Раскроем более подробно составляющие принципа свободы договора.

Во-первых, подразумевается, что субъекты самостоятельно определяют необходимость заключения договора, то есть решают вопрос о том, вступать ли им в договорные отношения друг с другом, поскольку никто из них не обязан вступать в договор против своей воли.

Во-вторых, свобода договора означает, что стороны вправе заключить договор как предусмотренный, так и непредусмотренный законом или правовыми актами. Иными словами, субъекты гражданского оборота сами решают, какой договор им заключить.

В-третьих, свобода договора заключается в том, что стороны вправе заключить такое соглашение, которое содержит элементы различных договоров, так называемые смешанные договоры.

В-четвертых, свобода договора проявляется в праве сторон определить содержание условий договора по собственному усмотрению, за исключением случаев, когда иное прямо предусмотрено законом или иными правовыми актами.

Анализируя принцип свободы договора, необходимо отметить, что свобода не является безграничной. Так, граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им юридически права (п. 1 ст. 9 ГК РФ). Но данное усмотрение имеет пределы, так как каждое субъективное право есть определенная мера дозволенного определения, а безграничных прав не может быть. Таким образом, ограничения свободы договора объективно необходимы. В первую очередь, абсолютная свобода участников гражданских пра-

воотношений сдерживается и ограничивается самим законом. А беспредел в договорном праве приведет к злоупотреблениям правами, анархии в экономике, в конечном счете – к подрыву государственности. Безусловно, участники оборота обязаны следовать установленным ограничениям.

К ряду основных целей ограничения свободы договора следует выделить защиту: основ нравственности, публичного интереса, интересов третьих лиц [1, 157].

Свобода договора в соответствии с законом ограничивается в случаях, когда:

- 1) заключение договора является обязательным для одной из сторон;
- 2) тем или иным субъектам запрещено заключение договоров определенных видов;
- 3) какая-либо из сторон ограничена или лишена возможности участвовать в выработке условий договора [2, 842].

Кроме того, в качестве общего правила устанавливается, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Таким образом, ограничение свободы договора в гражданско-правовом обороте должны отвечать требованиям справедливости, быть соразмерны конституционно значимым целям защиты соответствующих прав и законных интересов и основываться на законе. Ограничение свободы договора как одного из общих начал гражданского законодательства в конечном счете является и ограничением конституционных прав и свобод, прежде всего, свободы экономической деятельности [2, 850].

Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в п. 3

Литература:

1. *Доброва Е.Ю.* Принцип свободы договора и его ограничение. Актуальные проблемы в праве XXI века // Материалы межвузовской научно-практической студенческой конференции. М. : Изд. РУДН, 2012. 341 с.
2. *Сергеев А.П.* Гражданское право : учеб. в 3 т. / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева и др.; Под ред. А.П. Сергеева. М. : РГ-Пресс, 2013. Т. 1. 1008 с.

ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплена обязанность сторон, оказывать друг другу необходимое содействие для достижения цели обязательства. Внесением таких изменений законодатель подчеркнул значение принципа содействия сторон в качестве общего принципа обязательственного права. Ранее, обязанность оказывать содействие упоминалась в ГК РФ только в отношении отдельных видов договоров, а именно: в положениях о договоре подряда (ст. 718 ГК РФ) и его разновидностях – договоре строительного подряда (ст. 750 ГК РФ) и договоре подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (ст. 761 ГК РФ), а также о договорах возмездного оказания услуг (в силу применения общих положений о подряде в соответствии со ст. 783 ГК РФ) и коммерческой концессии (ст. 1031 ГК РФ).

О том, что рассматриваемый принцип является общим обязательственно-правовым, помимо п. 3 ст. 307 ГК РФ, свидетельствует, и применение в случае его нарушения правил части первой ГК РФ о вине и просрочке кредитора. Согласно ст. 404 ГК РФ суд вправе уменьшить размер ответственности должника, если кредитор не принял разумных мер к уменьшению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением. В соответствии со ст. 406 ГК РФ кредитор считается просрочившим, если он не совершил действий, до совершения которых должник не мог исполнить своего обязательства, что и представляет собой неисполнение обязанности по оказанию должнику содействия.

Таким образом, в настоящее время стороны договора обязаны оказывать друг другу необходимое содействие в целях соблюдения принципа свободы договора.

Literature:

1. *Dobrova E.Yu.* Liberty principle of the agreement and its restriction. Current problems in the right of the 21st century // Materials of an interuniversity scientific and practical student's conference. M. : Prod. RUDN, 2012. 341 p.
2. *Sergeyev A.P.* Civil law : studies.: in 3 v. / E.N. Abramova, N.N. Averchenko, Yu.V. Bayguшева etc.; under the editorship of A.P. Sergeyev. M. : RG-Press, 2013. V. 1. 1008 p.

Петровский Антон Владимирович
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Anton V.Petrovskiy
Candidate of Law, Docent,
Assistant Professor
at the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, РЕГУЛИРУЕМЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

SOCIAL INTERACTIONS WHICH GOVERN BY CRIMINOLOGICAL LEGISLATION

Аннотация. Анализируя положения российского криминологического законодательства, представляющего собой на современном этапе межотраслевую формацию, автор в статье предпринял попытку сформулировать, какие общественные отношения должны регулироваться данным институтом отечественного законодательства.

Ключевые слова: криминологическое законодательство, общественные отношения, правовое регулирование

Annotation. Analyzing the provisions of the Russian criminological legislation, which at the present stage is an intersectoral formation, an attempt is made to formulate what social relations should be regulated by this institution of Russian legislation.

Keywords: criminological legislation, social interactions, legal regulation

Правовое регулирование – это правовое упорядочение общественных отношений и воздействие правовой формы на социальное содержание [1]; влияние норм права на общественные отношения юридическими средствами, непосредственно предусмотренными в этих правовых нормах и предполагающее установление конкретных прав и обязанностей субъектам правоотношений [2]; воздействие права на общественные с помощью правовых средств, способов и методов [3]. Приведенные определения позволяют сделать вывод о том, что под правовым регулированием понимается деятельность федеральных, региональных, муниципальных и социальных институтов по упорядочиванию общественных отношений путем применения правовых норм и принятия управленческих решений в целях разрешения вопросов, возникающих в объективной реальности. В нашем случае правовое регулирование криминологической деятельности есть нормативно-управленческое воздействие федеральных органов государственной власти, исполнительной власти субъектов, администраций муниципальных образований, коммерческих и общественных организаций на возникающие социальные отношения в сфере познания преступности и ее детерминантов, а также предупреждения (профилактики) правонарушений (преступлений) с целью их упорядочивания. Идеальным будет такое нормативно-управленческое воздействие, которое подразумевает влияние на общественные отношения не только нормативно-правовыми средствами

(формальными институтами), но и социально-правовыми явлениями, такими как правовая культура, правосознание, традиционными институтами (неформальными институтами).

Границами правового регулирования криминологического законодательства будут пределы нормативно-управленческого воздействия на государственные, общественные, частные интересы и отношения, которые возникают в связи с необходимостью анализа и изучения преступности, как социального явления, преступного поведения индивидуума, криминогенных детерминантов преступности и индивидуального преступного поведения, осуществления общей, групповой и частной превенции на основе положений норм криминологического законодательства и смежных общепрофилактических отраслей российского права (законодательства о противодействии преступности) [4].

Основные пределы правового регулирования криминологическим законодательством общественных отношений можно различать как общие и специальные, где отличительным признаком будет граница вмешательства. Предполагается, что специально-криминологические общественные отношения не подлежат урегулированию с помощью отраслей административного, уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Так как всеобщей материальной основой права являются развивающиеся общественные отношения, то и для нормативного регулирования криминологической

деятельности необходимо определить перечень источников, которые можно разделить на международные, национально-федеральные, ведомственные, региональные и муниципальные. Эти источники образуют совокупность нормативных актов, которые могут регулировать криминологическую деятельность, являясь межотраслевой формацией, имеющей тенденции к обособлению.

Выделяемые профессором М.П. Клейменовым три вида правоотношений, которые создают совокупность предмета криминологического регулирования представляют собой:

– экспертно-аналитические правоотношения возникающие между государственными органами и субъектами антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, между заказчиками и исполнителями криминологических исследований;

– профилактические отношения, существующие между субъектами профилактической деятельности и объектами профилактического воздействия;

– охранительные правоотношения, возникающие в публичной и частной сферах общества и государства в связи с обеспечением криминологической безопасности [5].

Рассматривая определение предмета криминологического права, предложенное М.П. Клейменовым, можно согласиться с тем, что данная отрасль может регулировать общественные отношения, связанные с изучением и анализом негативных социальных явлений, а также криминологической экспертизой нормативных правовых актов процессам, а вот отнесение к предмету регулирования правоотношений, связанных с установлением и реализацией мер по обеспечению мер безопасности личности, общества и государства от угроз криминального характера, включение комплексной деятельности по противодействию общественно опасным деяниям, негативным социальным явлениям наделяет широкими регулятивными и охранительными функциями криминологическое право и пересекается с другими отраслями, особенно с полицейским правом [6]. Несколько иная точка зрения у В.Н. Орлова, который к предмету криминологического права относит общие положения криминологического права, нормы, определяющие преступность, криминальную виктимность, их причины, условия предупреждения, перечень деяний являющихся антиобщественными, противоправными, криминально-виктимными, существующие меры предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением, причины, условия и процесс предупреждения антиобщественного поведения, противоправного и криминально-виктимного поведения, криминологическую ответственность, систему и виды мер предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением, составы применения и отбывания мер предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением, про-

цесс производства по делам об антиобщественном поведении и предупредительного воздействия, положения частных криминологических учений, норм регулирующих всю систему предупреждения антиобщественного, противоправного и криминально-виктимного поведения, преступности и криминальной виктимности, отдельные типы, виды, а также меры в сфере борьбы с антиобщественным, противоправным, криминально-виктимным поведением, преступностью и криминальной виктимностью [7].

Пределы правового регулирования будут зависеть от общепреventивных и специально-криминологических функций. Последние определяются как криминологическая деятельность органов государственной и муниципальной власти в лице их должностных лиц, охранных коммерческих организаций, некоммерческих организаций и физических лиц. Ее пределы зависят от содержания правового регулирования и воздействия, где у должностных лиц и представителей охранных организаций это функциональная обязанность действовать в силу закона и (или) договора, а у некоммерческих организаций и граждан это добровольное волеизъявление и поведение. Вся эта деятельность должна регулироваться системой источников, которые будут являться фундаментом правового регулирования всех возникающих общественных отношений в будущем.

Говоря о криминологическом законодательстве, необходимо вновь вернуться к предмету науки криминологии и используемой наукой терминологии. В предмет криминологии входят понятия – преступность, криминологические детерминанты, личность преступника и разрабатываемые на основе их изучения меры предупреждения преступности. Криминология представляет собой, не только систему знаний о преступности, но систему познания преступности. Практическая значимость криминологии заключается

– в разработке программ и стратегий противодействия преступности на государственном и региональном уровнях;

– в разработке рекомендаций, направленных на предупреждение преступлений, мер по нейтрализации криминогенных факторов, и усиления влияния на преступность антикриминогенных явлений [8];

– в оценке социальной обусловленности и результативности эффективности уголовного законодательства, совершенствовании правоохранительной детальности [9];

– в сборе максимальной информации о преступности, ее детерминантах и личностных особенностях преступников и основе полученных данных формулирование научных теоретических положений для организации предупредительной деятельности [10].

Оптимальная превентивная деятельность может быть основана, прежде всего, на объективной, полной и всесторонней информации о законо-

мерностях преступности и ее детерминантах. Все это позволяет говорить о том, что нормативная регламентация необходима не только для организации предупредительных мероприятий, детализации объектов предупреждения и установления прав и обязанностей субъектов, но и для регламентации порядка сбора и хранения информации о качественных и количественных характеристиках преступности, о личностях совершивших преступления, о лицах ведущих антиобщественный образ жизни и находящихся на профилактическом учете, жертвах преступлений, качественных и количественных особенностях правонарушений совершаемых в РФ и в регио-

Литература:

1. Теория государства и права : учебник / Под ред. проф. А.В. Малько и проф. А.Ю. Саломатина. СПб. : «Юридический центр Пресс», 2007. С. 354.
2. Старков О.В. Теория государства и права: учебник / О.В. Старков, И.В. Упоров; Под общ. ред. О.В. Старкова. М., 2012. С. 298–297.
3. Рассказов Л.П. Теория права и государства : учебник для вузов. 2-е изд. М. : РИОР, 2009. С. 402.
4. Гончаров Д.Ю. О соотношении «уголовно-правового» и «криминологического» в законодательстве о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3(38). С. 85–86.
5. Клейменов М.П. Криминологическое законодательство и криминологическое право в России // LEX RUSSIA : журнал Московского государственного юридического университета. 2017. № 2 (135). С. 156.
6. Клейменов М.П. Криминологическое законодательство // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1(50). С. 179–184.
7. Орлов В.Н. Основы криминологического права : учебник. М. : МГЮУ им. О.Е. Кутафина, Криминологическая библиотека. 2016. С. 20–21.
8. Аванесов Г.А. Криминология : учебник для студентов вузов / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев, Н.Д. Эриашвили; Под ред. Г.А. Аванесова. 3-е изд. перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2005. С. 28.
9. Клейменов М.П. Криминология в современном мире / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 1. С. 5–13.
10. Номоконов В.А. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2010. Т. 10. № 3. С. 438–446.

нах, методиках организации и проведения мониторинга криминогенных детерминантов и криминальной обстановки, основания и порядка оказания виктимологической помощи, ресоциализации криминогенных групп населения, правил и системы сбора неперсонифицированной криминологической информации. Ограничивать криминологическое законодательство, только регулированием отношений в сфере порядка организации предупреждения преступлений и правонарушений не совсем верно. Данное законодательство должно регулировать отношения в сфере криминологической деятельности всех соответствующих субъектов.

Literature:

1. Theory of the state and right: the textbook / under the editorship of the prof. A.V. Malko and the prof. A.Yu. Salomatin. SPb. : «The legal Press center», 2007. P. 354.
2. Starkov O.V. Theory of the state and right: the textbook / O.V. Starkov, I.V. Emphasis; under a general edition of O.V. Starkov. M., 2012. P. 298–297.
3. Rasskazov L.P. Theory of the right and state : the textbook for higher education institutions. 2nd prod. M. : RIOR, 2009. P. 402.
4. Gonharov D.Yu. About a ratio «criminal and legal» and «criminological» in the legislation on crime counteraction // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2015. № 3(38). P. 85–86.
5. Kleymenov M.P. The criminological legislation and the criminological right in Russia // LEX RUSSIA : magazine of the Moscow state legal university. 2017. № 2 (135). P. 156.
6. Kleymenov M.P. Criminological legislation // Messenger of the Omsk university. Series «Right». 2017. № 1(50). P. 179–184.
7. Orlov V.N. Bases of the criminological right: textbook. M. : MGYuU of O.E. Kutafin, Criminological library. 2016. P. 20–21.
8. Avanesov G.A. Criminology : the textbook for students of higher education institutions / G.A. Avanesov, S.M. Inshakov, S.Ya. Lebedev, N.D. Eriashvili; under the editorship of G.A. Avanesov. 3rd prod. reslave. and additional. M. : Unity Dana, 2005. P. 28.
9. Kleymenov M.P. Criminology in the modern world / M.P. Kleymenov, I.M. Kleymenov // The Criminological magazine of the Baikal state university of economy and the right. 2011. № 1. P. 5–13.
10. Nomokonov V.A. About criminality of the Russian policy in the sphere of fight against crime // The All-Russian criminological magazine. 2010. V. 10. № 3. P. 438–446.

Половинкин Валерий Анатольевич
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социологии
и управления персоналом,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
milena.555@mail.ru

Дворжицкая Марина Андреевна
адъюнкт кафедры уголовного права,
Санкт-Петербургский
университет МВД России
dvorzhickaya91@mail.ru

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Аннотация. В статье раскрываются нравственные аспекты уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению. Отражены основные проблемы, связанные с моральным содержанием норм о прикосновенности. Обосновывается необходимость привлечения к уголовной ответственности за прикосновенные деяния. Указывается, что нравственное содержание уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению, прежде всего, исходит из ее сущности.

Ключевые слова: преступление, прикосновенность, несообщение, укрывательство, попустительство, нравственность.

Под прикосновенностью к преступлению понимается деяние, возникающее по поводу и на основании основного общественно-опасного посягательства, совершенное лицом, обладающим достоверными сведениями о нем, ответственность за которое предусмотрена в специально предусмотренных законом случаях.

Прикосновенность к преступлению представляет не только модель совершения преступления, но также подразделяется на формы, через которые она реализуется в самостоятельных преступлениях. Традиционно в науке уголовного права к ним относились: укрывательство, несообщение и попустительство.

Нравственное содержание уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению, прежде всего, исходит из ее сущности. Прикосновенные деяния нарушают реализацию конституционного принципа справедливости и, выте-

Valery A. Polovinkin
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor, Associate Professor
of personnel management,
St. Petersburg state
economic university
milena.555@mail.ru

Marina A. Dvorzhitskaya
Graduated in a military academy
of department of the criminal law,
St. Petersburg university Ministry
of Internal Affairs
of Russia Russian Federation
dvorzhickaya91@mail.ru

MORAL ASPECTS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR IMPLICATION TO A CRIME

Annotation. This article reveals the moral aspects of criminal responsibility for the implication of the crime. The main problems, associated with the moral content of the rules of implication, are reflected. The necessity of bringing to criminal responsibility for indirect actions is justified. It is pointed out that the moral content of the criminal responsibility for the implication to the crime, first of all, comes from its essence.

Keywords: crime, implication, failure, concealment, acquiescence, morality.

кающего из него, принципа неотвратимости уголовной ответственности. Следует согласиться с Л.С. Малаховой, что «положение, при котором около половины преступлений, а по некоторым видам их преобладающая часть остается нераскрытой, противоречит требованию справедливости. Зло, причиненное преступником, остается без должного воздаяния, а сам преступник получает возможность совершать новые преступления и остается безнаказанным» [5, с. 106].

На современном этапе развития российского общества в условиях построения демократии, правового государства и формирования гражданского общества принцип неотвратимости уголовной ответственности служит гарантом и средством защиты прав и свобод личности. Лица, попустительствовавшие преступлению, укрывающие его и не сообщающие о нем затрудняют предупреждение преступлений, их своевременное раскрытие, расследование и разрешение уголовных дел по существу.

Значительное число нераскрытых преступлений и безнаказанность преступников порождают неуважение граждан к закону и государственной власти, развитие правового нигилизма и приводят к разложению нравственных ценностей. Ответственность за прикосновенность к преступлению, безусловно, будучи государственным принуждением, ограничивает определенную свободу граждан, однако, ее реализация не приуменшает их чести и достоинства, не создает угрозы для их жизни и здоровья, а наоборот способствует укреплению нравственности в обществе.

Поведение прикосновенных лиц также не представляется нравственно обоснованным. Лица, совершающие прикосновенные деяния, как правило, безучастно присутствуют при совершении преступлений, равнодушно наблюдая за происходящим. Так, например, исследование судебной практики показывает, что в большинстве изученных уголовных дел раскрытатели являлись очевидцами основного преступления, но при этом никакие меры, даже минимальные к его предотвращению не принимали, а равнодушно наблюдали за его совершением. Так, например, И., являясь очевидцем совершенного К. убийства М., совместно с К. спрятал труп М. [1]. Так, М., являясь очевидцем преступления, желая помочь Б. избежать привлечения к уголовной ответственности за убийство Н., помог Б. спрятать труп Н. [2].

К сожалению, равнодушие является одной из проблем современного российского общества, а выражение «гражданский долг» обесценилось и не имеет никакого значения для граждан. Проведенное нами исследование общественного мнения показало, что готовы вступить за лицо, в отношении которого совершается преступление лишь 14 % граждан. Пройти мимо и никуда не сообщить – 48 % граждан. 7 % и вовсе за то, чтобы снять происходящее на телефон и выложить в сеть Интернет. Оставшаяся часть опрошенных, предпочла бы, сделать замечание нарушителю, либо пройти мимо, но сообщить об этом в полицию.

Далее обратимся к наиболее дискуссионной форме прикосновенности – несообщению о преступлении. В действующем УК РФ указанная форма находит отражение в норме статьи 2056 УК РФ «Несообщение о преступлении».

Напомним, что статья 2056 УК РФ была введена в УК РФ Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ. В ней предусмотрена уголовная ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице, которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных рядом статей УК РФ. Этот список включает ряд преступлений против общественной безопасности, против конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности человечества.

В первую очередь, отметим, что название статьи звучит более этично по сравнению с тем, каким оно было в УК РСФСР 1960 года – «Недонесе-

ние о преступлении». Современный законодатель сделал шаг вперед и, вполне справедливо, решил отказаться от экспрессивного слова «недонесение», поскольку недонесительство является словом, производным от другого – «донос», которое воспринимается многими представителями общества как некое негативное явление, а лицо, осуществляющее донос, выступает не как законопослушный гражданин, а как доносчик, «стукач» [4, с. 226–233]. Термин «несообщение о преступлении» не обладает негативным нравственно-этическим оттенком, поэтому его использование в названии статьи 2056 УК РФ вполне логично.

Дискуссия по поводу нравственной стороны несообщения велась на протяжении многих лет. Так, мнения оппонентов разделились на две противоположные точки зрения. Первая заключалась в том, что лицо, сообщая о преступлении, может помочь правоохранительным органам предотвратить его, минимизировать последствия или раскрыть уже совершенное противоправное посягательство. На основании чего сообщение о преступлении является нравственно обусловленным [8, с. 160]. Противоположная точка зрения заключалась в том, что норма о несообщении противоречит нормам морали, принуждает сообщать о лицах из ближайшего окружения (знакомых, товарищах, коллегах), а государство, устанавливая ответственность за несообщение, вмешивается в личную жизнь граждан [3, с. 7].

Ответственность за несообщение о преступлении, как и любое принуждение, ограничивает свободу граждан, однако, ее существование необходимо для их же блага, она способствует как предупреждению преступлений, так и укреплению общественной нравственности. Отсутствие уголовной ответственности за несообщение о преступлении способствует неправильному формированию общественного мнения, падению правосознания, размытию активной позиции граждан, в результате чего воцарению мещанского тезиса «моя хата с краю» [7, с. 279].

Оценка нравственного и безнравственного различна во многих странах на разных этапах их исторического развития. Россия – многонациональное государство, отличающееся большим этнокультурным многообразием, что отражено в Конституции РФ. Российское общество имеет свою мораль, т.е. свои представления о моральных ценностях, в соотношении с которыми оцениваются действия и поступки человека.

В связи с тем, что российское общество многонационально, то соответственно, на фоне общей морали выделяется мораль отдельных национальных групп. Нередко аморальные поступки вызывают большее осуждение в обществе, чем различного рода правонарушения и даже отдельные преступления. Однако, руководствуясь ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, согласно которой все в нашей стране равны перед законом и судом, реформировать законодательство с учетом интересов отдельных национальных групп было бы нецелесообразно.

Также заметим, что право и мораль не всегда совпадают друг с другом. Право может опережать в своем развитии мораль или наоборот. В связи с этим, уместно вспомнить утверждение Г.М. Миньковского, который полагал, что в ряде случаев закон должен идти как бы впереди, служить инструментом формирования привычной правовой позиции членов общества [6, с. 107]. Адекватная криминализация уголовной ответственности за несообщение о преступлении как раз и есть тот случай, когда закон должен опережать современные общественные взгляды, формируя привычную правовую позицию, одобряемую как с моральных, так и с практических точек зрения.

Таким образом, нам представляется возможным сформулировать ряд выводов.

Нравственное содержание уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению исходит из ее сущности.

Литература:

1. Приговор Куйтунского районного Суда Иркутской области от 30 ноября 2016 г. № 1-77/2016.
2. Приговор Липецкого районного Суда Липецкой области от 02 мая 2017 г. № 1-13/2017.
3. *Даурова Т.Г.* Нравственное состояние уголовного права как критерий его эффективности / Т.Г. Даурова; Под ред. Б.Т. Разгильдиева // Эффективность уголовного законодательства РФ и обеспечение задач, стоящих перед ним. Саратов, 2004.
4. *Кулев А.Г.* Несообщение о преступлении: проблемы квалификации и расследования / А.Г. Кулев, А.Ф. Соколов // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики сборник научных статей, посвященный 50-летию юридического института БФУ им. И. Канта, 2007. С. 226–233.
5. *Малахова Л.С.* Нравственность в уголовном судопроизводстве в сфере борьбы с преступностью // Сборник статей международной научно-практической конференции юридические науки, правовое государство и современное законодательство. 2018.
6. *Миньковский Г.М.* О задачах и путях совершенствования научного обеспечения уголовно-правовой борьбы с преступностью // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования общественных отношений : Сб. науч. тр. ВНИИ МВД СССР. М., 1989.
7. Организованная преступность. Проблемы, дискуссии, предложения / Отв. ред. А.И. Долгова, С.В. Дьяков. М., 1989. 352 с.
8. *Пономаренко С.В.* Реализация принципа гуманизма посредством недонесения о готовящемся преступлении // Материалы конференции. СГАП. 2005.

Прикосновенные деяния нарушают реализацию конституционного принципа справедливости и, вытекающего из него, принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Ответственность за прикосновенность к преступлению, безусловно, будучи государственным принуждением, ограничивает определенную свободу граждан, однако, ее адекватная криминализация не приуменьшает их чести и достоинства, не создает угрозы для их жизни и здоровья, а наоборот способствует укреплению нравственности в обществе.

Поведение прикосновенных лиц также не представляется нравственно обоснованным. Лица, совершающие прикосновенные деяния, как правило, являются равнодушными очевидцами совершения преступлений.

Literature:

1. The verdict of the Kuytunsky District Court of the Irkutsk Region dated November 30, 2016 № 1-77/2016.
2. The verdict of the Lipetsk District Court of the Lipetsk Region of May 2, 2017 № 1-13/2017.
3. *Daurova T.G.* Moral state of criminal law as a criterion of its effectiveness / T.G. Daurova; Ed. B.T. Razgildieva // Efficiency of the criminal legislation of the Russian Federation and provision of tasks facing it Saratov, 2004.
4. *Kulev A.G.* Non-reporting about the crime: problems of qualification and investigation / A.G. Kulev, A.F. Sokolov // Modern problems of jurisprudence and law-enforcement practice. A collection of scientific articles dedicated to the 50th anniversary of the Law Institute of the BFU. I. Kant. 2007. P. 226–233.
5. *Malakhova L.S.* Morality in criminal justice in the field of combating crime // Collected articles of the international scientific and practical conference, legal sciences, the rule of law and modern legislation. 2018.
6. *Minsky G.M.* On the tasks and ways to improve the scientific support of the criminal law struggle against crime // Methodological problems of criminal law regulation of social relations : Sat. Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. M., 1989.
7. Organized crime. Problems, discussions, suggestions / Ed. Ed. A.I. Dolgova, S.V. Dyakov. M., 1989. 352 p.
8. *Ponomarenko S.V.* Realization of the principle of humanism through failure to report on the impending crime // Proceedings of the conference. GGAP. 2005.

Прохоров Леонид Александрович
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ,
Заслуженный юрист
Российской Федерации,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Бондарь Елизавета Васильевна
студентка 3 курса
юридического факультета,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ И ИСКАЖЕНИЕ ФАКТОВ О РОЛИ СССР В ПОБЕДЕ НАД ГЕРМАНСКИМ ФАШИЗМОМ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

■ ■ ■

Аннотация. В настоящее время значительно осложнилась международная политическая и экономическая ситуация, усилилась агрессивность фашистских и националистических выступлений, которые сопровождаются грубой фальсификацией исторических событий, ревизией наиболее болезненных для мирового сообщества событий, сопряженных с ведением захватнических войн. Самой кровопролитной считается Вторая мировая война, развязанная германским фашизмом, в результате которой наибольшие человеческие, экономические потери понесли народы Советского Союза. Именно они внесли основной вклад в победу над фашизмом. Но этот вклад, к сожалению, в настоящее время подвергается ревизии, искажению исторических фактов, принижению роли СССР в победе в Великой Отечественной войне. Более того, предпринимаются провокационные попытки представить нашу арию, наших солдат в роли агрессоров. Эта деятельность целенаправленна на уничтожение человеческих ценностей, формирующих патриотизм нации. В статье рассмотрены наиболее провокационные попытки фальсификации и с их учетом сформулированы некоторые предложения по уголовно-правовому противодействию этому явлению

Ключевые слова: вторая мировая война, исторические факты, патриотизм, нация, человеческие ценности, агрессия, фашизм, фальсификация, уголовная ответственность.

■ ■ ■

Leonid A. Prokhorov
Doctor of Jurisprudence, Professor,
Honored Worker of the higher school
of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Kuban State University,
Milena.555@mail.ru

ElizabetaV. Bondar
Student 3 courses
of law department,
Kuban State University,
Milena.555@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR FALSIFICATION OF HISTORICAL DATA AND MISREPRESENTATION ABOUT A ROLE OF THE USSR IN THE VICTORY OVER THE GERMAN FASCISM IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

■ ■ ■

Annotation. Now the international political and economic situation has considerably become complicated, the aggression of fascist and nationalist performances which are followed by rough falsification of historical events, audit of the most painful events for the world community interfaced to conducting aggressive wars has amplified. World War II launched by the German fascism as a result of which the greatest human, economic losses were suffered by the people of the Soviet Union is considered the most bloody. They have made the main contribution to a victory over fascism. But this contribution, unfortunately, is exposed now to audit, distortion of historic facts, belittling of a role of the USSR in a victory in the Great Patriotic War. Moreover, provocative attempts to present our aria, our soldiers as aggressors are made. This activity is purposeful on destruction of the human values forming patriotism of the nation. In article the most provocative attempts of falsification are considered and with their account some offers on criminal legal counteraction to this phenomenon are formulated.

Keywords: World War II, historic facts, patriotism, nation, human values, aggression, fascism, falsification, criminal liability.

■ ■ ■

Проблема сохранения исторической памяти о главнейших исторических событиях российского государства в настоящее время приобретает всё большую актуальность. Одним из таких событий, когда на кону стояла судьба нашего Отечества, является Великая Отечественная война 1941–1945 гг., развязанная германским фашизмом. Эта одна из самых кровопролитных войн была тесно сплетена с судьбой мира, от ее исхода зависела судьба многих государств. Исторически и статистически зафиксировано, что в ее результате наибольшие человеческие, экономические потери понесли народы Советского Союза. Именно они внесли основной вклад в победу над фашизмом. Но этот вклад, к сожалению, в настоящее время подвергается ревизии, искажению исторических фактов, принижению роли СССР в победе в Великой Отечественной войне. У каждого уважающего себя народа есть святыни, которые он чтит, но убрав их, он сравнительно легко может быть стёрт из мировой истории. Для народов России одной из таких святынь является память о Великой Отечественной войне. Однако в последние десятилетия она подвергается искажениям и прямым фальсификациям [1].

Патриотический подъем граждан Российской Федерации в последние годы очень раздражает иностранных «доброжелателей» и мы стали наблюдать тенденцию массовой атаки на нашу историю. Основная цель таких политических выпадов, фальсификаций и искажений истории нашего государства в настоящее время вполне очевидна. Экономические санкции против России играют свою негативную роль. Но для такой страны, обладающей мощным стратегическим потенциалом, они не могут быть решающим оружием. Необходимо политически принизить наше Отечество в представлении народов других государств, на примере второй мировой войны показать агрессивность, поставить на один уровень с фашистской Германией, более того, провести параллель с последующими военными конфликтами в мире. Цель этой клеветнической кампании, как справедливо отмечают В.Г. Кикнадзе и В.В. Ионов, заключается в том, чтобы представить Россию «империей зла, с вековыми традициями деспотии, рабства и мздоимства». При этом важнейшая цель такой политики заключается в том, чтобы отнять у нее героическое прошлое, а у народа – историческую память, сделать Российскую Федерацию изгоем мировой политики, лишить возможности развития как единого государства, оставив её без будущего [2]. Подобная публичная фальсификация истории нашей страны, грубое искажение исторических фактов требует ответных предупредительных мер, так как это чревато серьезными негативными последствиями, подобное уничтожение человеческих ценностей тлетворно влияет на формирование патриотизма нации.

Наглядным примером «нападок» на нашу историю является деятельность созданного в 1991 году Национального комитета США по празднованию 50-й годовщины Победы над Германией во Второй мировой войне. Этим комитетом с участием американских историков был издан

огромным тиражом красочный юбилейный буклет, первый раздел которого назывался «Хроника важнейших событий Второй мировой войны». Показательно, что в приведенном достаточно подробном перечне операций против немецких армий не названы одна из проведенных советскими войсками, ни одна из выигранных крупномасштабных битв, в том числе Московская, Сталинградская, Курская, в которых немецкие вооруженные силы понесли невосполнимые потери и окончательно утратили стратегическую инициативу.

Нельзя не привести следующий вопиющий факт, связанный с созданием канадской студией Relic компьютерной игры «Company of The Heroes 2». Суть этой игры, находящейся в свободном доступе и на территории России, заключается в том, чтобы показывать зверства и бесчинства не фашистов, а бойцов советской армии. Им предоставлена возможность уничтожать местное население на территории своей страны. Игрок может выполнять и роль бойца штрафного батальона, расстреливающего пленных немцев. При этом основная направленность навязываемой игроку мотивации состоит в том, что основными побуждающими мотивами действий солдат РККА является не тот факт, что враг уничтожает их родные дома, их семьи, близких людей, а страх быть расстрелянными «жестокими красными комиссарами» [3].

При анализе сложившейся ситуации приходится констатировать, к сожалению, тот факт, что роль СССР в победе над фашистами принижают не только Западные историки. Некоторые отечественные ученые обвиняют в развязывании второй отечественной войны исключительно собственную страну и, тем самым, пытаются умалить значение советско-германского фронта в разгроме фашизма и нацизма. Эти мнения и «обоснованные выводы» проникают в учебную литературу и средства массовой информации, что наносит сокрушительный удар по воспитанию патриотизма у подрастающей молодежи. Например, в учебник Отечественной истории, рекомендованный Министерством образования и науки РФ, была заложена идея об идентичности советского общественного мировоззрения и нацистской идеологии, коммунизма и фашизма. Авторы посмели назвать главу этого учебника следующим образом – «Советско-нацистская война». Они уже в самом названии формируют позицию, что в тот период имелись два диктатора, два тоталитарных режима, которые боролись за мировое господство! Однако вопреки действительности авторы умалчивают, что мировое господство было нужно только одному – Гитлеру, тогда как советское правительство честно соблюдало условия мирного договора с Германией [4].

Это проявляется:

– в тенденции принижения подвигов советских людей на фронте и в тылу;

– в отсутствии фактических данных о массовом героизме населения нашей страны;

– в искажённом преподнесении итогов и уроков войны в учебных пособиях, что отмечено профессором Академии военных наук РФ В.Ю. Милюковым. Он делает следующие выводы:

– в освещении событий Отечественной войны в учебниках акцент сделан на наших поражениях;

– этот материал подаётся более объёмно и эмоционально.

Такой акцент авторов в освещении хода войны, естественно, вызывает возмущение. В.Ю. Милюков справедливо подчеркивает, что фальсификация исторических фактов, а в особенности фактов, касающихся Великой Отечественной войны, в отечественных учебниках является кощунством. Разве можно допускать, чтобы подрастающее поколение читало книги и учебники, в которых подвергнута сомнению значимость советского народа в победе над фашистами. Оно должно знать, что наша страна не только наиболее пострадала в ходе мировой войны против фашизма, но и внесла наиболее существенный вклад в победу над ним. При этом еще более кощунственно звучат слова, которыми советских солдат называют оккупантами и сообщниками немецких нацистов.

И самое страшное то, что «погружение ценной информации в массив «информационного мусора», наряду с другими приемами, как отмечает Ю.В. Морозов, позволяют манипулировать общественным мнением в выгодном Западом идеологам направлении [5]. Эта идеологическая диверсия, намеренное искажение исторических событий осуществляется через СМИ и систему образования. При этом необходимо напомнить особо вопиющий факт, когда в 90-ые года XX века Министерство образования РФ согласилось принять услуги американского миллиардера Джорджа Сороса по безвозмездному финансированию выпуска школьных учебников по истории. В эти учебные пособия авторы включили негативную информацию обо всех кризисах экономического, политического и социального характера, имевших место в СССР в двадцатом веке. При этом одновременно восхвалялась роль США и некоторых западных стран в финансовой поддержке России в период войны. Итоги Великой Отечественной войны намеренно искажались, победа в этой войне была показана как абсолютный триумф войск англо-американской коалиции.

Таким образом, за деньги зарубежных «инвесторов» была заложена особо опасная, массивная идеологическая диверсия, так как эти учебники используются в российских школах и в настоящее время. Как нам представляется, нельзя спокойно смотреть на наглое, циничное переписывание истории, которое прямо преподносится самому социально незащищенному слою населения – молодежи. Конечно, были ошибки в некоторых решениях Главного командования на первых этапах военных действий, но они были компенсированы героизмом и преданностью советских солдат в боях, невероятными трудовыми подвигами рабочих и колхозников в тылу. Президент Российской Федерации

В.В. Путин всегда особо подчеркивает, что День Победы – это праздник, который всегда был, есть и будет самым дорогим и священным для каждой семьи, для всей нашей страны, праздник общенациональной гордости и вечной, немеркнувшей памяти. Победа в Великой отечественной войне – это великий жертвенный подвиг, который совершил наш солдат и наш народ, он добился победы ценой тяжелейших, невосполнимых потерь, защитил честь и независимость родной земли, благодаря беспримерному мужеству на фронтах и в тылу. Однако сегодня подвиг народа, спасшего Европу и мир от рабства, истребления, от ужасов холокоста, пытаются перечеркнуть, исказить события войны, предать забвению подлинных героев, подделать, переписать, перевернуть саму историю. Мы не позволим сделать это – никогда! Наш долг хранить память о доблести воинов, отдавших свои жизни ради жизни других, о боевом братстве тех, кто противостоял нацизму.

Сложившаяся ситуация требует решить одну из важнейших задач воспитания нынешнего поколения – противодействовать фактам фальсификации отечественной истории. Для предупреждения и пресечения данного вида деятельности необходимо принимать радикальные меры, в том числе уголовно-правового характера. Конечно, российский законодатель уделил внимание этой проблеме, включив в УК РФ ст. 244, регламентирующую ответственность за посягательства против общественной нравственности. Однако содержание общественной нравственности включает различные аспекты, а применительно к основному составу анализируемого преступления – это деяния, сопряженные с надругательством над телами умерших и местами их захоронения. Основное содержание непосредственного объекта основного состава преступления (ч. 1 ст. 244 УК РФ) связано с сохранением наследия прошлого и поддержания связей поколений. Предметом преступления в соответствии с Федеральным законом № 8-ФЗ от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» являются тела умерших, места их захоронения, кладбищенские здания [6].

Однако в ч. 2 ст. 244 УК законодатель расширил сферу действия этой уголовно-правовой нормы. В содержание анализируемого квалифицированного состава преступления включены разные по характеру и степени общественной опасности деяния:

- 1) надругательства над телами умерших и местами их захоронения;
- 2) посягательства в отношении скульптурных, архитектурных сооружений, посвященных борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, либо мест захоронения участников борьбы с фашизмом.

Несомненно, эти действия также наносят особо существенный ущерб общественной нравственности. Но трудно согласиться с тем, что законодатель в одной норме приравнивает осквернение архитектурных сооружений, посвященных борьбе с фашизмом или жертвами фашизма, к надругательствам над телами умерших и местам их захоронения.

Следует отметить, что Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 5 мая 2014 г. № 128-ФЗ Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 3541 «Реабилитация нацизма». Принятие этой уголовно-правовой нормы было обусловлено предпринимавшимися попытками публичного отрицания фактов массового расстрела гражданского населения, уничтожения деревень и сел на оккупированных территориях, которые закреплены Международным военным трибуналом, судившим главных военных преступников. Основная цель этих действий заключается в том, чтобы переложить ответственность за эти преступления на Советский союз.

Объективную сторону состава реабилитации нацизмасоставляют деяния, связанные с распространением заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны. В ч. 3 ст. 3541 УК установлена ответственность:

– *во-первых*, за публичное распространение выражающих явное неуважение сведений о днях воинской славы и памятных датах нашей страны, связанных с защитой Отечества;

– *во-вторых*, за публичное осквернение символов воинской славы России. В этой части рассматриваемый состав преступления в определенной степени перекликается с рассмотренным выше составом, предусмотренным ч. 2 ст. 244 УК РФ. Однако это сходство лишь внешнее, так как родовые объекты, а соответственно, и видовые, совершенно различные. В ст. ст. 3541 УК РФ родовый объект составляют общественные отношения в сфере обеспечения основ существования государств и народов, мирного урегулирования споров и конфликтов между ними, а в 244 УК РФ речь идет об общественных отношениях, складывающихся в сфере общественной нравственности.

Таким образом, уголовно-наказуемыми в ч. 2 ст. 244 УК РФ признаются действия по уничтожению или повреждению символических захоронений, в которых *не покоятся останки конкретных человеческих жертв*. Такой подход законодателя, на наш взгляд, является некорректным. Подобное поведение лица не должно подпадать под действие рассматриваемой уголовно-правовой нормы, его необходимо исключить из содержания диспозиции ч. 2 ст. 244 УК РФ.

Мы считаем, что сложившаяся ситуация требует законодательного закрепления ответственности за фальсификацию истории Великой Отечественной войны и оскорбление памяти погибших, как важнейшей составляющей содержание *общественной нравственности*. Эти деяния нано-

сят значительный вред мировоззрению подрастающего поколения, создают опасность формирования у молодежи ложных представлений о вкладе нашей страны в победу над фашизмом, а также наносят очень серьезный ущерб имиджу страны.

На основе положений части 2 статьи 244 УК РФ, регламентирующей уголовную ответственность за посягательства в отношении скульптурных, архитектурных сооружений, посвященных борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, либо мест захоронения участников борьбы с фашизмом, целесообразно сформулировать самостоятельную уголовно-правовую норму. Для реализации этой идеи нам представляется рациональным согласиться с высказанным в литературе мнением о дополнении Уголовного кодекса РФ статьей 2441 «Фальсификация исторических данных и сведений о Великой Отечественной войне и оскорбление памяти погибших». Мы предлагаем следующую редакцию этой уголовно-правовой нормы:

1. Умышленная фальсификация исторических событий и искажение итогов Великой Отечественной войны, изменение из корыстной или иной личной заинтересованности данных о вкладе советского государства и его многонационального народа в победу во Второй мировой войне, совершенные публично, - наказываются...

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные с использованием средств массовой информации, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» – наказываются...

3. Уничтожение, повреждение или осквернение скульптурного, архитектурного сооружения, посвященного памяти участников Великой Отечественной войны, борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, либо мест захоронения участников войны и борьбы с фашизмом, – наказываются...

В заключение отметим справедливость слов В.Р. Мединского, что законодательное закрепление ответственности за подобные действия будет способствовать сохранению «памяти наших предков». Если такие действия будут пресекаться и наказываться, то наши «либеральные» историки замолчат. Ведь псевдоисторический абсурд, зараженный идеологическим вирусом, если его вовремя не остановить, имеет свойство разрастаться [7].

Литература:

1. *Капто А.С.* Фальсификация как оружие анти-истории. URL : <http://elibrary.ru/download/20446298.pdf>

Literature:

1. *Капто А.С.* Falsification as anti-history weapon. URL : <http://elibrary.ru/download/20446298.pdf>

2. *Кикнадзе В.Г.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Мифы и реальность / В.Г. Кикнадзе, В.В. Ионов. М., 2010. С. 60.

3. *Косаченко Н.А.* К вопросу о фальсификации истории Великой Отечественной войны в Западных СМИ / Н.А. Косаченко, И.Е. Березовский, Д.М. Стародубцев // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки. № 11. С. 6.

4. История России. XX век: 1939–2007 : учебник, «Астрель» и «АСТ» // Под ред. А.Б. Зубова. М., 2009.

5. *Морозов Ю.В.* Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России. URL : <http://rusus.ru/?act=read&id=436>

6. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / Под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 572.

7. *Мединский В.Р.* Священные цифры Сталинграда // Российская газета. 2018. № 7497 (34)..

2. *Kiknadze V.G.* Great Patriotic War of 1941–1945. Myths and reality / V.G. Kiknadze, V.V. Izonov. M., 2010. P. 60.

3. *Kosachenko N.A.* To a question of falsification of history of the Great Patriotic War in the Western media / N.A. Kosachenko, I.E. Berezovsky, D.M. Starodubtsev // Scientific community of students of the XXI century. Social sciences. № 11. P. 6.

4. History of Russia. The XX century : 1939–2007. The textbook, Astrel and «nuclear heating plant» // under the editorship of A.B. Zubov.– M, 2009.

5. *Morozov Yu.V.* Falsification of results of World War II within information fight against Russia. URL : <http://rusus.ru/?act=read&id=436>

6. Russian criminal law. Special part. The textbook for higher education institutions // under the editorship of V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova. M., 2015. P. 572.

7. *Medina V.R.* Sacred figures of Stalingrad // Russian newspaper. 2018. № 7497 (34).

Пятова София Сергеевна
аспирантка кафедры
предпринимательского
и финансового права,
Байкальский государственный
университет,
sofia.pyatova@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ЛИЦ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА

Аннотация. В данной статье автором рассматривается ответственность руководителя должника и иных лиц как контролирующих лиц в деле о банкротстве (ФЗ от 29 июля 2017 № 266-ФЗ): комментарий к отдельным положениям. В статье автор освещает актуальные вопросы, касающиеся ответственности в делах о банкротстве, обращено внимание читателей на недостатки действующего законодательства, а также озвучены некоторые способы защиты прав кредитора, на примере привлечения контролирующих лиц несостоятельного должника к ответственности.

Основными методами проведенного исследования являются аналитический метод – анализ судебной практики и нормативных положений, а также системный метод в структурировании полученной при изучении вопроса информации.

Результаты исследования могут применяться в учебных целях, для подготовки обучающих материалов и научных трудов, направленных на изучение и определение особенностей привлечения контролирующих лиц несостоятельного должника к ответственности.

Ключевые слова: право, банкротство, несостоятельность, ответственность, субсидиарный, имущество, должник, кредитор, контролирующий, руководитель.

Субсидиарная или иная форма ответственности, позволяющая привлечь конкретных лиц к имущественной ответственности в рамках производства по делу о банкротстве, наверное, является «лидером» в банкротных спорах. При этом именно связанные с подобным риском являются также одной из тем, которая постоянно поднимается менеджментом, бенефициарами бизнеса. Учитывая, что последние изменения российского законодательства прошли не так давно и в полном объеме еще не вступили, то появление еще одного закона на указанную тему только демонстрирует ее повышенную важность для законодателя и правоприменителя.

Sofia S. Piatova
Postgraduate department
of Entrepreneurial
and Financial Law,
Baikal State University,
sofia.pyatova@mail.ru

RESPONSIBILITY OF THE CONTROLLING FACES OF THE POOR DEBTOR

Annotation. In this article, the author considers the responsibility of the head of the debtor and other persons as controlling persons in the bankruptcy case (Federal law № 266-FZ of July 29, 2017): a comment to certain provisions. In the article the author covers relevant issues concerning liability in cases of bankruptcy, brought to the attention of readers to the shortcomings of the current legislation, and discussed some ways to protect the rights of the creditor, the example of attracting controlling persons of the insolvent debtor to responsibility.

Basic methods undertaken a study are: analytical method, analysis of judicial practice and regulations; systematic method, that allows us to structure and obtain researched information.

Results of this research can be used with educational purposes, to prepare an education materials and scientific works, to study and define the characteristics involving controlling persons of the insolvent debtor to responsibility.

Keywords: law, bankruptcy, insolvency, liability, subsidiary, property, debtor, creditor, supervisor, manager.

При этом, не претендуя на исчерпывающий характер данного материала, представляется необходимым обратить внимание интересующихся темой ответственности в делах о банкротстве на ряд моментов и, в последующем, по возможности, отследить их практику применения [1, с. 52], [3]. Прежде всего, следует согласиться с рядом исследователей о том, что анализ действующего российского законодательства позволяет прийти к неутешительному выводу «о низком правовом качестве российских нормативных правовых актов, регулирующих соответствующие вопросы прекращения юридического лица» [2, с. 30].

Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) вводит сам термин «контролирующее должника лицо» (п. 1 ст. 61.10). Тут процитирую законодателя только для удобства восприятия материала. Под ним понимается физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий.

Далее Закон о банкротстве раскрывает содержание понятия «право давать указания или возможность определять действия». Анализ соответствующих положений закона позволяет признать соответствующие предписания нормы чрезмерно абстрактными. Думается, что такая «резинчатость» нормы может быть неудобна для отдельных субъектов экономической деятельности, которые в силу заключенного договора с должником вправе влиять на принимаемые решения. Допустим, банки, установившие ковенанты в кредитных договорах; залогодержатели, влияющие на сделки, заключаемые залогодателем с залогонным имуществом; кредиторы по корпоративным договорам, способные воздействовать на решения общего собрания участников или акционеров компании. А если так, то каждый иной кредитор получает через подобную норму возможность привлекать своих конкурентов к субсидиарной ответственности или, по крайней мере, делать неудачные попытки для этого.

Кстати, в последующем также законодатель указывает, что условием ответственности является недобросовестность, неразумность, действия были отличающимися от обычных условий гражданского оборота, были нарушены права кредиторов. Либо действия были совершены для предотвращения еще большего вреда. Вот эта последняя фраза может быть весьма ценной, но в ней же и будут сложности. На какой момент определять? Как вычислять больший или меньший вред? Имеет ли значение дата возникновения «малого» или «большого» вреда?

Кто относится к контролирующим лицам? Не буду перечислять указанные в п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве формы достижения возможности определять действия должника. Мне лично больше импонирует упоминание представителей по доверенности (пп. 2 п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве). Скорее всего, к данной категории лиц можно отнести также действующих на основании специального полномочия лиц в силу заключенного гражданского-правового договора, приказа (распоряжения).

Но особо приятно это отдельное указание на должностное положение (например, главные бухгалтера, финансовые директора) как основание возникновения возможности определять действия должника.

Помимо указанных случаев под возможность определять действия должника можно подвести и иных лиц. Критерием отнесения таких лиц к контролирующим будет признак, указанный в пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве. Закон указывает, что такое контролирующее лицо должно извлекать выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ (лица, которые в силу закона или учредительного документа действуют от имени юридического лица) [5, с. 58].

Но здесь возник вопрос. Почему только незаконное и недобросовестное? А если неразумное? Таким образом, получается, что неразумные действия не позволяют извлекать выгоду, что выглядит достаточно странным и спорным. Помимо этого, также возникает вопрос, в чем такая выгода может выражаться? Продвижение по карьерной лестнице, выплата премии? А если сотрудник получает свою стандартную заработную плату, которая никак не изменяется в период как до возникновения обстоятельств, возможно приводящих к квалификации его как контролирующего, так и после?

Директоры, являющиеся номинальными, могут оказать теперь большую помощь. Именно так. Теперь они могут помочь установлению истинного контролирующего лица и получить освобождение от привлечения к субсидиарной ответственности. Такая своеобразная сделка участника процесса с судом.

Освобождение от ответственности или уменьшение размера ответственности возможно (п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве). Здесь нужно вооружиться аргументами и доказательствами, которые как раз подтверждают обычные условия оборота, разумность, добросовестность, отсутствие вреда или желание предотвратить еще больший вред. Кстати, а нужно ли тут говорить о законности?

С заявлением о привлечении контролирующих лиц к ответственности можно обратиться на любой стадии дела о банкротстве (ст. 61.14 Закона о банкротстве). С заявлением можно обратиться вне дела о банкротстве, даже если суд прекратил производство по нему в виду отсутствия ресурсов для несения расходов на соответствующие процедуры. Срок на подачу заявления составляет три года. Кстати, есть разные факторы, которые влияют на определение момента начала течения срока [4].

Также интересным выглядит указание в п. 2 ст. 61.16 Закона о банкротстве на необходимость определения в поданном заявлении сведений, позволяющих с минимально необходимой степенью достоверности сделать обоснованные предположения о том, что ответчик был или есть контролирующим должника лицом. Впрочем, подобно хоть и является логичным, но что вкладывается в подобный минимальный объем остается неясным. Особо в ситуации, когда заявитель ограничен в доказательствах и мотивация из разряда «мне кажется, что ответчик является контролирующим лицом».

В п. 4 ст. 61.16 Закона о банкротстве есть странное указание, что непредставление ответчиком отзыва может явиться причиной для перераспределения бремени доказывания. Суд в такой ситуации укажет, что ответчик доказывает отсутствие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности.

Литература:

1. *Михальчук Ю.* Ответственность членов совета директоров // Банковское обозрение. Приложение БанкНадзор. 2017. № 1. С. 52–56.
2. *Семеусов В.А.* Правовое регулирование ликвидации юридического лица по российскому праву: вопросы теории и практики / В.А. Семеусов, А.А. Пахаруков, А.А. Тюкавкин-Плотников // Академический юридический журнал. 2015. № 3. С. 30–38.
3. *Ульянова В.А.* Предложения по совершенствованию некоторых аспектов законодательства, регулирующего несостоятельность (банкротство) кредитных организаций в Российской Федерации // Адвокат. 2012. № 2. С. 54–61.
4. *Черникова Е.В.* Особенности банкротства банков как кредитных организаций / Е.В. Черникова, В.П. Быков // Современное право. 2014. № 8. С. 64–69.
5. *Черникова Е.В.* Особенности оспаривания сделок банка как кредитной организации по специальным основаниям, установленным законодательством о банкротстве / Е.В. Черникова, В.П. Быков // Современное право. 2016. № 11. С. 58–65.

Вывод

Исходя из выше изложенного можно сделать вывод о том, что по умолчанию в бремя доказывания именно истца входит отсутствие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности.

Literature:

1. *Mikhailchuk Yu.* Responsibility of board members // Bank review. Application Banknadzor. 2017. № 1. P. 52–56.
2. *Semeusov V.A.* Legal regulation of liquidation of legal entity on Russian law: questions of the theory and practice / V.A. Semeusov, A.A. Pakharukov, A.A. Tyukavkin-Plotnikov // Academic legal magazine. 2015. № 3. P. 30–38.
3. *Ulyanova V.A.* Suggestions for improvement of some aspects of the legislation regulating insolvency (bankruptcy) of credit institutions in the Russian Federation // Advocaat. 2012. № 2. P. 54–61.
4. *Chernikova E.V.* Features of bankruptcy of banks as credit institutions / E.V. Chernikova, V.P. Bulls // Modern right. 2014. № 8. P. 64–69.
5. *Chernikova E.V.* Features of contest of transactions of bank as credit institution on the special bases established by the legislation on bankruptcy / E.V. Chernikova, V.P. Bulls // The Modern right. 2016. № 11. P. 58–65.

Рыков Дмитрий Александрович

аспирант кафедры
предпринимательского
и финансового права,
Байкальский государственный
университет экономики и права,
арбитражный управляющий
rykov04@mail.ru

Dmitry A. Rykov

PhD student of Department
of Business & Finance,
Baikal National University
of Economics and Law,
Arbitration manager
rykov04@mail.ru

**ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ СДЕЛКИ
В РАМКАХ ДЕЛА
О БАНКРОТСТВЕ:
ОБЫЧНЫЙ РЫНОЧНЫЙ
ДИСКОНТ**

**SUSPICIOUS TRANSACTIONS
IN THE FRAMEWORK
OF THE BANKRUPTCY CASE:
THE USUAL MARKET
DISCOUNT**

Аннотация. В статье автор рассматривает проблему установления пределов неравноценности при оспаривании сделки по основанию п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Анализируя российское законодательство, регламентирующее несостоятельность (банкротство), автор обращает внимание на отсутствие единого принципа определения такой неравноценности, что приводит к возникновению правовой неопределенности при рассмотрении исков по п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве. В качестве варианта решения этой проблемы предлагается сформулировать новое понятие: «обычный рыночный дисконт», которое по своей правовой природе и целям будет аналогично понятию «обычная хозяйственная деятельность». Практическое значение указанного изменения заключается в том, чтобы исключить из правового регулирования п.1. ст. 61.2 Закона о банкротстве сделки, заключаемые в рамках обычного рыночного дисконта, то есть незначительно отличающиеся от рыночных сделок должника. Принятие таких изменений, по мнению автора, должно установить единые пределы при определении неравноценности встречного предоставления.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок, неравноценность встречного предоставления, обычный рыночный дисконт, обычная хозяйственная деятельность.

Annotation. In the article the author considers the problem of establishing the limits of disparity in disputing a transaction on the basis of clause 1 of Article 61.2 of the Law on Bankruptcy. Analyzing Russian legislation regulating insolvency (bankruptcy), the author draws attention to the lack of a unified principle for determining such disparity, which leads to the appearance of legal uncertainty in the consideration of claims under paragraph 1 of Article 61.2 of the Bankruptcy Law. As a solution to this problem, it is proposed to formulate a new concept: «ordinary market discount», which in its legal nature and goals will be similar to the concept of «ordinary economic activity». The practical significance of this change is to exclude from the legal regulation 1. Article 61.2 of the Bankruptcy Law, transactions concluded within the framework of a normal market discount, that is, slightly different from the market transactions of the debtor. The adoption of such changes, in the opinion of the author, should establish uniform limits in determining the disparity of the counter granting.

Keywords: bankruptcy, disputing transactions, non-equalization of counter provision, ordinary market discount, ordinary economic activity

Закон о банкротстве предусматривает два вида подозрительных сделок должника: сделки с неравноценным встречным предоставлением и сделки, направленные на причинение вреда имущественным правам кредиторов. Правовая характеристика первого вида подозрительных сделок раскрывается в норме п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, согласно которой «сделка, совершенная должником в течение одного года до принятия заявления о признании

банкротом или после принятия указанного заявления, может быть признана арбитражным судом недействительной при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, в том числе в случае, если цена этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (подозрительная сделка)» [2].

По смыслу ст. 61.2 закона неравноценным встречным исполнением обязательств будет признаваться, в частности, любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств. В данном случае следует признать, что законодатель не в полной мере раскрывает понятие «неравноценность». Попытка внести некоторую ясность путем указания на случай, когда цена или иные условия сделки хуже, чем при аналогичных сделках, окончательно не решает эту проблему. В этой связи, определение такой «неравноценности» осуществляется судом в каждом конкретном случае самостоятельно [9–16].

Таким образом, на практике при определении неравноценности встречного исполнения часто приходится сталкиваться с рядом вопросов: какова должна быть цена имущества, передаваемого по сделке, чтобы свести к минимуму риски ее оспаривания? Обязательно ли цена сделки должна соответствовать рыночной стоимости, и в какой мере она может отличаться от рыночной стоимости? Каков правильный порядок определения достоверной рыночной стоимости имущества?

Ответить на указанные вопросы, несмотря на наличие различных способов определения стоимости имущества, достаточно сложно. С одной стороны, исходя из принципа свободы договора, закрепленной в п. 1 ст. 424 ГК РФ, стороны свободны в определении цены договора и его исполнение оплачивается в соответствии с соглашением сторон. С другой стороны, отношения между коммерческими организациями в обязательном порядке должны носить возмездный характер, а совершение неравноценной сделки во всяком случае нарушает указанное правило, поскольку возмездной в таком случае будет являться только часть сделки.

В данной связи интересным представляется мнение А.Э. Циндяйкиной. Автор приходит к выводу, что «если одна коммерческая организация продает другой коммерческой организации имущество явно по заниженной цене [...], то по действительной рыночной стоимости оплачивается лишь часть имущества, а остальная фактически передается безвозмездно, что свидетельствует о прикрытии данной сделкой договора дарения. Аналогичная ситуация возникает при приобретении имущества по существенно завышенной цене» [4, с. 167].

Вполне очевидным представляется определенное сходство притворных сделок и подозрительных сделок, совершенных с неравноценным встречным исполнением, «однако, уровень проработанности этих институтов в законодательстве, а значит, и их жизнеспособность в правоприменительной практике существенно отличается» [5]. Более того, справедливо будет предполо-

жить, что притворные сделки являются понятием более широким по смыслу и включают в себя сделки с предпочтением в качестве подвида. Ключевая разница заключается в том, что первые совершаются в процессе обычной деятельности и удовлетворительном финансовом состоянии сторон, а вторые – в предбанкротный период, который для такого вида сделок законодатель ограничил одним годом до момента принятия заявления о признании должника банкротом. С учетом очевидного теоретического сходства указанных сделок, а также в связи с правом заявителя воспользоваться любым из предоставленных средств защиты нарушенного права, возникает вопрос о конкуренции исков, а именно конкуренции оснований для признания сделки недействительной.

Если обратиться к сравнению предмета доказывания по обоим основаниям для оспаривания, то станет ясно, что оспаривание по основанию неравноценности встречного исполнения (п. 1. ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») является гораздо более эффективным средством защиты, чем оспаривание по основанию притворности. Как уже было замечено ранее, п. 1. ст. 61.2. Закона о банкротстве в большей степени опирается на объективный критерий оспаривания, в отличие от п. 2. ст. 170 ГК РФ.

Так, в предмет доказывания притворности сделки, помимо объективных критериев (факта заключения сделки, заниженной цены), входят еще и субъективный критерий – направленность воли сторон на заключение именно прикрываемой сделки. Однако необходимо помнить, что оспаривание сделки по основанию п. 2 ст. 170 ГК РФ имеет существенное преимущество по сроку исковой давности.

В пункте 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III. 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» указано, что предусмотренные статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве основания недействительности сделок влекут оспоримость, а не ничтожность соответствующих сделок [3], а значит к ним применяется усеченный срок исковой давности – 1 год со дня, когда истец узнал или должен был узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

При этом, еще И.Б.Новицкий в период действия ГК РСФСР 1922 г. отмечал, что «пока собственнику неизвестно, кто является нарушителем его прав, он лишен возможности предъявить иск к нарушителю права; засчитывать ему этот период (неизвестности личности нарушителя права) в срок исковой давности было бы неправильным, так как такая норма все равно не стимулировала бы к скорейшему предъявлению иска. Поэтому следует признать, что, пока собственнику неизвестно, в чьем фактическом владении находится его вещь, не может начаться и течение давностного срока, хотя о самом факте потери вещи собственнику известно» [6]. Аналогичное правило можно распространить и на обстоятельства,

являющиеся основанием для оспаривания сделок, то есть при неизвестности оснований для оспаривания исчислять срок исковой давности было бы неправильным.

Притворная же сделка – ничтожна (п. 2 ст. 170 ГК РФ) и к ней применяется общий срок исковой давности – 3 года со дня исполнения сделки (если истцом является сторона по сделке) или 3 года со дня, когда истец узнал о начале исполнения сделки (если истец не является стороной сделки) [1]. Вместе с тем, чтобы признать оспариваемую сделку притворной либо сделкой с неравноценным встречным исполнением, необходимо четко определиться с порядком установления действительной рыночной стоимости, определить пределы равноценности, дать более точное определение понятию «неравноценность». Чтобы попытаться решить указанную задачу, можно обратиться к истории и проанализировать, каким образом определяли соразмерность встречного предоставления ранее. Наибольший интерес в данном случае представляет эпоха формирования института «*laesio enormis*».

По смыслу института *laesio enormis*, предполагается, что сделка всегда является кабальной (неравноценной), если ее цена в два раза или более превосходит то, что мог бы предоставить кто-нибудь другой. Принято считать, что новаторство в части введения *laesio enormis* признается за Юстинианом. «Введение подобного правила в эпоху Юстиниана удачно объясняется социально-экономической ситуацией того времени: налоговая политика Юстиниана вынуждала мелких землевладельцев продавать свои имения, причем по цене значительно меньшей их действительной стоимости, что создавало благоприятные условия для известных злоупотреблений со стороны представителей крупного капитала» [7, с. 103].

Изначально правило *laesio enormis* применялось только к сделкам по реализации недвижимости, однако позже действие данного правила распространили и на сделки по дарению, что на первый взгляд не вполне соотносится с общим смыслом правила. Это удалось с помощью новой конструкции, при помощи которой характеристика «эквивалентности встречных предоставлений», имеющая решающее значение для применения правила *laesio enormis*, могла быть спроецирована также и на договоры дарения. Речь идет о предположении, согласно которому, несмотря на (имущественную) безвозмездность, в дарении тем не менее также имеет место встречность предоставлений. Правда, в случае с дарением предоставление это якобы состоит в неимущественном, моральном обязательстве, которое даритель возлагает на одаряемого. «Если, к примеру, даритель дарит вещь, полагая при этом, что ее стоимость на самом деле более чем в два раза меньше действительной, он ожидает

от одаряемого морального обязательства, соответствующего этой предполагаемой им заниженной стоимости. Однако поскольку в действительности его затраты оказываются значительно выше, его имущественные интересы терпят существенное умаление» [7, с. 106].

Полагаю, что институт *laesio enormis* возможно внедрить в действующее законодательство о банкротстве, касающееся определения неравноценности встречного исполнения, в виде определенного исключения или презумпции. Иными словами, необходимо ввести в Закон о банкротстве новое понятие: «обычный рыночный дисконт», которое по своей правовой природе и целям будет аналогично понятию «обычная хозяйственная деятельность». Полагаю необходимым определить, что «обычный рыночный дисконт» – это такие условия (стоимость имущества, работ, услуг или иного предоставления должника, размер обеспечения и т.д.), которые не более чем на 20 процентов в худшую для должника сторону отличаются от обычно совершаемых сделок. Практическое значение указанного вывода заключается в том, чтобы исключить из правового регулирования п. 1. ст. 61.2 Закона о банкротстве сделки, заключаемые в рамках обычного рыночного дисконта, то есть незначительно отличающиеся от рыночных сделок должника.

Введение указанной нормы, с одной стороны, обеспечит ориентир для суда в определении неравноценности встречного предоставления, с другой стороны, будет являться некой презумпцией, а именно: сделки, совершенные должником на условиях, которые более чем на 20 процентов отличаются от условий или стоимости имущества (работ, услуг или иного предоставления), обычно предоставляемых должником, являются неравноценными. Вместе с тем необходимо помнить, что любую презумпцию возможно опровергнуть, предоставив достаточные для того доказательства. В данном случае указанное обстоятельство также является немаловажным, поскольку полностью не исключает судебское усмотрение и не лишает возможности скорректировать категорию «неравноценности» в зависимости от предоставленных сторонами доказательств и иных обстоятельств дела. Такой подход позволит существенно уменьшить злоупотребления со стороны суда и участников процесса и при этом не даст норме «закостенеть», обеспечит должную гибкость для правоприменителя. Вывод об актуальности и необходимости определения четких критериев неравноценности прослеживается и в работах иных авторов [8].

Полагаю, что внесение изменений, предлагаемых в настоящей работе и направленных на совершенствование существующих дефиниций Закона о банкротстве, является крайне актуальным вопросом и только положительно скажется на проведении процедур банкротства.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, Ст. 3301.

Literature:

1. Civil code of the Russian Federation. Part one of November 30, 1994 № 51-FZ // The Collection of the legislation of the Russian Federation. 1994. № 32, Art. 3301.

2. О несостоятельности (банкротстве): ФЗ от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (в ред. ФЗ от 28.12.2013 г. № 419-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190 (с послед. изм.).

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

4. Циндяйкина А.Э. Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2012. С. 167.

5. Себякина Е.П. Притворные и подозрительные сделки: сравнительный анализ. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 175.

7. Карапетов А.Г. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. / А.Г. Карапетов, А.И. Савельев. М., 2012. Т. 1 : Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений. С. 103–107.

8. Чехомова В.Е. Оспаривание сделок должника в рамках конкурсного производства // Арбитражный управляющий. 2017. № 4. С. 36–37.

9. Постановление АС СЗО от 25 августа 2016 г. № Ф04-1392/2016 по делу № А27-23327/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Постановление АС ВСО от 24 марта 2017 г. № Ф02-365/2017, Ф02-368/2017 по делу № А19-11413/2013. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Постановление АС ВСО от 12 мая 2017 г. № Ф02-1307/2017, Ф02-1381/2017 по делу № А74-8356/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Постановление АС ВСО от 4 сентября 2017 г. № Ф02-4478/2017 по делу № А19-10061/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Постановление АС СЗО от 21 августа 2017 г. № Ф07-6414/2017 по делу № А56-72910/2013. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Постановление АС ВСО от 30 августа 2017 г. № Ф02-4471/2017 по делу № А19-18591/2013. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. About insolvency (bankruptcy): The Federal Law of 26.10.2002 № 127-FZ (in an edition of the Federal Law of 28.12.2013 № 419-FZ) // SZ Russian Federation. 2002. № 43. Art. 4190 (about an afterbirth. amendment).

3. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation of 23.12.2010 № 63 (an edition of 30.07.2013) About some questions connected with application of chapter III.1 of the Federal law «About Insolvency (Bankruptcy)» // The Bulletin of the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation. 2011. № 3.

4. Tsindyaykina A.E. Legal regulation of competitive contest of transactions of the debtor at insolvency (bankruptcy) : yew.... edging. law sciences: 12.00.03. M., 2012. P. 167.

5. Sebyakina E.P. Colourable and suspicious transactions: comparative analysis. The document hasn't been published. Access from the legal system «ConsultantPlus».

6. Novitsky I.B. Transactions. Limitation period. M., 1954. P. 175.

7. Karapetov A.G. freedom of the contract and her limits : in the 2nd t. / A.G. Karapetov, A.I. Savelyev. M., 2012. T. 1 : Theoretical, historical and political legal grounds of the principle of freedom of the contract and its restrictions. P. 103–107.

8. Chekhomova V.E. Contest of transactions of the debtor within bankruptcy proceedings // The Receiver. 2017. № 4. P. 36–37.

9. The resolution EXPERT SZO of August 25, 2016 No. F04-1392/2016 on the case № А27-23327/2014. The document hasn't been published. Access from the legal system «ConsultantPlus».

10. The resolution EXPERT VSO of March 24, 2017 № F02-365/2017, F02-368/2017 on the case № А19-11413/2013. The document hasn't been published. Access from the legal system «Consultant Plus».

11. The resolution EXPERT VSO of May 12, 2017 № F02-1307/2017, F02-1381/2017 on the case № А74-8356/2014. The document hasn't been published. Access from the legal system «Consultant Plus».

12. The resolution EXPERT VSO of September 4, 2017 № F02-4478/2017 on the case № А19-10061/2016. The document hasn't been published. Access from the legal system «ConsultantPlus».

13. The resolution EXPERT SZO of August 21, 2017 No. F07-6414/2017 on the case № А56-72910/2013. The document hasn't been published. Access from the legal system. «Consultant Plus».

14. The resolution EXPERT VSO of August 30, 2017 № F02-4471/2017 on the case № А19-18591/2013. The document hasn't been published. Access from the legal system «Consultant Plus».

15. Постановление АС ВСО от 28 июля 2015 г. № Ф02-3363/2015 по делу № А19-12377/2013. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Постановление АС ВСО от 7 апреля 2017 г. № Ф02-883/2017 по делу № А58-966/2013. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. The resolution EXPERT VSO of July 28, 2015 № F02-3363/2015 on the case № А19-12377/2013 The document hasn't been published. Access from the legal system «ConsultantPlus».

16. The resolution EXPERT VSO of April 7, 2017 № F02-883/2017 on the case № А58-966/2013. The document hasn't been published. Access from the legal system «Consultant Plus».

Тамазов Эльдар Измаилович

заместитель руководителя,
Тимашевский межрайонный
следственный отдел
следственного управления
Следственного комитета РФ
по Краснодарскому краю,
капитан юстиции
milena.555@mail.ru

Eldar I. Tamazov

Deputy Head,
Timashevsky Interdistrict
Investigation Department
of the Investigation Department
of the Investigative Committee
of the Russian Federation
for the Krasnodar Territory,
the Captain of Justice
milena.555@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ
«КОРРУПЦИЯ» КАК
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО
ЯВЛЕНИЯ**

**ON THE ISSUE
OF THE CONCEPT
OF CORRUPTION
AS A SOCIAL
AND LEGAL PHENOMENON**

■ ■ ■
Аннотация. В статье анализируются различные доктринальные и легальные подходы к определению понятия «коррупция», отражающие различные ракурсы изучения коррупции как явления социальной действительности и раскрывающие его различные сущностные характеристики. На основе междисциплинарного подхода к определению коррупции автором выделены основные характерные признаки и дано понятие коррупции как социально-правового явления.

■ ■ ■
Annotation. The article analyzes various doctrinal and legal approaches to the definition of the concept of corruption, reflecting various perspectives of the study of corruption, as phenomena of social reality and revealing its various essential characteristics. Based on the interdisciplinary approach to the definition of corruption, the main characteristic features are identified and the notion of corruption as a social and legal phenomenon is given.

■ ■ ■
Ключевые слова: коррупция, социально-правовое явление, система, служебное публичное лицо, противоправное поведение, использование служебного положения, неправомерная выгода.

■ ■ ■
Keywords: corruption, social and legal phenomenon, system, official public person, unlawful behavior, use of official position, improper benefit.

■ ■ ■
Серьезность порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку, признана сегодня на мировом уровне [1].

■ ■ ■
Понятие «коррупция» затруднено, поскольку содержание, которое вкладывается в эту дефиницию, в юридической, политологической и экономической литературе понимается неоднозначно. Здесь наблюдается часто встречающаяся ситуация, когда один и тот же термин несет разную смысловую нагрузку в зависимости от ряда факторов контекста работы, особенностей авторского подхода к исследуемой проблеме и т.п. [2, с. 16].

Как указывает М.В. Костенников, для эффективной деятельности правоохранительных органов в деле противодействия коррупции необходимо четко представлять, что понимается под термином «коррупция», поскольку исследование конкретного вопроса практически в любой отрасли знаний требует, прежде всего, определить понятийный аппарат, с которым предстоит работать. Это особенно важно для общественно-политических наук, где неточность в дефинициях может привести к ошибочным политико-правовым выводам. В юридической литературе можно встретить различные определения «коррупции», которые делают акцент на той или иной стороне этого феномена. Выявление характерных черт по-

Термин «коррупция» происходит от латинского «*corruptio*» и означает подкуп, порча, упадок [3, с. 157]. В научной литературе содержание данного термина, отражающее соответствующее явление, определяется в зависимости от контекста научного исследования, т.е. в экономическом, социологическом, политическом и прочих смыслах.

Теоретико-правовой подход к исследованию коррупции предлагает рассмотреть ее феномен в системе общественных отношений, когда об-

щество и отдельный член этого общества являются не объектами коррупционных посягательств, а самостоятельными субъектами правового регулирования. С этих позиций поиск правовых оснований коррупции возможен только через анализ системы отношений «личность – государство – общество», в которой вертикаль власти не подчиняет, а взаимодействует с горизонталью коммуникативных отношений. Субъектами этих отношений выступают не государство и его органы власти, а личность и общество как две логически противостоящих и исторически взаимосвязанных стороны. Основным проводником общественных отношений между ними выступает государство. Оно призвано быть посредником в отношениях между индивидом и обществом, обществом и другим обществом. Противоположное качество приобретает система «личность – государство – общество» в случае подмены государства усилиями отдельных представителей аппарата этого института. Речь идет уже не об институтах власти, а о конкретных носителях власти – бюрократах, олицетворяющих признаки исполнительной, законодательной и правоохранительной власти. Бюрократия заявляет о себе как базовое основание коррупции и является связующим звеном между физическими и юридическими лицами, личностью и обществом. Посредником между ними выступает не государство, а его чиновник. Он переводит себя из системы обеспечения жизнедеятельности личности и общества в систему самообеспечения, из положения посредника в статус распорядителя. Будучи таковым, чиновник преследует свои интересы и реализует частные задачи, не имеющие отношения к интересам общества [4, с. 46–47]. Таким образом, как указывает С.А. Бочкарев, коррупция подменяет ключевые ценности права, обеспечивающие дееспособность человека и целого общества. Эти ценности становятся условными и зависимыми от властной воли чиновника. В этом смысле коррупция заявляет о родстве с мошенничеством. Разница лишь в том, что мошенничество подменяет ценность частного права, а коррупция ценность публичного права. Первое есть противоречие между наличным бытием частных лиц, а второе есть противостояние наличного бытия чиновника наличному бытию индивида или целого общества, где произвол первого превосходит возможности второго [5; 6].

С экономической точки зрения коррупцию принято рассматривать как экономическое поведение в условиях риска, связанное с совершением преступления и возможным наказанием за него. При этом уровень коррупции зависит от структуры отношений между государством и частным сектором, стимулирующих или ограничивающих коррупционное поведение [7, с. 149]. Специфичность коррупции как вида обменных отношений состоит, прежде всего, в способности коррупции формировать и воспроизводить неинституциональные отношения обмена и соответствующие им неинституциональные социальные нормы (правовые, экономические, моральные и др.), регулирующие и поддерживающие не предусмотренный законом, а, следовательно, скрываемый от общества и государства обмен и при-

своение субъектами публично-властных структур незаконной ренты, что в совокупности приводит к серьезным деформациям в системе институциональных общественных отношений [8, с. 6].

В социологии коррупцию принято рассматривать как тип индивидуального поведения должностных лиц, как совокупность социальных практик, а также свойство социальной системы управления и особый тип социальной системы [9].

В юриспруденции имеет место разнообразие подходов к определению понятия «коррупция». Так, например, Л.Д. Гаухман указывал, что коррупцию следует понимать как присвоение должностными лицами собственности, иных выгод опосредовано – путем получения власти [10, с. 26–27]. В.С. Комиссаров отмечал, что коррупция есть разложение управленческого аппарата, основанное на использовании чиновниками своего служебного положения в корыстных целях [11, с. 30]. По мнению Б.В. Волженкина, коррупция – это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах [12, с. 8]. А.И. Долгова определяет коррупцию как социальное явление, характеризующееся подкупом–продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей [13, с. 501]. В.С. Овчинский и С.С. Овчинский рассматривают коррупцию как сложное социально-правовое явление, связанное с подкупом лиц, находящихся на государственной или общественной службе, получением ими дополнительных доходов, благ и привилегий за совершение умышленных действий или бездействия (в том числе в интересах третьих лиц) вопреки интересам государства и общества [14, с. 9]. М.В. Костенников определяет коррупцию как социально-правовое явление, поразившее аппарат государственного управления с различных сторон и связанное с его разложением, когда представители этого данного аппарата незаконно используют служебное положение вопреки интересам службы для получения выгоды в личных целях, интересах третьих лиц или групп [2, с. 20]. С точки зрения П.А. Кабанова коррупция представляет собой социальное явление, заключающееся в корыстном использовании должностным лицом органов государственной власти и управления своего служебного положения для личного обогащения [15, с. 7].

На международном уровне легальное определение коррупции впервые было закреплено в Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. Согласно ст. 2 Конвенции коррупция означает «просьбу, предложение, дачу или получение, прямо или косвенно, взятки, или любого другого ненадлежащего преимущества, или обещания

такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового» [16].

Вопрос о правовом закреплении определения понятия «коррупция» актуализировался в ходе работы над Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности, когда впервые возник вопрос о разработке проекта Конвенции против коррупции.

В своей резолюции 55/61 от 4 декабря 2000 г. Генеральная Ассамблея ООН признала целесообразность разработки эффективного международно-правового документа против коррупции, независимого от Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, и постановила учредить специальный комитет по разработке такого документа в Вене в штаб-квартире Центра по международному предупреждению преступности Управления по контролю над наркотиками и предупреждению преступности. В этой же резолюции Генеральная Ассамблея просила специальный комитет при разработке проекта конвенции применять всеобъемлющий и multidисциплинарный подход. Работа специального комитета была начата в январе 2002 г. Всего было проведено семь его сессий. При обсуждении проекта конвенции на сессиях постоянного комитета наибольшие дискуссии вызвал, в частности, вопрос определения понятия «коррупция». В результате дискуссии возобладала точка зрения о том, что конвенция не должна предлагать свое определение, а содержать отсылку к перечню подлежащих криминализации деяний [17, с. 5–6].

Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, заключенная в г. Страсбурге 27.01.1999 г., предусматривает установление уголовной ответственности за следующие коррупционные деяния: активный подкуп национальных публичных должностных лиц (ст. 2), пассивный подкуп национальных публичных должностных лиц (ст. 3), подкуп членов национальных публичных собраний (ст. 4), подкуп иностранных публичных должностных лиц (ст. 5), подкуп членов иностранных публичных собраний (ст. 6), активный подкуп в частном секторе (ст. 7), пассивный подкуп в частном секторе (ст. 8), подкуп должностных лиц международных организаций (ст. 9), подкуп членов международных парламентских собраний (ст. 10), подкуп судей и должностных лиц международных судов (ст. 11), злоупотребление влиянием в корыстных целях (ст. 12), отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией (ст. 13), правонарушения в сфере бухгалтерского учета (ст. 14) [18].

Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года, был установлен следующий перечень криминализируемых коррупционных деяний: подкуп национальных публичных должностных лиц (ст. 15), подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций (ст. 16), хищение, непра-

вомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом (ст. 17), злоупотребление служебным положением (ст. 18), злоупотребление влиянием в корыстных целях (ст. 19), незаконное обогащение (ст. 20), подкуп в частном секторе (ст. 21), хищение имущества в частном секторе (ст. 22), отмывание доходов от преступлений (ст. 23), сокрытие (ст. 24), воспрепятствование отправлению правосудия (ст. 25) [1].

Национальное законодательство Российской Федерации легализовало понятие коррупции через определение перечня наказуемых деяний. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ, коррупцией является злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение данных деяний, от имени или в интересах юридического лица [19].

Разнообразие доктринальных и легальных подходов к определению понятия коррупции позволяет полностью согласиться учеными в том, что трудности исследования феномена коррупции связаны с его многогранностью и проникновением в различные сферы, традиционно являющиеся объектами изучения различных общественных наук, применяющих различный инструментальный и использующих собственный понятийный аппарат, но исторически первое определение коррупции относится именно к области права. С юридической точки зрения, коррупцией является то, что называется таковой уголовный кодекс той или иной страны или то, что запрещают кодексы профессиональной этики. Преимущество этого определения состоит в четкости и определенности. Зафиксированные в законе разрешения и запрещения, в принципе, определяют поведенческие ориентиры как для общества в целом, так и для отдельного индивида (гражданина и государственного служащего), компенсируя таким образом отсутствие индивидуальной или коллективной этики [2, с. 16].

Кодексы профессиональной этики содержат различные обширные подходы к пониманию коррупции. Так, статья 7 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка предусматривает, что должностные лица по поддержанию правопорядка не совершают какие-либо акты коррупции. Они также всемерно препятствуют любым таким актам и борются с ними. При этом конкретизируется, что хотя понятие коррупции должно определяться в соответствии с национальным правом, следует понимать, что оно охватывает совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении

обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие. Выражение же «акт коррупции» следует понимать как охватывающее попытку подкупа [20].

Статьей 8 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, установлено, что каждое Государство-участник принимает во внимание, в надлежащих случаях и в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы, соответствующие инициативы региональных, межрегиональных и многосторонних организаций, в частности, Международный кодекс поведения государственных должностных лиц, содержащийся в приложении к резолюции 51/59 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1996 года [1].

В соответствии с Международным кодексом поведения государственных должностных лиц, данные лица, в частности:

– постоянно стремятся к тому, чтобы обеспечить как можно более эффективное и умелое распоряжение государственными ресурсами, за которые они несут ответственность (ст. 2);

– никогда не оказывают какое бы то ни было неправомерное предпочтение какой-либо группе лиц или отдельному лицу (ст. 3);

– не используют свое официальное положение для неподобающего извлечения личных выгод или личных или финансовых выгод для своих семей. Они не участвуют ни в каких сделках, не занимают никакого положения, не выполняют никаких функций и не имеют никаких финансовых, коммерческих или иных аналогичных интересов, которые несовместимы с их должностью, функциями, обязанностями или их отпращиванием (ст. 4);

– никогда не пользуются недолжным образом государственными денежными средствами, собственностью, услугами или информацией, полученной ими при исполнении или в результате исполнения ими своих служебных обязанностей, для осуществления деятельности, не связанной с выполнением ими официальных функций (ст. 6);

– действуют сообразно с мерами, установленными законом или административными положениями, для того, чтобы после ухода со своих официальных должностей они не злоупотребляли своим прежним служебным положением (ст. 7) [21].

Итак, с учетом существующих доктринальных и легальных подходов к определению понятия «коррупция», с юридической точки зрения, коррупцией в общем понимании является соответствующее противоправное поведение, направленное на корыстное использование служебного положения. Противоправность такого поведения вытекает из его направленности вопреки интересам общества и государства и выражается в

его запрещенности законом (прежде всего уголовным) и кодексами профессиональной этики.

Как можем видеть, различные ракурсы изучения коррупции, как явления социальной действительности раскрывают его различные существенные характеристики. При этом междисциплинарный анализ подходов к определению коррупции позволяет выделить основные характерные признаки данного явления. Таковыми признаками являются:

1) использование служебным публичным лицом своего должностного или иного служебного положения вопреки законным интересам общества и государства;

2) получение неправомерных выгод (преимуществ) как имущественного, так и неимущественного характера для себя либо третьих лиц (физических или юридических), а равно незаконное предоставление такой выгоды физическим или юридическим лицом служебному публичному лицу в своих интересах, а также от имени или в интересах третьих лиц (физических или юридических);

3) наличие корыстной цели или личной заинтересованности в неправомерной выгоде (преимуществах) имущественного или неимущественного характера.

Основным субъектом коррупционных отношений (коррупционером) является служебное публичное лицо. Однозначного определения, кого признавать служебным лицом, в действующем национальном законодательстве нет. Анализ правоприменительной и судебной практики позволяет прийти к заключению, что под служебным лицом следует понимать лицо, которое наделено различного рода преимуществами либо правами, предоставленными по должности либо на основании его профессиональной либо трудовой деятельности [22, с. 88], включая должностных лиц, круг которых очерчен примечанием к ст. 285 УК РФ, а также примечанием к ст. 201 УК РФ, государственных и муниципальных служащих, которые не являются должностными лицами, согласно примечанию к ст. 285 УК РФ.

Таким образом, понятие «служебное публичное лицо» охватывает широкий спектр субъектов, представляющих органы публичной власти, в частности, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также лиц, выполняющих публичные функции в частном секторе.

Такое понимание коррупционера не противоречит международно-правовому подходу к данному вопросу, в частности, толкованию термина «публичное должностное лицо», изложенному в ст. 2 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [1].

Использование лицом своего служебного положения подразумевает:

1) использование служебным лицом любых фактических возможностей, которые вытекают из полномочий, присущих ему в связи с зани-

маемой должностью, профессиональной либо трудовой деятельностью;

2) использование служебным лицом атрибутов служебного лица (служебное удостоверение, форменная одежда, специальные средства, огнестрельное оружие и пр.);

3) использование служебным лицом соответствующих знаний, умений и навыков, а также информации, которыми служебное лицо владеет, в связи с выполнением им служебной деятельности (занимаемой должностью, профессиональной либо трудовой деятельностью) [22, с. 89–93].

Таким образом, использование служебным публичным лицом своего служебного положения подразумевает использование им любых фактических возможностей по службе, включая использование своего служебного авторитета (авторитета по службе).

Относительно служебного авторитета (авторитета по службе), следует учитывать, что авторитетное влияние обусловлено не только достоинствами и превосходством носителя авторитета, но и способностью, желанием и внутренним самообязыванием объектов авторитетного влияния [23, с. 9]. Логично, что авторитет органа публичной власти и авторитет, предоставляемый должностью в органе публичной власти должностному лицу, в сознании большинства граждан являются смежными понятиями. При характеристике авторитета по должности следует исходить из того, что многие физические лица отождествляют конкретное должностное лицо с органом публичной власти, соотносят властные полномочия органа публичной власти с конкретным должностным лицом [24, с. 47–48].

Личная заинтересованность проявляется в стремлении публичного лица путем совершения неправомερных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера в виде денег, ценностей, иного имущества, услуг имущественного характера и других имущественных выгод; иная личная заинтересованность – в стремлении должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленном такими побуждениями, как карьеризм, семейст-

венность, протекционизм, желание получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении каких-либо вопросов. Неправомерными выгодами неимущественного характера могут быть, например, оказание необоснованных услуг неимущественного характера, неправомерное продвижение по службе и иные преимущества, получаемые для себя либо другого физического или юридического лица [25, с. 6].

С учетом вышеизложенного, коррупцию как социально-правое явление следует понимать как *системное противоправное корыстное поведение служебных публичных лиц, направленное на использование ими служебного положения для получения неправомερных выгод (преимуществ) как имущественного, так и неимущественного характера для себя либо третьих лиц, а равно противоправное предоставление такой выгоды (преимуществ) служебному публичному лицу со стороны иных лиц.*

Коррупция является системой, которая подчинена действиям определенных психологических, социальных, экономических, политических, а также иных закономерностей (факторов), которые объективно существуют в обществе. Основным фактором системности коррупции в органах публичной власти является ее целостность и взаимосвязь с другими системами и обществом как метасистемой, выражающаяся в ее негативном влиянии на них и на сами органы публичной власти в том числе [26, с. 163–164]. Не лишена коррупция и таких признаков, свойственных любой системе, в том числе преступности [27, с. 6], как структура, наличие уровней и их иерархия, самоорганизация, функционирование и развитие, самовоспроизводство и пр.

Коррупционное поведение при всем своем многообразии, определяемом характером и уровнем общественных отношений, в которых оно реализуется, по своей юридической сути может представлять собой уголовные преступления, административные правонарушения, дисциплинарные проступки, а также гражданско-правовые коррупционные деликты. С криминологической точки зрения коррупция может выступать фоновым для преступности явлением, а также в качестве самостоятельной криминальной практики.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
2. *Костенников М.В.* К вопросу о понятии коррупции в российском праве // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2010. № 1(14).
3. Толковый словарь иностранных слов / Сост. Н.Л. Шестернина. М., 1998.

Literature:

1. United Nations Convention against Corruption. Adopted by the United Nations General Assembly on 31 October 2003 by Resolution 58/4. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
2. *Kostennikov M. V.* On the issue of the concept of corruption in Russian law // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. 2010. № 1(14).
3. Explanatory Dictionary of foreign words / Comp. N.L. Shesternina. M., 1998.

4. *Бочкарев С.А.* Коррупция: от представления к понятию // Криминалист. 2008. № 3.
5. *Бочкарев С.А.* Коррупция как разновидность современного мошенничества // Право и политика. 2008. № 10.
6. *Бочкарев С.А.* Русские мыслители об антропологическом смысле собственности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 26(60): Аспирантские тетради : Научный журнал. СПб., 2008.
7. *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы / Пер. с англ. О.А. Алякринского. М. : Логос, 2003.
8. *Кудашкин А.В.* Еще раз о правовом понятии коррупции / А.В. Кудашкин, Т.Л. Козлов // Современное право. 2010. № 6.
9. *Алексеев С.В.* Коррупция в переходном обществе : дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. Новочеркасск, 2009.
10. *Наумов Ю.Г.* Коррупция и общество: Теоретико-экономическое и прикладное исследование. Владимир, 2007.
11. *Комиссаров В.С.* Коррупция и уголовный закон // Вестник Московского университета. 1993. Серия 11: Право. № 1.
12. *Волженкин Б.В.* Коррупция: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998.
13. *Криминология : учебник для юридических вузов / Под общей ред. А.И. Долговой.* М., 1997.
14. *Овчинский В.С.* Борьба с мафией в России: пособие в вопросах и ответах для сотрудников органов внутренних дел / В.С. Овчинский, С.С. Овчинский. М. : СИМС, 1993.
15. *Кабанов П.А.* Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. Нижнекамск, 1995.
16. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. URL : <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/174.htm>
17. *Пиджаков А.Ю.* Международно-правовое регулирование борьбы с коррупцией на универсальном уровне / А.Ю. Пиджаков, Ю.В. Мишалченко // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2012. № 17.
18. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/
19. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
4. *Bochkarev S.A.* Corruption: from conception to concept // Criminalist. 2008. № 3.
5. *Bochkarev S.A.* Corruption as a form of modern fraud // Law and politics. 2008. № 10.
6. *Bochkarev S.A.* Russian thinkers about the anthropological sense of property // Proceedings of the Herzen State Pedagogical University of Russia. № 26(60): Postgraduate notebooks : Scientific journal. SPb., 2008.
7. *Rose-Ackerman S.* Corruption and government: Reasons, investigations, reforms / Translation from English O.A. Alyakrinsky. M. : Logos, 2003.
8. *Kudashkin A.V.* Once again on the legal concept of corruption / A.V. Kudashkin, T.L. Kozlov // Contemporary law. 2010. № 6.
9. *Alekseev S.V.* Corruption in a transitional society: a sociological analysis : dis. ... Doctor of Social Sciences: 22.00.04. Novocherkassk, 2009.
10. *Naumov Y.G.* Corruption and society: Theoretical and economic and applied research. Vladimir, 2007.
11. *Commssarov V.S.* Corruption and criminal law // Bulletin of Moscow University. 1993. Series 11: The Right. № 1.
12. *Volzhenkin B.V.* Corruption (Series «Modern standards in criminal law and criminal procedure»). SPb., 1998.
13. *Criminology : A Textbook for Law Schools / Under the General Ed. of A.I. Dolgova.* M., 1997.
14. *Ovchinsky V.S.* Combating the Mafia in Russia: A Handbook in Questions and Answers for Internal Affairs Officers / V.S. Ovchinsky, S.S. Ovchinsky. M. : SIMS, 1993.
15. *Kabanov P.A.* Corruption and bribery in Russia: history, criminal-legal and criminology aspects. Nizhnekamsk, 1995.
16. Civil Law Convention on Corruption (Strasbourg, 04.11.1999). URL : <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/174.htm>
17. *Pidzhakov A.Y.* International legal regulation of the fight against corruption at the universal level / A.Y. Pidzhakov, Y.V. Mishalchenko // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2012. № 17.
18. Criminal Law Convention on Corruption (Strasbourg, 27.01.1999). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121544/
19. On Counteracting Corruption: Federal Law №. 273-FZ of 25 December 2008. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/

20. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml
21. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц. A/RES/51/59. Принят резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 28 января 1997 года. URL : <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/762/75/PDF/N9776275.pdf?OpenElement>
22. *Игнатов А.Н.* К определению содержания и уголовно-правовой оценке понятия «использование служебного положения» / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров, А.А. Венедиктов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. № 1.
23. *Тепанян Г.Ф.* Авторитет в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
24. *Кашкаров А.А.* Авторитет органа публичной власти как системообразующий признак должностной преступности // Общество и право. 2017. № 1(59).
25. *Кудашкин А.В.* Еще раз о правовом понятии коррупции / А.В. Кудашкин, Т.Л. Козлов // Современное право. 2010. № 6.
26. *Игнатов А.Н.* Коррупция в органах публичной власти как системное явление / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. Российская криминологическая ассоциация. 2015.
27. *Игнатов А.Н.* Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1(39).
20. Code of Conduct for Law Enforcement Officials. Adopted by General Assembly resolution 34/169 of 17 December 1979. URL : http://www.un.org/en/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml
21. International Code of Conduct for Public Officials. A / RES / 51/59. Adopted by the General Assembly on 28 January 1997. URL : <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/762/75/PDF/N9776275.pdf?OpenElement>
22. *Ignatov A.N.* On the legal definition of criminal law evaluation of the concept of «use of official position» / A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov, A.A. Venediktov // Scientific notes of V.I. VernadskyCrimean federal university. Juridical science. 2016. V. 2(68). № 1.
23. *Tepanyan G.F.* Authority in law : author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2007.
24. *Kashkarov A.A.* The authority of a public power as a system sign of official criminality // Society and law. 2017. № 1(59).
25. *Kudashkin A.V.* Once again on the legal concept of corruption / A.V. Kudashkin, T.L. Kozlov // Contemporary law. 2010. № 6.
26. *Ignatov A.N.* Corruption in public authorities as a systemic phenomenon / A.N. Ignatov, A.A. Kashkarov // Corruption: the state of opposition and the direction of optimizing the struggle. Russian Criminological Association. 2015.
27. *Ignatov A.N.* The concept of common crime // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1(39).

Тарасенко Денис Владимирович
 адъюнкт кафедры
 уголовного права и криминологии,
 Краснодарский университет МВД России,
 капитан полиции
 milena.555@mail.ru

Denis V. Tarasenko
 Adjunct of the Department
 of criminal law and criminology,
 Krasnodar University
 of the MIA of Russia,
 police captain
 milena.555@mail.ru

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В статье приводится анализ законодательства некоторых зарубежных стран в сфере защиты несовершеннолетних от половых преступлений. На основе которого делается вывод о необходимости совершенствования отечественного законодательства в части касающейся совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних их родными или приемными родителями, опекунами, лицами, которым поручено их воспитание.

Ключевые слова: криминология, виктимология, половые преступления, несовершеннолетняя жертва, уголовно-правовая защита, социально-правовая защита, насилие в семье.

Социально-правовая защита детства является одним из основных показателей уровня развития общества, его цивилизованности и перспективности. Любое цивилизованное общество должно обеспечить безопасность своим гражданам. Важно также определить, как первоочередную задачу, защиту несовершеннолетних от различных негативных проявлений современной жизни, так как они являются наименее защищенными в этом смысле.

Охрана детей осуществляется не только с помощью уголовного, но и гражданского, и семейного законодательств, путем воспитания нравственных чувств, формирования культуры общения, полового воспитания и многими другими методами. Но высшим уровнем охраны граждан является уголовно-правовая защита, которая обеспечивает возможность применения наиболее суровых санкций к лицам, которые причиняют существенный вред физическому, нравственному, а также социальному развитию подрастающего поколения.

Согласно статистике надзорного ведомства, каждое третье преступление в российских семьях было совершено против детей. Прокуроры отмечают рост таких преступлений. Тяжкие и особо тяжкие выросли на 10 %, а случаи сексуального насилия – на 15. Если в позапрошлом году родителями против детей было совершено

SOME EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES IN THE FIELD OF PROTECTION OF MINORS FROM SEXUAL CRIMES

Annotation. The article analyzes the legislation of some foreign countries in the field of protection of minors from sexual crimes. On the basis of which it is concluded that it is necessary to improve the domestic legislation regarding the Commission of sexual offences against minors by their parents or adoptive parents, guardians, persons entrusted with their education.

Keywords: criminology, victimology, sexual crimes, minor victim, criminal legal protection, social and legal protection, domestic violence.

около 20 тыс. преступлений, то только за первое полугодие 2017 – 18615. По сведениям Следственного комитета РФ, зафиксирован рост сексуального насилия в отношении детей. В 2017 году СКР возбуждено 7011 уголовных дел о насильственных преступлениях сексуальной направленности, при этом в 2016 году было возбуждено 5835 уголовных дел по фактам совершения сексуального насилия. Сложившаяся ситуация вызывает тревогу общества в силу повышенной общественной опасности подобных преступлений, необратимости последствий, глубоких физических, моральных и психологических травм причиняемых несовершеннолетнему. Закономерно, что эти преступления вызывают порой бурную реакцию общественности, суровое осуждение преступника.

Преступления, нарушающие половую неприкосновенность и нормальное половое развитие ребенка и подростка, особенно опасны. Эта опасность возрастает потому, что несовершеннолетние, особенно малолетние, беззащитны против половых посягательств. Как правило, они не понимают значение совершаемых с ними действий.

В сексуальных преступлениях виктимность детей достаточно велика, и это отмечается многими юристами. Законодательство ряда зарубежных стран имеет достаточно интересный опыт охра-

ны прав несовершеннолетних уголовным законом, который уделяет значительное внимание защите детей от сексуального насилия, растления, сексуальной эксплуатации и других половых преступлений. Анализ последнего даст возможность сформировать систему научных знаний о несовершеннолетней жертве полового преступления, а также поможет при реформировании законодательства России в соответствии с международно-правовыми стандартами в области защиты несовершеннолетних жертв названных преступлений.

Статья 19 Конвенции ООН «О правах ребенка» предусматривает: «Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического и психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения или эксплуатации, включая сексуальные злоупотребления со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке». Кроме изнасилований, половых сношений с несовершеннолетними лицами и развращением несовершеннолетних, уголовные кодексы зарубежных стран предусматривают и другие составы преступлений, которые связаны с половыми посягательствами на несовершеннолетних. К ним например, относятся УК Азербайджанской республики – ст. 151 «Понуждение к действиям сексуального характера», ст. 152 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» [1]. Наказание за сексуальное домогательство предусмотрено статьей 184 УК Испании [2]. Уголовный кодекс Австрии устанавливает следующие составы преступлений: сексуальное принуждение, совершение преступного деяния в браке или при совместном проживании, половые сношения с использованием беспомощности жертвы; угроза нравственности лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста; гомосексуальные действия в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста; злоупотребление родительскими и другими правами [3].

Уголовное законодательство зарубежных стран уделяет значительное внимание защите детей от сексуального совращения и сексуальной эксплуатации. Так УК Швеции в Главу 6: "О половых преступлениях", включает статью 4, которая предусматривает наказание за половой акт с ребенком, который не достиг восемнадцатилетнего возраста, данная статья сформулирована так: «Лицо, которое вступило в половую связь с кем-либо, кто не достиг восемнадцатилетнего возраста и является его потомком, или за воспитание которого он или она ответственный, или за заботу и опеку над которыми он или она несут ответственность по решению органа власти, должно быть наказано за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетнего».

Почти во всех законодательствах специально указывается, что половые сношения с лицом, не достигшим определенного возраста, считаются во всех случаях изнасилованием. Этот возраст

установлен в различных кодексах неодинаково: до 12-ти лет предусматривает УК Испании; до 13-ти – лет – УК Японии; до 14-ти лет – УК Китайской Народной Республики, УК Республики Казахстан, УК Республики Узбекистан, УК Республики Болгария, УК Азербайджанской Республики; до 15-ти лет – УК Дании; до 16-ти лет – УК Республики Таджикистан и Грузии.

Так, в статье 118 Уголовном кодексе Узбекистана изнасилование лица, очевидно для виновного не достигшего восемнадцати лет, наказывается лишением свободы от десяти до пятнадцати лет, а изнасилование лица, очевидно для виновного не достигшего четырнадцати лет, наказывается лишением свободы от пятнадцати лет до двадцати лет. В ст. 171 УК Республики Молдова тоже предусмотрены различные сроки наказания за изнасилование несовершеннолетнего (несовершеннолетней) – лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет, за изнасилование несовершеннолетнего (несовершеннолетней), не достигшей четырнадцатилетнего возраста, наказывается пожизненным заключением или лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет. Статья 129 УК Кыргызской Республики имеет квалифицирующий признак: изнасилование совершенное в отношении несовершеннолетнего лица. За совершение этого преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет, а изнасилование, совершенное в отношении малолетнего лица двадцать лет или пожизненное заключение. Статья 177 УК Японии также предусматривает наказание лица, которое путем насилия или угроз соблазнила другую особу женского пола (которая достигла тринадцати лет) и совершила изнасилование, наказывается лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок не ниже двух лет. Так же наказывается лицо, которое соблазнило лицо женского пола, не достигшего тринадцати лет. Статья 120 УК Республики Казахстан предусматривает в качестве квалифицирующего признака изнасилование несовершеннолетнего лица и карается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет, а за изнасилование лица, которому не исполнилось четырнадцать лет, установлено наказание – лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет. Статья 236 УК Китайской Народной Республики предусматривает ответственность за изнасилование, совершенное с применением по отношению к женщине угроз или насилия ответственность в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет. Развратные действия по отношению к девушке не достигшей 14 лет, расцениваются как изнасилование и наказываются максимально строгим наказанием из предусмотренных. В качестве квалифицированных признаков данного деяния предусмотрено: изнасилование женщины или развратные действия по отношению к девушке, совершенные с особой жестокостью, неоднократное изнасилование женщин или развратные действия по отношению к девушкам, публичное изнасилование в общественном месте, поочередное изнасилование группой в количестве 2 и более человек, причинение пострадавшей серьезных травм, наступление в результате изнасилования смерти или иных тяжких последствий. При наличии любого из перечисленных обстоятельств при изнасиловании женщины или развратных действий по отношению

к девушке, наказание назначается лишением свободы на срок свыше десяти лет, бессрочным лишением свободы или смертной казнью. В статье 187 (раздел 5 «Преступные действия против половой неприкосновенности») УК Швейцарии установлена ответственность лиц, которые совершают развратные действия с ребенком моложе шестнадцати лет, принуждают его к таким действиям или втягивают его в такие действия. В этой статье также указывается, что лицо, совершившее деяние, ошибочно представляет, что потерпевший ребенок достиг, по крайней мере, шестнадцати лет, однако лицо могло предвидеть ошибку. В данной статье существует несколько исключений:

а) преступность деяния исключается, если разница в возрасте между преступником и жертвой не превышает три года;

б) если виновное лицо не достигшее двадцатилетнего возраста при «особых обстоятельствах», а также, если был заключен брак с потерпевшим лицом. Уголовное законодательство зарубежных стран предусматривает усиленную охрану несовершеннолетних и малолетних в тех случаях, когда половые преступления были совершены их родными или приемными родителями, опекунами, лицами, которым поручено воспитание или обучение ребенка, или когда виновный грубо использовал свое преимущество, которое дает его возраст и опыт или имело место принуждение несовершеннолетнего к половым сношениям.

Кроме того, во всех уголовных кодексах квалифицирующими признаками признаются: совершение посягательств на половую неприкосновенность детей и подростков со стороны родителей, опекунов, работников учебных и других заведений, где воспитываются несовершеннолетние. Например, УК Дании в главе 24 «Половые преступления» в параграфе 219 предусматривает: любое лицо, которое является служащим или начальником тюрьмы, реабилитационного центра, детского или подросткового дома, больницы для психически больных, учреждения для слабоумных или другого аналогичного учреждения и вступает в половые сношения с лицом, которое содержится в таком учреждении, подлежит тюремному заключению на любой срок, не превышающий четырех лет. А в параграфе 223 (1) установлена ответственность лица, которое вступает в половые сношения с лицом, не достигшим восемнадцати летнего возраста и является его усыновленным ребенком, пасынком или падчерицей или приемным ребенком, или вверенным для тренировок или обучения, подлежит тюремному заключению на любой срок, не превышающий четырех лет.

Параграфом 174 УК ФРГ предусмотрена ответственность за сексуальные действия в отношении опекаемых. Тот, кто совершает сексуальные действия:

1. С лицом, которое не достигло шестнадцати лет, вверенного для воспитания, обучения или для социального попечения.

2. С лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, вверенного для воспитания, обучения или для социального попечения, или подчинен-

ного по службе или работе, в связи с этой зависимостью в отношениях воспитания, обучения, социальной опеки, по службе или работе.

3. Со своим кровным или приемным ребенком, не достигшим восемнадцати лет, даже если он позволяет совершать эти действия в отношении себя, – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом.

УК Республики Болгария (ст. 152) предусматривает квалифицирующий признак и повышение ответственности, в случае вступления в половые сношения с родственниками по нисходящей линии.

Статьи 227-26 УК Франции предусматривает наказание за деяния, указанные в статье 227-25, но наказание может быть более жестким за совершение преступления при следующих обстоятельствах:

– п.1. преступление совершено родными по закону, по рождению или названными или иными лицами, имеющими власть над пострадавшим; - п. 2. преступление совершено лицом, злоупотребляющим властью, которую ему дает его положение;

– п. 3. преступление совершено несколькими лицами, действующими в качестве исполнителя или соучастника.

Статья 211 УК Австрии предусматривает «Кровосмешение», которое устанавливает следующее:

1. Кто имеет половые отношения с лицом, которое является родственником по прямой линии, тот наказывается лишением свободы на срок до одного года.

2. Кто склоняет к половому сношению лицо, которое является его родными по восходящей линии, то наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

3. Кто совершает половое сношение со своим братом или сестрой, тот наказывается лишением свободы на срок до шести месяцев.

4. Кто ко времени совершения преступного деяния еще не достиг девятнадцатилетнего возраста, не наказывается за кровосмешение, если он был склонен к этому.

Согласно статье 6 Главы 6 УК Швеции лицо, которое вступает в половые отношения с родным братом или сестрой должно быть наказано на срок не более одного года. Положения данной статьи не применяются в отношении лица, которое было вынуждено совершить действия путем незаконного принуждения или другим ненадлежащим образом.

Статьей 7 этой главы предусмотрено: «Если лицо, которое осуществляет прикосновения сексуального характера в отношении ребенка, не достигшего пятнадцатилетнего возраста или склоняет ребенка совершить или принять участие в акте сексуального характера», наказывается штрафом или тюремным заключением на срок

не более чем два года за сексуальные домогательства. Также будет целесообразным обратить внимание на половые преступления, совершаемые в форме обмана. В УК Швеции эти преступления также предусмотрены в Главе 6 статьей 10, которая устанавливает уголовную ответственность лиц, которые обещают или предоставляют плату, вступают или предпринимают попытку вступить в нерегулярные половые отношения с лицом, не достигшим восемнадцатилетнего возраста.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Зарубежные законодатели акцентируют внимание и выделяют такой квалифицирующий признак половых преступлений, как заражение ВИЧ-инфекцией наряду с другими тяжкими последствиями или наступлением смерти. Анализ составов половых преступлений в действующих уголовных кодексах зарубежных стран в отношении несовершеннолетних свидетельствует, что они имеют следующие особенности: законом одинаково охраняются несовершеннолетние обоих полов; половые сношения с малолетними во всех случаях признаются как изнасилование; наказываются не только половые сношения с несовершеннолетними, но и развратные действия в отношении них; согласие несовершеннолетних на совершение с ними действий сексуального характера не освобождает виновного от наказания; в уголовных кодексах делается упор на инцестные связи и ужесточается наказание за них.

Уголовное законодательство зарубежных стран в ряде статей берет под специальную охрану половую неприкосновенность несовершеннолетних, что соответствует международной Конвенции о правах ребенка. В них защита несовершеннолетних от половых преступлений и сексуальной эксплуатации проводится всесторонне, основательно и в должном объеме, касаясь всех аспектов этой проблемы. Положительным является то, что в законодательстве решен вопрос о повышенной уголовной ответственности родителей и лиц, их заменяющих, или тех лиц, которые непосредственно занимаются воспитанием детей, за жестокое обращение и гендерное насилие над ними. К сожалению, такие нормы не нашли своего полного отражения в Уголовном кодексе России. В нем выделены в отдельную главу преступления против половой неприкосновенности и половой свободы лица, эти нормы защищают также и несовершеннолетних. К сожалению в особенной части Уголовного кодекса России нет отдельного раздела о всех преступ-

лениях которые могут совершаться только в отношении несовершеннолетних, в том числе и половые преступления. По нашему мнению было бы целесообразно внести эти изменения в УК России, что свидетельствовало бы о повышенном интересе государства к проблемам защиты несовершеннолетних и вниманиик проблеме виктимизации детей.

На наш взгляд необходимо повысить уголовную ответственность за совершение отдельных половых преступлений против несовершеннолетних в семьях и со стороны тех, кто обязан их воспитывать. В этом направлении целесообразно совершенствовать отдельные статьи Раздела VII, главы 18 УК России, а именно:

1. В ст. ст. 131, 132, 133, 134, 135 УК России, в качестве квалифицирующего признака добавить "изнасилование несовершеннолетней или несовершеннолетнего, совершенное отцом, матерью, либо лицом на которое возложена обязанность по их воспитанию – наказывается лишением свободы....

Решение важнейших социально-экономических задач, которые стоят перед нашим государством, связаны с укреплением правовой основы государственной и общественной жизни, неуклонным соблюдением законности. Составной частью системы предупреждения преступности в России является уголовно-правовая профилактика, которая представляет собой специальную деятельность по использованию методов уголовной ответственности, наказания и других уголовно-правовых средств предупреждения преступлений.

Обращаем внимание на то, что изложенные уголовно-правовые меры главным образом должны играть предупредительную роль в решении указанной проблемы, и механизмов воздействия на снижение уровня виктимности несовершеннолетних в этой сфере отношений. Приведенные выше рекомендации будут способствовать повышению защиты детей от половых преступлений, особенно в семьях. И именно такие меры в области защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, их чести и достоинства, нормального физического и морального развития будут способствовать решению проблем, связанных с нарушением прав и интересов последних. А повышение уголовной ответственности родителей и лиц, их заменяющих, а также воспитателей станет действенным средством защиты детей и, в некоторой степени, будут служить профилактике половых преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб., 2001.
2. Уголовный кодекс Испании. М., 2006.
3. Уголовный кодекс Австрии. М., 2001.

Literature:

1. Criminal code of the Azerbaijan Republic. SPb., 2001.
2. Criminal code of Spain. M., 2006.
3. Criminal code of Austria. M., 2001.

Шихшабекова Заира Магомедовна
аспирант кафедры гражданского права,
Саратовская государственная
юридическая академия,
zaira_ssla@mail.ru

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ РАБОТНИКОВ-АВТОРОВ СЛУЖЕБНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ

Аннотация. В статье приводится анализ судебной практики и норм законодательства относительно защиты прав работников – авторов служебного изобретения в судебном порядке. При внесении предложенных изменений в нормы действующего законодательства будет способствовать повышению правовой защиты работника – как автора, создавшего служебное изобретение в ходе осуществления трудовой деятельности.

Ключевые слова: защита прав работников, служебные изобретения, судопроизводство, защита интеллектуальных прав.

В ходе исследования был проведен анализ ряда судебных актов судов общей юрисдикции по аналогичным делам (апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 12.10.2017г. по делу № 33-16842/2017, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Липецкого областного суда от 25.10.2017г. по делу № 333732/2017 и т.д.) со следующей фабулой: «Работник (автор) обратился в суд с иском к Работодателю о взыскании невыплаченного вознаграждения за создание служебного изобретения».

Суд первой инстанции, а также суд апелляционной инстанции отказывает работнику (автору) в удовлетворении заявленных требований в полном объеме по нескольким основаниям:

- 1) отсутствие патента на служебное изобретение;
- 2) отзыв заявления на предоставление патента со стороны работодателя;
- 3) отсутствие факта использования служебного изобретения в связи с тем, что работник считал, что на служебное изобретение, созданное им, имеется патент, но Роспатентом в предоставлении патента было отказано, о чем работодатель работника не уведомил.

Также необходимо обратить внимание и на следующий пример из материалов судебной практи-

Zaira M. Shikhshabekova
Post-Graduate Student
Department of Civil Law,
Saratov State Academy of Law
zaira_ssla@mail.ru

ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE IN THE SPHERE OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF EMPLOYEES-AUTHORS OF EMPLOYEE INVENTIONS

Annotation. The article provides an analysis of judicial practice and legislation on the protection of the rights of employees – the authors of the invention in court. When entering of the offered changes into standards of the current legislation will promote increase in legal protection of the worker – as the author who has created an office invention during work implementation.

Keywords: protection of workers' rights, service inventions, legal proceedings, protection of intellectual rights.

ки, согласно которому группа авторов служебного изобретения обратилась в суд с иском к организации-работодателю о выплате авторского вознаграждения за использование созданного ими служебного изобретения, а также пени за несвоевременную выплату вознаграждения и о возмещении расходов на оплату государственной пошлины. Решением суда, оставленным без изменения вышестоящим судом, исковые требования были удовлетворены.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные решения. Признавая право авторов на вознаграждение, суд исходил из того, что изобретение, созданное истцами в связи с выполнением трудовых обязанностей, используется ответчиком (патентообладателем), от использования изобретения ответчик получает доход, однако авторское вознаграждение за использование изобретения своевременно не выплачивается. Кроме того, было обращено внимание на отказ работодателя от поддержания действия патента, поскольку он прекратил уплату патентной пошлины, а также на позицию суда первой инстанции по этому вопросу. Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что действующее законодательство не содержит норм, предусматривающих прекращение выплаты вознаграждения авторам изобретения в связи с досрочным прекращением действия патента.

Исследуя материалы дела, Судебная коллегия пришла к выводу, что авторы не имели права на

вознаграждение за использование изобретения, поскольку было установлено, что спорное изобретение не использовалось работодателем и, кроме того, судебными инстанциями не было также принято во внимание, что работодатель отказался от поддержания патента, действие которого вследствие этого было досрочно прекращено.

Основной вопрос, который возникает при анализе позиций сторон рассматриваемого гражданско-правового спора: Какова квалификация спорных отношений?

По мнению Л.А. Трахтенгерц в данном случае, необходимо определить нормативные основания признания права авторов служебного изобретения на получение вознаграждения за служебное изобретение и прежде всего, определить, является ли фактическое использование служебного изобретения обязательным условием признания такого права авторов [3, с. 52].

Также возникает дополнительный вопрос: А сохраняется ли обязанность работодателя, получившего служебный патент, выплатить авторам вознаграждение, если действие патента было досрочно прекращено по воле патентообладателя, прекратившего выплату патентной пошлины? Согласно общей норме о правовой охране патентоспособных изобретений (ст. 1357 Гражданского кодекса) исключительное право на получение патента на изобретение принадлежит автору [1].

Специальные нормы о служебных изобретениях устанавливают, что исключительное право на служебное изобретение и право на получение патента возникают у работодателя при условии, «если трудовым или гражданско-правовым договором между работником и работодателем не предусмотрено иное».

Данные нормы содержатся в Правилах выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы установленные Постановлением Правительства Российской Федерации

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) от 18.12.2006 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006. № 52. Ст. 5496.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 июня 2014 г. № 512 «Об утверждении правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы» // Собрание законодательства РФ, 09.06.2014. № 23. Ст. 2998.
3. Комментарий судебной практики. Вып. 21 / К.Б. Ярошенко, М.К. Белобабченко, А.Ф. Ефимов и др., Отв. ред. К.Б. Ярошенко. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2016. 184 с.

от 4 июня 2014г. № 512 (далее – Правила) [2].

Таким образом, исходя из проведенного анализа материалов судебной практики следует, что проанализированная судебная практика в основном носит отказательный характер, это связано, прежде всего, с имеющимися пробелами в действующем праве, относительно регулирования отношений, выстраиваемых между работником (автором) и работодателем и возникающих между ними спорах.

Для предупреждения возникновения подобного рода ситуаций и защиты прав работника (автора) служебного изобретения, предлагаем добавить пункт 1.2 в Правила, а именно:

«При создании работником служебного изобретения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца в связи с исполнением им своей трудовой функции, работодатель обязан составить акт о создании служебного изобретения, служебной полезной модели, служебного промышленного образца в течение двух рабочих дней с момента получения уведомления от работника.

Акт составляется в трех экземплярах имеющих равную юридическую силу, один экземпляр акт работодатель обязан передать работнику, второй экземпляр остается у работодателя, а третий экземпляр передается в архив организации».

Считаем, что при внесении предложенных изменений в нормы действующего законодательства будет способствовать повышению правовой защиты работника – как автора, создавшего служебное изобретение в ходе осуществления трудовой деятельности. Также при выстраивании правовой позиции в ходе судебного разбирательства по спору между работодателем и работником (автором), сторона, осуществляющая защиту прав работника (автора) сможет, ссылаясь на данную норму выстраивать доводы на основании наличия копий документов в архиве организации, сохранность которых должна обеспечиваться в течение нескольких лет.

Literature:

1. The civil code of the Russian Federation (part fourth) of 18.12.2006 № 51-FZ // The Collection of the legislation of the Russian Federation, 25.12.2006. №. 52. Art. 5496.
2. The order of the Government of the Russian Federation of June 4, 2014 № 512 «About the approval of rules of payment of remuneration for employee inventions, office useful models, office industrial designs» // The Collection of the legislation of the Russian Federation, 09.06.2014. № 23. Art. 2998.
3. Comment of jurisprudence. Issue 21 / K.B. Yaroshenko, M.K. Belobabchenko, A.F. Yefimov etc., edition of K.B. Yaroshenko. M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : INFRA-M, 2016. 184 p.

Якименко Григорий Юрьевич
военнослужащий в/ч 1441,
г. Хабаровск
yakimenko31985@mail.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. В настоящей статье исследуется природа и сущность понятия «информация», используемого в деятельности правоохранительных органов по расследованию и раскрытию преступлений. В криминалистике различают «криминалистически значимую информацию» и «криминалистическую информацию». С этой целью автор предпринял попытку дать обобщенную картину понимания выше обозначенных терминов. Анализируя научную и юридическую литературу, посвященную информационным основам предварительного расследования, автор приходит к выводу о том, что наиболее предпочтительным, является термин «криминалистическая информация».

Ключевые слова: информация, криминалистическая информация, криминалистически значимая информация, раскрытие и расследование преступления.

Информация всегда играла чрезвычайно важную роль в жизни человека. С течением времени роль информации в жизни человека становилась все существеннее, так как, познавая окружающий мир, человек, постоянно имеет дело с информацией.

Термин происходит от лат. information – «разъяснение», «изложение», изначально имел значение «сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т.д.)»; С середины XX в. он стал одним общенаучным понятием, включающим обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом; обмен сигналами в животном и растительном мире; передачу признаков от клетки к клетке, от организма к организму (см. генетическая информация); одно из основных понятий кибернетики [1, с. 455]. Несмотря на привычность этого термина, строгого и общепринятого его определения не существует. В литературе можно найти достаточно много определений этого термина, отражающих различные подходы к толкованию этого понятия.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет понятие «информация» следующим образом: «информа-

Grigoriy Yu. Yakimenko
serviceman military unit 1441,
the city of Khabarovsk
yakimenko31985@mail.ru

FORENSIC ASPECT OF INFORMATION

Annotation. This article examines the nature and essence of the concept of information used in the activities of law enforcement agencies to investigate and solve crimes. In forensic science there are «forensically relevant information» and «forensic information». To this end, the author has attempted to give a generalized picture of the understanding of the above terms. Analyzing the scientific and legal literature devoted to the information bases of preliminary investigation, the author comes to the conclusion that the most preferable is the term «forensic information».

Keywords: information, forensic information, forensically relevant information, crime detection and investigation.

ция – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления».

В информатике же наиболее часто используется следующее определение термина «информация» – это осознанные сведения об окружающем мире, которые являются объектом хранения, преобразования, передачи и использования. Сведения – это знания, выраженные в сигналах, сообщениях, известиях, уведомлениях и т.д. [7, с. 55].

Любая информация является источником познания определенных фактов, что способствует эффективной деятельности человека. Криминалистика, познающая закономерности механизма подготовки и совершения преступлений, закономерности их раскрытия и расследования, не может обойтись без изучения информационной основы данных закономерностей. Неслучайно информационная составляющая является элементом предмета криминалистики, которая отражает закономерности возникновения информации о преступлении и его участниках. Криминалистическая информация, являясь частью информационного поля человечества, имеет свою специфику, исследования которой, позволят глубже понять данный вид информации, определить ее сущность и научное значение.

В криминалистике различают «криминалистически значимую информацию» и «криминалистиче-

скую информацию». С этой целью мы постараемся в статье дать обобщенную картину соотношения выше обозначенных терминов. Перед тем как перейти к исследованию понятия «криминалистически значимая информация», считаем необходимым определиться с самим термином. В последнее время отдельные ученые считают более правильным придерживаться понятия «криминалистически значимая информация», распространяя его на информацию, используемую в процессе расследования.

В частности, А.Ф. Волынский и Е.Р. Россинская пишут: «Под информацией в криминалистике понимаются фактические данные или сведения, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления и характеризующие способ его совершения, лиц его совершивших, предметы преступного посягательства, орудия преступления и тому подобные обстоятельства. Такую информацию принято называть криминалистически значимой. Ее источниками при этом являются самые разнообразные (материальные и идеальные) следы преступлений, соответственно, и все слеодообразующие объекты» [4, с. 3].

Традиционным в этом вопросе считается подход Р.С. Белкина. По его мнению, термин «криминалистическая информация» бессодержателен и беспредметен. Он не несет никакой смысловой нагрузки, поскольку невозможно определить, какая информация является криминалистической, а не процессуальной или оперативной, каковы исключительно ее источники. В природе не существует такой информации, а есть лишь криминалистически значимая информация, которая означает любую информацию, используемую для решения криминалистических задач, в независимости от ее рода и источника. А с точки зрения средств, задач и целей доказывания, информация может быть только доказательственной или ориентирующей [3, с. 237].

Практика расследования и раскрытия преступлений показывает, что любая преступная деятельность обязательно оставляет различные следы – последствия вовне, и вся информация о преступлении, как результат изменения среды, имеет криминалистическое значение и, следовательно, является криминалистически значимой. В криминалистически значимой информации выделяют три основных вида: субъектную, объектную и модальную [6, с. 39].

С.А. Ялышев предлагает криминалистически значимую информацию условно подразделять на три группы:

1. Актуально, криминалистически значимая информация, т.е. такая, которая находится в прямой причинно-следственной связи с событием преступления (к ней необходимо отнести фактические данные или сведения, характеризующие способ его совершения, предметы преступного посягательства, лиц его совершивших, орудия преступления и др.). Источниками такой информации являются материальные и идеальные следы преступления и слеодообразующие объекты.

2. Условно, криминалистически значимая информация, т.е. такая, которая хотя и не находится в прямой причинно-следственной связи с событием преступления, но характеризует лиц, попавших в сферу интересов правоохранительных органов, их связи и взаимоотношения и другие, могущие оказать содействие следствию факты, события, отношения или состояния.

3. Потенциально, криминалистически значимая информация, т.е. такая, которая не имеет и не может иметь прямой причинно-следственной связи с событием преступления, не входит в предмет доказывания, но которая объективно необходима для правильного разрешения дела, способствует решению диагностических, классификационных и идентификационных задач [15, с. 37].

Однако давайте попробуем раскрыть содержание данного термина. Если существует «криминалистически значимая информация», то должна существовать и «криминалистически незначимая информация», то есть информация, которая не имеет значения для раскрытия и расследования преступлений. В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дается следующее определение понятия «значимый»: «Выражающий что-нибудь, имеющий какое-нибудь значение» [8, с. 232].

Соответственно «не значимая криминалистическая информация» ничего не выражает, и никакого значения не имеет. В момент получения определенной криминалистической информации, следователь вряд ли сможет оценить ее значение для решения задач раскрытия и расследования преступления, особенно на начальном этапе. Только в процессе ее исследования и сопоставления с другими сведениями может быть установлена ценность, или, другими словами, значимость собранной информации для целей доказывания в период, когда следователь производит оценку всех полученных данных с учетом их дальнейшей роли в процессе расследования [9, с. 4].

Проанализировав мнение ученых, мы пришли к выводу, что под понятие «криминалистически значимая информация» можно «подвести» довольно обширный круг сведений. С одной стороны, это сведения о личности преступника, других участников события преступления, орудиях преступления, способе совершения преступления и т.д. С другой – это данные об условиях жизни лица, совершившего преступление, его круге общения; сведения о жизни лица, потерпевшего от действий преступника; природные и погодные условия в момент совершения преступления; сведения, содержащиеся в правовых справочных базах данных и т.д. Если первая группа сведений имеет прямое отношение к криминалистике, то этого нельзя сказать о второй группе.

Сыграв свою положительную роль в становлении основ концепции информации в криминалистической науке, термин «криминалистически значимая информация», по нашему мнению, требует замены на более точное определение – «криминалистическая информация».

Термин «криминалистическая информация» получил распространение относительно недавно – в 70-е годы XX века, когда в исследованиях, затрагивающих проблемы раскрытия и расследования преступлений, стали использоваться положения общей теории информации. Криминалистическую информацию, как информацию, которая характеризует событие преступления и отдельные его элементы, впервые обозначил Н.С. Полевой [10, с. 73].

Может возникнуть вопрос: насколько оправдан подобный переход? Для обоснования нашего утверждения рассмотрим термин «криминалистическая информация». Следовательно, перед тем как перейти к исследованию данного понятия, считаем необходимым определиться с самим термином.

Во-первых, прилагательное «криминалистический» подчеркивает связь с криминалистической наукой.

Во-вторых, оно означает, что данное понятие исследуется в рамках предмета науки криминалистики.

В-третьих, подчеркивает, что речь идет не обо всей информации, которая может использоваться (а может и не использоваться) в процессе расследования, а только об информации, находящейся в причинно-следственной связи с событием преступления. Необходимо отметить еще один момент, связанный с употреблением этого термина. Может возникнуть вопрос, почему именно криминалистическая информация, а не криминальная?

Причина заключается в следующем. Криминалистическая и криминальная информация имеют один и тот же корень, в связи с чем, на первый взгляд, могут использоваться в равной степени. Однако термин «криминалистическая информация», по нашему мнению, представляется предпочтительным, поскольку определяет отношение к криминалистической науке. Кроме того, прилагательное «криминальный» служит обычно как синоним слова «преступный» и относится к совершению преступления, а термин «криминалистическая» относится как к совершению преступления, так и к деятельности по раскрытию и расследованию преступления.

М.В. Салтевский криминалистическую информацию определял как «данные о теоретических основах возникновения следов преступления, практических методах и средствах использования их для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [11, с. 23].

В.И. Галаган под криминалистической информацией понимал «... любого рода сведения, относящиеся к расследуемому событию, полученные процессуальным и не процессуальным путем в процессе расследования преступления следователем или работником органа дознания в соответствии с рекомендациями, разработанными криминалистикой, которые могут быть доказательствами по делу или способствующие их получению...» [5, с. 9].

Более конкретным термин «криминалистическая информация», в отличие от термина «криминалистически значимая информация», признает и Р.А. Усманов. Он справедливо отмечает, что термин «криминалистический» указывает на связь с криминалистической наукой и, следовательно, изучается в рамках предмета криминалистики. Кроме того, подчеркивается, что имеется в виду только та информация, которая находится в причинно-следственной связи с преступным событием [12, с. 329].

При определении понятия «криминалистическая информация» следует понимать изменения, образующие содержание отображения взаимодействующих объектов. Несомненно, в рамках науки криминалистики данное определение должно отражать криминалистический аспект понятия. В этом случае речь идет не просто о взаимодействующих объектах, а об объектах, участвующих в событии преступления. Другими словами, в процессе отражения взаимодействуют объекты, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления.

Исходя из выше изложенного, мы солидарны с позицией Р.А. Усманова, который определяет криминалистическую информацию, как «изменения, образующие содержание отображения объектов, взаимодействующих в связи с событием преступления, воспринятое и осознанное субъектом расследования» [13, с. 94]. Будучи разновидностью информации, криминалистическая информация обладает теми же свойствами и той же природой. Отличительная особенность ее обусловлена особым характером возникновения.

Полагаем, необходимо рассмотреть событие преступления в информационном аспекте. При этом криминалистическая информация находит свое выражение через такую категорию, как «след преступления». Любое событие протекает не в изолированном пространстве, а в условиях реальной действительности. Это в полной мере относится и к событию преступления. В процессе его совершения, преступник нарушает обычный порядок вещей: вносит изменения в окружающую обстановку. Взаимодействие между преступником, орудием преступления, местом происшествия и потерпевшим приводит к образованию следов. Закономерности образования следов основаны на проявлении такого свойства материи, как отражение. Поскольку это свойство присуще всей материи, постольку любые взаимодействующие системы и объекты взаимно отражаются. Преступление как система, необходимыми элементами которой выступают преступник, орудие преступления, объект преступления и действия преступника, воздействует на окружающую обстановку и посредством следов отражается в ней. Следы выступают источником криминалистической информации. Они несут в себе сведения о внешних признаках отображаемого объекта, его внутренних свойствах и структуре, механизме следообразования, функционально-динамических комплексах лица, способе действия преступника и других обстоятельствах события преступления. В следах эта информация проявляется в виде отображения признаков [14, с. 53].

Р.С. Белкин отмечает: «Информационным сигналом являются именно признаки... При взаимодействии объектов происходит перенос информации с признаков одного объекта на отображение этих признаков на другом объекте» [2, с. 75].

При проведении различных следственных действий, судебных экспертиз субъект (следователь, дознаватель, эксперт) изучает не столько сами следы, сколько информацию, которая в них содержится. Следовательно, криминалистическая информация выделяется субъектом познания в различных отображениях объекта и характеризует последний.

Приведенные нами рассуждения позволяют заключить, что термин «криминалистически значимая информация», в отличие от термина «кри-

миналистическая информация», является не только фразеологически перегруженным, но и пагубным с позиций доказывания, поскольку нацеливает следователя на сбор только «значимой» информации. В результате такое «фильтрация» информации, особенно на начальных этапах расследования, может нанести существенный вред процессу доказывания по делу.

Предпринятое исследование позволило нам прийти к выводу, что наиболее предпочтительным термином, характеризующим информацию, возникшую в результате совершения преступления и используемую в процессе раскрытия и расследования преступлений для доказывания обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, является термин «криминалистическая информация».

Литература:

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е издание., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия; СПб. : Норинт, 2004. 1456 с.
2. *Белкин Р.С.* Теория доказывания. М. : Издательство НОРМА, 1999. 429 с.
3. *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики М. : издательство Норма 2001. 240 с.
4. *Волинский А.Ф.* Криминалистическая регистрация / А.Ф. Волинский, Е.Р. Россинская. М., 1992. 35 с.
5. *Галаган В.И.* Использование следователем информации на первоначальном этапе расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев : Украинская академия внутренних дел, 1992. 24 с.
6. Криминалистика : учебник для вузов / Отв. редактор профессор Н.П. Яблоков М. : Издательство БЕК, 1996. 708 с.
7. *Михайлов А.И.* Основы информатики / А.И. Михайлов, А.И. Черный, Р.С. Гиляревский. М. : Наука, 1968. 757 с.
8. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М. : Азбуковник, 1999. 960 с.
9. *Писарев Е.В.* Криминалистическая информация как информационная основа доказывания по уголовному делу : монография. Самара : Самарская губерния, 2010. 150 с.
10. *Полевой Н.С.* Криминалистическая кибернетика. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ. 1989. 356 с.
11. *Салтаевский М.В.* Криминалистика : учебное пособие. М., 1996. 432 с.

Literature:

1. Large encyclopedic dictionary. 2nd edition., reworked and complemented. M. : Great Russian encyclopedia; SPb. : Norint, 2004. 1456 p.
2. *Belkin R.S.* Theory of proof. M. : Publishing house NORMA, 1999. 429 p.
3. *Belkin R.S.* Criminalistics: Problems of today. Topical issues of Russian criminalistics. M. : publishing house Norma, 2001. 240 p.
4. *Volynsky A.F., Rossinskaya E.R.* Forensic registration. M., 1992. 35 p.
5. *Galagan V.I.* Use of information by the investigator at the initial stage of investigation: author. dis. ... PhD in law. Kiev : Ukrainian Academy of internal Affairs, 1992. 24 p.
6. Criminalistics. Textbook for high schools / Executive editor Professor N.P. Yablokov. M. : Publishing house BEK, 1996. 708 p.
7. *Mikhailov A.I.* Foundations of computer science / A.I. Mikhailov, A.I. Chernyi, R.S. Gilyarevskiy. M. : Science, 1968. 757 p.
8. *Ozhegov S.I.* Explanatory dictionary of Russian language: 80 000 words and phraseological expressions / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova; Russian Academy of Sciences. The Russian language Institute. V.V. Vinogradov. M. : Azbukovnik, 1999. 960 p.
9. *Pisarev E.V.* Forensic information as an information basis of proof in a criminal case : monograph. Samara : Samara province, 2010. 150 p.
10. *Polevoi N.S.* Forensic Cybernetics. 2nd ed. M. : Publishing house of Moscow state University. 1989. 356 p.
11. *Saltaewski M.V.* Criminalistics. Textbook. M., 1996. 432 p.

12. *Усманов Р.А.* Криминалистическая информация: понятие, природа, свойства. М., 2005. 334 с.

13. *Усманов Р.А.* Криминалистическая теория информации : монография. Челябинск : ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2008. 314 с.

14. *Усманов Р.А.* Об основных положениях криминалистической теории информации // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 1(25). 55 с.

15. *Ялышев С.А.* Криминалистическая регистрация : учебное пособие. М. : Академия управления МВД РФ, 1999. 232 с.

12. *Usmanov R.A.* Forensic information: concept, nature, properties. M., 2005. 334 p.

13. *Usmanov R.A.* Criminalistic theory of information : monograph. Chelyabinsk : GOU VPO CHEWIE, the Ministry of internal Affairs of Russia, 2008. 314 p.

14. *Usmanov R.A.* On the basic provisions of the criminalistic theory of information. Bulletin of criminalistics. 2008. Issue. 1(25). 55 p.

15. *Yalyshev S.A.* Forensic registration . textbook. M. : Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, 1999. 232 p.

Яловая Ольга Сергеевна
 адъюнкт кафедры
 уголовного права и криминологии,
 Краснодарский университет
 МВД России,
 подполковник юстиции
 milena.555@mail.ru

Olga S. Yalova
 Adjunct of the Department
 of criminal law and criminology,
 Krasnodar University
 of the Ministry
 of internal Affairs of Russia,
 Lieutenant Colonel of justice
 milena.555@mail.ru

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

SPECIAL VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF DOMESTIC VIOLENCE AGAINST WOMEN

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам специальной виктимологической профилактики семейно-бытового насилия совершаемого в отношении женщин. В ней рассмотрена классификация семейно-бытового насилия, а также предложены меры, направленные на совершенствование профилактики указанного насилия. Автором отмечается, что отличительной особенностью специальной и индивидуальной виктимологической профилактики является то, что она имеет определенную локализацию во времени и пространстве, конкретизации в применении в отношении отдельного лица или определенной группы лиц.

Annotation. The Article is devoted to the problematic issues of special victimological prevention of domestic violence committed against women. It considers the classification of domestic violence and proposes measures aimed at improving the prevention of this violence.

Ключевые слова: криминология, виктимология, семейно-бытовое насилие, виктимологическая профилактика, виктимизация, виктимность, повышенные виктимные страты.

Keywords: Criminology, victimology, domestic violence, victimological prevention, victimization, victimization, increased victim strata.

Центральной идеей виктимологической профилактики преступности на любом уровне является ее приоритетная направленность на изучение личности потерпевшего и его поведения. При этом общесоциальная виктимологическая профилактика, которая, с одной стороны, предусматривает решение проблем социально-экономического, культурно-воспитательного, правового, организационного, политического, идеологического и другого характера, а с другой – направлена на устранение и нейтрализацию факторов, которые способствуют процессу виктимизации, своей главной задачей не предусматривает непосредственную борьбу с преступностью. Основной массив профилактических мероприятий в этом направлении осуществляется в рамках специальной и индивидуальной виктимологической профилактики, которые органично дополняют общесоциальную, являющуюся для них базой, основой и фундаментом. Отличительной особенностью специальной и индивидуальной виктимологической профилактики является то, что она имеет определенную локализацию во времени и пространстве, конкретизации в

применении в отношении отдельного лица или определенной группы лиц. Так, например, А.И. Долгова по этому поводу справедливо отмечает, что с целью эффективного осуществления мер специальной виктимологической профилактики необходимо выделять повышеннокриминогенные и повышенновиктимные социальные группы, сферы деятельности и объекты [1]. Учитывая специфику нашего исследования, речь будет идти о недопущении реализации виктимных свойств отдельных групп лиц, в частности, женщин, несовершеннолетних девушек, пожилых женщин, женщин-инвалидов. При этом первоочередное внимание заслуживают такие направления специальной виктимологической профилактики преступлений, совершенных в отношении женщин, как:

- профилактика семейно-бытового насилия; сокращение количества разводов; улучшение благополучия в семьях;
- недопущения детской безнадзорности и беспризорности;

- улучшение качества профилактической работы в маргинальной среде;
- предупреждение сексуальных посягательств; борьба с проституцией;
- противодействие торговле женщинами;
- оказание женщинам правовой и другой помощи и т.д.

Предлагаем рассмотреть указанные направления более детально. Очевидно, что неустойчивость и дезорганизация брака и семьи является одной из актуальных проблем для российского общества, поскольку наносит существенный вред всем его членам и создает серьезные препятствия на пути преодоления гендерного неравенства. Как отмечают по этому поводу ученые, и с этим трудно не согласиться, ненадлежащее восприятие проблем семейно-бытового насилия потерпевшими, игнорирование их компетентными органами не только способствует беспрепятственному распространению этого позорного явления, но и усиливает его негативные последствия [2]. Среди последних особого внимания заслуживают:

1. Наследование насильственных взаимоотношений в семье подрастающим поколением как результат применения родителями насильственных методов воспитания. Как убедительно доказывают исследования в области детской психологии и психиатрии, психологические травмы детства негативно влияют на всю дальнейшую жизнь человека: на формирование его характера, физического и психического здоровья, адаптации в обществе. Следовательно, лица, подвергшиеся насилию в детском и подростковом возрасте, довольно часто сами становятся агрессорами и совершают тяжкие преступления[3]. Таким образом, жестокость родителей порождает жестокость детей, образуя замкнутый круг.

2. Негативное влияние на психическое здоровье жертв. Подавляющее большинство женщин, которые стали жертвами насилия в семье, как следствие имеют признаки тревожно-фобических и посттравматических стрессовых расстройств, расстройств адаптации, а также другие нарушения психического здоровья. Почти треть женщин, которым были нанесены побои, страдают от долговременной депрессии; некоторые из них приобщаются к употреблению алкоголя и наркотиков.

3. Ухудшение демографической ситуации в стране. Медиками доказано, что довольно часто прямой причиной женского бесплодия, аборт, неспособности самостоятельно выносить и родить здорового ребенка, является семейно-бытовое насилие. Так, по некоторым неофициальным данным, около 35 % беременных женщин, которые попадают в больницы скорой медицинской помощи, находятся там в связи с получением телесных повреждений в семье.

4. Увеличение количества случаев проявления суицидального поведения среди женщин-жертв.

Как отмечается в научной литературе, те женщины, которые страдают от физического или психического насилия в семье, пытаются покончить жизнь самоубийством в пять раз чаще, чем женщины, которые не подвергаются какому-либо насилию[4]. При этом насилие в семье является одной из самых распространенных причин совершения женщинами самоубийств не только в России, но и в разных странах мира (от США до стран Африки и Южной Америки).

5. Причинение значительных материальных убытков, которые связаны с медицинским обслуживанием, психологической помощью, снижением производительности труда, вынужденными больничными и отпусками и тому подобное. Действительно, безработица, тяжелое психологическое состояние, семейно-бытовое насилие, дискриминация женщин обуславливают существенное снижение активности женского социума. Конечно, перечисленные обстоятельства – это далеко не полный перечень угрожающих последствий семейно-бытового насилия. Однако, даже их анализ позволяет сделать вывод о необходимости немедленной активизации всех сил государственных органов и общественных организаций в деле противодействия этому позорному явлению. Отметим, что в России проблемы насилия в семье на общегосударственном уровне длительное время практически не обсуждались. И лишь относительно недавно правозащитные общественные организации, в частности женские, стали инициаторами защиты жертв насилия и побудили государственные органы власти к формированию необходимой законодательной базы для расширения государственной системы защиты потерпевших от семейных агрессоров.

В то же время, несмотря на все позитивные шаги, проблема насилия в семье для нашего общества продолжает оставаться крайне актуальной. По нашему мнению, основными причинами такой ситуации являются:

- 1) несовершенный механизм правовой и социальной защиты пострадавших от семейного насилия;
- 2) отсутствие специализированных учреждений, которые оказывали бы психологическую и иную помощь пострадавшим;
- 3) низкий уровень специальной подготовки специалистов, которые работают в этой сфере;
- 4) неэффективность системы раннего выявления и профилактики случаев насильственного поведения в семье;
- 5) отсутствие эффективных целевых программ на государственном и региональном уровнях и тому подобное.

Изложенное свидетельствует о необходимости активизации научных исследований в этой сфере и разработки новых подходов к решению проблем, связанных с семейно-бытовым насилием.

При этом, по нашему мнению, наиболее эффективными могут быть такие меры, направленные

на совершенствование профилактики семейно-бытового насилия, как:

1. Содействие изменению общественного сознания и устаревших стереотипов. Самым главным препятствием в практике борьбы с семейно-бытовым насилием на сегодня является то, что подавляющее большинство женщин считает бытовые конфликты делом исключительно семейным, несмотря даже на признание их международным и российским законодательством серьезными нарушениями прав человека. Способствует сокрытию фактов семейно-бытового насилия недоверие женщин к правоохранительным органам, которые часто отказывают в регистрации обращений, формально подходят к их рассмотрению или ограничиваются наложением административных взысканий в виде штрафа, что только усложняет и без того напряженные семейные отношения. Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, существующая на сегодня практика реагирования на семейно-бытовые конфликты положительно не влияет на их динамику. Наоборот, она лишь усиливает агрессию и провоцирует совершение новых, более жестоких насильственных посягательств. Изложенное убедительно подтверждает насущную необходимость в формировании в обществе четкого стереотипа нетерпимости к семейному насилию, недопустимости сокрытия фактов его совершения.

2. Повышение уровня правовой осведомленности женщин о последствиях семейно-бытового насилия и порядок привлечения лиц, его совершающих, к ответственности. Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, подавляющее большинство женщин не знакомо с соответствующими нормами уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства. Женщины, которые стали жертвами или свидетелями семейного насилия не знают о существовании неправительственных общественных организаций и государственных органов, которые оказывают помощь в конфликтных ситуациях, не имеют их адресов и телефонов. В связи с этим, специальная виктимологическая профилактика семейно-бытового насилия должна предусматривать мероприятия, направленные на повышение правовых знаний населения; разработка и воплощение в жизнь учебных и информационных программ для семей, имеющих соответствующие проблемы; введение бесплатных курсов по конфликтологии; оказание своевременной психологической, консультативной и материальной помощи семьям, оказавшимся в кризисных ситуациях и прочее. Значительную роль в поддержании положительного имиджа семьи должны сыграть СМИ, в которых должен освещаться положительный опыт супружеских взаимоотношений, а также направления деятельности различных организаций, которые принимают активное участие в развитии семьи и проводят широкомасштабную информационную кампанию по популяризации семейного образа жизни.

3. Содействие доступности государственных услуг, которые могут и должны предоставляться

жертвам насилия в семье. Это, и создание специализированных учреждений – кризисных центров для жертв насилия в семье и центров медико-социальной реабилитации. Деятельность этих учреждений должна быть направлена на оказание комплексной психологической, юридической, информационно-консультативной, социально-медицинской и другой помощи, а также, в случае необходимости, предоставления временного убежища женщинам и детям, пострадавшим от насилия в семье или оказавшихся в кризисной ситуации.

4. Укрепление взаимодействия между органами и учреждениями, на которые возложено выполнение мероприятий, направленных на предупреждение насилия в семье. По нашему мнению, профилактика семейно-бытового насилия будет эффективной лишь при условии создания четкой межотраслевой модели координации и взаимодействия граждан с государственными и общественными организациями. На сегодня, как известно, основное бремя в этой сфере возложена на ОВД. Эффективность работы этих подразделений зависит, главным образом, от профессионализма их сотрудников, а также от их материального и технического обеспечения. В связи с этим, основной акцент реформирования правоохранительной системы должен быть смещен на формирование положительного имиджа сотрудника полиции, и повышению уровня доверия населения. По нашему мнению, решение этой задачи возможно благодаря: активному сотрудничеству сотрудников ОВД с населением и общественными организациями; предоставление консультативных услуг потерпевшим от семейного насилия; обеспечение бесперебойного функционирования «горячей телефонной линии» для жертв насилия в семье и прочее. Положительного результата можно ожидать также от введения специальных учебных программ по вопросам профилактики насилия в семье для работников ОВД, прокуратуры и суда.

5. Акцентировать внимание ОВД на работу с пострадавшими от насилия в семье. Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют, что на сегодня практика решения бытовых конфликтов правоохранительными органами сводится преимущественно к профилактическому воздействию на лиц, совершающих такое насилие. В то же время, жертвы семейного насилия, как и жертвы других правонарушений или преступлений, правоохранительные органы рассматривают исключительно как источник получения информации о преступниках (правонарушителях) и их противоправном поведении. Учитывая вышеизложенное, считаем, что сотрудники ОВД должны вести профилактический учет не только лиц, которые совершили насилие в семье, но и лиц, которые стали его жертвами. При этом под виктимолого-профилактической работой, по нашему мнению, необходимо понимать систему взаимосвязанных, организационно обеспеченных государственных, общественных и индивидуальных мероприятий, направленных на выявление потенциальных потерпевших от семейно-бытового насилия, предупреждению их опрометчивого, легкомысленного, провоцирую-

щего поведения путем устранения негативных виктимных склонностей, активизации защитных возможностей, выработки защитных механизмов, с целью снижения потенциальной виктимности, предотвращение повторной виктимизации и обеспечения эффективной защиты от семейно-бытового насилия. Указанное понятие должно найти свое отражение в Законе «О профилактике семейно-бытового насилия в РФ», который до настоящего времени не принят, хотя еще в ноябре 2017 года уполномоченный по правам человека в РФ Татьяна Москалькова заявила о необходимости закона против домашнего насилия.

6. Совершенствование практики привлечения к ответственности лиц, допускающих насилие в семейно-бытовой сфере. В январе 2017 года семейные побои из 116-й статьи Уголовного кодекса перевели в административный. Случаи, когда муж поднимает руку на жену, родитель – на ребенка, внук – на пожилых бабушку или дедушку, приравнивали к уличной потасовке. Обидчика штрафуют на пять тысяч рублей, и он не в самом благом расположении духа возвращается домой. Жертва теперь сама себе следователь и адвокат. Должна провести расследование по делу о своем избиении и нанять защитника для суда. Потому что государство этого делать не будет. Как свидетельствует практика, в отношении семейных агрессоров, прежде всего, применяется наказание в виде штрафа. По нашему мнению, такой подход является неоправданным. Во-первых, штраф – это наказание не столько для нарушителя, сколько для членов его семьи, ведь деньги на его уплату изымаются из семейного бюджета. Во-вторых, уплата штрафа негативно сказывается, прежде всего, на жертве бытового насилия, которая довольно часто находится в материальной зависимости от лица, которое совершает такое насилие, поскольку нивелирует любое желание женщин обращаться за помощью в компетентные органы. Таким образом, штрафные санкции не способствуют профилактике семейного насилия.

7. Усиление уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений одним членом семьи в отношении другого члена семьи. По данным ВЦИОМ, из опрошенных 1800 респондентов каждая четвертая женщина сталкивается с домашним насилием. Учитывая это, по нашему мнению, необходимо расширить государственную систему защиты пострадавших от насилия в семье путем обоснования необходимости усиления уголовной ответственности за насильственные преступления, совершаемые в семье. В связи с этим, предлагаем внести изменения в УК России, дополнив ч. 1 ст. 63 (Обстоятельства, отягчающие наказание) отдельным пунктом и изложить его в следующей редакции: «совершение насильственного преступления в отношении члена семьи». С целью надлежащего применения предлагаемой нормы необходимо дать ее толкование в соответствующем постановлении Пленума Верховного суда РФ. При этом, несмотря на то, что понятие «член семьи» не определен в УК России, а пункт 4 ст. 5 УПК

РФ раскрывает только понятие «близких родственников» (к которым относятся родители, жена, дети, родные братья и сестры, бабушка, внуки), Проект Закона РФ «О профилактике семейно-бытового насилия в РФ» четко определяет, что «членами семьи считаются, круг отношений между лицами, находящимися в брачно-семейных отношениях, родственных отношениях, отношениях свойства, либо имеющих общего ребенка (детей), лицами, проживающими совместно либо ранее проживавшими совместно в пределах индивидуального жилого дома, квартиры или иного жилого помещения и ведущими совместное хозяйство, а также между бывшими супругами, бывшими родственниками». Согласно ст. 1. Семейного кодекса России семья является первичной и основной ячейкой общества. Ее составляют лица, которые совместно проживают, связаны общим бытом, имеют взаимные права и обязанности. Семья создается на основании брака, кровного родства, усыновления, а также на других основаниях, не запрещенных законом и таких, что не противоречат моральным основам общества.

Исходя из приведенных дефиниций, можно сделать вывод, что к членам семьи относятся:

- а) супруги;
- б) родители (мать, отец) и ребенок (дети);
- в) братья и сестры;
- г) дедушка (бабушка) и внук (внучка);
- д) усыновители (усыновитель) и усыновленный (удочеренная);
- е) отчим (мачеха) и пасынок (падчерица).

Членами семьи также выступают фактическое супружество, попечитель и опекаемый, фактические воспитатели и воспитанники в случаях, когда эти лица совместно проживают, связаны общим бытом, имеют взаимные права и обязанности морального и материального характера. К членам семьи могут приравниваться и другие сообщества, если они образованы на основаниях не запрещенных законом, и таких, которые не противоречат моральным основам.

Усиление уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений одним членом семьи в отношении другого члена семьи, по нашему мнению, даст возможность сотрудникам правоохранительных органов более активно и действенно реагировать на систематические проявления такого насилия, применяя соответствующие уголовно-правовые и административно-правовые санкции. Кроме того, учет этих предложений на законодательном уровне усовершенствует механизм изъятия насильника из семьи на более длительный срок для проведения с ним необходимой профилактической работы. В конце концов, применения всех указанных выше мер поможет возродить национальные семейные ценности, сохранить репродуктивное здоровье, а также укрепить престиж здоровой и благополучной семьи, в которой нет места унижению и насилию.

Литература:

1. Российская криминологическая энциклопедия / Под ред. Долговой А.И. М. : НОРМА : ИНФРА М., 2000.
2. Криминология : учебник / Под. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА. 2008.
3. *Платонова Н.В.* Проблемы сексуального насилия в детском возрасте // Психиатрия: научно-практический журнал. 2007. № 2(26).
4. Криминология : учебник / Под ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : НОРМА. 2008.

Literature:

1. The Russian criminological encyclopedia / under the editorship of. Debt A.I. M. : NORM : INFRA M., 2000.
2. Criminology : the textbook / under. edition. A.I. Dolgova. 3rd prod., reslave. and additional M. : NORM, 2008.
3. *Platonova N.V.* Problems of sexual violence at children's age // Psychiatry: scientific and practical magazine. 2007. № 2(26).
4. Criminology: the textbook \under the editorship of. A.I. Dolgova. 3rd prod., reslave. and additional. M. : NORMA, 2008.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Алексеева Полина Александровна

магистр, кафедра экономики промышленности: учета, анализа и аудита, Институт инженерной экономики и гуманитарных наук, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
polina.alexeeva7@yandex.ru

Чайка Надежда Кирилловна

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики промышленности: учета, анализа и аудита, Институт инженерной экономики и гуманитарных наук, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
n.k.chaika@gmail.com

РАЗРАБОТКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА ПЕРСОНАЛА БАНКА

Аннотация. Успешная деятельность любой организации невозможна без всестороннего анализа трудовых показателей. Одним из важнейших направлений этого анализа является комплекс мероприятий по оценке эффективности труда отдельных работников компании. Авторы статьи подходят к решению этой задачи, вооруженные новым инструментом – системой ключевых показателей эффективности. Компания, стремящаяся быть успешной и эффективной, не может не заниматься вопросами мотивации персонала, так как без реализации программ по повышению эффективности труда очень сложно обеспечить рост конкурентоспособности организации.

Ключевые слова: Оценка эффективности труда, ключевые показатели эффективности, персонал банка.

В условиях рыночной экономики одним из определяющих факторов конкурентоспособности и эффективности компаний стало наличие человеческих ресурсов, способных профессионально решать поставленные перед ними задачи. В связи с этим успешная деятельность любой организации невозможна без всестороннего анализа трудовых показателей, позволяющего более точно оценить технико-экономический потенциал и определить резервы наиболее рационального использования персонала,

Polina A. Alekseeva

Master, Department of Industrial Economics: accounting, analysis and audit, Institute of engineering Economics and Humanities, Moscow Aviation Institute (National Research University)
polina.alexeeva7@yandex.ru

Nadegda K. Chaika

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Industrial Economics department: accounting, analysis and audit, Head of Industrial Economics department: accounting, analysis and audit, Institute of engineering Economics and Humanities, Moscow Aviation Institute (National Research University)
n.k.chaika@gmail.com

THE DEVELOPMENT OF BANK PERSONNEL WORK EFFICIENCY EVALUATION

Annotation. Successful activity of any organization is impossible without the comprehensive analysis of labor indicators. The most important analysis direction is the complex of actions for work efficiency assessment of certain workers. In the article we approach this task, armed with the new tool – the system of key performance indicators. The companies seeking to be successful and effective have to deal with personnel motivation issues as without implementation of programs for work efficiency increase it is very difficult to provide of organization competitiveness growth.

Keywords: Assessment of efficiency of work, key performance indicators, bank staff

совершенствовать организацию, условия труда и его оплату, найти пути нормализации социально-трудовых отношений в коллективе.

Одним из важнейших направлений этого анализа является комплекс мероприятий по оценке эффективности труда отдельных работников и всего персонала организации в целом, основная цель которых заключается в том, чтобы повысить эффективность и результативность деятельности компаний путем извлечения наиболь-

шей пользы и получения максимальной отдачи от деятельности персонала.

В настоящее время актуальным вопросом для службы управления персоналом компаний является построение такой системы оценки персонала, которая позволяет определить степень эффективности труда персонала.

Главной проблемой, с которой сталкиваются современные российские предприятия и организации – это повышение экономической эффективности труда персонала.

В самом общем смысле под эффективностью труда ученые понимают соотношение результатов труда и затрат труда на получение этих результатов. На сегодняшний день нет единого подхода к проблеме эффективности труда персонала, поэтому в своей работе мы подходим к решению этой задачи, применяя систему ключевых показателей эффективности, которая станет финансовой мотивационной составляющей.

В зависимости от потребностей компании будет динамически меняться система ключевых показателей эффективности. На практике существуют различные подходы к оценке эффективности

труда персонала. В частности, на Западе, да и в России, при оценке деятельности компаний и их работников часто используются известный метод «управления посредством целей» (Management By Objectives, MBO) в сочетании с практикой оценки работников ведущих организаций США и Западной Европы.

Основным документом при использовании системы оценки по ключевым показателям эффективности труда персонала является матрица KPI (рис. 1).

Система оценки по ключевым показателям эффективности в настоящее время находится в стадии разработки, поэтому базовые значения показателей для оценки персонала мы принимаем как равные 0.

Индекс качества услуги - отношение количества услуг, фактические показатели качества которых соответствуют утвержденным плановым значениям показателей качества обслуживания. Для оценки соответствия качества сервисных услуг пассажирам предлагается в режиме телефонного звонка оставить обратную связь о качестве предоставляемых услуг по заранее выбранной методике.

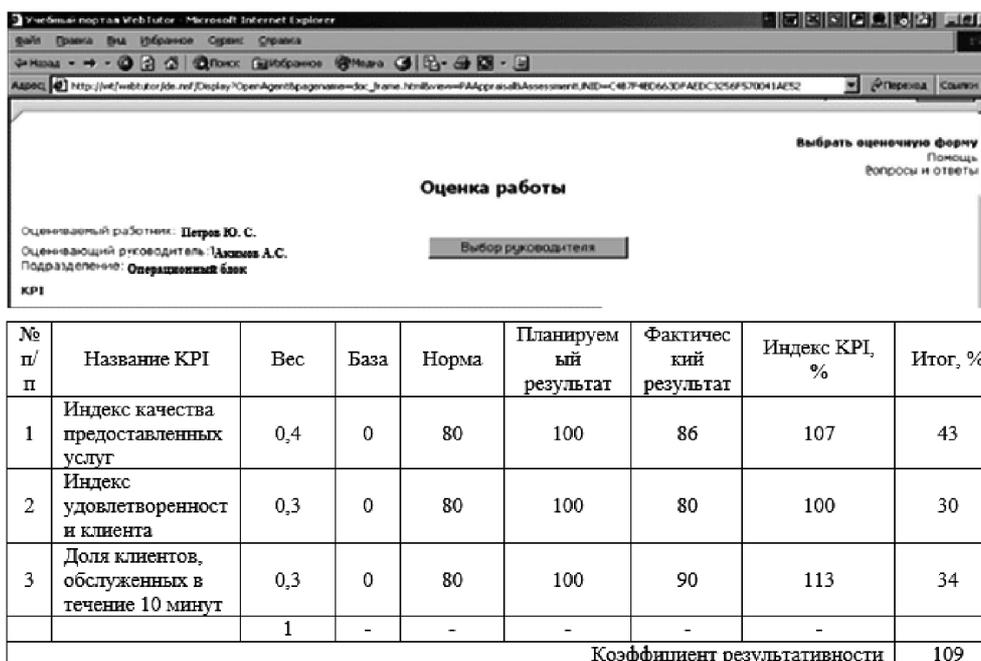

Рисунок 1 – Основной документ «Матрица KPI»

Индекс удовлетворенности клиента определяется на основе опросов и интервью с клиентами. Клиентам предлагается в режиме телефонного звонка оставить обратную связь о степени удовлетворенности предоставляемых услуг. На основании методики измерения индекса удовлетворенности клиентов составлен примерный перечень вопросов

Доля клиентов, обслуженных в течение 10 минут. Так как в настоящее время система оценки по KPI в банке находится в стадии разработки, в работе указано прогнозное значение.

По результатам оценки каждого показателя определяем рейтинг сотрудника банка. Коэффициент результативности – сумма произведений индекса KPI и весов показателей. Коэффициент результативности – эффективность деятельности, выраженная в процентах.

На основе KPI строится система оплаты труда: оклад устанавливается за выполнение должностных обязанностей (постоянная часть). Премия начисляется тем сотрудникам, у которых коэффициент результативности равен или выше 100 %.

Благодаря внедрению этого механизма – системы ключевых показателей эффективности, будет построена более прозрачная и менее субъективная система мотивации персонала. Будет понятно, почему тот или иной сотрудник компании за работу получил повышенный бонус. Система ключевых показателей эффективности призвана стать инструментом, который позволит достичь поставленных целей и повысить эффективность работы персонала. Таким образом, это позволит сотрудникам получить значительно большую

Литература:

1. *Новаторов Э.В.* Методика оценки качества услуг Журнал «Практический маркетинг». 2001. № 5. URL : <http://www.cfin.ru/press/practical/2001-10/02.shtml> (дата обращения: 22.03.2018).
2. Передовой опыт контактных центров. Ключевые мероприятия в индустрии контактных профессионалов. URL : <http://callcenterevent.ru/content/ccbps/2015/01-09-45.pdf> (дата обращения: 22.03.2018)
3. Антикризисное управление: теория и практика: учебник / Под ред. А.Н. Ряховской, С.Е. Кована. М. : КНОРУС, 2018. 378 с. (Бакалавриат и магистратура).
4. *Чайка Н.К.* Метод оценки уровня развития системы корпоративного управления / Н.К. Чайка, И.С. Гаврилова // Вестник МАИ. 2016. Т. 23. № 4. С. 218–224
5. *Алексеева П.А.* Анализ оценки результатов деятельности персонала / П.А. Алексеева, М.А. Федотова // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции. М. : Московский технологический университет, 2017. С. 15–20
6. *Алексеева П.А.* Совершенствование оценки результатов деятельности персонала Сборник тезисов докладов / П.А. Алексеева, О.В. Коновалова. М. : Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 2017. С. 1247–1248.

уверенность в том, что его заслуги будут оценены по достоинству, в том числе и с финансовой точки зрения.

Мотивация труда является важнейшим фактором результативности работы, влияющим на производственную деятельность.

Важно понимать, что система ключевых показателей – это про результаты; эта система призвана помогать добиваться их и улучшать.

Literature:

1. *Novatorov E.V.* Methods of assessing the quality of services Journal of Practical marketing. 2001. № 5. URL : <http://www.cfin.ru/press/practical/2001-10/02.shtml> (date of application: 22.03.2018).
2. Best practices of contact centers. Key events in the industry of contact professionals. URL : <http://callcenterevent.ru/content/ccbps/2015/01-09-45.pdf> (date of application: 22.03.2018).
3. Anti-crisis management: theory and practice : textbook / ed. A.N. Ryakhovskaya, S.E. Kovan. M. : KNORUS, 2018. 378 p. (Bachelor and master).
4. *Chayka N.K.* Method of evaluation of the level of development of corporate management system / N.K. Chayka, I.S. Gavrilova / Bulletin of the MAI. 2016. Vol. 23. № 4. P. 218–224
5. *Alekseeva P.A.* Analysis of personnel performance evaluation / P.A. Alekseeva, M.A. Fedotova // Modern research of human resources management problems Collection of scientific articles of the II International scientific-practical conference. M. : Moscow state technical University, 2017. S. 15–20
6. *Alekseeva P.A.* Improvement of the assessment of the performance of the personnel book of abstracts / P.A. Alekseeva, O.V. Konovalova. M. : Moscow aviation Institute (national research University), 2017. P. 1247–1248.

Дик Елена Владимировна

доцент, кандидат
экономических наук,
Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова
elenad@aem-audit.ru

Elena V. Dick

Associate Professor, Candidate
of economic Sciences,
Plekhanov Russian University
of Economics
elenad@aem-audit.ru

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО САМОРЕГУЛИРУЕМОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

FEATURES OF FINANCIAL REGULATION INSURANCE SUPERVISION AND SUPERVISION OF SELF-REGULATORY ORGANIZATION IN THE FINANCIAL MARKET

Аннотация. Актуальность темы статьи заключается в том, что в настоящее время произошли существенные изменения в страховом законодательстве РФ, повлекшие за собой становление института саморегулирования на отечественном страховом рынке наряду с существующим государственным страховым контролем и надзором.

Ключевые слова: инструмент саморегулирования, саморегулируемая организация на финансовом рынке, саморегулирование страховой деятельности, Банк России, Общероссийская саморегулируемая организация.

Проблема осуществления саморегулирования в отношении субъектов страхового дела появилась с момента ее определения в Стратегии развития страховой деятельности до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1293-р. С 3 марта 2014 г. все решения Совета директоров Банка России по урегулированию, организации контроля и надзора в сфере финансовых рынков были переданы его отдельным структурным подразделениям. Однако до вступления в законную силу решения о передаче полномочий в сфере финансовых рынков Банк России стал проявлять активность в отношении саморегулируемых организаций для усиления своего влияния как контрольно-надзорного органа, поэтому 13 июля 2015 г. был принят Федеральный закон № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» (в ред. от 28 декабря 2017 г. № 292-ФЗ), следствием чего стало включение новых правовых положений в отдельные нормативно-правовые акты, в т.ч. в Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (в ред. от 26 июля 2017 г. № 205-ФЗ), в котором имеется новое положение, касающееся опреде-

Annotation. The relevance of a subject of article is that now there were essential changes in the insurance legislation of the Russian Federation which caused formation of institute of self-regulation in domestic insurance market along with the existing state insurance control and supervision.

Keywords: instrument of self-regulation, self-regulatory organization in the financial market, self-regulation of insurance activity, Bank of Russia, The Nationwide self-regulatory organization.

ления саморегулируемой организации на финансовом рынке. Так, под саморегулируемой организацией на финансовом рынке понимается некоммерческая организация, создающаяся в форме ассоциации (союза) в определенных целях, основанная на членстве и объединяющая юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – СРО).

Саморегулирование страховой деятельности, в общем, представляет собой процесс координации и регламентации всего страхового рынка ее профессиональными участниками в соответствии с законодательством РФ. В случае если на финансовом рынке присутствует СРО, то страховые организации, страховые брокеры, а также общества взаимного страхования обязаны вступать в данную организацию в порядке и сроки, определяемые законом. В настоящее время деятельность СРО имеет противоречивый статус, т.к., с одной стороны, СРО является некоммерческой организацией (добровольным объединением) и регулируется нормами гражданского права, с другой стороны - это часть публично-правового регулирования в отношении финансовых организаций, которые, как справедливо отмечает Е.Ю. Грачева, с помощью финансов мо-

гут реализовать саморегулирование [1, с. 59–76], следовательно, СРО наделяется регулятивной функцией [2, с. 235–236], поэтому регламентируется нормами финансового права.

Необходимо отметить, что в апреле 2016 г. Правительством РФ был принят и утвержден план мероприятий («дорожная карта»), который направлен на совершенствование контроля и надзора, в т.ч. страховой деятельности, путем передачи части контрольно-надзорных полномочий СРО. Как справедливо отмечает Л.М. Сенькина (директор по аналитической работе Российского союза автостраховщиков), СРО всегда должна рассматриваться как часть государственного страхового контроля и надзора в Российской Федерации. Следовательно, данные СРО наделяются полномочиями и компетенцией в сфере осуществления негосударственного финансового контроля за субъектами страхового дела наряду с государственным финансовым контролем, реализуемым Банком России, а также Минфином России.

Действительно, саморегулирование как инструмент правового воздействия позволяет устанавливать определенные стандарты и правила ведения деятельности внутри СРО. Благодаря саморегулированию оказывается влияние на нормотворчество и политику СРО. Однако Банком России делается определенная оговорка, согласно которой СРО могут осуществлять контрольно-надзорные полномочия только в случае их передачи Банком России. Кроме того, процесс передачи полномочий, а также порядок и основания их прекращения устанавливаются Центральным банком РФ. В соответствии с упомянутым Законом надзор за СРО осуществляется Банком России, к полномочиям которого можно отнести установление обязательных требований для приобретения статуса СРО, а также для разработки базовых и внутренних стандартов, проведение проверок в отношении СРО в случае выявления нарушений законодательства, получение от СРО определенной информации и документов, а также финансовой отчетности, применение мер финансово-правовой ответственности и многие другие полномочия.

Литература:

1. *Грачева Е.Ю.* Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы / Отв. ред. Е.Ю. Грачева. М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2013. 384 с.
2. *Семилютин Н.Г.* Российский рынок финансовых услуг: формирование правовой модели. М. : Волтерс Клувер, 2005. 318 с.
3. *Болтинова О.В.* К вопросу о государственном финансовом контроле в Российской Федерации // Финансовое право и управление. 2013. № 2. С. 39–45.

Необходимо отметить, что в настоящее время объединениями субъектов страхового дела учреждена Общероссийская саморегулируемая организация страховщиков, которая создана на базе Всероссийского союза страховщиков. Все страховые компании обязаны были присоединиться к данной организации в течение 180 дней после ее учреждения, т.е. до июня 2017 г., однако, «упустив» такое членство, их деятельность на страховом рынке была прекращена путем отзыва лицензии Банком России, исключения из соответствующего реестра, а также ликвидации такой организации. При этом все страховые организации, являющиеся членами союза до преобразования, стали членами СРО «автоматически», а новые участники объединения прошли процедуру включения в состав организации, как это было сделано с АО «Российская национальная перестраховочная компания», а также ООО «Страховая компания «Кайрос». По состоянию на 22 февраля 2018 г. СРО состоят 238 страховых и перестраховочных организаций. Необходимо также дополнить, что в компетенцию Общероссийской саморегулируемой организации страховщиков входят разработка и принятие базовых и внутренних стандартов, необходимых для осуществления контроля в отношении всех страховых организаций, реализация функций по ведению реестра, рассмотрение обращений граждан и другие полномочия.

Как справедливо отмечает О.В. Болтинова, в настоящее время происходит расширение границ финансового контроля [3, с. 40]. Такому расширению способствует включение саморегулирования страховой деятельности, саморегулирования аудиторской деятельности [1, с. 327–339], а также иных категорий в данный публично-правовой инструмент.

Подводя итог, следует отметить, что страховой контроль и надзор, осуществляемый СРО, может стать результативным в силу заинтересованности в улучшении эффективности деятельности субъектов страхового дела путем оказания органам государственной власти и Банку России содействия в стандартизации предоставляемых услуг, а также в осуществлении страхового контроля и надзора за субъектами страхового дела.

Literature:

1. *Gracheva E.Yu.* Legal Regulation of Financial Control in the Russian Federation: Problems and Prospects: monograph / ed. by E.Yu. Gracheva. M. : NORMA, INFRA-M, 2013. 384 p.
2. *Semilyutina N.G.* Russian Financial Service Market: the Formation of the Legal Model. M. : Publishing house: Volters Kluver, 2005. 318 p.
3. *Boltinova O.V.* To the Question of the State Financial Control in the Russian Federation // The Financial law and management. 2013. № 2. P. 39–45.

Остапчук Татьяна Владимировна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета,
Российский государственный
аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева
buzonik@mail.ru

Шилова Татьяна Николаевна
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета,
Российский государственный
аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева
titan2009@bk.ru

Мырксина Юлия Александровна
доцент кафедры бухгалтерского учета,
Российский государственный
аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева
uliyam86@yandex.ru

ВЕДЕНИЕ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В ОРГАНИЗАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ ИНСОРСИНГА

Аннотация. В представленной статье рассматривается понятие инсорсинга и возможность ведения бухгалтерского учета и формирования отчетности организаций одной группы компаний с помощью внедрения инсорсинга бухгалтерской деятельности, как современной формы централизации бухгалтерского учета; особенности построения такой формы организации учетных работ в различных типах организаций, а именно в организациях холдингового типа, обособленных подразделениях, выделенных на отдельный баланс, дочерних и зависимых организациях; раскрывается значение и порядок применения должностных инструкций в бухгалтерской деятельности; указываются основные преимущества и недостатки применения инсорсинга в бухгалтерском учете и риски, возникающие при его использовании.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, аутсорсинг, инсорсинг, учетный аппарат, бухгалтерская служба, холдинг, риски, отчетность.

Инсорсинг – это создание собственных автономных структурных единиц (компаний), оказывающих специализированные услуги, как подразделениям предприятия, так и внешним контрагентам. Целесообразность создания модели инсорсинга в компании в первую очередь

Tatyana V. Ostapchuk
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Accounting,
The Russian state agricultural university –
MSHA of K.A. Timiryazev
buzonik@mail.ru

Tatyana N. Shilova
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of accounting,
The Russian state agricultural university –
MSHA of K.A. Timiryazev
titan2009@bk.ru

Yulia A. Myrksina
Associate Professor of Accounting,
The Russian state agricultural university –
MSHA of K.A. Timiryazev
uliyam86@yandex.ru

ACCOUNTING IN THE ORGANIZATION THROUGH INSOURCING

Annotation. The article deals with the concept of insourcing and the possibility of accounting and reporting organizations of one group of companies through the introduction of insoring accounting activities as a modern form of centralization of accounting; features of the construction of this form of organization of accounting work in different types of organizations, namely in organizations of holding type, separate units allocated to a separate balance sheet, subsidiaries and dependent organizations; the value and the order of application of job descriptions in accounting activity is revealed; the main advantages and shortcomings of application of insourcing in accounting and the risks arising at its use are specified.

Keywords: accounting, outsourcing, insourcing, accounting apparatus, accounting service, holding, risks, reporting.

должна быть обусловлена оптимизацией ресурсов, затрачиваемых на поддерживающие внутри сервисные службы. С другой стороны, его целесообразность связана с необходимостью и возможностью таким образом повысить качество искомого внутреннего сервиса.

Основной целью инсорсинга бухгалтерии является централизация ведения бухгалтерского и налогового учета и составления отчетности. В отечественной практике ведения бухгалтерского учета принято различать две формы организации учетной службы: – децентрализованную и централизованную.

При децентрализации учета учетный аппарат рассредоточен по отдельным производственным подразделениям организации, где осуществляется синтетический и аналитический учет, составляются балансы и отчетность подразделений. Главная бухгалтерия в этом случае составляет сводный баланс и отчеты по организации, а также осуществляет контроль за постановкой учета на отдельных участках организации. При такой форме организации основные функции учета и внутреннего аудита выполняют бухгалтерии структурных подразделений организации.

При централизации учета учетный аппарат организации сосредоточен в главной бухгалтерии, и в ней осуществляется весь синтетический и аналитический учет на основании первичных и сводных документов, поступающих из отдельных подразделений организации. В самих подразделениях ведется лишь первичная регистрация хозяйственных операций. Практика показала, что централизация учета обеспечивает более действенное руководство и контроль со стороны главного бухгалтера, позволяет целесообразнее распределять труд между работниками учета, эффективно использовать компьютерную технику.

Инсорсинг в области бухгалтерского учета преследует цель повышения качества учета и отчетности в крупных организациях и холдингах, благодаря чему обеспечивается точность и своевременность всех видов подготавливаемой финансовой и управленческой отчетности, а также соблюдение корпоративных стандартов учета и отчетности, требований бухгалтерского, налогового законодательства.

Для начала внедрения модели инсорсинга необходимо выделить в организации те процессы, которые повторяются в разных подразделениях и которые можно централизовать. В сфере учетной деятельности это: ведение бухгалтерского, налогового учета, составление бухгалтерской и налоговой отчетности; текущий контроль финансово-хозяйственной деятельности; проведение инвентаризации активов и обязательств, финансовое консультирование и организация сделок по привлечению заемного финансирования, разработка нормативных актов, регулирующих порядок ведения бухгалтерского и налогового учета [3].

При инсорсинге, также как и при других способах ведения бухгалтерского учета, должен быть сформирован необходимый пакет локальных документов, который обеспечит организацию эффективной и рациональной бухгалтерской службы, и решение задач, которые ставит перед ней действующее законодательство по бухгал-

терскому учету, а именно формирование документированной систематизированной информации об объектах учета и составление на ее основе бухгалтерской (финансовой) отчетности [1].

Правильная организация работы учетного аппарата во многом зависит от того, насколько точно определены правовое положение, административная и функциональная подчиненность подразделения, что должно быть регламентировано Положением о бухгалтерии. Положение разрабатывается главным бухгалтером (руководителем учетной службы) совместно с коллективом бухгалтерии, согласуется со всеми главными специалистами (службами) и утверждается руководителем организации.

Учетная работа аппарата бухгалтерии во многом зависит от правильной расстановки и использования ее работников, четкого выполнения ими своих обязанностей. Обязанности работников бухгалтерии конкретизируются путем разработки должностных инструкций. Должностная инструкция четко определяет и закрепляет конкретные обязанности, права и персональную ответственность каждого работника бухгалтерии. Должностные инструкции дают возможность объективно оценивать результаты работы каждого исполнителя и всего коллектива бухгалтерии, материально и морально стимулировать работников, обоснованно применять меры дисциплинарного воздействия за невыполнение возложенных на них обязанностей. Особенности применения инсорсинга в организациях различного типа представлены в таблице

В целом внедрение инсорсинга позволит решить ряд и других проблем характерных для учета в крупных организациях, например:

– при инсорсинге отпадает необходимость согласований между бухгалтериями разных подразделений (организаций), что исключает излишний бюрократизм при оформлении расчетов между двумя офисами и сложности с формированием консолидированной отчетности. Для составления консолидированной отчетности необходимо собрать и проверить большое количество разрозненной информации от всех структур. В такой ситуации большое число ответственных лиц и различных локальных стандартов приводит к лишним издержкам и потере времени.

– при передаче бухгалтерских функций на инсорсинг руководитель бизнес - подразделения может сосредоточиться на текущем руководстве, а не на контроле внутренней службы.

– при инсорсинге риски существенно ниже по сравнению с аутсорсингом, особенно риск потери репутации, риск утраты конфиденциальности и риск снижения оперативности учета [2].

В заключении следует отметить, что для инсорсинга в бухгалтерской деятельности характерны не только преимущества, но и недостатки к которым относятся дороговизна модели, а также целесообразность внедрения только для организаций крупного бизнеса.

Особенности инсорсинга учета в различных организациях

Тип	Преимущества и особенности инсорсинга
Организация-Холдинг	– вынесение стандартизированных учетных функций для достижения положительного экономического эффекта; – оптимизации учетной политики различных структурных подразделений входящих в холдинговую компанию; – обеспечение комплексного подхода к составлению консолидированной отчетности группы; – услуги, оказываемые для дочерней организации как структурного подразделения холдинга, будут охватывать как текущий учет, формирование единой учетной политики для обособленных подразделений
Дочерние организации	– основным преимуществом в осуществлении инсорсинга учета зависимого общества будет являться получение информации о деятельности контролируемой организации; – услуги, оказываемые для дочерней организации как структурного подразделения холдинга, будут охватывать как текущий учет, формирование единой учетной политики для обособленных подразделений
Обособленные подразделения	– если подразделение выделено на отдельный баланс, то отпадает необходимость найма дополнительного учетного персонала – обеспечивается различия в учете филиала и представительства: филиал географически отдален от головного офиса и создает конечный продукт для потребителя, а представительство расположен вне головного офиса и создают и поддерживают инфраструктуру для продаж, дистрибуцию.

Литература:

1. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант плюс». URL : Компания «Консультант Плюс».

2. *Шилова Т.Н.* Риски при аутсорсинге бухгалтерских услуг // Информационное обеспечение экономической безопасности: проблемы и направления развития: Материалы международной научно-практической конференции (17–18 апреля 2017 г.) / Под ред. Н.Н. Карзаевой, Ю.Н. Каткова. М. : ООО «Научный консультант» 2017. С. 111–116.

3. *Остапчук Т.В.* Реализация обязанности осуществления внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни через инвентаризацию (на примере выращивания овощей в закрытом грунте) // Информационное обеспечение экономической безопасности: проблемы и направления развития: Материалы международной научно-практической конференции (17–18 апреля 2017 г.) / Под ред. Н.Н. Карзаевой, Ю.Н. Каткова. М. : ООО «Научный консультант» 2017. С. 266–270.

Literature:

1. Federal Law «On Accounting» dated 06.12.2011 № 402-FZ // Reference and Legal System «Consultant Plus». URL : Company «Consultant Plus».

2. *Shilova T.N.* Risks in the outsourcing of accounting services // Information security of economic security: problems and directions of development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (April 17–18, 2017) / Ed. N.N. Karzaeva, Yu.N. Katkov. M. : Scientific consultant LLC. 2017. P. 111–116.

3. *Ostapchuk T.V.* Realization of the obligation to carry out internal control over the facts of economic life through inventory (on the example of growing vegetables in a closed ground) // Information support of economic security: problems and directions of development: Materials of the international scientific and practical conference (April 17–18, 2017) year) / Ed. N.N. Karzaeva, Yu.N. Katkov. M. : Scientific consultant LLC. 2017. P. 266–270.

Прошина Нина Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра бухгалтерского учета,
Российский государственный
аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева
veto4ka-1@yandex.ru

Ливанова Римма Вениаминовна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра бухгалтерского учета,
Российский государственный
аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева
livanova@rgau-msha.ru

Коржавина Татьяна Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра бухгалтерского учета,
Российский государственный
аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева
tkorzhavina@rgau-msha.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ФОРМИРОВАНИЯ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ
СТОИМОСТИ ИМПОРТНЫХ
ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ**

■ ■ ■
Аннотация. Российские организации зачастую сталкиваются с вопросом правильного формирования первоначальной стоимости приобретенных импортных основных средств. Данный вопрос относится к числу наиболее сложных проблем, связанных с внешнеэкономической деятельностью, что и предопределило тему данной статьи. Для решения указанной проблемы разработаны и рекомендованы дополнительные счета учета затрат на формирования первоначальной стоимости импортного основного средства. Представлена корреспонденция счетов с применением разработанных счетов и субсчетов при импорте основного средства. Разработано определение импортных операций, с целью углубленного понятия всей сферы импорта.

Ключевые слова: импорт, импортное основное средство, первоначальная стоимость, бухгалтерский учет, внешнеторговая деятельность.

■ ■ ■
В связи с трансформацией экономических отношений в нашей стране значительное развитие получила внешнеэкономическая деятельность, одним из элементов которой являются импортные операции.

Nina A. Proshina

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
department accounting,
The Russian state agricultural university –
MSHA of K.A. Timiryazev
veto4ka-1@yandex.ru

Rimma V. Livanova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
department accounting,
The Russian state agricultural university –
MSHA of K.A. Timiryazev
livanova@rgau-msha.ru

Tatyana Yu. Korzhavina

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, department accounting,
The Russian state agricultural university –
MSHA of K.A. Timiryazev
tkorzhavina@rgau-msha.ru

**IMPROVING
THE FORMATION
OF THE INITIAL COST
OF IMPORTED FIXED ASSETS**

■ ■ ■
Annotation. Russian organizations often face the question of the correct formation of the initial cost of imported fixed assets. This issue is one of the most difficult problems associated with foreign economic activity, which predetermined the topic of this article. To solve this problem, additional cost accounting accounts for the formation of the initial cost of the imported fixed asset have been developed and recommended. The correspondence of accounts with the use of developed accounts and sub-accounts when importing fixed assets is presented. The definition of import operations is developed for the purpose of in-depth concept of the whole sphere of import.

Keywords: import, import fixed asset, initial cost, accounting, foreign trade activity.

■ ■ ■
Развитие внешнеторговых связей России, интеграция в мировую экономику и либерализация законодательства в области государственного регулирования внешнеторговой деятельности позволили многим организациям участвовать в международном экономическом сотрудничестве.

Импортные операции как объект бухгалтерского учета представляют собой хозяйственные операции, оформленные прямым или посредническим внешнеторговым договором под соответствующим таможенным режимом, заключающиеся в ввозе на таможенную территорию РФ товаров (работ, услуг) с переходом на них права собственности без обязательства об обратном вывозе, с целью дальнейшего потребления и использования, а также во взаимодействии с таможенными, налоговыми органами по документальному оформлению и выплате пошлин, сборов, налогов.

Данные операции должны быть правильно оформлены и приняты к бухгалтерскому учету, поскольку внешнеэкономическая деятельность оказывает значительное влияние на экономические и политические интересы государства.

Проблема организации бухгалтерского учета, импортных операций затронута в научных работах многих экономистов-исследователей.

Малецкая И.П. затронула вопрос организации информационной базы анализа импортных операций, выявила систему показателей, характеризующих импорт материально-производственных запасов (МПЗ) и его эффективность, уточнила состав затрат, связанных с приобретением импортных МПЗ и факторов, влияющих на их изменение, разработала методику анализа финансовых результатов и показателей эффективности продаж импортных товаров в разрезе контрактов, предложила методику анализа влияния факторов на показатели эффективности использования в производстве материалов, приобретаемых по импортным контрактам [2].

Демина И.Д. в своих исследованиях предлагают методику организации внутреннего контроля за учетом импортных операций, но не освещают вопросы организации учета данных операций [1, с. 50].

При организации импортных операций для каждого отдельного вида товаров, выполненных работ, оказанных услуг существуют свои специфика и необходимость владения специальными навыками и компетентной информацией.

Одним из основных видов импортных операция является покупка иностранного оборудования, т.е. импортного основного средства. Важное значение при учете импортных операций имеет правильное определение себестоимости импортного товара.

В соответствии с п. 2 ПБУ 6/01 в первоначальная стоимость основных средств, приобретенных за плату включает в себя все фактические затраты на приобретение за исключением НДС и других возмещаемых налогов [3].

К фактическим затратам на приобретение импортных основных средств следует отнести цену импортного договора, таможенные пошлины и сборы, доставку, консультационные услуги, работы по монтажу и т.д.

Основным этапом организации технического процесса учета формирования первоначальной стоимости импортных основных средств, является разработка рабочего плана счетов бухгалтерского учета. Рабочий план счетов должен содержать синтетические и аналитические счета, необходимые для ведения бухгалтерского учета импортных операций в соответствии с требованиями своевременности и полноты учета и отчетности.

Для правильного формирования себестоимости импортного основного средства, в целях бухгалтерского учета целесообразно в рабочем плане счетов организации выделить отдельные синтетические счета: 06 «Импортные внеоборотные активы» и 13 «Импортные оборотные активы».

Счет 06 «Импортные внеоборотные активы» будет предназначен для обобщения информации о затратах организации связанных с импортом внеоборотных активов, которые впоследствии будут приняты к бухгалтерскому учету в качестве основных средств или нематериальных активов. На данном счете рекомендуем открытие субсчета в соответствие с перечисленными внеоборотными средствами:

06-1 «Приобретение объектов основных средств» учитываются затраты по приобретению импортных оборудования, машин, инструмента, инвентаря и других объектов основных средств, не требующих монтажа;

06-2 «Приобретение нематериальных активов» учитываются затраты по импорту нематериальных активов.

В целях внешнего контроля за движением ввозимых импортных товаров рекомендуем на счете 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками» открыть следующие субсчета: 1 «Оплата после совершения операции», 2 «Авансы выданные». Внутри данных субсчетов открыть аналитические счета первого порядка: 1 «Отечественные» – для расчетов с поставщиками и подрядчиками, являющимися резидентами РФ; 2 «Импортные» -- для расчетов с поставщиками и подрядчиками, не являющимися резидентами РФ.

Для аналитического учета и отражения в стоимости импортного товара сумм транспортных расходов, таможенных пошлин и таможенных сборов на счете 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» предлагаем открыть следующие субсчета: 76-10 «Расчеты по транспортным перевозкам», 76-11 «Расчеты с таможенной по таможенной пошлине», 76-12 «Расчеты с таможенной по таможенным сборам».

На счете 76-10 «Расчеты по транспортным перевозкам» будут учитываться суммы задолженности, которые необходимо уплатить за доставку импортного товара транспортом. Начисленные суммы задолженности считаем возможным отражать по кредиту счета 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» в корреспонденции с субсчетами счетов формирования импортной стоимости. Суммы уплаченных денеж-

ных средств рекомендуем отражать по дебету счета 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» со счетами учета денежных средств. На счете 76-11 «Расчеты с таможенной по таможенной пошлине» предлагаем учитывать суммы таможенных пошлин, которые необходимо уплатить при ввозе импортного товара. Начисленные суммы таможенной пошлины отражаются по кредиту счета 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» в корреспонденциях с субсчетами счетов формирования импортной стоимости. Суммы уплаченных таможенных пошлин отражаются по дебету счета 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» со счетами учета денежных средств.

На счете 76-12 «Расчеты с таможенной по таможенным сборам» рекомендуем учитывать суммы таможенных сборов, которые необходимо уплатить таможенным брокерам. Начисленные суммы таможенных сборов целесообразно отра-

жать по кредиту счета 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» в корреспонденциях с субсчетами счетов формирования импортной стоимости. Суммы уплаченных таможенных сборов отражаются по дебету счета 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» со счетами учета денежных средств.

Формирование фактической стоимости импортного оборудования на счетах бухгалтерского учета представлено в таблице 1.

Разработанные нами предложения по совершенствованию аналитического и синтетического учета формирования первоначальной стоимости импортных основных средств позволяют обеспечить систематизацию отражения их на счетах бухгалтерского учета, надлежащий контроль за правильностью формирования стоимости импортных товаров в соответствии с которой данные товары будут отражены в бухгалтерской балансе организации.

Таблица 1

Бухгалтерские записи учета фактической стоимости импортного основного средства (проект)

№	Содержание хозяйственной операции	Корреспонденция счетов	
		Дебет	Кредит
1	Начислен НДС согласно грузовой таможенной декларации	19	68
2	Перечислен НДС при ввозе сеялок	68	51
3	Отражена контрактная стоимость сеялок	06-1-1	60-1-2-1
4	НДС принят к вычету	68	19
5	Списана стоимость таможенных сборов	06-1-1	76-12
6	Оплачены таможенные сборы	76-12	51
7	Списаны затраты на транспортировку	06-1-1	76-10
8	Оплачены затраты на транспортировку	76-10	51
9	Приняты к учету сеялки	01	06-1-1

Литература:

1. Демина И.Д. Теория и методология контроля внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов : дис. ... д-ра. экон. наук: 08.00.12. СПб., 2008. 330 с.
2. Малецкая И.П. Анализ экспортно-импортных операций коммерческих организаций : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.12. СПб., 2005. 130 с.
3. Положение по бухгалтерскому учету «Учет основных средств» ПБУ 6/01, утвержденное приказом Министерства финансов РФ от 30 марта 2001г. № 26н (ред. от 27.11.2006).

Literature:

1. Demina Irina Dmitriyevna. Theory and methodology of control of foreign economic activity of economic entities: dis. Dr. Econ. Sciences: 08.00.12. SPb., 2008. 330 p.
2. Maletskaya I.P. Analysis of export-import operations of commercial organizations: dis. ... kand. Econ. Sciences: 08.00.12. SPb., 2005. 130 p.
3. Regulation on accounting «Accounting of fixed assets» PBU 6/01, approved by order of the Ministry of Finance of the Russian Federation of March 30, 2001. № 26n (ed. from 27.11.2006).

Пугачева Наталья Петровна

кандидат философских наук, доцент,
Пензенский государственный
аграрный университет
fil.ist.in@pgau.ru

Самойлова Ирина Викторовна

кандидат исторических наук, доцент,
Пензенский государственный
аграрный университет
fil.ist.in@pgau.ru

Мавлюдов Ильдар Наильевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии,
истории и иностранных языков,
Пензенский государственный
аграрный университет
fil.ist.in@pgau.ru

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПЕНЗЕНСКОГО ЗЕМСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ «ВЕСТНИКА
ПЕНЗЕНСКОГО ЗЕМСТВА»)**

■ ■ ■
Аннотация. В статье анализируется просветительская и социально-экономическая деятельность Пензенского земства. Основное внимание уделяется вопросам модернизации и поддержки сельского хозяйства. Представлены статистические данные, приведены конкретные факты, свидетельствующие об активной позиции местного самоуправления. Читателю представлены материалы популярного печатного органа начала XX века – «Вестника Пензенского земства». Социально-экономическая ситуация в Пензенской губернии оценивается в сравнении с общероссийской.

Ключевые слова: земство, местное самоуправление, Пензенская губерния, сельское хозяйство, агрономическая помощь населению, «Вестник Пензенского земства», агрономическая служба, земская реформа.

■ ■ ■
Выборные органы местного самоуправления – земства – были введены в Российской империи земской реформой 1864 г. и упразднены после Октябрьской революции. К 1914 г. земства существовали в 43 губерниях Европейской России. За более чем полвека существования земского движения в России возникла развитая инфраструктура, были построены дороги, связав-

Natalya P. Pugacheva

Candidate of Philosophy,
Associate Professor,
Penza State Agrarian University
fil.ist.in@pgau.ru

Irina V. Samoylova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Penza State Agrarian University
fil.ist.in@pgau.ru

Ildar N. Mavludov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Department of Philosophy,
History and Foreign Languages,
Penza State Agrarian University
fil.ist.in@pgau.ru

**SOCIO-ECONOMIC
ACTIVITIES OF PENZA ZEMSTVO
(ON MATERIALS
«THE BULLETIN
OF THE PENZA ZEMSTVO»)**

■ ■ ■
Annotation. The article analyzes the educational and socio-economic activities of the Penza Zemstvo. The main attention is paid to the modernization and support of agriculture. Statistical data are presented, the concrete facts testifying to an active position of local government are given. The reader presents the materials of the popular magazine of the early XX century – «Bulletin of the Penza Zemstvo». The socio-economic situation in the Penza province is estimated in comparison with the all-Russian.

Keywords: Zemstvo, local government, Penza province, agriculture, agronomic assistance to the population, «Bulletin of Penza Zemstvo», agronomic service, Zemstvo reform.

■ ■ ■
шие отдаленные села. Почти в каждой деревне открылись школы, фельдшерские пункты или больницы. 1-я сессия губернского земского собрания в Пензенской губернии открылась 10 марта 1865 г., первым председателем земской управы был избран А.Н. Бекетов (1824–1898), исполнявший свои обязанности более 30 лет. На свои средства земство содержало более ста меди-

цинских учреждений, около 600 начальных школ, 123 библиотеки и несколько народных домов.

Уездные земства возглавляли известные люди Пензенской губернии: художник Л.М. Жемчужников был председателем Чембарского земского собрания и управы; философ и журналист Д.Н. Цертелев – председателем Спасского земского собрания. Деятельность органов местного самоуправления носила ярко выраженный общественный характер и была направлена на решение хозяйственно-экономических и культурных задач. Пензенское земство «практически полностью отвечало нуждам и запросам своего времени, несмотря на некоторые ошибки и недочеты в работе» [1].

В начале XX века Россия была типичной аграрной страной. Согласно данным интернационального агрономического института в Риме на 1909 г., по количеству производимой в среднем ежегодно пшеницы Европейская Россия занимала 2-е место, вслед за США (207, 3) [2]. Земства, созданные после крестьянской реформы 1861 г., принимали активное участие в решении вопросов, связанных с сельским хозяйством: создавались агрономические службы; распространяется агроспециализация, следствием которой стало возникновение с.-х. советов и бюро; оказывалась агропомощь хуторянам; коллегиально проектировались экспериментальные поля; активно внедрялись усовершенствования. «Пензенское губернское земство пыталось максимально приблизить с.-х. достижения к структуре местной экономики, передать инициативу организации полей сельским обществам» [3]. Работа земств способствовала развитию хозяйственной самостоятельности уездов, стимулировала крестьянскую инициативу. Показательно, что председатель Пензенской губернской земской управы в 1898-1907 гг. А.А. Атрыганьев был вице-президентом Общества сельского хозяйства Юго-Восточной России.

«Вестник Пензенского земства» издавался Пензенским губернским земством с мая 1910 по 1916 гг.: сначала ежемесячно, затем еженедельно. Тираж одного номера в 1910-11 гг. составлял 500 экз. (годовая подписка с пересылкой и доставкой – 2 руб.), в 1912–13 гг. – 2500, с 1914 г. – 2800 (годовая подписка – 1 руб.). В разное время редакторами были Л.Н. Кугушев и В.Н. Мансырев. Данный печатный орган был специализированным изданием: здесь печатались статистические данные, новости и рекомендации для земских деятелей. Многие публикации носили, тем не менее, описательный характер и сопровождалась философскими размышлениями, например: «Заметки агронома» В. Вартапяна («... свисток паровоза разбудит вековую умственную спячку глухих уголков Н.-Ломовского уезда, заставит самостоятельно мыслить тех, кто жили и живут одними традициями, и тем самым внесет больше человечности в стоячее болото провинциальной жизни») [4].

Статьи, посвященные состоянию сельского хозяйства, занимали значительную часть на страницах «Вестника» (с середины 1913 г. выпуски часто целиком освещали именно эти вопросы).

Состояние агрономического дела в Пензенской губернии к 1 января 1913 г. представлялось следующим образом: из 50 губерний Европейской России Пензенская занимала 26-е место по числу лиц агрономического персонала (126), а среди 8 ближайших губерний – 5-е место; по затратам в рублях на содержание персонала – 13-е и 1-е места. Итоговое положение Пензенской губернии в Европейской России оценивалось как среднее, а среди ближайших 8 губерний – одно из первых [5]. На оборудование и содержание 46 агрономических участков в 10 уездах земское собрание постановило выделить в 1914 г. 46359 руб., на мероприятия по улучшению животноводства 15407 руб. Участковым агрономам с высшим образованием устанавливалось вознаграждение в 2000 руб. в год, со средним – 1600 руб. в год.

10 января 1914 г. состоялась передача землеустроительной организации в Пензенском уезде в распоряжение уездного земства, число земских агрономических участков было увеличено до шести, чтобы приблизить агрономическую помощь к населению. Далее и в остальных уездах оказание такой помощи было целиком возложено на обязанности уездного земства [6].

В 1913 г. были организованы показательные поля во многих селах, расширена деятельность прокатных станций с отменой прокатной платы, были выделены средства на приобретение плуга для заболоченных лугов и семян трав и кормовой свеклы с поясняющими брошюрами (500 руб.). На садоводческие мероприятия, в том числе, открытие школьных садов, было выделено 200 руб. Активно велась просветительская работа (организовывались чтения, приобретались «волшебные фонари» с диапозитивами, издавались сельскохозяйственные календари). В 1914 г. были обследованы местности с сыпучими песками. Земская управа ходатайствовала перед собранием об отводе места для постройки постоянного выставочного павильона, об организации двух выставок: конской и сельскохозяйственной [7]. Деятельность сельскохозяйственных выставок в различных уездах была регулярной.

В хозяйство активно внедрялись передовые с.-х. машины. Сельскохозяйственный склад Пензенского губернского земства предлагал сноповязалки, жнеи, сенокосилки, конные грабли и дисковые бороны, молотильные машины, веялки, культиваторы, экстирпаторы, пропашники и окучники, рядовые и разбросные сеялки, однолемешные и многолемешные плуги и др.; принадлежности садоводства и молочного хозяйства. При покупке дорогостоящих машин выдавался кредит сроком на 2–3 года.

Земства активно пропагандировали научный подход к ведению сельского хозяйства и всячески распространяли агрономические знания среди населения. Агрономические чтения устраивались даже для переселенцев в Сибирь во время следования поездов в особых вагонах-аудиториях. Так, 10 января 1914 г. состоялось открытие месячных сельскохозяйственных курсов, организуемых Пензенским губернским земством на совместные средства уездного и губернского земств и Департамента Земледелия. После

окончания курсов проводились четырехдневные чтения по садоводству и огородничеству. Курсы были бесплатными, курсисты получали квартиру и содержание, закончившим обучение возмещались расходы по проезду по железной дороге в оба конца. На курсы прибыли 33 крестьянина из 7 волостей Пензенского уезда. Программа включала общую часть (сведения о климате, почвах и жизни растений), разделы общего земледелия (сведения об обработке почвы, удобрении ее навозом и минеральными удобрениями, семенах и посеве, сельскохозяйственных машинах и орудиях), частного земледелия (агротехника различных культур), ветеринарии и зоотехнии. Проводились практические занятия по сборке-разборке и установке земледельческих орудий. Лекции читались пятью земскими агрономами, ветеринарным врачом и инструктором по садоводству и огородничеству. Проводились чтения-беседы на организационно-экономические темы, в том числе, по вопросам кредитования [8].

Департаментом Земледелия было ассигновано 535 рублей на «устройство» в 1914 г. курсов по пчеловодству [9]. Практика пчеловодческих курсов была популярной. В «Вестнике» неоднократно печатались объявления об их начале. Курсистам было выдано от трех до семи рублей на содержание, в зависимости от местожительства. По итогам курсов проводились итоговые испыта-

ния, и курсистам, успешно их выдержавшим, бесплатно выдавались пчеловодные принадлежности, руководства по пчеловодству и по одному рамочному улью [10].

В губернии проводились съезды садоводов, собиравшие не одну сотню участников, где активно обсуждались сорта яблонь, их урожайность и доходность. Сообщение о съезде садоводов в третьем номере «Вестника Пензенского земства» за 1914 г. было сделано С.К. Бадигиным – отцом знаменитого К.С. Бадигина – исследователя Арктики [11]. Еще одним активным земским деятелем был Н.Р. Евграфов – брат К.Р. Евграфова. Плодовый питомник наследников Н.Р. Евграфова (в с. Кривозерье) был удостоен золотой медали на с.-х. выставке в г. Пензе в 1907 г. и активно производил посадочный материал различных сортов плодовых, ягодных и декоративных культур [12].

Итак, мы видим огромное внимание в начале XX в. как государства, так и местных выборных органов – земств – к проблемам аграрного сектора. Несомненным достижением дореволюционной России стало активное внедрение передовых технологий в сельское хозяйство и повышение грамотности населения в вопросах ведения сельского хозяйства.

Литература:

1. *Питерова А.Ю.* Пензенская губернская печать о деятельности земства в период с 1864 по 1917 гг. Пенза., 2005.
2. Вестник Пензенского земства. 1911. № 6. С. 90–91.
3. *Полосин С.Н.* Социально-экономическая деятельность земских учреждений Пензенского края в 1865–1917 гг. Пенза, 1999.
4. Вестник Пензенского земства. 1911. № 6. С. 54.
5. Вестник Пензенского земства. 1914. С. 115–116.
6. Вестник Пензенского земства. 1914. С. 83–85.
7. Вестник Пензенского земства. 1914. С. 94–98.
8. Вестник Пензенского земства. 1914. С. 109–111.
9. Вестник Пензенского земства. 1914. С. 127.
10. Вестник Пензенского земства. 1911. № 4. С. 104.
11. Вестник Пензенского земства. 1914. С. 116–117.
12. Вестник Пензенского земства. 1911. № 4. С. 109.

Literature:

1. *Piterova A.Yu.* Penza provincial press about activity of Zemstvo in the period from 1864 to 1917. Penza, 2005.
2. Bulletin of the Penza Zemstvo. 1911. June. № 6. P. 90–91.
3. *Polosin S.N.* Socio-economic activities of Zemstvo institutions of the Penza region 1865–1917. Penza, 1999.
4. Bulletin of the Penza Zemstvo. 1911. № 6. P. 54.
5. Bulletin of the Penza Zemstvo. 1914. № 3. P. 115–116.
6. Bulletin of the Penza Zemstvo. 1914. № 3. P. 83–85.
7. Bulletin of the Penza Zemstvo. 1914. № 3. P. 94–98.
8. Bulletin of the Penza Zemstvo. 1914. № 3. P. 109–111.
9. Bulletin of the Penza Zemstvo. 1914. № 3. P. 127.
10. Bulletin of the Penza Zemstvo. 1911. № 4. P. 104.
11. Bulletin of the Penza Zemstvo. 1914. № 3. P. 116–117.
12. Bulletin of the Penza Zemstvo. 1911. № 4. P. 109.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 17.09.2018
Подписано в печать 21.09.2018
Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 1
Печать riso. Уч.-изд. л. 9,8
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 15

e-mail: [id.yug2016@gmail.com](mailto: id.yug2016@gmail.com)